

№ 4(46).2021

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

2015 г.

Союзное государство

Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.

2016 г.

2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.

Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.

Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Ноябрь 2021 № 4 (46)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов – председатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Елена Груцкая – поэт
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Римма Лютая – поэт, прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк
Алексей Полубота – секретарь Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев – член Союза писателей России
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Наталья Советная – член Союза писателей России
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 17 ноября 2021 года. Тираж: 80 экз. Заказ № 5456

Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала. Подписка на журнал обязательна.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега дискуссий	
Сергей Емельянов. Русская идея и американская мечта	4
Проза	
Сергей Бережной. Кофе по-сирийски. <i>Рассказы</i>	7
Геннадий Гусаченко. Слуги Люцифера. <i>Роман (Начало. Продолжение в следующем номере)</i>	20
Яков Шафран. Из жизни хищных и травоядных. <i>Притчи</i>	50
Галина Капецкая. Сказочная орнитология	54
Владимир Шеменев. Я – осёл, на котором Господин мой въехал в Иерусалим. <i>Главы из романа</i> ..	60
Виктор Кустов. Заглянуть в завтра. <i>Рассказ</i>	82
Поэзия	
Сергей Пахомов. Запахло морем и грозой... <i>Стихи</i>	92
Василий Мишенёв. Посветлели весенние дали.. <i>Стихи</i>	96
Михаил Попов. Господи, мой Боже... <i>Стихи</i>	99
Вадим Новожилов. Я проиграл. <i>Поэма</i>	102
Станислав Федотов. Эпоха перемен. <i>Стихи</i>	104
Алексей Грибанков. Русичи. <i>Стихи</i>	107
Берега юбилеев	
Людмила Банцорова. <i>Стихи</i>	109
Андрей Новиков. «Время думать о великом...» <i>Стихи.</i> К 60-летию	111
Берега памяти	
Владимир Подлuzский. Магия свежей красоты. О книге А. Лобанова «Небесные колокольчики» ..	113
Берега Новороссии	
Лидия Довыденко. Купринские чтения. Саур-могила. Донецк-2021	119
Берега Крыма	
Александр Дидуленко. Прикосновение к тайне Максимилиана Волошина	127
Берега культуры и искусства	
Сергей Шулаков. Живи, твори и будь здоров. Грани литературного творчества артиста Николая Бурляева	137
Геннадий Сазонов. Золотая нить через века. Как в древнем Торжке уберегли от разора уникальный промысел	145
Берега прочтения	
Людмила Воробьёва «Лишь бы не было войны!» <i>О книге Натальи Советной «Затаённое слово»: повести, рассказы, очерки (Минск, 2021).</i>	151
Елена Крюкова. Духовное странствие. Журнал «Берега», № 3(45)-2021	175
Валерий Старжинский. Духовное странствие как культуротворчество.	183
Русский мир без границ	
Берега Литвы	
Эляна Суодене. Из книги «Поэма о Борисе Пастернаке»	186
Берега Латвии	
Николай Романенко. Из цикла «Остановиться, оглянуться...» <i>Стихи</i>	188
Берега Австралии	
Елена Лебедева. Вдали от России. Судьба Ксении Мейснер	190
Берега Черногории	
Наталья Джурович. Эта память мне счастьем и есть... <i>Стихи</i>	193
Бережок	
Светлана Савицкая. Красный рождественский сарафан. <i>Притчи и сказки</i>	195
Наши друзья	
О приобретении и подписке на журнал	203

Берега дискуссий

Сергей Емельянов

Сергей Алексеевич Емельянов – доктор философских наук, член Петровской академии наук и искусств, руководитель рабочей группы «Культурная политика» Российского творческого Союза работников культуры.

Русская идея и американская мечта

Россия есть страна непредсказуемого прошлого и с большим трудом обсуждаемого будущего. В настоящее окаянное время философия успеха и феномен богатства как главные составляющие американской мечты становятся привычным ответом на вопрос о смысле человеческого существования. О «Великой американской мечте» мы слышим часто: есть великая страна Америка, где всякий может стать президентом или воротилой большого бизнеса. Американская мечта является функционалом жизни Соединённых Штатов.

Практически во всех катехизисах по «философии успеха» и «учебниках быстрого счастья» отмечается, что мысль материальна и всегда предшествует материальному успеху. Поэтому индивидуум, возжелавший реализовать VIP-цель стать богатым, не должен бояться и сомневаться. Жизненно необходимо заниматься бизнес-тренингами и обязательно достигать своей заветной мечты. Следует быть упёрто-настойчивым и делать всё возможное уже сегодня. Со временем реальность не выдержит непрерывного натиска и в доме устойчиво поселится счастье. Из самых психотерапевтических, умных и гибких формируется высшее общество.

В мире сосуществуют как идеи о самопожертвовании во имя человечества, так и подробности жизни утопающих в роскоши миллиардеров. Но сущность социального идеала и тайна материального богатства остаются раскрытыми не полностью. В истории России были разные подходы к вопросу о приоритете духовного или материального, общественного или частного. В конечном итоге утилитарные интересы приносились в жертву духовному идеалу.

Христиане по достоинству оценили тезис о существовании вечных Идей мироздания и выдвинули нравственный эталон в «десяти заповедях». Вещество идеала «конструируется» из ценностно-осмысляемого материала реального бытия. Очевидно, что идеал, разрушающийся от времени или под воздействием конъюнктуры, не имеет права на существование. Бессмертие идеалу обеспечивает его принципиальная недостижимость.

Русские мыслители в исканиях совершенного социального устройства и правды разработали целостную мировоззренческую систему под названием «русская идея». Представители различных философско-политических дорог и направлений сходились во мнении, что России суждено великое будущее, а русскому народу – всемирное предназначение.

В белоснежных бантах русской идеи видели идеальную сущность, позволяющую постигнуть тайный замысел Творца-демиурга и подлинное бытие. Россия имеет во всемирной истории особую миссию, связанную с утверждением истинно христианского, православного начала. Она должна духовно преобразить мир светом своей святости и стать итогом земного пути христианства. Православие не может сделать человека эгоистом.

Весомо достойный вклад в осмысление «русской проблемы» внёс родоначальник славянского мессианизма киевский митрополит Илларион (XI в.). В начале XVI века псковский монах Филофей чутко ощущал направление геополитического ветра и выступил с учением «Москва – Третий Рим». В русской мессианской мысли данной «частной пропагандистской конструкции» принадлежит ключевое место.

Впервые термин «русская идея» использовал художник слова Ф. М. Достоевский. Силу России философ-писатель видел в русской «воле»: несмотря на все безобразия, в которых пребывал российский народ, он проявит высоту духа, когда придёт его час. Профессиональный сострадатель отмечал

в одной из ранних статей: «Мы видим, что русская нация – это не обыкновенное явление истории всего человечества. В русском народе выступает способность высоко синтетическая, способность всепримиримости, всечеловечности».

Согласно славянолюбу А. С. Хомякову, история человечества может быть рассмотрена из одного великого начала – народной веры и целостного «живознания». Заметно: русская идея выражала себя в принципах мессианизма и эсхатологизма. Эти определения образуют органическое единство, внешним выражением которого является трудно постижимая и «зигзагообразная» судьба России.

Если «Святая Русь» получила в наследство эллинскую идею Космоса, побуждающую к эстетическому осмыслению всеединства мира, то «Христианский мир» Западной Европы утвердился благодаря римской культуре, основанной на жёсткой структуре социума, праве и рационализации.

Соединённым Штатам немногим больше 200 лет. Потомки «отцов-основателей» – авантюристов, романтиков и искателей приключений – любят к месту (и не к месту) употреблять словосочетание «American Dream» – Американская Мечта. Данный термин обозначает определённый уровень материального достатка. Политика в США делается персонажами с карикатур «Крокодила» – яйцеголовыми толстяками с сигарой в зубах и 100-долларовой купюрой в каждом глазу.

Однако есть у этого слогана и другое значение со знаменитой квинтэссенцией «self-made man» – «человек, который сделал себя сам». Это легенда о «Настоящем американце», начавшем с нуля (или «минуса») и достигшем запредельных высот успеха. Как Генри Форд, Авраам Линкольн, Франклин Рузвельт, Билл Гейтс и множество других. В основании звёздно-полосатой Мечты лежит представление об Америке как стране неограниченных возможностей. А если и ограниченных, то только внутренними интенциями индивида и его способностью воспользоваться свободой, за которой он, собственно, и отправлялся в Новый Свет. Согласно Джеку Лондону, на жестоком жизненном поприще побеждали сильные и обветренные мужчины. Мечта – это идеал на основе сил, а не ограничений.

Отцы-основатели США были масонами. Название города Филадельфия в переводе с греческого языка означает «город братской любви». Данный населённый пункт задумывался как эпицентр братства. Б. Франклин хотел сделать деньги религией, а Филадельфию – столицей мира.

Один из основоположников советской космонавтики и академик Б. В. Раушенбах был религиозным человеком и говорил: «Я в Штатах жить не хочу, потому что там не было Средневековья».

Элементы капиталистического духа были свойственны американской душе ещё в тот период, когда этому духу не соответствовало никакого хозяйственного «тела». Рождение американской мечты парадоксально – данная разновидность социальной мифологии возникла не в самой Америке, а в Европе, откуда была «трансплантирована» в Новый Свет. Первичные ингредиенты североамериканской цивилизации имели разные географические, расово-этнические истоки. Америка существовала задолго до её открытия. С самых ранних дней западной цивилизации гиперактивные граждане мечтали о потерянном Рае, Золотом веке и материальном изобилии. С первыми сведениями о Новом Свете возникло ощущение превращения данной мечты в географическую реальность.

«Переехав» в Новый Свет, европейская Утопия сменила «имя» и трансформировалась по сути. Она обрела черты общенационального мифа и социального архетипа. Сквозь толщу американского опыта прорастали массовые ожидания, представления и ориентации. Положение страны-изолята порождало представления об «исключительности» и «избранности» Америки, а значит, и превосходстве над другими странами и народами. Национальной религией стал либерализм в обыденно-практической форме «образа жизни».

Философия успеха и прагматизма базируется на традициях, которые возникли ещё среди первых переселенцев. Готовность помочь человеку добрым практическим советом сочеталась с немногословием и отсутствием морализаторства. Литература добрых советов также опирается не на абстрактные философские принципы или религиозные догмы, а на эмпирический опыт, понятный рядовому американцу. Можно сказать, что если русская идея обращается к сердцу и душе человека, то американская мечта – к его (рациональному) разуму.

Америка создала миф о себе и поверила в него. Носители Мечты смотрели на неё преимущественно как на стратегический бизнес-план и искали счастья прежде всего для себя. А для остальных – лишь в той степени, в какой это могло быть предпосылкой и условием их собственного счастья. Это создавало благоприятную среду для философии прагматизма («думай и богатей!»), которая истолковывала истину прежде всего с точки зрения практической полезности.

На протяжении линейной истории Америки ведущим нравственным принципом была протестантская этика. Однако изначальные идеи претерпели метаморфозу, и практическая философия протестантизма стала основой буржуазного прагматизма с его лозунгом: «Пусть погибнут наши тела, но мы накопим деньги, чтобы спасти наши души».

Кризис может быть не только Карибским. В период «Великой депрессии» иллюзиям национального успеха был нанесён нокаутирующий удар. Начались поиски новых решений. Громче стали слышны голоса моралистов, винивших людскую расточительность и исчезающее трудолюбие.

Вторая мировая война бросила вызов традициям индивидуализма и отразилась в новой политике Ф. Рузвельта с идеями коллективного спасения. Церебрально-колясочный Ф. Д. Рузвельт всегда утверждал, что жизнь богаче и шире любой догмы. Он совершил социальную революцию на пути борьбы с реальными проблемами и всегда гордился тем, что никогда не использовал насилия. Американский президент нашёл единственный «работающий» вариант общности с народом: он заявил, что разделяет его ценности и идеалы, но в то же время остаётся патрицием в сердце.

Уже к концу 50-х годов стало вполне очевидно, что «этика успеха» пуста, как разошедшаяся бочка. Тем не менее Америка стремилась любой ценой её сохранить. Это была последняя надежда – наполнить американскую жизнь смыслом, ибо нет ничего страшнее для нации, чем духовный вакуум и опустошённость. Этика успеха нашла своё отражение в литературе и была подхвачена такими пропагандистами, как Э. Карнеги, Д. Рокфеллер, Д. Карнеги, Н. Хилл и другими. Одним из «ответвлений» данной этики является психология личного мастерства («нейролингвистическое программирование»). В настоящее время много самоучителей «быстрого счастья» появилось и в России.

Большинство лауреатов Нобелевской премии представляют США. Многие номинанты получили образование в России. Титанический размах имеет «утечка мозгов» и интеллектуальная миграция учёных. В Соединённых Штатах они имеют более широкие возможности приложения своим умам и талантам. И несравнимо меньшее количество американских граждан эмигрировали из США в Россию. Непредсказуемое поведение российского социума в конце XX века – результат расширительной трактовки «философии успеха» и управляемости социальных процессов. «Крупный российский бизнес» не может стать выразителем национальных интересов и локомотивом «русского экономического чуда». Россия сотворена Творцом из иных, нежели Америка, материй и энергий. Она задумана как Родина Любви, Красоты и Добра. В результате насилия над ментальностью деформируются тонкие и чувствительные механизмы социальной памяти. Разрывается связь времён и поколений.

Наши патриоты Америку не уважают ввиду отсутствия между двумя мировыми державами настоящих горячих конфликтов. СССР и РФ ни разу не победили США. Американцы не умирают от любви к России по тем же причинам. Почему-то в глобальных военных переделках мы оказывались союзниками. Жрецы Америки предлагали молодым волкам капитализма и «дорогим россиянам» молиться на заокеанского идола. Однако по богомольной России катится огромная слеза несбывшихся надежд, а рыжих котов уже давно зовут Чубайсами. В настоящее время политика сводится преимущественно к сеансу гипноза и игре аффектами. В отличие от античного аристократа Перикла, который стал человеком народа, современные фейковые политики говорят об удвоении ВВП, цифровизации экономики и безопасности химического препарата «Новичок».

Сердце не научится любить, если устало ненавидеть. Главнейшая проблема современности – поиск траекторий российского Возрождения. Основания такой «технологии» лежат в идеально-национально-духовной сфере культуры, образования и воспитания.

Основной функционал культуры – художественная инсталляция идей, их совмещение с массовым сознанием и метаморфоза в материальную силу. Фольклорно-патриотическая песня тысячекратно эффективнее лекции о геополитике. Стержневая ценность – де-факто русский язык как «путное» средство межнационального общения.

Невозможное в социальной сфере всего лишь невероятно, а невероятное в принципе возможно. Это так в том числе и потому, что тактика имеет свойство самоорганизации при правильно выбранной стратегии. Одно и то же действие может быть тактическим или стратегическим. Денежную стратегию «философии успеха» следует превратить в тактику.

Римский клуб выдвинул тезис исключительной важности: социальная перспектива не может быть связана только с либерально-демократическими соблазнами. В который раз история учит, что процветание сопутствует народу, правители которого руководствуются высокими Идеалами. Наше спасение – в глубине, где далеко не каждый шаг является высшим.

Проза

Сергей Бережной

Сергей Александрович Бережной – прозаик, публицист, краевед. Лауреат Большой литературной премии, премий «Имперская культура», «Прохоровское поле», им. Генералиссимуса А. В. Суворова и др. Участник войн на постсоветском пространстве, в Сирии, на Донбассе.

Кофе по-сирийски¹

1.

Дарайя оставалась нашей козырной картой. Когда бои принимали вялый затяжной характер, мы переключались на другие участки, благо фронт проходил чуть ли не вокруг каждого города. Задыхался в осаде Дейр-эз-Зор, сражался разделённый надвое Алеппо, полыхали провинции вокруг больших городов, а малые защищались сами. Недели через две мы снова оказались в Дарайе – Марату вздумалось сделать репортаж.

В тот день нас отрезали от бригады за час до захода солнца. Надо было уходить раньше, как только за спиной зачистили скороговоркой автоматы в уже зачищенном квартале. Протискивавшийся следом за нами сквозь завалы камня, гнутой арматуры, разбитой и выброшенной мебели несуразный и угловатый полицейский броневичок вдруг засверкал бенгальским огнём от рикошета ударившей почти в упор пулемётной очереди, попятился и поспешил скрыться за углом дома.

– Кажется, влипли, – со злостью констатировал Вася Павлов и выругался, вбивая короткую очередь в окно второго этажа, где замелькали бородатые физиономии. – Повылазили, мать вашу за ногу.

– Мать? Почему мать? Чья мать? – живо интересуется Салах, услышав знакомое слово, так часто употребляемое этими странными русскими.

– Японская, – с видом знатока глубокомысленно нарезает слова на слоги Марат².

– Понимаешь, я-по-на мать твою за но-гу.

– Мама за ногу? – Совсем ошалев от сложнейшей конструкции этой идиомы, трясёт головой Салах и сокрушается: – Чья нога? Не понимаю.

Виктор-Джихад что-то быстро ему говорит, потом оборачивается к нам:

– Я сказал ему, что это игра слов, но мне кажется, Марат Мазитович, ваши шутки сейчас не совсем уместны.

Виктору-Джихаду явно не повезло с этими грубыми русскими. Даже профессор Мусин не блещет светскими манерами, что уж говорить об остальных. Он интеллигент, врач-офтальмолог, французский, английский, русский – в совершенстве. Университет в Ростове и Париже. Ходячая энциклопедия, знаток русских пословиц и поговорок на уровне учёного-филолога. Всегда только на «вы», невозмутимость в любой ситуации, хоть гранату рви за спиной – ни один мускул не дрогнет. А в глазах Марата пляшут бесенята, и он уже радостно потирает руки, представляя, какой будет материал. Просто бомба! Он проговаривает даже будущие заголовки вроде «Корреспонденты “ANNA NEWS” прорываются из окружения» или «Волонтёры сражаются в окружённой Дарайе». Однако никто не разделяет его идиотский восторг, а во взгляде Джихада сквозит укоризна. Чему радоваться? Профессор всё же, не шаловливый несмышлёныш, впору думать, как выбираться, а тут неуместный восторг. Бледность разливается по его смуглому лицу, отчего оно приобретает какой-то неестественный металлический оттенок космического пришельца. Или бледность мертвеца, но это кому как нравится.

¹ Описываемые события происходили в феврале 2013 года во время боёв в Дарайе.

² М. М. Мусин – руководитель агентства «АННА НЬЮС», доктор экономических наук, секретарь Союза писателей России, политолог, конспиролог и т. д.

Подполковник стриждёт прищуренным глазом дом напротив, втягивает голову в плечи, и его донкихотская борода метёт обильно припудренный кирпичной пылью «броник»¹. У него железные нервы и отменная реакция, он всегда рассудителен, мгновенно оценивает ситуацию и сейчас ему наверняка хочется огреть прикладом этого не к месту восторженного профессора.

По мне, так шуточки Марата – верх шалопайства, отвлекают, не дают сосредоточиться. К тому же забытая за день тупая боль вдруг стала вкручиваться в простреленную челюсть и ужасно захотелось домой. «Ну какого чёрта не сиделось дома и дёрнуло связаться с этим ненормальным профессором?»

Сирийцы сбиваются в кучу, о чём-то негромко переговариваются, не сводя глаз с окон и подъездов окружающих домов. Лишь невозмутимый Фираз с застывшей пять тысяч лет назад мимикой сфинкса никак не реагирует на противный смешок Марата.

Тихо спрашиваю у Джихада, о чём они говорят. Тот как-то отрешённо отвечает, что «крысы»² по подземным переходам проникли в тыл и отсекали нас от бригады. Придётся где-то переждать до утра.

Неожиданно сушит гортань, и голос противно сипит – мне до банальности просто становится страшно. Недобитый, недострелянный, недолеченный, валялся бы сейчас на базе, гонял бы телик, читал бы или писал, так нет же, понесло опять доказывать, что страх неведом, что супер-рэмбо, универсальный солдат, а у самого ноги подкашиваются.

Опасность не передаётся по проводам, она вдруг наваливается внезапно обвалившейся тишиной, и страх уже электризует воздух и глушит голос. И глядя на своих товарищей, ты начинаешь ощущать её по вжимающейся в плечи голове, по рыскающим взглядам, по сузившимся зрачкам, по ползущему к флажку предохранителя пальцу.

Так глупо влипнуть благодаря сумасшествию одного одержимого! Ещё полчаса назад мы бы могли спокойно выбраться отсюда, но ему, видите ли, захотелось съёмки на закате. Романтик, блин.

– Лыбишься? Паразит ты, Марат, дай только выбраться, порешу собственными руками, – хриплю ему в улыбающуюся физиономию и демонстративно лапаю кобуру.

Хохотунчик-профессор не унывает и держится бодрячком, обещая романтическую ночь на свежем воздухе. Его самообладанию, конечно, позавидуешь, но ночевать в развалинах мне совсем не хочется хотя бы из-за опасения застудить руку.

Шанс уйти упущен напрочь. Прорываться по узкой улочке – верх безумия, разберут на молекулы с подствольников и нашинкуют из автоматов. Конечно, утром разблокируют, сделают коридор, может, даже бээмпэшку³ подгонят, чтобы прикрыть выход «броней», но ведь до утра ещё дожить надо. Хорошо ещё, если оторвёмся от «бармалеев», найдём укромное местечко, затаимся, пересидим, переждём, а если нет? Б-р-р-р, даже думать не хочется. Третью ночь температура падала почти до нуля – зима всё-таки, но на этот раз спасает нудная морось, не давая свалиться градусу в минус. Не дождь вовсе, а так, недоразумение: сыплет из серого и скучного неба что-то мокрое, словно через сито просеянное, превращая белёсый слой из штукатурки, песчано-цементных блоков и белого пенобетона в муку перемолотых взрывами, в густую сметану, щедро разлитую по всей мостовой.

Мы бодро шлёпали по ней целый день, перебегая простреливаемые участки улиц, оскальзываясь, чертыхаясь и матерясь. Марат не унимается, противно хихикая и тыча пальцем в нашу обувь:

– Вам уже и белые тапочки выдали.

Наши брюки почти до колен заляпаны этой строительной мешаниной, что уж говорить о туфлях, кроссовках и берцах. Павлов огрызается, рыская взглядом вдоль улицы, сравнивая Марата с цирковым жеребцом в белых чулках. Чтобы окончательно добить профессора, намекаю я на его оттопыривающий «броник» живот и уточняю, что он не жеребец, а кобыла жеребая. Марат обиженно сопит и замолкает. Ага, зацепило, знаем, знаем твою ахиллесову пятю. Нет, мне совсем не жалко его самолюбие – мне жалко моих туфель, купленных всего пару месяцев назад и теперь имевших довольно босяцкий вид из-за сбитых носов и расцарапанной кожи.

Возвращаемся из только что отбитой у «шайтанов» части дома обратно в соседнее здание через широченный двор. Нас слишком мало – трое русских, наш переводчик Виктор-Джихад и дюжина спецназовцев из сто пятой бригады – полтора десятка сумасбродов в этих руинах Дарайи, кишашей

¹ «Броник» (слэнг) – бронезилет.

² «Шайтаны», «бармалеи», «бородатые», «духи», «крысы» и т. д. – прозвища игиловцев из Джебхат-ан-Нусра (отделение Аль-Каиды в Ливии и Сирии).

³ Бээмпэшка, бээмпэ – боевая машина пехоты, в данном случае БМП-2.

боевиками. Не хотелось бы стать сакральной жертвой этой войны – до конца не понятой, но густо замешанной на вселенской лжи, цинизме, алчности.

2.

Виктор-Джихад упрямо твердил, когда мы собирались «на выход», подгоняли «броники» и рассовывали магазины по карманам, что Дарайя – это сирийский Сталинград, где чуть ли не каждый дом – дом Павлова. Нет, не подполковника Павлова, хотя уже не один такой дом претендовал на его имя, а сталинградского сержанта Павлова.

В его голосе не было патетики, да и говорил он как-то буднично, даже слишком буднично и глухо, чтобы не верить, что всё пропущено через сердце, переплетено и связано болью в такую вязь, что места иным чувствам и не осталось.

– Пусть Сталинград, не спорю, но это не наш Сталинград и война не наша, – сопротивляется Андрюха, не отрывая взгляда от столешницы и нещадно дымя сигаретой, и неожиданно резко бросает: – Я уезжаю, всё, баста.

В общем-то, это ожидаемое. Третьи сутки без объяснения он не уходил с нами «на боевые», не встречал по возвращении, особо ни с кем не разговаривал, угрюмо и отрешённо курил. Он нормальный мужик, две Чечни размотал, протопал и прополз, здесь уже почти три месяца безвылазно, с десятком швов на голове. Нет, он не слабак. Просто так бывает. У каждого свой предел прочности. Это как усталость металла: вроде внешне всё нормально, а потом вдруг хрясть – и напополам.

У него двое крошек, камнем давящие долги, ноль перспектив с работой, невнятная жвачка нашей власти по войне в Сирии – то ли есть, то ли нет, а ему Джихад про Сталинград впаривает. Да он сам знает, что город уничтожен в хлам, но это не Сталинград. Таких Дарай по Сирии пруд пруди: возмут Алеппо или Дэйр-эз-Зор, Хаму или ту же Дарайю и всё, фенита ля комедия, принцип домино в действии, завалятся все фишки. А Сталинград он один был такой. Это та черта, за которую не переступить, через сердце черта, через мозг каждым осознанно проведённая.

У Андрея потрясающий фильм о Чечне. О предательстве власти. Он кожей почувствовал, что здесь и сейчас всё может закончиться тем же, и не хотел опять быть преданным. «Вы как хотите, ребята, а уже сыт по горло всем этим», – говорил его взгляд.

Я не осуждал его, хотя по закону больших чисел он был всё-таки не прав. Но это когда тебя в микроскоп не разглядеть, когда ты песчинка в мироздании, хотя ты тоже личность, тоже человек и тоже отчаянно хочешь жить, потому что у тебя есть обязательства не вообще перед страной, которая тебя даже не знает и, скорее всего, знать не хочет, а перед теми, кому ты нужен, у кого обрывается сердце при каждом телефонном звонке, кто жадно прилипает к экрану телика, когда диктор бесцветно-дежурным голосом что-то говорит о Сирии.

Андрей глубоко затягивается сигаретой, и пальцы мелко-мелко дрожат, а на скулах вверх-вниз ходят желваки. Он просто оправдывает себя, у него своя правда. Пусть малая, пусть понятная не всем, но всё же правда одного человека. Да он и не ищет союзников. Вот ведь как получается: у Марата своя, у Василия своя, я без правды, просто за компанию и по недоразумению. Позвал с собою Марат – и полетел, как будто по грибы или на рыбалку собрался. Фронтное волонтерское агентство «АННА НЬЮС» – звучит, тянет порохом, обещает адреналин, объединяет. Думал, что в сплав спаяет, да куда там, оно же и развело потом в разные стороны. Говорят, что космонавты, месяцы проведенные вместе на орбите, по возвращении стараются не встречаться – устали друг от друга до обрыдлости.

Это усталость, конечно, усталость – он просто устал от нас. Разные мы люди, характеры разные, только и общее, что ненормальные. За свой счёт прилететь в раздраемую войной страну, где нет фронта, флангов и тыла, где тебя могут подстрелить или взорвать каждую секунду в любом месте – разве это понять нормальному человеку с нормальной психикой? Выпрашивать разрешения у мухабарата¹ и политуправления армии участвовать в операциях спецназа, рискуя схлопотать пулю или осколок, взлететь на «растяжке»² или быть готовым рвануть чеку «эргэдэшки»³, чтобы не попасть в плен – и это нормальные? Искать и документировать своих сограждан среди «шайтанов», конеч-

¹ Служба безопасности.

² Противопехотное средство из подручных материалов – гранаты, самодельной мины и т.д., приводимое в боевое состояние в результате натяжения и выдёргивания чеки проволокой, натянутой через тропу и т.п.

³ Ручная граната РГД-5.

но, кому-то надо, но зачем отбирать хлебушек у спецслужб? Нащупать нерв сирийского общества, понять, чем оно дышит и с кем, – интересно и нужно, но опять-таки это занятие не для волонтеров. Сбор информации? Но мы же не разведка, хотя слышать, слушать и видеть никому не возбраняется. Тогда кто? Кустарщина какая-то, от которой Андрей просто устал.

Я не устану – просто не успею, потому что скоро придется возвращаться домой. И потом, это занятие по мне, и не потому, что щекочет нервы и адреналина взхлѐб, нет, просто здесь всё предельно ясно, всё искренно: враг – вот он, за улыбкой оскал не прячет, если друг – так друг до конца, и выше этой дружбы ничего быть не может. А дома жизнь пресная и размеренная: дом-работа, работа-дом, а ещё до тошноты приторная ложь во всѐм.

– Мы первые, кто ведѐт съѐмку непосредственно с линии огня, – высокопарно талдычит Марат и надувает щѐки.

Ну и что, что первые? Первые идиоты? Умные вторые воруют наши кадры, стирают логотип и гребут «зелѐные», посмеиваясь над первыми, а первые – простаки, работают даром, потому что так надо нашей стране. Почему? Потому что Россия в Сирии не воюет, а мы просто идейные отморозки, которых совсем не жалко, которых надо по мере возможности утилизировать. Мы не журналисты, мы волонтеры, мы стрингеры, мы опасные свидетели происходящего, поэтому ликвидировать нас – за счастье, поэтому на нас объявлена охота. Нас не защищают никакие законы, и, попади ты в плен – никто рта не откроет, ни МИД, ни журналисты. Поэтому на поясе пистолет, а в нагрудном кармане граната с привязанным шнуром, чтобы даже зубами можно было рвануть чеку.

Андрей первым сказал всё это вслух, хотя не должен был: решил уехать – езжай, вольному воля, а всё равно больно, словно резанули по живому. Видели, что крутит парня, ломает, поговорить бы с ним по-доброму, да не нашлось минутки. Теперь вот мы в Дарайю, откуда вообще шанс выбраться невелик, а он в аэропорт.

– Думал, что подстрахуешь сегодня второй камерой, – как-то растерянно обронил я и взглянул на Марата в надежде на поддержку, но тот отмолчался.

Мне по-настоящему жаль, что он уезжает. Мы не стали друзьями, он держался отчуждѐнно и вообще казался ощетинившимся ежом. Теперь понимаю, что это была защита. От кого и зачем? Да так, на всякий случай. Сказал бы, что неважно ежедневно, ежечасно и ежеминутно играть в рулетку, не зная, вернѐшься ли обратно или размажет тебя миной по мостовой Дарайи или Харасты, пригвоздит к стене автоматная очередь в Алеппо или Идлибе. Сказал бы, что, простите, мужики, не могу больше, выдохся. А так не по-людски как-то.

Было понятно, что он уходит навсегда из нашей жизни, а мы из его, что он бил вдребезги на мельчайшие осколки то, что так трепетно оберегалось, что он уже начал стирать нас из памяти, выковыривать по кусочкам, по крупинкам, чтобы никогда не возвращаться в это короткое прошлое, в этот последний день, когда мы ещё были вместе.

– Я уезжаю, – повторил он.

Больше мы с ним никогда не встречались. По возвращении домой он сменил номер телефона и оборвѐт все связи. Он больше не хотел жить прошлым. Он не хотел возвращаться на войну. Он не хотел, чтобы даже мы напоминали ему о ней. Но жизнь с чистого листа всё равно не начать.

Мы не обнялись на прощание, не пожелали ему хорошего полѐта, а он нам возвращения, и на душе остался осадок и предчувствие беды. Она витала в воздухе, она кристаллизировалась и должна была материализоваться – ну сколько можно крутить патрон в барабане револьвера? Ведь рано или поздно, но он войдѐт в патронник, а палец нажмѐт спуск... Но ведь не сегодня, правда?

Оказалось, сегодня.

3.

Сумерки стремительно ринулись захватывать дворы и улицы города, размазывая контуры домов. Точнее, не города, а то, что от него осталось – разложившийся труп с оскаленным черепом. Дарайя вовсе не город, а призрак – это когда вместо домов лишь их остовы с пустыми глазницами выбитых окон; улицы только угадываются и завалены горами битого кирпича; словно казнѐнные палачом деревья – обрубки с обугленными и израненными стволами с отсечѐнными ветвями. А вот людей нет. И птиц тоже нет. Даже крысы покинули Дарайю. Исчезла жизнь с тех пор, как на улицы города

пришла война. Сюр, жуткий пейзаж ядерной зимы без всего живого, который сотворило безумие человеческое своими руками.

На ночлег выбираем более-менее приличное фойе бывшего офиса – большущее помещение на первом этаже с разбитым витринным окном во всю стену, выходящим во двор, похожий на колодец в окружении разбитых многоэтажек, отсечённый справа от внешнего мира высоким бетонным забором. Не двор, а инсталляции из остовов разбитых и сгоревших машин, пары автобусов, скрученных в замысловатые спирали арматурин, гор щебня и битого камня – эдакий конструктивизм войны. Из окон третьего этажа дома напротив пламя корчило нам рожи и жадно облизывало стену. Шикарный кадр, только с освещением беда.

Быстро баррикадируем окно найденными мешками с цементом, оставив несколько бойниц. Дверной проём забираем наполовину всё теми же мешками и завешиваем каким-то полотнищем.

– Парочку бы мин вон под теми окнами да у подъезда, – мечтает с ноткой сожаления Вася Павлов и кивает на дом напротив. – Или растяжки.

Василий – профессиональный военный, бывший комбат, тактик и даже стратег. Безмерной храбрости и трезвости решений мужик, хотя порой прорывает на безрассудство: три танка самолично подбил, то ли ретивость выиграла, то ли кто пяточкой самолюбие прищемил. Но это в прошлой жизни на развалинах великой державы.

Вообще-то он не искушён в дипломатии, не знает полутонов и каждый раз, пробираясь сквозь проломы стен вдоль простреливаемых улиц, костерит сирийцев в Бога, душу, мать за их пофигизм и пренебрежение к элементарной безопасности. При каждом удобном случае и даже неудобном он собирает аскеров¹ вокруг себя и начинает нудить, чтобы вот здесь поставили пулемёт, там «занавесочку»² продёрнули, а через эту улицу в самый раз ползком. Сирийцы гордые, ползать под пулями не желают, максимум – перебежка пригнувшись, поэтому на все его советы согласно кивают, улыбаются и пожимают плечами: «на фига», отчего подполковник сатанеет и непочтительно поминает их сирийскую маму.

Потом они вытаскивают простреленного снайперами бойца, когда полуживого, когда уже нет, но верны себе: «штору» через улицу не провешивают, перебегают не пригибаясь.

Джихад давно уже перестал переводить шквал русского мата, вылетающего из уст подполковника со скоростью работающей «шилки»³, понимая всю бесперспективность обуздать лень своих соплеменников, сразу же выучивших ёмкое русское слово «на фига» с разными предложениями и окончаниями и отвечающих им на все предложения Павлова. Но сегодня он никого не учит: может, понял бесперспективность трудов своих внушить им что-то путное, может, просто устал.

Джихад задумчиво-тоскливым взглядом уставился на покалеченную одинокую оливу с расщеплённым стволом, прижимающуюся к бетонному забору. Наверное, очень уж невесёлые мысли занозили его голову, раз какая-то безучастность сквозит в каждой чётчке его вдруг осунувшегося лица.

– А лучше танковый батальон и полк пехоты, – ворчу я из вредности.

А что не ворчать? Имею право, когда гранат – только для самоподрыва, да и патронов с гулькин нос. В минуты опасности обостряются не только рецепторы периферической физиологической системы, именуемой органами чувств, молниеносно считывая внешнюю информацию и анализируя её, но и активничает «соображалка».

– Видишь эти жалюзи? – киваю на валяющиеся тут и там вдоль стен покорёженные металлические шторы. – Не хуже растяжек.

Растяжки, конечно, это хорошо, это решение проблемы, а вот грохот жести разрывает тишину ночи в клочья – проверено и запатентовано ещё на Кавказе. Собираем жалюзи и раскладываем под окнами и подъездами противоположного дома – ночью звук жести поднимет мёртвого. Сыплем сверху на всякий случай битое стекло – классика жанра, теперь любой, сунувшийся к нам, выдаст себя с головой.

– А что, уютненько и не дует, – философски замечает Вася Павлов, закончив фортификационную суету и умахиваясь в углу на листе фанеры.

Решаем дежурить по двое, так надёжнее, хотя ночью «бармалеи» вряд ли сунутся. Аббас, командир спецназовцев, предупреждает своих бойцов, чтобы «работали» только одиночными и только по

¹ Аскер, аскяр – солдат, воин.

² «Занавеска» – натянутая на веревку или проволоку ткань поперёк улицы для уменьшения обзора снайперов.

³ ЗСУ-23-4 – зенитная самоходная установка.

видимой цели. Предупреждение не лишнее, зная манеру сирийцев и не только палить очередями в белый свет. Слышны шелчки предохранителей, какая-то суета, и двое спецназовцев занимают место у бойниц.

– Тесбах ала кейр¹, – негромко всем желает Аббас.

Это звучит двусмысленно хотя бы потому, что никто спать не собирается, чтобы не обнаружить поутру свою голову у соседа под мышкой, но все соглашаются: хотелось бы ночи спокойной, без шумовых и пиротехнических эффектов.

– Иншааллах², – глубокомысленно изрекает Фираз и тянет взгляд к прокопченному потолку.

Фираз – это вообще песня, сирийская песня, тихо журчащая ручьём в расщелине где-нибудь в Зебедани или Сергайи. А ещё это скала, утёс в штормящем море. Он всегда невозмутим с намёком на улыбку и надёжен, как швейцарский банк. Хотя откуда мне знать надёжность банков? Фираз надёжен, как Фираз, и точка.

Он откуда-то приволок в решето прошитую осколками и пулями бочку – чем не буржуйка? Два кирпича вниз, сверху несколько арматурин – и вот тебе и поддувало, и колосники, топи – не хочу. Ему вообще никогда ничего не надо объяснять – два года войны в спецназе сделали из него универсального солдата. Пока ещё сумерки до конца не загустели, собираем доски, палки, обломки мебели – чем больше, тем лучше, ночь зимняя долгая. Впрочем, она не сулила ничего хорошего, и теплилась надежда, что «духи» не сунутся в эти израненные, ослепшие и онемевшие многоэтажки с проломленными стенами, сорванными дверями и выбитыми окнами. И всё же желание дожить хотя бы до рассвета перебороло извечное русское авось. Отблеск от горящих деревяшек разгоняет темень по углам комнаты, зато очерчивает круг приличного освещения: не иллюминация, конечно, но даже читать можно при желании, было бы что. Главное, не молчать, иначе каждый так нырнёт в свои мысли, что не сразу и выковыряешь оттуда. Надо нервы ослабить, отпустить, ишь, натянулись, аж звенят. Расслабляемся: Фираз мостится у «камина», Марат тащит спинку дивана – барин, без роскоши никак, умащивается на ней и с наслаждением потягивается, я подтаскиваю чудом сохранившееся кресло к «буржуйке» и плюхаюсь в него – какое счастье вот так откинуться на спинку и смежить веки! Увы, счастье где-то заплутало и вернулась боль, вкручиваясь в раненую руку раскалённым сверлом, а заодно и в простреленную челюсть.

Джихад снимает повязку с моей руки – синюшность расплзается от пальцев до локтя чернотой и пылает внутренним жаром. Не рука, а головешка, только ещё до конца не сторевшая. Он не хочет пугать, но понятно и так, что, если к утру не выберемся – гангрена обеспечена. Закатывает рукав, вгоняет антибиотик, но боль от укола не чувствуется, и это уже плохо. Перспектива остаться без руки, конечно, хреновая, но до утра ещё дожить надо. Вася Павлов старается поддержать и называет Рэмбо, но Марат пользуется случаем отомстить за жеребую кобылу:

– Не, Шварценеггер. Точнее, Шприцнеггер, только изрядно подсушенный.

Салах заботливо протягивает мне свою арафатку, чтобы закутал руку, но отказываюсь. Неловко как-то перед сирийцами слабость свою показывать: мы же русские, мы терпеливые.

4.

На смену сумеркам как-то незаметно пришла темень, вязкая и насыщенная. Сначала заползла в развалины, загустев в самых отдалённых закутках и закоулках, а затем побрела по улицам, окрашивая их в чёрное. Стоящий напротив дом размывает сначала в тёмное пятно, а потом и вовсе стирает, и лишь в окне третьего этажа всё ещё беснуется пламя, длинными языками наползая на остатки фасадной стены. Где-то южнее гулко бухали гаубицы, доносились глухие раскаты взрывов, напоминающие далёкую грозу, но ближе к полуночи всё стихло и навалилась какая-то давящая тишина. Бои ночью стихали, и тогда наваливалась тишина, пугающая своей таящейся неизвестностью и несущая опасность. Это у Джека Лондона белое безмолвие, а здесь – чёрное-пречёрное.

«Крысы» ночью «шарились» по подземным туннелям, подвозили на «тойотах» боеприпасы, подкрепления, вывозили раненых, а их ужасные землеройные машины с гидравлическими боковинами плотоядно вгрызались в грунт, проделывали новые проходы с выходами в нашем тылу. И вроде бы

¹ Спокойной ночи.

² На всё воля Аллаха.

освободили квартал, зачистили прилегающие улицы и дома, как вдруг из-под земли выныривали «бородатые» – и всё начиналось сначала. Небось, и сейчас шныряют по норам, тащат взрывчатку, сбиваются в стаи, чтобы вылезти в подвале какого-нибудь дома и ударить в спину. Может быть, ползут сейчас в ночи, крадутся, а мы здесь затихарились и ждём. Чего ждём? Хотя нет, эти дурацкие мысли – порождение ночных страхов. Всё нормально. Тишина библейская, лишь потрескивают полешки в «камине».

– А точно Сталинград, – ни с того ни с сего раздаётся голос Павлова.

Ага, знать, крепко занозил его душу Джихад, раз ночь эту и эти развалины ассоциирует со Сталинградом. Днём не задумывался, да и некогда: пока «сквозишь» по улочкам, дворам, этажам, думается о том, как бы не напороться на очередь или растяжку, а теперь вот на философию потянуло.

– Тогда это самый что ни на есть дом Павлова, – подхватывает Марат. – А что, неплохо звучит, а? Дом подполковника Павлова. Это сюжет, старик. Развалины, грохот, стелется дым, и в рост встаёт Василий, стреляя от бедра из автомата. Нет, лучше бросается с гранатой на «бармалеев» и с криком «За Асада!» рвёт кольцо. Взрыв, и на фоне пламени бегущая строка: «Так героически погиб фронтовой корреспондент “ANNA NEWS” подполковник Василий Павлов».

Вася лениво огрызается, что вот этого не дожждёмся.

– А дома сейчас, наверняка, метёт, морозец, и снежок капусткой квашеной под ногой хрустит. Что-то захотелось на лыжи встать и с горочки, да так, чтобы свист в ушах, – совсем некстати вслух размышлялся я, но лишь для того, чтобы эти два интеллектуала перестали собачиться.

– Свалить отсюда каждый рад, – подхватывает Марат. – Только «на лыжи» становиться желательно всей нашей сборной.

– Да нет, я про лыжи, про настоящие. Уж лет десять всё собираюсь покататься, а то снега нет, то ботинки не купил, то крепления.

– Так и я про то же. Ты только вслушайся: «олимпийский резерв Дарайи». Ну как, звучит? Это же именины сердца, это же бальзам на душу, – не унимается Марат.

– Бальзамчик – это душевно. В чайк бы пару ложек и с медком, а лучше с водочкой, – подхватывает подполковник.

Что ни говори, а сейчас лучшая терапия – трёп ни о чём.

С утра, что называется, маковой росинки во рту не было, но утроба треклятая молчит, понимая, что насытит её всё равно нечем. Целый день как сайгаки носились по улицам, ныряя в проломы стен, петляя по дворам, даже не думая о еде. Да, на войне даже физиология подчинена иным законам. Фираз подбрасывает в импровизированный камин обломки досок, и жёлто-красные блики пляшут по лицам. Зябко, но не от холода, а от поднимающегося жара – температура начинает шкалить. Последний антибиотик Джихад вколол пару часов назад, так что придётся терпеть. Безучастность и равнодушие пеленают сознание, но сдаваться всё-таки не хочется. Поднимаюсь, несколько раз приседаю и опять валюсь в кресло. Слабость начинает одолевать минут через десять, и снова встаю, повторяю всё сначала и вновь втискиваюсь в кресло. Только не спать, только не спать, только не спа... Усталость межит веки, отключает сознание, пальцы расслабляются, и автомат скользит по коленям к туфлям, густо покрытым уже подсохшей серой корочкой, но тычок в плечо возвращает в реальность. Это Марат беспардонно врывается в иллюзии дремоты.

– Не спать, хватай мешки, вокзал отходит.

Нет, всё-таки невоспитанный этот профессор, такой кайф бесцеремонно прервал. Вроде бы шутит, а в голосе весёлость-то фальшивая. Ага, герой, тебе тоже страшно? Тоже не по себе? Тоже жить хочется? А где же вечная бравада? Значит, и ты из того же теста, что и мы. Конечно, Марат прав на все сто. Со сна можно и своих положить, если, не приведи господи, начнётся заваруха. Или привидится какая-нибудь чертовщина, и ошалевший со сна воин начнёт палить вкруговую. Пока очухаешься, а палец уже курок надавит и лежащая на коленях «дура» начнёт гасить всё вокруг.

Поправляю автомат, отсоединяю магазин, передёргиваю затвор, контрольный спуск, флажок предохранителя на место, шарю по полу, нащупываю выпавший патрон, кладу в карман – на всякий случай, в бою можно и просчитаться, присоединяю магазин к автомату. Всё, теперь случайности исключены – в доли секунды, пока снимаешь с предохранителя, передёргиваешь затвор и нажимаешь на спуск – сознание успеет вернуться и взять мышцы под контроль.

Ловлю взгляд Салаха: ловко этот русский управляется одной рукой. И сразу же втягиваю живот и выпячиваю грудь. Чёрт возьми, а тщеславия-то у тебя, парень, оказывается, взхлёб. Ну-ну, покуражься, сорви пока аплодисменты, клоун, всё равно стрелять из этой тарактелки не придётся. Нет, давить на курок ума много не надо, а вот стрелять – это уже искусство, здесь одной руки мало. Показать тебе трюк с пистолетом, что ли? Это когда одной рукой перезаряжаешь, если другую обездвигили. Крутишь его в ладони, разворачиваешь, пальцами взводишь – и всё за несколько секунд. Это школа, Салах, этому учиться надо.

– Вьётся в тесной печурке огонь, на поленьях смола, как слеза, – начинает вполголоса Павлов.

Судьбу испытывать не стоит: на голос может и мина прилететь или очередь саккомпанировать, но поёт он душевно, поэтому никто не возражает.

Уже за полночь. Морось давно закончилась и накрывает сырой мглою. Всё-таки это лучше, чем минус – в этой резиденции без окон, без дверей вмиг околеешь. Впрочем, совсем и не холодно даже, так, градусов на десять тянет, а возле нашего камина и вовсе Сочи. Три дня назад в пустыне под утро даже изморозь на металл легла, а сейчас лафа. Тогда промёрзли как цуцики, дрожь была как припадочных, отрывая от песка и подбрасывая вверх, а сейчас в общем-то тепло. Кофейку бы...

Фираз словно мысли прочитал: роется в кармане куртки, выбирает зёрна кофе, раскладывает их на крышке от стола и прикладом растирает в порошок. Впрочем, совсем не порошок, а так, грубый помол. Потом берёт консервную банку из-под сока, смахивает туда ладонью коричневые крошки, заливает водой и приспособливает на решёточку над бочкой. Через минуту тонкий аромат растекается по помещению. Он снимает с огня банку и ставит её на кирпичи, давая осесть пене, опять возвращает на огонь. Аромат всё гуще и уже не обволакивает, а щекочет ноздри, забираясь в подкорку мозга.

Он пододвигает берцем кирпич и ставит на него банку с кофе, давая немного остыть, затем сминает край жестянки в носик и протягивает мне. Я старше всех, к тому же успел получить «снайперский презент», поэтому к заморскому аксакалу особое почтение. И всё-таки пытаюсь безуспешно передать банку Виктору.

– Пейте, пейте, вам это необходимо, – назидательно и требовательно настаивает он негромко и тут же шёпотом добавляет: – Так нельзя, обидите Фираза.

Втягиваю в рот сложенными в трубочку губами пахучую коричневую жидкость и делаю глоток – мелкий, едва доставший гортань, но такой живительный, что сразу же тепло разливается по всему телу. Передаю Салаху банку с кофе, но тот отрицательно качает головой, всем видом показывая, что он кофе не просто не любит, а на дух не переносит. Его поддерживают все сирийцы, дружно отказываясь от напитка Фираза. Да оно и понятно – всего пол-литровая банка на дюжину ртов – маловато, едва горло промочить, а по законам гостеприимства всё лучшее гостю.

– Ну прямо-таки джезве¹, – оживает в углу Павлов, заядлый кофеман, принимая жестянку. – Не хватает только кардамона и специй.

– Пей давай, знаток, – ворчит Марат, – пока «духи» перца тебе на хвост не насыпали.

Пламя «камина» нет-нет да вырвется из бочки, и тогда красновато-жёлтый свет выхватывает из темноты графически выписанные лица примостившихся вокруг. Василий цедит с наслаждением, закрывая глаза, каждой чёрточкой лица показывая несказанное наслаждение.

– Фираз, отныне ты бариста. Вернусь домой, открою кафешку и тебя выпишу кофе варить.

Банка идёт по кругу и возвращается к Фиразу. Он улыбается и отрицательно машет головой: там такой бочки нет, да и антикварной посуды тоже. Кстати или некстати прицепилось:

Война становится привычкой,
Опять по кружкам спирт разлит,
Опять хохочет медсестричка
И режет сало замполит...²

Будь она проклята эта привычка. А вот стакан водки не помешал бы.

¹ Посуда для приготовления кофе вроде турки.

² Верстаков В. Война становится привычкой.

Боже, какая библейская ночь! Тишина такая, что за километр мышшь услышишь, только мышшей здесь давно уже нет. И кошек тоже. И ворон. Кстати, а почему нет ворон? Трупов хватает и даже не в развалинах – в квартирах, во дворах, в сквериках лежат, и иногда так ударит в нос запах, что тошнота подкатывает до рвотных спазмов, до перехвата дыхания. Умные птицы эти вороны, не суются сюда. Это мы, идиоты круглые, полезли, а зачем? Да кому это нужно?

5.

Андрей злился, курил сигареты одна за другой и твердил, что здесь мы никому не нужны. Джихад возражал ему ровным и тихим голосом, хотя видно было, что даётся ему эта сдержанность с трудом. Всё-таки природная интеллигентность и воспитание сказываются. Особенно после слов, что все арабы продажны и нас всё равно предадут, помогай им или не помогай. Павлов не вмешивался, Марат мрачно сопел, и лишь я попытался что-то робко вставить в защиту Джихада, плёл чушь про советско-сирийскую дружбу, падая к той самой черте, за которой начинается кретинизм.

Генерал из политуправления сирийской армии появился как раз в разгар ссоры, словно чувствовал неладное. А может быть, и знал: у этих стен наверняка есть уши.

– Ваше нахождение здесь – самая лучшая пропаганда. Не надо никаких слов, одно только присутствие русских вселяет веру и силы в сердца наших бойцов, – пафосно начал он с порога заводить заезженную пластинку из запылившейся коллекции изрядно растрескавшейся сирийско-российской дружбы. – Я сказал бы более – в сердца нашего многострадального народа. Вы – это Россия. Вы с нами, значит и Россия тоже с нами!

Боже, какие они одинаковые эти целители солдатских душ, что у нас, что у них. Клонировать их, что ли? А по-человечески говорить не могут? Только штампами?

– Может, вместо себя фото достаточно? – съязвил Павлов, приходивший в тихую ярость от одного только вида комиссаров вообще и этого в частности. – Так я могу нашлёпать сколько душе угодно. Пусть мой дух вселяется в каждого бойца, я не против. А ещё могу заклинать или вокруг костра с бубном шаманить.

Марат сжёг его взглядом, испепелил и развеял по ветру.

– Фольклор, – успокоил он генерала.

Наверняка этот павлин понимал по-русски, но никогда не показывал этого. А зачем? Интересно же узнать, о чём говорят эти ненормальные русские. Бедный Виктор-Джихад: наверняка ему приходилось строчить донесения за каждый день и в мухабрат, и в политуправление, и ещё чёрт знает куда и кому. И не только о том, что говорим и о чём мы думаем, и даже не о моральном духе, а об отношении к Сирии и этой войне. А наш товарищ подполковник прокололся – нервишки подкачали. Непростительно. Прощаясь, генерал улыбнулся одними только губами, одарив подполковника довольно тяжёлым взглядом, и что-то негромко произнёс. Марат насторожился и переспросил у Джихада, что тот сказал.

– Завтра в Дарайе у нас будет возможность обогатить свою лексику местным фольклором и сплестать под аккомпанемент камерного оркестра «ан-Нусры», – погрузился наш переводчик и добавил: – Шутка.

Когда генерал ушёл, Андрей мрачно выдавил:

– Валить отсюда надо, мужики, пусть сами разбираются. Это гражданская война, это их война, не наша.

– Валить, говоришь? – зло прищурил глаз Марат. – Отсюда свалим, а потом нас валить будут, но уже дома, у родного порога. Ты что, не понимаешь или придуриваешься?

Да понимал он, всё понимал, только не понимал, почему нам даже «спасибо» не скажут, почему мы здесь не от государства вовсе, а сами по себе, волонтёры, добровольцы значит. Во всяком случае, по официальной легенде.

6.

Это было вчера. Нет, уже позавчера – давно перевалило за полночь и до рассвета осталось совсем чуть-чуть. Как говорится, на бросок гранаты.

– Слушай, бариста, у тебя в карманах больше ничего не завалилось? – Марат с надеждой смотрел на Фиразу. – Неплохо бы наш пикничок продолжить. Может, у кого-нибудь завалилось сладенькое в кармане? Ну-ка, пошарьте, мужики.

А что там шарить, коли у каждого фига в кармане да вошь на аркане. Никто же не собирался зависать здесь, тем более что никогда никому в голову не приходило таскать с собою хотя бы минимальный запас съестного. Даже какую-нибудь печенюшку или галету.

Пробравшись к дверному проёму и не отлипая от стены, осторожно выглянул во двор. Ночь по-прежнему не собиралась убирать разлитые чернила, хотя размытые пятна домов начинали робко приобретать очертания. Шалая луна несколько раз выглянула в разрывы облаков, подслеповато подмигнула и вновь спряталась. Где-то в стороне Дамаска глухо бухнуло, но не раскатилось привычным эхом – то ли пристрелочный, то ли кто-то напомнил о себе. Хорошая ночка, тихая, ласковая. Скоро начнёт светать. Ну и слава богу, обошлось.

– Знаете, мужики, а я такого вкусного кофе в жизни не пил, – сказал я, возвращаясь к своему креслу. – И вообще, это же романтика: камин, кофе в джезве и бариста Фираз...

– И я так комфортно давненько не отдыхал. Так бы всю оставшуюся жизнь валялся бы на фанере с «броником» под головой, – улыбнулся Вася.

– Да, славный пикничок сварганили, просто мечта идиота, – откликнулся Марат. – Только вот остроты не хватает.

– Вы что имеете в виду, Марат? – насторожился Джихад.

– Скучно без «бармалеев» трапезничать. Ни тебе душевной беседы через переводчика, – он погладил автомат, – ни пиротехнических эффектов...

Я не разделял бравады Марата – как бы беды не наклепать его трёпом. Но тот не унимался и предложил позычить кофе у духов. Понятно, хочет «поднять наш боевой дух», но кто сказал, что он ниже плинтуса? Всё нормально, пустые хлопоты, уважаемый профессор. Виктор-Джихад неодобрительно смотрит на Марата и вздыхает: неуместность наигранной весёлости Марата для него очевидна.

Я смотрю на часы: сейчас пять, комендантский час заканчивается в семь, ещё пару часов добавим на лень сирийцев. Итого часа четыре, а это не так уж и мало, чтобы накрутить из нас фарш. Для того чтобы ударить «граниками»¹, пройтись автоматами и заполировать гранатами, четыре часа не требуется, хватит и получаса, а то и четверти.

– Не дразни судьбу, старик, дай дожить до пенсии, – поддерживаю Виктора.

– Ты и пенсия – понятия несовместимые, – ворчит Марат, но всё же замолкает.

Я оказался неправ: сирийцы пришли сразу с рассветом. Сначала громыхнуло в соседнем квартале, как раз там, куда отполз наш броневик, тут же наперебой задробили автоматы, глуша крики. Потом из-за дома, прижимаясь к стене, появился знакомый палестинец, сжатый в пружину. Следом пластались ещё двое спецназовцев.

Фираз, высунувшись из дверного проёма, махнул им рукой. На тонкое и худое лицо палестинца напозла улыбка, обнажив зубы. Он что-то сказал в висевшую на груди «токи-уоки», торопливо подошёл к нашему убежищу, сбросил рюкзачок, достал из него полторашку воды и протянул нам. Через несколько минут двор перед нашей «ночлежкой» заполнился спецназовцами.

– Блокада прорвана, будем жить, мужики, – осклабился Марат, но это уже нервное.

– Будем, – вторю ему. – Жаль только, что такого кофе больше не будет.

– К счастью, что не будет, – поправляет подполковник.

– Да нет, дружище, всё-таки жаль. Вкус-то особый у нашего кофе был, почти изысканный. Из такого вот кофе жизнь настоящая соткана, – возражаю я.

Теперь можно и пофилософствовать, словно война ушла вместе с остатками ночи и впереди целая жизнь.

– Может быть, ты и прав, – задумчиво тянет Павлов. – Этот кофе в Дарайи особый, и вкус у него тоже особый. Когда ещё придётся давить зёрна прикладом, готовить на костре, подавать в консервной банке. Так и назовём его: кофе по-сирийски.

¹ Гранатомёты.

Ветка цветущего жасмина¹

Сначала в комнату вошла весна, закутанная в пьянящий запах жасмина, и скверное настроение бросилось прочь и затаилось в мрачных углах дворцового зала. Впрочем, нет, ирреальное ощущение весны и света пришло потом, а в настоящем был бывший президентский дворец в самом ваххабитском районе Дамаска. И была ночь – густая и вязкая, с бродящим по узким улицам древнего города страхом. Он жил сам по себе, слабей с рассветом и вновь возвращаясь к вечеру, торжественно наваливаясь так, что сдавливало дыхание, но никогда не покидал город насовсем.

А что запах цветущего жасмина? Он ощущался всегда и везде: днём едва пробивался сквозь терпкий аромат кофеен и испечённых в тандыре лепёшек, а ночью становился насыщенным и обволакивал загадочностью, проникая в комнату через приоткрытое окно.

И всё же первой вошла она, а запах шлейфом вошёл следом.

Это стало уже традицией по ночам собираться в огромном зале дворца. Ужинали, чистили оружие, перелопачивали отснятое за день, выискивая самое цепляющее, слушали сводки, огорчались или радовались, спорили, иногда молчали, погружаясь в ведомое только каждому.

И в эту ночь, усталые и продрогшие, вымокшие за день моросью – не дождь, а сеющая мокрая мерзость, от которой не укрыться, наскоро переодевшись в сухое, мы выползли из своих комнат, чтобы снова быть вместе. Потом разойдёмся, и поворот ключа щелчком отсечёт кажущуюся безопасность от остального мира. И будет под рукой пистолет с патроном в патроннике, граната или автомат, и будет разорванный на части сон и вновь медленное погружение в забытьё, и будет долгожданный рассвет – серый и совсем неприветливый. Но это будет потом, через пару часов, а пока мы сидели в большущей комнате с высоченными потолками, совсем неудобной вовсе не от царящего бардака, а потому, что она совсем не предназначалась для жилья.

Джихад ворчал и заботливо развешивал по спинкам высоких резных стульев «броники» с вымокшей за день тканью, до того небрежно сваленные в кучу у входа.

Марат, эта необузданная стихия, откинувшись в огромном кресле, покурил кальян, менторски доводя до нашего сознания очередную конспирологическую версию, рождённую в его неугомонной голове. Вообще-то он не курил, но кальян приволокли по его настоянию: втемяшилось в его забубённую головушку, что для пущей важности и значимости ему не достаёт именно кальяна. Ни смокинга, ни, на худой конец, приличного костюма с галстуком, а именно этой дурацкой колбы с булькающим содержимым.

Вася Павлов даже не пытался осмыслить эту кашу из внезапно обрывающихся мыслей и фантастических идей, изредка покачивая головой, то ли соглашаясь с Маратом, то ли нет, но не выказывая желания спорить.

Димка возился с револьвером, безуспешно пытаясь снять барабан. Раритет времён колониальных войн упрямылся, не выпуская из паза фиксирующую шпильку, но и Димка отличался ослиным упрямым, детской инфантильностью и разумом питекантропа.

Я просматривал дневные съёмки, тщетно выбирая сюжетные кадры и мысленно матеря Димку, решившего в нашей очередной вылазке на «передок» стяжать лавры операторского искусства.

Мы – это волонтёрская группа «ANNA NEWS», информационный спецназ, по пафосному выражению начальника политуправления сирийской армии. От его высокопарности веяло фальшью и перекашивало, зато Марат надувал щёки и несколько свысока оглядывал нас. Но это было утром, когда генерал напутствовал нас на подвиги в Дарайю, а сейчас было два часа пополуночи, и уставший мозг чертовски хотел покоя.

Изредка где-то на юге шалила людьми сотворённая гроза, разрывая темень сполохами и накатывая приглушёнными расстоянием громовыми раскатами канонады.

Она появилась неожиданно: дверь без скрипа отворилась, и в комнате материализовалось нечто в чёрном. Чёрная до пят абайя² и чёрный никаб³ с успехом мог скрывать не только женщину, но и «бородатого»⁴. Чёрт, я же запретил Абу Вали смазывать петли!

¹ Описываемые события происходили зимой 2013 года в Сирии.

² Длинное платье с рукавами.

³ Головной убор с узкой прорезью для глаз.

⁴ Ваххабит.

– Нет, саед¹ Серж, – упрямылся Абу Вали, – скрип мешает вам спать.

Убедившись в бессмысленности убедить начальника нашей охраны, я просто пообещал пристрелить его, если он исполнит обещанное. Всё-таки смазал, гад, ну что же, поживи пока. До утра.

От неожиданности я вздрогнул и во рту стало сухо, словно махнул стакан спирта. Из рук Димки вывалился револьвер и с глухим стуком упал на пол. Краем глаза увидел растекающуюся бледность на лице Виктора, скользнувшую к автомату руку Васи Павлова – далековато, не дотянуться, и расплывшуюся в улыбке физиономию Марата.

– Яфа!² Ну наконец-то!

Марат приготовил нам сюрприз и теперь наслаждался произведённым эффектом.

– Ну и гад же ты, Марат, у меня же сердце слабое, – я пытался за гримасой, изображающей усмешку, скрыть испуг. Улыбаться не стоило: разорванный пулями рот и так гримасничал сам по себе, одинаково скверно изображая и радость и гнев.

– Скотина, – кратко резюмировал Вася с армейской простотой. – Я же мог пристрелить её.

– Вы не правы, Марат, – укоризненно покачал головой Виктор. Он не изменил своей воспитанности, хотя был ближе всех к Марату и на его месте я запустил бы в этого любителя сюрпризов что-нибудь тяжёлое.

Неуловимым движением руки Яфа смахнула никаб, и будто горный поток хлынул по её плечам. Она была красива, чертовски красива, и красива не потому, что мужики успели изголодаться по женскому лицу – мысли всё время были заняты войной и стремлением выжить на этой войне. Нет, она действительно была красива даже по европейским меркам: лицо цвета топлёного молока, непривычно зелёные глаза, длинные и волнистые волосы с шоколадным оттенком.

Я не сразу заметил в её руке веточку цветущего жасмина. Сиреневое на чёрном. Лишь когда она положила её на стол, я ощутил этот чарующий запах.

Пять пар глаз впились в это лицо. Нет, всё-таки три: Джихад не мог позволить себе такой бесцеремонности, а Марат вообще не видел в ней женщину. Для него это был источник. Профессиональный источник информации, хотя и алмаз редкостной огранки. Мы рассматривали её сначала с удивлением, затем с восхищением, потом с обожанием.

Перед нами стояла женщина, утомлённая дорогой, а мы, здоровые мужики, сидели. Тупо сидели и тупо смотрели, а женщина стояла. Мы делали что-то не так и не то, точнее, совсем ничего не делали, хотя надо бы...

Мысль не успела сформироваться в действие, как Павлов уже щёлкал голыми пятками, жестом показывая на освободившийся стул. В галантности, что ни говори, а подполковнику не откажешь.

Димка суетливо вскочил, неуклюже распрямляясь, словно циркуль, зацепился за ножку стула и грохнулся обратно, заливаясь краской стыда за свою неловкость. Ну куда тебе, стропила рязанская, до Васи Павлова, способного с акробатической ловкостью выныривать из преисподней, то бишь зажённого ПТУРСом танка, а не то чтобы встать с какого-то там стула.

Я тоже попытался выказать надлежащую в таких случаях вежливость, привстал, но, поняв, что безнадежно отстал, сел. Позднее зажигание.

Сибаритствующий Марат даже не пошевелился.

Джихад не суетился. Он оставил в покое «броники», развернул стул и пододвинул его к Яфе:

– Садитесь, пожалуйста.

Он не предлагал, не просил – он произнёс это так, как могут произносить только восточные мужчины восточным женщинам, не оставляя им выбора. И Яфа беспрекословно выбрала именно им предложенный стул.

Димке с Василием ничего не оставалось, как броситься на поиски чистой чашки, что было весьма проблематично, ставить чайник и тщетно искать хоть что-нибудь из съестного.

С космической скоростью со стола исчезли грязные чашки, ложки и крошки лепёшек.

В ту ночь Марат устроился на диване в зале, уступив Яфе свою комнату. Мы злорадствовали: любителю сюрпризов не помешает провести остаток ночи на жёстком и холодном кожаном диване, укрывшись курткой. А ещё мы ему завидовали, тихо, незлобиво, по-доброму, потому что она приняла именно его заботу. Откуда нам было знать, что всю оставшуюся ночь она писала, чтобы утром

¹ Саед (араб.) – в смысле господин. Уважительное обращение к старшему мужчине.

² Яфа, Яффа (прекрасная) – сирийское женское имя.

исписанные ею листочки Джихад отвёз в разведуправление армии. Его забота была неприметна, исподволь, как будто исходила откуда-то свыше.

Яфа ушла на рассвете, когда все ещё спали.

С той ночи мы жили ожиданием её возвращения. Мы приняли её совсем не потому, что она была красива, или не только потому, что была красива. Эта хрупкая веточка оливы оказалась сильнее и от-важнее нас. Мысленно мы спрашивали себя: смогли бы вот так, как она, надев чужую личину, находиться среди фанатичных палачей, сатанеющих от крови. Не просто находиться, а осознавать, что в случае провала тебя ждут просто нечеловеческие мучения, когда смерть принимается благодатью, ниспосланной свыше. Хотелось бы сказать: «да, да, конечно», но понимание того, что вовсе не «да, да» и не «конечно», останавливало. И это осознание ставило её на высшую ступень самоотречения, к которому мы, по большому счёту, не были готовы.

Мы были вместе, а она была одна. У нас было оружие, и мы могли защищаться. Во всяком случае, у нас был шанс не столько выжить, сколько избежать мучений в плену, рванув чеку гранаты, неизменно лежащей в кармашке на груди. Она же была безоружна, и такого шанса у неё не было. Война – это всё-таки мужская работа, а она женщина. Хрупкая, нежная, молодая и безумно красивая женщина. Она олицетворяла собою иной мир – мир красоты и покоя, в котором нет войны, нет слёз и горя.

Она приходила редко и всегда неожиданно, когда уж давно истончалась надежда.

– Ребята, вы живы! Как я рада видеть вас!

А война уже забредала в кварталы Дамаска, и всё слышнее была не только канонада, но и длинные пулемётные очереди – «бородатые» не считали патроны, и эта «щедрость» множила почти на ноль наши шансы выстоять.

Яфа, обхватив голову руками, твердила: – Сурия, моя Сурия, как больно моей Сурии... – Из её зелёных глаз истекала боль: – Не бросайте мою Сурию...

Мы не клялись, что не бросим. Впрочем, к чему слова, когда эти четверо сумасшедших русских, приехавших сюда по своей воле, олицетворяли Россию, делили с ними глоток воды и кусок лепёшки, поровну последние патроны и оставляли одну гранату на двоих.

С того дня, точнее с той самой ночи, вялотекущие и однообразные будни трансформировались в бешеный ритм, динамику, сумасшедший бег. Репортажи вылетали автоматной очередью. Мы лезли в самое пекло, лишь бы поскорее выполнить задание или задачу, вернуться на базу и, наскоро приведя себя в порядок, собраться в зале, чтобы дожидаться её, нашу Яфу. Каждое утро летала по комнате швабра, драя до блеска выложенный каменными плитами пол, вымывалась посуда, скреблись давно затупившимися бритвами щёки и подбородки, наглаживались рубашки и чистилась обувь. И больше не валялись на полу брошенные «броники» и каски, магазины и ВОГи¹.

Так уж случилось, что на все последующие ночи она выбрала мою комнату и когда оставалась на ночь, то я располагался на диване. Я ощущал какое-то внутреннее превосходство, будто она выбрала меня, прекрасно понимая, что выбрала вовсе не меня, а мою комнату. Выбрала потому, что она была самая безопасная, самая тёплая, самая уютная и вообще самая-самая.

Ребята настойчиво поочерёдно теперь уже мне уступали свои комнаты, но я отказывался. Я спал вполглаза и вполуха, ловя каждый шорох, и остаток ночи становился долгим и изматывающим. Ближе к рассвету в зале появлялась Яфа и спрашивала участливо:

– Ты опять совсем не спал? Бедненький, и всё из-за меня. Так нельзя, ведь вам же работать.

– Да нет, спал, спал, всё хорошо, – убеждал её я, нарочито зевая и потягиваясь.

И словно по команде появлялись ребята, наливали чай и в дорогу совали ей в руки разломанную на части лепёшку, провожая её долгим задумчивым взглядом.

Так повторялось всякий раз, но однажды в комнату вошёл Фираз и молча положил на стол веточку цветущего жасмина.

– Она больше не придёт. Её убили в Кусейре.

Мы не плакали – мужчинам плакать не полагается. Мы просто вышли во двор и подставили лица дождю.

С тех пор мы больше никогда не собирались в зале, а на ветки растущего в крохотном дворике жасмина повязали ленточки.

¹ ВОГ – выстрел осколочный гранатомётный. Граната для 40-мм подствольного гранатомёта, устанавливаемого на автомате.

Проза

Геннадий Гусаченко

Геннадий Григорьевич Гусаченко – родился в Новосибирске в 1942 году. Образование: филологический факультет Дальневосточного государственного университета, журналист-востоковед (японский язык). Военно-морскую службу проходил на подводной лодке Тихоокеанского флота, работал оперуполномоченным уголовного розыска во Владивостоке, электриком на китобойных судах, учителем в сельской школе, егерем в уссурийской тайге, корреспондентом в газетах Приморья и Новосибирской области, машинистом электровоза на Западно-Сибирской железной дороге, офицером-воспитателем в кадетском корпусе.

Публиковался в печатных журналах: «Искатель», «Горница», «Охотничьи просторы», «Охота и охотничье хозяйство», «Человек и закон», «Юный натуралист», «Муравейник», «Дальний Восток», «Берега», «Южная звезда», «Сибирский Парнас», «Арина», «Новый енисейский литератор», «Светоч», в электронных журналах: «Парус», «Золотое руно», «Невечерний свет», «Великороссь», «Литерра» и в других изданиях. Романы: «Жизнь-река», «Рыцари морских глубин», «Китобойная одиссея», «Долгая дорога в Рай», «Слуги сатаны», «Казна империи», сборники повестей и рассказов: «Венок Соломона», «Вещий сон», «Судьбы людские», «О море, о моряхах», «Тигровый перевал», книга таёжных сказок «Почему Медведь в тайге хозяин?».

Слуги Люцифера¹

Часть первая. ГРАФ И ВИОЛА

... Несчастливого раба влекут насильно,
Терзают целым рядом страшных пыток,
Что могут самых смелых ужаснуть,
И требуют потом, чтоб он ответил
Не так, как говорит его душа,
А так, как палачи ему диктуют,
Вопросами ответ ему внушая:
И это под угрозой новых мук,
Таких, каких не знают в бездне Ада...

Перси Биши Шелли. Ченчи

ГЛАВА 1

Инопланетяне или нечистая сила?

Творить чудеса – прерогатива Господа Бога, однако странные, необъяснимо-загадочные происшествия, потрясшие жителей Козлодоевска, были явно не делом рук всемогущего Всевышнего. Многие козлодоевцы сходились во мнении, что до неприличия безобразные проделки, взбудоражившие в те февральские дни тихий провинциальный городок, устроили двое не то фокусников-артистов, не то проходимцев-гипнотизёров, гастролировавших по стране. Этих двоих – хромого, ху-

¹ Предлагаемый вниманию читателей мистический роман «Слуги Люцифера» – своеобразный «роман в романе», в котором переплетены два сюжета: злключения коррупционеров-взяточников в безвестном провинциальном Козлодоевске и жизнь философа-астронома эпохи Возрождения великого Джордано Бруно. Как связаны в романе истории козлодоевских чиновников, депутатов, бизнесменов, работников силовых ведомств, журналистов, отдавших свою совесть на откуп Люциферу-Сатане, а также приключения главного героя романа журналиста Савелия Редькина и жизнь гениально-го мыслителя Джордано Бруно, читателю станет ясно после прочтения книги.

дого, лысоватого, в очках мужчину средних лет и девицу с ногами фотомодели и лицом стюардессы международных авиалиний, с вороной на плече – видели вместе во многих общественных местах, где непременно случались забавные курьёзы и доходящие до абсурда скверные истории.

Некоторые люди утверждали, что мужчина был одет в синий спортивный костюм и обут в белые кроссовки фирмы «Адидас». Иные же, напротив, уверяли, что видели его в чёрном пиджаке, в белой сорочке и с галстуком-«бабочкой». Курчавые рыжие волосы над узким лбом у него были закручены в виде пары коротких рожек. Скуластое, веснучато-красное лицо обрамляли рыжие завитки. Торчащая клином жидкая бородёнка удлиняла и без того вытянутое лицо инвалида, напомилавшее морду козла. Крючковатый нос под густыми седыми бровями и красноватые глаза придавали сходство с карикатурным образом из комиксов, с кем-то из литературных героев, но кого – сразу не вспомнишь. Опирался калека на трость с золотым набалдашником. На волосатых пальцах с длинными лакированными ногтями сверкали золотые перстни с крупными рубинами. Пожалуй, ничего особенного в облике господина в «адидасе» или в пиджаке не было, если бы не бросившийся в глаза восьмиконечный орден, сверкавший у него на груди. Смуглая элегантная дама с чёрными тонкими бровями и алыми губами, повсюду сопровождавшая своего хромого, непривлекательного спутника, отличалась от него стройной фигурой и броской внешностью. Чёрная мини-юбка, чёрная блузка с вышитой на ней золотой фиалкой, чёрные лакированные туфли на высоких и тонких шпильках, украшенные золотыми застёжками и блестящими драгоценными камешками, составляли предвесенний наряд красавицы. Несмотря на холодный, жгучий ветерок и лёгкий морозец, она выходила из роскошного «Бентли» без тёплой накидки или пальто. Уши, шею, пальцы и запястья модницы украшали бриллиантовые серьги, кольцо, кольца и браслеты, вспыхивающие на свету радужными отблесками. Чёрные, блестящие волосы волнистыми локонами свисали на спину и плечи прелестницы. Опять же, находились свидетели и другого её наряда: длинного платья и горжетки из чёрно-бурой лисы, наброшенной на оголённые плечи. Со сбивчивых слов очевидцев можно заключить, что непременным атрибутом девицы была говорящая ворона, сидящая на её плече. Вцепившись когтями в мех горжетки или в шёлк блузки, птица вертела головой, хлопала крыльями и, сверкая жёлтыми глазами, с карканьем выкрикивала:

– Карр-рра-ул... Чёрр-т по-берри... карр-ты... Каррамба...

В левой руке девица носила «дипломат» – кожаный чёрный чемоданчик-кейс. Богатыми нарядами и дорогими украшениями козлодоевцев не удивишь. Достаточно насмотрелись на богачей по телевизору. Каждый день с экрана мелькают сытые, зажавшиеся физиономии чиновников-коррупционеров, обвиняемых во взяточничестве, подлоге, мошенничестве, хищении, заказных убийствах и прочих грешных делах. Никто не обратил бы внимания на сутулого мужчину, ковылявшего рядом со стройной красавицей, если бы у них не сыпались искры из глаз, или во всяком случае так многим казалось. Да если бы ещё не говорящая ворона... Удивлённые зеленоватыми вспышками в глазах инвалида и его спутницы с вороной на плече, встречные прохожие невольно жмурились, но, снова взглянув на странную парочку, уже не находили в их взглядах ничего необычного и недомётно тёрли свои глаза. «Почудится же такое», – думали они. Некоторые очевидцы замечали, что искры поблёскивали и в злых глазах вороны. Скоро выяснилось, что не только им показалось, будто вспыхивали глаза у каких-то незнакомых людей и у вороны. Находились свидетели, доказывавшие: «Вдруг в глазах у них зажглись маленькие лампочки... А из глаз вороны посыпались искры... Вот не сойти мне с этого места, если вру...» Разумеется, никто таким, с позволения сказать, свидетелям не верил. Прикасались к их разгорячённым лбам, советовали лечиться в психбольнице и всё в таком роде. Отвечали одним словом: «Враньё!» Слухи о необыкновенных пришельцах разносились по городу и далеко за его пределами, привлекая в Козлодоевск UFOлогов, не сомневавшихся, что город навести инопланетяне, разумные существа с других галактик. Никто, однако, не мог вторично увидеть хромого мужчину во фраке или в спортивном костюме с тростью из санталового дерева и его миловидную даму с фиалкой на блузке, с кейсом в руке и с вороной на плече. Их чёрный «Bentley» с тонированными стёклами появлялся всегда неожиданно где-нибудь у парадного крыльца мэрии, возле здания суда и прокуратуры, у супермаркета. Эти двое не торопясь выходили из автомобиля и быстро терялись в толчее посетителей и служащих, бесследно растворялись в потоке многочисленных покупателей. Кто-то успевал перехватить огненный взгляд, рвался назад, навстречу толпе, чтобы увидеть чудо ещё раз, но это никому не удавалось. Зеваки с восторгом взирали на породистого

бультерьера в очках, в зелёном бархатном зипуне и белой морской фуражке с якорем, с курительной трубкой в зубах, важно восседавшего за рулём роскошного автомобиля. Никому и в голову не могло прийти, что пёс управлял автомобилем. Все воспринимали его как охранника. Необычная сцена длилась не более минуты. «Бэнтли» исчезал, словно его здесь никогда и не было вовсе.

– Странно... Только что был здесь, – в недоумении говорил кто-нибудь своему приятелю, желая показать тому престижный автомобиль класса «люкс». – Не пойму, куда делся... Черти его с квасом съели, что ли? Бультерьер был на водительском сиденье... Когда и кто сел в машину? Не собака же, в конце концов, уехала на ней...

Козлодоевцы со смехом рассказывали друг другу анекдотические случаи из жизни руководителей, предпринимателей и прочих представительных граждан города, о которых ходила недобрая молва взяточников и жуликов. Обмениваясь новостями, люди восклицали:

– А ты слышал, гаишники на трассе без штанов стояли?

– Да ну?! Они что, того? Умом тронулись от взяток?

– Говорят, они все враз обделались... В кусты бегали... Штаны поснимали и потом не могли их найти...

– Это что! Вот начальник комбината бытового обслуживания и благоустройства отмочил номер! Залез на крышу девятиэтажного дома и оттуда громко кричал, сколько денег украл... Признался, что два миллиона замылил на ремонте дорог... Даже охрип бедолага... Весь день орал про свои махинации... Полиция еле стащила его с крыши...

– Ой, а в суде что творилось! Умора! Судили там начальника автобусного автопарка... Ну, этого... Колёсикова... Который сорок миллионов прикарманил... Прокурор, адвокат, судья и следователь принародно, в зале суда устроили драку из-за денег... Не поделили взятку, которую им дал начальник автобусного автопарка... Приставы их кое-как растащили...

– Что творится в последнее время в городе! Что творится! Уму непостижимо!

– Это дело рук гипнотизёров! Говорят, они по заданию ФСБ работают... Разоблачают чиновников...

– А вдруг это и вправду инопланетяне прикалываются?

– Да нет... Скорее, нечистая сила забавляется, выставляет напоказ наших градоначальников, мелкие их душонки наизнанку выворачивает, чтоб неповадно воровать было...

Трудно сказать, какая из этих версий более правдоподобная. Остаётся предположить, что сатанинское отродье, возбуждая низменные желания козлодоевских чиновников, легко поддавшихся соблазну Сатаны, вволю тешилось их глупыми выходками и мерзкими поступками. Конечно, это всего лишь предположение... К сожалению или, может, совсем наоборот, нам не довелось видеть всего происходящего своими глазами. Мы не смеем утверждать, так ли всё происходило на самом деле. Так, что остаётся лишь верить или не верить на слово очевидцам, в памяти которых свежи многие подробности всего происшедшего. Жители хорошо запомнили многие факты февральских событий, сравнимых, по их неоспоримому мнению, разве что лишь с падением на Челябинск метеорита, вызвавшего переполох во всём мире. Мы полагаемся на правдивые рассказы свидетелей, в основном иногородних граждан, случайно оказавшихся в Козлодоевске по своей надобности в то самое время, когда там совершались самые невероятные вещи. Не доверять очевидцам нет причин. Их не заподозришь в корысти или какой-либо выгоде от сообщения. Расходясь лишь в незначительных фактах, почти в один голос они подтверждали:

– Да, верно... Депутаты горсовета ни с того ни с сего вдруг начали хором петь блатную песню про Мурку в кожаной тужурке... А ещё выступающий с трибуны оратор крыл отборными матерными словами народных избранников, собравшихся в зале заседаний... Снял штаны, наклонился и похлопал себя по голому задку, после чего принялся маршировать на сцене, командуя сам себе: «Ать-два, ать-два...» Много ещё чего порассказали свидетели происшедшего, у которых в полном смысле глаза лезли на лоб от увиденного и услышанного в Козлодоевске.

– Нам казалось – весь город сошёл с ума... Там такое творилось, – говорили одни.

– Вы только подумайте! Они ходили по улицам нагишом, как нудисты, – вторили им другие.

– А что творилось в ресторане «Виола», выдуманном в фельетоне! Кошмар!

Выслушав очевидцев, мы пришли к заключению, что тайные желания, до сих пор скрываемые козлодоевскими чиновниками-взяточниками, важными представителями общественности, ведомств

и фирм, помимо их воли, разом выплеснулись наружу, открылись на потеху лукавому Люциферу, более известному в народе как Сатана. В городской газете «Бизнес-Козл» был напечатан фельетон «В гостях у Сатаны» за подписью редактора Агафонова. Каким-то невероятным, никем и ничем не объяснимым образом фельетон оказался напечатанным на первой странице еженедельника. Агафонов и другие сотрудники редакции напрочь отрицали свою причастность к вышеупомянутому творению. Неизвестный автор изобразил мздоимцев хвостатыми, рогатыми, копытными уродцами, косматыми, со свинячьими рылами и собачьими мордами, устроивших оргию в мистическом ресторане «Виола». А началось всё в челябинском отеле «Яхонт». И вот как всё было...

ГЛАВА 2

Ужин при свечах

Осколки метеорита, взорвавшегося в небе над Челябинском 15 февраля 2013 года, барабанили по крышам домов, разлетались далеко вокруг. Взрывная волна выбила стёкла в окнах зданий, разрушила несколько строений, снесла рекламные щиты, повалила, вывернув с корнями, старые деревья, перевернула с десяток автомобилей, оглушила людей, животных и птиц. Пострадало много мирных жителей славного города-труженика. Побитые камнями, порезанные стёклами, напуганные челябинцы переполнили больницы. Они терялись в догадках о причинах катастрофы. Увидев высоко над головой яркую вспышку и огненно-дымные полосы, иные подумали, что взорвался самолёт. Другим пришла на ум страшная мысль о начале ядерной войны. Более сведущие обвинили наших доблестных вояк в неудачном запуске баллистической ракеты, сбившейся с курса. Вскоре из озера Чебаркуль достали большой кусок оплавленного космического тела, прилетевшего на Землю из бесконечной Вселенной. Посланника из космоса тотчас окрестили «Чебаркульским метеоритом». Сомнения развеялись, и само собой, никому и в голову не могло прийти, что виновником апокалипсиса областного масштаба явился Надыбайлов Денис Иванович, старший следователь по особо важным делам из города Козлодоевска, затерянного на необъятных российских просторах. Благодушный с виду, тихий, скромный «одуванчик» с округлившимся брюшком, не чурающийся мзды от подозреваемых в совершении преступлений и прочих нарушителей правопорядка, Денис Иванович Надыбайлов имел вполне пристойный вид сытого, розовощёкого человека, жизнь которого удалась.

По возвращении из командировки в Челябинск, благоразумно замалчивая некоторые детали этой поездки, Денис Иванович с упоением рассказывал прокурору Недоносову, как он призвал Сатану и всех чертей обрушиться камнепадом на обидевший его город. И как чёрт рогатый услышал его проклятия и не замедлил напустить на Челябинск нечистую силу. Со слов ретивого слуги Фемиды выходило, что никто другой, как он сам возмутил Сатану и его скотоподобных приспешников, забросавших Челябинск камнями с неба. Справедливости ради заметим, что капитан полиции господин Надыбайлов причастным к происшествию вселенского масштаба никоим образом себя не считал. Однако, опять же, правды ради, не станем скрывать, что Денис Иванович был крайне удивлён столь быстрым осуществлением его скверных пожеланий челябинцам. И хотя в душе он, конечно, порадовался камням, упавшим на них с небес, виноватым в случившемся признать себя не мог. Дело в том, что накануне метеоритного дождя, а именно 14 февраля вечером, Надыбайлов, сотрудник козлодоевского следственного комитета, находясь в Челябинске в служебной командировке, вернулся в отель «Яхонт» в отличном расположении духа и в прекрасном состоянии тела. Левый внутренний карман пиджака, приятно утяжелённый бумажником, настраивал Дениса Ивановича на лирический лад. В портмоне из кожи кобры, купленном в Таиланде, лежали пять тысяч долларов. Насвистывая мотив песенки об отважном капитане, ни разу даже глазом не моргнувшем, Надыбайлов на полном основании рассчитывал вновь провести отпуск с любовницей в сказочном королевстве Юго-Восточной Азии. Деньги правозащитник получил от влиятельного челябинского бизнесмена Тарантулова, чиновника областной махинации, то бишь администрации. Его неблагополучный сынок связался с шайкой рок-музыкантов-наркоманов – группой «Бесы», гордо именовавших себя «сатанистами», играющими в стиле блэк-метал. Волосатые, грязные отморозки с лицами, изукрашенными под оскалённые человеческие черепа, с видом блуждающих мертвецов шатались с гитарами и дудками по городам и весям со своими дикими концертами. В Козлодоевске в канун

Рождества Христова приезжие из Челябинска «артисты», находясь в нетрезвом виде, жестоко избili молодого священника, назвавшего их бесноватое выступление на сцене исчадием ада, противным Господу злом.

– Мы – демоны, падшие ангелы, слуги Сатаны! Мы пожиратели тел павших врагов... Твой Христос – слабак! Никто не выполняет Его заповеди, – пиная священника, юродствовали «сатанисты». – Все люди служат лукавому... Каждый хочет сотворить зло, но скрывает это от других... Не страх перед Богом, а боязнь оказаться за тюремной решёткой удерживает человека от желания согрешить: украсть, убить, обмануть, предать, изнасиловать... Понял, ты, халдей в сутане и с крестом на шее? Наезжаешь на уши верующим в Бога придуркам... Вот тебе! Получай! Где твой Христос? Пусть поможет тебе! А мы – упыри, вампиры, сатанисты, оборотни – не боимся Его!

– Вы не сатанисты... Не упыри... Не вампиры... Вы – обыкновенные фашисты... Мразь нечестивая... Предстанете перед Страшным Судом... Там и ответите Ему, – получая удары по рёбрам, прохрипел священник, теряя сознание.

Жестоко избитого иерея с тяжелейшими травмами привезли в больницу. Следовательно по особому важным делам Надыбайлов без труда установил иногородних хулиганов-молодчиков, ряженных вурдалаками, ожившими мертвецами. Необходимость допроса подозреваемых по делу о нанесении тяжких телесных повреждений служителю церкви, причинивших вред его здоровью, привела блюстителя законности в Челябинск. После встречи Надыбайлова с моральными уродами и беседы с отцом одного из них рок-музыканты группы «Бесы» из подозреваемых превратились в свидетелей избия священника «неизвестными». Роль волшебной палочки, как легко догадаться, сослужили пять тысяч «зелёных». «Свидетельские» показания мерзопакостных уродов из Челябинска Денис Иванович решил, не теряя времени попусту, отправить электронной почтой в прокуратуру Козлодоевска. Он сканировал записи в протоколах допроса, скинул их на флешку, скачал в свой походный ноутбук, набрал на нём данные прокуратуры. Оставалось нажать на клавиатуре кнопку «отправить», но в этот момент вдруг отключили ток. Люстра погасла. Экран ноутбука потускнел, и передать сообщение через интернет не получилось.

– Чёрт бы меня побрал! – чертыхнулся Надыбайлов, сожалея, что своевременно не позаботился о подзарядке компьютера. – Ну надо же! Чёрт меня возьми!

– Бе-е... Бе-е... – раздалось у него в ушах. – Не бе-е... Не беспокойтесь, Денис Иванович... Забе-е... Заберём...

– Кто здесь? – настороженно вслушиваясь в тишину тёмной гостиничной комнаты, оторопело спросил следователь. В коридоре отеля слышался цокот туфель со шпильками. Надыбайлову даже почудилось, что по паркету цокают козьи копытца. «Ерунда какая... Откуда в отеле быть козам?» – подумал Денис Иванович. Закрыл номер на ключ, впотьмах пробрался в ресторан, где уже горели на столах свечи. Ужин при свечах обещал быть романтическим. Денис Иванович Надыбайлов, полный сорокалетний мужчина, отец двоих детей, заказал бутылку красного вина и стейк с кровью.

– Вечер добрый, милейший Денис Иванович! Не возражаете, если составим вам компанию? – галантно спросил худой, сутулый мужчина. Был он лысоват, в очках, в дорогом чёрном костюме, с большим восьмиконечным орденом слева на груди и с тростью, торчащей у него под мышкой. На вид ему можно было дать лет пятьдесят.

– Пожалуйста... Милости просим, – в тон незнакомцу радушно ответил Надыбайлов, вздрогнув от того, что в полутёмном зале его узнали и обратились по имени-отчеству. Незнакомец придвинул стул красивой молодой даме в длинном платье, с накинутой на плечи меховой горжеткой. На левом плече дамы, покачиваясь, дремала сонная ворона. Надыбайлов завистливо покосился на миловидную спутницу франтоватого гостя ресторана.

«Красивая... Интересно, любовница или жена? Факт, что не сестра», – подумал Надыбайлов, поглядывая краем глаза на незнакомцев, усаживающихся за стол.

– И не жена, и не любовница, и не сестра, – учтиво сказал франт в дорогом чёрном костюме «тройке», в белой сорочке с рюшами и при «бабочке». – Моя ассистентка Виола со своей говорящей вороной Каролиной... А я, стало быть, её научный руководитель светоносный Люцифер, властитель Ада, низвергнутый с небес за попытку завладеть Божьим престолом... Правда, чаще меня называют Сатаной, Дьяволом, подстрекателем людей к совершению греха... Шучу, однако... Позвольте представиться: граф Сивопупов-Крымский! Доктор оккультных наук из парижского университета...

Надыбайлов оторопело глянул на него, подумал: «Вот чёрт слепошарый... Угадал, леший тебя возьми, что я подумал о девице... Хороша, ничего не скажешь... Мне бы такую прихватить с собой в Таиланд... Как мне надоела моя хрычовка... Чёрт бы её побрал!» Вслух отрекомендовал себя:

– Старший следователь по особо важным делам...

– Надыбайлов Денис Иванович, – договорил за него титулованный незнакомец.

– Ну и шутки у вас, знаете ли... Мы с вами разве пересекались уже? Знакомились? – удивлённо спросил Надыбайлов.

– Пересекаться, как вы изволили выразиться на современном сленге, мы, конечно, пересекались... И не далее как сегодня утром в кафе «Виктория», где вы так тесно беседовали с господином Тарантуловым...

При последних словах графа Денис Иванович побледнел, покраснел, но вряд ли перемены в его лице могли быть заметны в полумраке ресторана.

– Знакомиться с вами не знакомился, – продолжал свою мысль граф. – Вы так быстро распрощались с господином Тарантуловым и заторопились уйти из кафе, что было бы не совсем удобным с моей стороны задерживать вас, милейший Денис Иванович... Полагаю, на то была у вас особая причина...

– Давно ли живёте в Париже? – поспешно сменил тему разговора Надыбайлов. Лицо его покрылось капельками холодного пота, а руки мелко-мелко задрожали. Он убрал их со стола, сунул под скатерть, вцепился в колени. Трясясь, как от озноба, Надыбайлов исподлобья оглядывал мрачный зал, в котором, как ни странно, кроме них никого за столами не было. «Но как?! Как он мог быть в кафе? Ведь кроме него самого и Тарантулова там никого не было... Кто сдал? А может, засняли на видеокамеру? Тогда всё... Крантец... Что делать? Встать и уйти?» – лихорадочно соображал следователь.

Граф Сивопупов-Крымский, судя по его спокойному голосу, кажется, не замечал нервного состояния собеседника. Извлёк из внутреннего кармана носовой платок, развернул, протёр очки. Пахнуло тонким ароматом французского парфюма. Надел очки, предварительно посмотрев на пламя свечи сквозь стёкла, аккуратно свернул платок и спрятал в карман. Достал сигару из коробки, которой почему-то раньше Надыбайлов на столе не заметил, откусил её кончик, прикурил от свечи и с наслаждением затянулся лёгким дымком кубинского табака. Пустив струйку голубоватого дыма, граф улыбнулся плотно сжатыми губами, переспросил:

– Давно ли живу в Париже? Да как вам сказать, дорогой Денис Иванович... Со времени постройки собора Парижской Богородицы... Я тогда работал чертёжником у архитекторов Жана де Шель и Пьера де Монтрей, проектировавших Нотр-Дам... Кажется, это было в тысяча триста сорок пятом году... Почитай, без малого уже лет семьсот прошло... Как быстро летит время... А всё будто было вчера...

– Столько не живут... Понимаю и ценю вашу остроумную шутку, – судорожно сглотнул Надыбайлов. – И всё же... Где вы так хорошо научились говорить по-русски? Чисто и без акцента...

– О, это долгая история, знаете ли... Милейший граф Потёмкин, фаворит Екатерины Великой, вместе с ней таскающий ныне камни в раскалённой пустыне, самолично давал мне уроки... Помню, долго не удавалось мне произнести раскатистое «р-р-р...».

Ворона на плече девицы встрепенулась, каркнула:

– Прро-изнести рра-скатистое р-р-р...

– Вот-вот, – рассмеялся граф. – Каролина и та может...

– Забавно, – дребезжащим смехом отозвался Надыбайлов на объяснение графа касаясь блестящего знания им русского языка. – Любопытно узнать, откуда вам известны моя фамилия, имя, отчество?

– О, это совсем просто... Я же сказал вам, что занимаюсь оккультной наукой...

– Это что же такое? Мистика? Магия?

– Да... Вроде того...

– И что вы можете?

– Предсказываю будущее... Вижу прошлое...

– В таком случае, что ожидает меня, ну, скажем, лет эдак через... сорок...

– Эк вы загнули, Денис Иванович... Дайте пораскинуть мозгами... Так... Вы родились под знаком Рака в год Кошки... Весы слева... Скорпион справа... Линия вашей жизни проходит между этими созвездиями... Всё ясно...

- Ничего не понимаю, – немного оживляясь, подался вперёд Надыбайлов. – Что вам ясно, граф? Сивопупов-Крымский пыхнул сигарой, спокойно ответил:
- Должен вас огорчить, уважаемый капитан полиции... Но вы настаиваете... Жить вам осталось немного... Ну, примерно день, два-три... Максимум неделю...
- Чушь какая... И что же случится со мной? – тербя край скатерти, еле выдавил из себя Надыбайлов.
- Вас убьёт ребёнок...
- Глупость... Сочиняете небылицы... Я никогда не воспринимал всерьёз всяких там лжепророков, ясновидящих, предсказателей, астрологов и прочих обманщиков...
- Напрасно...
- Ну, допустим, я поверил вам... Как мне уберечься, избежать смерти от руки коварного ребёнка? – задыхаясь от недостатка воздуха, спросил Надыбайлов. Хотел промакнуть влажное лицо, но вспомнил, что в носовой платок для надёжности завернул портмоне с деньгами.
- Граф протянул ему салфетку.
- Возьмите, – любезно предложил он. – Скатерть, которой вы вздумали утереться, не подходит для этой цели. А никак вам не спастись... Всё уже predeterminedено Свыше... Баба Дуня получила свою нищенскую пенсию...
- При чём здесь какая-то баба Дуня?
- Она отложила деньги на обещанный подарок...
- Что всё это значит? – теряя самообладание, почти выкрикнул Надыбайлов.
- Ворона встрепелась, каркнула спросонья. Её глаза сверкнули искрами. Виола погладила её, приговаривая:
- Спи, Каролина... Ещё не полночь...
- Птица закрыла светящиеся глаза и затихла в дрёме.
- Точно сориентироваться никак не могу... Вы, Денис Иванович, мешаете мне сосредоточиться... Меня то бросает в недалёкое прошлое, и тогда я вижу, как появилась на свет девочка Дуняша... То переносусь на тысячу лет вперёд и вижу вас босым, танцующим на красных угольях костра... Дым, чад... Бесенята резвятся... Прижигают вам пятки горячими кочергами...
- Это... где... так? – чувствуя, как по липкой спине ползут мурашки, заикаясь, спросил Надыбайлов.
- В преисподней... В моём царстве тьмы и чадающей серы... Где ещё быть грешнику, как не в Аду? Вы не верите в Сатану? Смеётесь над придуманным образом его, толстобрюхим плешивцем, намалёванным с рогами, с копытами, с облезлым хвостом... Напрасно... Сатана – главный противник небесных сил, есть высшее олицетворение зла, грозный, всеильный дух, владывающий над человечеством до предела никому не известного времени.
- Чертовщина какая-то... Ерунда всё... Взрослый вы человек, а несёте несусветную чушь. Убийца – ребёнок... Преисподняя... Бесенята... – стараясь не выдавать охватившего его волнения, неуверенно возразил Надыбайлов, незаметно прижимая пиджак на груди слева. Ощутил под ладонью портмоне с долларами, показавшееся вдруг горстью жара.
- В пятьсот восемьдесят шестом году до Рождества Христова я пировал во дворце Соломона... Израильский царь изрёк такую мудрость: «Может ли кто взять себе огонь в пазуху, чтобы не прогорело платье его? Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих?» – сказал граф, не вынимая дымящейся сигары изо рта.
- От этих слов, сказанных как бы между прочим, Надыбайлова затрясло.
- Да не огорчайтесь вы из-за каких-то пяти тысяч... Пустое... – ласково произнёс граф. – Суший пустяк... Право, уж поверьте мне, почётному члену клуба оккультистов... Тем более что это и не взятка вовсе, а небольшое вознаграждение за хлопоты по делу священника...
- Надыбайлов завертел головой, делая вид, что высматривает официанта. Пропуская мимо ушей фразу о деньгах, лихорадочно соображал: «Откуда этот козлоподобный тип знает про взятку? Подслушал с микрофона от встроенного под столом “жучка”? Или в кафе поставлены камеры видеонаблюдения? Кто эти двое? Обэповцы? Фээсбэшники? Если так, надо дёргать отсюда подобру-поздорову, пока не повязали...»

– Бежать не имеет смысла, дорогой Денис Иванович... Лучше проживите крохотный остаток никчёмной жизни разгульно и весело, как и подобает истинному грешнику... А то ведь скоро лишитесь всех земных благ... О чём тогда будете вспоминать в геенне огненной?

– Все под Богом ходим, – слабо возразил Надыбайлов.

– Все да не все, – многозначительно переглянулся с Виолой граф Сивопупов-Крымский. Хитро прищурившись, взглянул на следователя поверх очков, щёлкнул пальцами: – Официант! Подойдите, милейший... Шампанское, фрукты, конфеты, бутылку «Цинандали»...

– «Цинандали», извините, нет...

– А вы спросите у бармена...

– Да нет же... Я знаю...

– Не возражайте посетителю, молодой человек... Вам следует ответить: «Хорошо, господин... Пойду и спрошу...» Да... И принесите букет свежих роз для дамы...

– Зима на дворе, господин... В цветочном киоске есть, конечно, розы из Голландии... Но сейчас время позднее... Киоск давно закрыт...

– А вы спросите у администратора гостиницы... У почтенной Тамары Ивановны...

Официант головой покачал, посмотрел на гостя как на ненормального и, усмехнувшись, ответил:

– Хорошо, господин... Пойду и спрошу «Цинандали» у бармена и цветы у почтенной Тамары Ивановны...

Он ушёл и скоро вернулся с большим букетом роз в китайской вазе и с бутылкой «Цинандали». Смущённый официант сказал:

– Извините, господин, мою бестактность... Бармен и сам не знал, что у него в буфете есть грузинское вино... А у Тамары Ивановны, как ни странно, огромный букет роз...

Надыбайлов, изумлённый не меньше официанта, молча наблюдал, как лысоватый джентльмен с орденом и при галстук-«бабочке» с подбострастием преподнёс цветы даме. Мех горжетки прикрывал её голые руки. Алмазные подвески на платье вспыхивали отблесками свечи, крохотное пламя которой колыхалось от движений официанта, расставлявшего бокалы. Жемчужное ожерелье в два ряда охватывало шею красавицы. Трудно сказать, какого цвета было её экстравагантное платье. Гармонично сливаясь с волнистыми чёрными локонами, оно играло иссиня-фиолетовыми тонами, переливалось изумрудной зеленью, отдавало малиново-красной киноварью. Золотая брошь в виде раскрытых лепестков фиалки сияла на груди прелестницы. Пояс из золотых колец с изумрудами облегал тонкую талию дамы. На её левом плече, как вы помните, дремала ворона. Граф был одет не менее изысканно и со вкусом человека, привыкшего красиво и модно одеваться. Вишнёво-красная «бабочка»-галстук на белоснежной сорочке изящно смотрелась из-под жилета, из карманчика которого свисала золотая цепочка от часов. Платок – одного цвета с галстуком, с продуманной небрежностью выпущенный из нагрудного карманчика пиджака – элегантно дополнял костюм. На манжетах сорочки пламенели рубиновые запонки в платиновой оправе.

Надыбайлова несколько озадачили рыжеватые волосы графа, завитые надо лбом в виде коротких рожек, его клинообразная редкая борода, а главное, старинный орден давно минувших дней и отгремевших сражений. «Интеллигент... Из богатеньких... Зубы платиновые... Каждый по цене автомобиля... Наверно, недурно ему живётся там... в своей Франции...» – подумал Денис Иванович, втайне посматривая на ассистентку доктора оккультных наук из Парижа. Временами сотруднику следственного комитета мерещились сыпавшиеся искры из глаз Виолы, но это было, скорее, отражение трепетавшего огонька свечи.

Официант принёс накрытый салфеткой стейк – непрожаренный ломоть говядины. Надыбайлов взял в левую руку вилку, в правую нож, намереваясь вонзить их в мясо.

– Приятного аппетита, Денис Иванович... Стейк с человеческой кровью... Блюдо гурманов... Должно быть, очень вкусно... Я видел, как воины Александра Македонского в приступах голода набрасывались на пленников и пожирали их, – проговорил гость из Парижа, пригубляя из хрустального фужера искрящееся «Цинандали».

– Что вы такое несёте, граф? – поморщился Надыбайлов, с отвращением отодвигая от себя тарелку с мясом. В своей следственной практике Денис Иванович насмотрелся колотых, резаных, стреляных, расчленённых трупов и мог спокойно пить кофе и есть пирожки вместе с патологоанатомом в лаборатории морга, но сказанное сейчас доктором оккультных наук вызвало в нём брезгливость.

Надыбайлов отодвинул тарелку, налил полный бокал вина и залпом, словно страждущий воды в пустыне, выпил.

– Красное вино – кровь Христа... Пейте и наслаждайтесь страданиями Его, – глядя на огонёк свечи через хрусталь фужера, промолвил граф. – О, благородное вино, играющее в бокале багряным блеском! Весели меня пенящейся кровью Христа! Я благоговейно пью святой дар и заздравным тостом приветствую моего непримиримого врага Господа Бога!

Надыбайлов кинул на графа хмурый взгляд, испытывая всё возрастающее негодование к слизнявому типу с козлиной бородкой. Ни есть, ни пить он уже не мог, вспоминая лужи крови на местах происшествий, куда много раз ему приходилось выезжать в составе опергруппы. Помимо воли, виделась струйка крови, стекавшая с горла одинокого старика, зарубленного на прошлой неделе пьяным соседом, позарившимся на его пенсию. Раздумывая, сделать ли новый заказ без мяса или позвать официанта, рассчитаться и уйти, Надыбайлов машинально вертел в руке пустой бокал.

Граф, словно ни в чём не бывало, поблёскивая платиновыми зубами, любезно предложил:

– Выпейте с нами «Цинандали», Денис Иванович... Прекрасное вино, знаете ли... Вот яблоки, ананасы, апельсины... Кушайте на здоровье... Вы нелестно думаете обо мне, называя «слизнявым типом», но я надеюсь, что, приняв участие в нашем совместном ужине при свечах, чокнувшись со мною дважды, увидите, что я похож на вас...

Говоря так, граф, улыбаясь, наполнил бокал Надыбайлова из своей бутылки. Глаза его сверкнули яркими огоньками и мгновенно потухли. Девушка с милой, очаровательной улыбкой выжидательно посмотрела на Дениса Ивановича. Под её пронизательным взглядом жгучих глаз он безропотно взял доверху налитый бокал и опрокинул его в широко разинутый рот.

– Bravo, Денис Иванович! – легонько похлопал в ладоши граф, снова наполняя бокал Надыбайлова. Виола всё так же пристально смотрела на него. Надыбайлов с бравадой выпил и этот бокал.

– Bravo, bravo! – похвалил граф, в третий раз придвигая Надыбайлову до краёв полный бокал.

Денис Иванович, удивляясь самому себе и не в силах сдержать себя, выпил, и всё вмиг перевернулось перед ним, встало вверх тормашками. Он вдруг увидел сидящую напротив безобразную, сморщенную старуху в лохмотьях, шамкающую беззубым ртом. Её седые волосы спутались грязными космами. Сидящий рядом в лохматой шерсти старик с рожками, торчащими промеж длинных, островерхих ушей, жевал капустный лист, обнажая жёлтые сточенные зубы.

– Бе-е, – проблеял старик. – Пять тысяч долларов получил за нечистое дело...

Надыбайлов, мертвецки пьяный, отмахнулся от кошмарного видения, пробормотал: – Тьфу... Сгинь, нечистая сила...

Он плюхнулся лицом в стейк с кровью, так и не тронутый им, и лишился чувств. Денис Иванович не помнил, сам ли он добрался до комнаты, или кто привёл его в номер отеля. Он очнулся рано утром и нашёл себя лежащим на полу, а точнее – на коврике у двери. К ужасу своему, старший следователь по особо важным делам увидел себя абсолютно голым, если не брать во внимание трусы-«семейники» в «горошек» и хлопчатобумажные носки с дырочками на пятках. Надыбайлов, напрягшись, оторвал от порога чугунную, раскалывающуюся голову, кряхтя поднялся, ища глазами одежду. Ни брюк, ни пиджака в комнате не было. Надыбайлов заглянул в платяной шкаф, даже под кровать, но одежда бесследно пропала. Пальто, свитер, зимние новые ботинки, рубашка, норковая шапка, перчатки – всё исчезло. Вместе с одеждой воры прихватили портфель с протоколами допросов «липовых» свидетелей, флешку и ноутбук с копиями этих материалов. Вспомнив о пропаже следственных документов, вмиг протрезвевший Денис Иванович осознал потерю пяти тысяч долларов и служебного удостоверения. Наивно и смешно было думать, что злоумышленники оставили бы их. До него дошло, что собеседники за столом в ресторане были совсем не те, за кого себя выдавали.

– Подлые аферисты... Гнусные мошенники... Презренные воры... Пять тысяч долларов умыкнуть... У кого? У старшего следователя по особо важным делам! Ну, гады... – всхлипывая как ребёнок, плакал Надыбайлов. – Как я теперь домой приеду? Без денег, без штанов, без протоколов допроса, без удостоверения... Что скажу прокурору Недонососу?

Так, причитая, Денис Иванович сидел нагишом в пустой комнате, куда вскоре явилась горничная с ведром и шваброй. Узнав в чём дело, женщина всплеснула руками:

– Ай-яй-яй! Вот до чего пьянки доводят! Пить надо меньше, алкоголик паршивый! Давай вымечтайся отсюда... Мне комнату проветривать надо... Завонял весь номер перегаром... Какую поганую сивуху ты пил?! На хорошее вино денег, наверно, не было... Готов любую гадость выжрать...

Отчитав несчастного старшего следователя по особо важным делам, женщина сжалась над ним. Принесла из бытовки драный больничный полосатый халат, похожий на арестантский, брошенный кем-то, детскую спортивную шапочку с пупоном, подростковую куртку-пуховик и резиновые сапоги сорок пятого размера.

В таком одеянии, похожий на огородное пугало, следователь-взяточник рано утром вышел из отеля и, шарахаясь от встречных прохожих, заторопился на железнодорожную станцию. Во дворе двухэтажного барака он порылся в мусорной куче, нашёл солдатские броуки-галифе и с радостью ребёнка, получившего игрушку, напялил их на себя. На поясе галифе не сходились – мешал круглый животик, но Денис Иванович быстро нашёл выход из положения: подобрал на свалке шнур от утюга и подвязал штаны. Он поглядел на ясное, голубое небо над Челябинском и с ненавистью, kloкотавшей в груди, выкрикнул проклятья:

– Сволочи! Чтоб вас черти взяли! Чтоб Сатана вас камнями побил! Пусть небо разверзнется каменным дождём над Челябинском и сыпанёт бульжники на ваш проклятый город! Прибежище сатанистов, мошенников, аферистов! Украсть у меня пять тысяч долларов, одежду и всё остальное! Не прошу-у... Приди, лукавый Сатана, и насладись их стонами...

Потрясая кулаками, Надьбайлов взирал на небо, громко умоляя всех чертей и прочих слуг дьявола обрушить камни на головы челябинцев. Он пытался вспомнить лица прохиндеев, подсевших к нему в ресторане, но в памяти всплывали сторбленная старуха-ведьма и плешивый старик-козёл...

...Февральский утренний ветер гнал позёмку, взвихряя снежную пыль над насыпью, бросал в лицо колючую ледяную крупу. В ожидании зелёного сигнала светофора на боковом пути станции на целый километр растянулся тяжёлый, готовый к отправлению грузовой поезд. На трёх вагонных платформах краснели кабинами новенькие «Камазы». Стуча зубами от холода, Денис Иванович взобрался на одну из них, уселся, примостившись за колесом самосвала. Соединив рукава куртки вместе, он спрятал в них заочневшие руки. Пальцы ног в резиновых сапогах онемели – первый признак отморожения. Денис Иванович не плакал. На рыдания не доставало сил. Он шептал проклятия, призывая всех чертей на повинных в его беде аферистов и в их лице всех челябинцев. Из круговерти метели возникли тёмные фигуры. Первым, прихрамывая, опираясь на трость, шёл пожилой мужчина в очках, в форменной шапке-ушанке с кокардой железнодорожного охранника. За ним шла молодая женщина в ватных брюках, в форменной куртке с капюшоном, наброшенным на голову. На плече у неё сидела ворона. Птица вдруг захлопала крыльями, прокакала:

– Карр... Прро-курра-турра... Ворр... Карр...

– Бе-е... Кто здесь? Покажись! – визгливо потребовал охранник, подходя к платформе.

Денис Иванович боязливо высунулся из-за колеса. Старший следователь по особо важным делам совсем задубел и смирился с неизбежностью превратиться в глыбу льда.

– Предъявите документы! Бе-е... Бе-ез... документов? Придётся сдать вас в полицию, гражданин... Бе-е... Надьбайлов Денис Иванович...

Старший следователь по особо важным делам почему-то не удивился, откуда охранник знает его фамилию. Наверно, от холода мозги его тоже застыли, и отупевший капитан полиции, еле ворочая языком, проямлил:

– Не... Не надо... в полицию...

На какое-то мгновение лица охранников показались знакомыми: с клинообразной рыжей бородкой мужчина в очках, черноволосая девица... Ворона... Одетые в железнодорожную форму, они отвернулись, и мужчина-охранник примирительно произнёс странным, по-козлячьи блеющим голосом:

– Бе-е... Ладно... Бе-е... Езжай в свой Козлодоевск... Расшалился там народец... Ни в Бога, ни в Сатану не верит... Не страшит их геенна огненная... Нам «Камазы» сопровождать положено... С тобой поедем до Козлодоевска... Бе-е...

У Дениса Ивановича простуженный голос прорезался. Согласно кивая, просипел:

– Да... У нас в Козлодоевске коррупция, воровство... Полно мошенников, грабителей, наркомапов...

– Рыба с головы гниёт, Денис Иванович... Бе-е... – проблеял охранник, сверкнув глазами. Сжался над согбенным Надыбайловым: – Садись в кабину «Камаза», Денис Иванович... Там затишно... Однако... Бее... Не высывайся... Неровен час, упадут сюда камни с неба, о которых ты просишь у Сатаны...

Метель сыпанула снегом, и в клубах её исчезли охранники с вороной. Прошуршал щебень под их туго зашнурованными берцами, и опять стало тихо. Открывая дверцу автомобиля и влезая в кабину, следователь по особо важным делам Надыбайлов видел, как небо над городом прочертили желтоватые полосы. Эхо далёкого взрыва долетело до станции, ударило по ушам, и Денис Иванович чуть не оглох. Всхлипывая, он дрожал от холода, от обиды на подлых проходимцев, сыгравших с ним злую шутку, кутался в куцый пуховичок и поминал недобрыми словами диспетчера, долго не отправлявшего товарный состав. Наконец поезд прошипел тормозами, прозвенел автосцепками, проскрипел стылými колёсами и застучал на выходных стрелках, увозя ответственного работника следственного комитета в родной Козлодоевск. Как и предсказал доктор оккультных наук из Парижа, граф Сивопупов-Крымский, Денис Иванович Надыбайлов через две недели после злополучного ужина в ресторане отеля «Яхонт» трагически погиб от руки малыша. На его могиле находили вдавленные в глину свежие следы копыт. То ли какой заблудший козёл потоптал её, то ли другая скотинка... Но об этом несколько позже...

ГЛАВА 3

«Чего ему не хватало?»

Сырой утренний ветерок разносил запахи подтаявшего, посеревшего снега. На первых проталинах важно расхаживали воркующие голуби. Неугомонно чирикающие воробьи копошились в ветвях клёнов, отпотевших после ночного заморозка. На крышках канализационных люков грелись облезлые, грязные коты, перезимовавшие в пыльных подвалах. Пугая прохожих, с карнизов домов свисали толстые сосульки, угрожая сорваться на головы. Ликующая малышня с визгом резвилась на детских площадках. Во дворе школы ученики старших классов бегали раздетыми и без шапок. Приметы близкой весны...

В широкие пластиковые окна мэрии Козлодоевска, смотрящие на городскую площадь, обсаженную елями, долбилась клювом голодная синица. В поисках корма птичка высматривала форточку, через которую смогла бы влететь в кабинет архитектора господина Разуваева. В приёмной толпились надоедливые посетители-просители, сдерживаемые у заветной двери архитектора строгим взглядом холодно-неприступной Глафиры Порфирьевны – пожилой дамы, односложно отвечающей на телефонные звонки.

– Антон Ильич занят, – слышали абоненты её сухой, равнодушный голос. Тембр его преобразался, становился мягче, когда Глафире Порфирьевне, добиваясь её благосклонности, посетители-просители подносили подарки. С бесстрастно-невозмутимым лицом, которое никак не становилось моложе и привлекательнее от косметических усилий, секретарь архитектора открывала и задвигала ящик стола. От каждого такого движения в нём прибавлялось шоколадных плиток, конфетных коробок, флаконов с духами, губных помад, баночек с кремами. Очередной посетитель-проситель, рвущийся в кабинет архитектора за подписью, дающей право возвести в городе строение, прорыть траншею или установить рекламный баннер, вносил скромный вклад в необъёмный стол Глафиры Порфирьевны. Секретарь многозначительно указывала на стул. Сей выразительный жест мог означать: «Ждите... Антон Ильич занят...», «Подождите немного... Антон Ильич примет вас...», «Я сейчас доложу Антону Ильичу о вашем приходе...» Каждый посетитель понимал приглашение присесть в зависимости от своего должностного положения или сообразуясь с ценой преподнесённого секретарю презента.

Начальникам нравится иметь в приёмной как можно больше народу. Это придаёт им значимость в глазах людей, возвышает в своих собственных и создаёт у вышестоящего руководства видимость большой загруженности нижестоящих чиновников. К тому же, чем больше толчется людей у дверей кабинетов, тем больше вероятность, что от них, подписывая справку, можно сколько-нибудь поиметь. Задаром ведь и чирик не садится, прежде почесать надо. А чешется у чиновников всегда и, как ни странно, только левая ладонь, что, как всем известно, к деньгам.

Архитектор города Козлодоевска господин Разуваев Антон Ильич не был в этом смысле исключением. В то время как очередники хмуро и неусыпно следили друг за другом, ревниво оценивая возможности претендентов урвать удобное местечко для своего ларька или магазина, Антон Ильич не торопился их принимать. Уютно расположившись в кожаном кресле, он доедал остатки вчерашней пиццы и запивал их клюквенным морсом. В стекло кабинета, озарённого скупыми лучами утреннего солнца, настойчиво стучалась синица, порхала на раме, косила глаз на крошки от пиццы. Батареи парового отопления слабо грели, но от электрокамина исходило благодатное тепло.

«Мерзавцы... Разворовали бюджетные деньги на уголь, на газ... Батареи чуть живые... Миллиончиков пять, если не больше, умыкнул мэр со товарищи...» – с завистью подумал Антон Ильич о коллегах – работниках городской администрации. В последнее время козырная карта никак не шла Антону Ильичу. Под выигрышным джокером подразумевалось денежное вознаграждение, именуемое на юридическом языке «взяткой в особо крупном размере». Толстую пачку долларов мог преподнести ему воротила-бизнесмен, какой-нибудь прожжённый ворюга или бывший рэкетиер, отмывший деньги в заграничном банке, за одну лишь закорючку в виде подписи, разрешающую, к примеру, возвести супермаркет в центре города. «Или пусть бы мне предложили толкнуть чемоданчик с наркотой за пол-ляма цыганам», – мечтательно подумал Антон Ильич. Как назло, в приёмной толкуются мелкие лавочники, вечные должники по оплате аренды, сидящие по уши в кредитах, ссудах и займах. Невозможно содрать с них приличную сумму. И желанного чемоданчика с долларами, с наркотиками у них при себе нет... И это сейчас, когда ему край как нужны пятьсот тысяч долларов, чтобы достроить дом-дворец на Кипре из бело-розового мрамора, с фонтанами, бассейнами, теннисными кортами и площадкой для гольфа. Всего-то... Каких-то паршивых пол-миллиона...

В ту самую минуту, когда архитектор господин Разуваев, кусая губы, морщил лоб, мысленно прощупывая предпринимателей, ожидавших в приёмной, на столе запищал телефонный аппарат внутренней связи.

– Слушаю, Глафира Порфирьевна... Что у вас с голосом? Вы словно проблеяли... Что?! Граф Сивопупов-Крымский?! Вы что несёте? Какой ещё граф?! Проходимец уши вам притирает, а вы развесили их и слушаете... Гоните его взащей к чертям собачьим! Нет в нашей стране ни князей, ни маркизов, ни баронов, ни графов, ни герцогов! Разогнали их большевики... Вы ещё скажите, что ко мне турецкий паша пожаловал или японский самурай... Что?! Из Парижа прилетел?! Так пропустите немедленно!

Предчувствуя удачу, Антон Ильич вытер о брючину разом вспотевшую левую ладонь. «Кажется, крупная рыба клюнула... Не иначе, инвестиции хочет вложить в экономику нашего города... Это новостройки, отвод под здания земельных участков... Ну уж, господин карась... Не сорвёшься у меня с крючка! Обдеру француза как липку!» – в нетерпении заёрзал в кресле Антон Ильич, смахнул рукой со стола крошки от пиццы и, приняв начальственную позу, забарабанил пальцами по блестящей, лакированной «под орех» крышке массивного стола. Он глянул на стрелки огромных напольных часов, отбивших половину десятого, перевёл взгляд на дверь и обомлел. Прямо перед ним стоял рыжий, с бородкой клинышком, невзрачный гражданин в мятом, потрёпанном спортивном костюме фирмы «Адидас». Резную трость, поблёскивающую золотой рукоятью, он держал слева под мышкой. На груди столь неожиданно возникшего человека сиял восьмиугольный орден, усыпанный бриллиантами. Рядом с мужчиной, смахивающим скорее на бомжа, чем на порядочного человека, тем более графа, стояла элегантная красивая девушка с изящным чемоданчиком-кейсом и вороной на согнутой руке. На лохматых лапках вороны блестели золотые кольца. В острых, пронизательных глазах девицы и жёлтых вороньих вспыхивали и мгновенно гасли огоньки. Чёрные пышные волосы, чёрные большие глаза, чёрные модельные туфли, чёрная мини-юбка, чёрная блузка с вышитой на ней золотой нитью фиалкой... Блеск бриллиантов и золотых украшений... «Наверно, от солнца так сверкают её глаза, – подумал Антон Ильич, ошарашенный несказанной красотой девицы и взъерошенной вороной на её локте. – Странно... Как они вошли, что я не слышал?» Позже, находясь в камере следственного изолятора, Антон Ильич не мог вспомнить, что больше поразило его: бриллиантовая звезда на груди неряшливо одетого рыжего посетителя, золотой набалдашник трости, перстни на пальцах или очаровательная модница с вороной...

– Слушаю вас, гражданин... Э-э...

– Граф Сивопупов-Крымский, – с вежливым поклоном подсказал именитый посетитель, чем вызвал вполне понятную улыбку Разуваева. – А это моя неотразимая ассистентка Виола Филаретовна Обнорская... С вашего позволения – просто Виола... И её любимая говорящая ворона Каролина...

– Карр... Гово-ррящая... Варро-на Карро-лина... – гаркнула ворона во всё воронье горло, сверкая жёлтыми глазами.

Прелестная девица придержала ворону и, взмахнув кейсом, сделала реверанс, чем окончательно сбила Антона Ильича с толку. Заворожённый её чарами, Разуваев предложил трепетным голосом:

– При... Присаживайтесь, пожалуйста...

Мысли архитектора Козлодоевска шли враскоряку. С одной стороны, неопрятный вид незнакомца не внушал доверия. С другой – его невиданный орден, дорогая трость, перстни и столь изысканный реверанс девушки явно аристократического воспитания. «Этот нелепый орден... Камушки на нём, поди, стекляшки обыкновенные... Где, на какой толкучке коллекционеров купил он его?»

Пока Разуваев оставался в замешательстве, верить или не верить в графское происхождение незнакомцев, мужчина с орденом на «адидасе» заговорил первым:

– Насчёт ордена, Антон Ильич, не сомневайтесь... Самый настоящий... И не стекляшки на нём, а чистейшие алмазы огранки уральских мастеров... Десять каратов... Мне его самолично вручила матушка-императрица Екатерина Вторая за морскую баталию при Калиакрии, где я командовал бригадом под началом Фёдора Ушакова...

– Что?! Командовал бригадом?! – вытаращил глаза Разуваев. – Но позвольте, гражданин... Э-э...

– Граф Сивопупов-Крымский...

– Что вы мне голову морочите? То когда было? Дай бог памяти...

– Не утруждайте себя, Антон Ильич, напрасными потугами... В школе на уроках истории вы не отличались знаниями предмета, поэтому не вспомните дату сражения... Я подскажу вам: в той баталии мы разгромили турок четырнадцатого октября тысяча семьсот девяносто первого года, за что к моей фамилии Сивопупов добавилось почётное Крымский...

– Да-да... Но всё же... Прошло два столетия, а вы утверждаете... Просто не серьёзно и даже не смешно...

– Как вам будет угодно... Только не советую вдругорядь гнать меня к чертям собачьим. И вообще я не карась... Клевать на ваш крючок не намерен... Пожалуй, наживкой станете вы сами...

При этих словах с металлическим оттенком в голосе незнакомца Антон Ильич похолодел. «Откуда он знает, что я так подумал о нём? Экстрасенс, что ли? Станный тип...»

– Я не тип, как вы изволили заметить, а граф Сивопупов-Крымский... Кстати, этот почётный титул и ещё тысячу крепостных мне высочайшим указом пожаловала императрица Екатерина Великая. Прошу любить и жаловать... Так что на полном основании вы должны обращаться ко мне не иначе как «ваше сиятельство».

Разуваев от души расхохотался. Этот странный незнакомец с козлиной бородкой и рыжими рожками-завитушками со своим несусветным враньём напоминал... Кого? «Ага, вспомнил! Этого, как его...»

– Барона Мюнхгаузена, вы хотели сказать? – вкрадчивым голосом спросил Сивопупов-Крымский. Антон Ильич в страхе поперхнулся, зашёлся кашлем, закивал.

– Возможно, вы и правы, Антон Ильич... Ведь Рудольф Эрех Распе, автор знаменитых «Приключений барона Мюнхгаузена», писал его портрет с меня... И сюжеты всяких лживых походов литературного вруна-авантюриста немецкому писателю подсказывал я, сидя с ним зимними вечерами за партией преферанса...

Разуваев насмешливо взглянул на графа.

– Не стоит сочинять небывлиц, ваше сиятельство... Конечно, я не литературовед, но читал где-то, что барон Мюнхгаузен – не вымышленный герой... Он рассказывал смешные, неправдоподобные истории, чтобы развеселить гостей... Барон был толст и совсем не похож на худого отчаянного смельчака, изображённого на иллюстрациях самого Распе.

– А я и не говорю, что перед Распе я представлялся худым, – пожал плечами граф... – Не хотите, ну и не верьте...

Разуваев побледнел, выпил стакан минеральной воды и чуть было не лишился чувств, увидев, как несколько мгновений из глаз Виолы и её растрёпанной птицы сыпались искры. Он потерял дар речи

и боялся подумать что-нибудь ещё о необыкновенных пришельцах. Мысли упрямо вертелись о пятистах тысячах долларов, которые он рассчитывал заполучить с них за сделку, «ободрав как липку».

– Вы нуждаетесь в деньгах для строительства роскошного дома на Кипре... Вот вам полмиллиона долларов, о которых вы так страстно мечтаете. За небольшую услугу... Я желаю переделать магазин «Хозтовары» в ресторан... Нужна подпись главного архитектора...

Виола поставила чемоданчик на стол. Ворона Каролина слетела с её локтя с громким карканьем, распутив крылья, уселась на дверцу шкафа. В её жёлтых глазах на миг вспыхнули искры. Разуваев пристально посмотрел на неё, и ворона разинула клюв, взъерошила перья, угрожающе зашипела.

– Серьёзная птичка... С характером, – боязливо проговорил Разуваев, вождественно глядя на чёрный «дипломат».

– Ну, так как, Антон Ильич? Договоримся? Я вам дам деньги, а вы не возражаете против строительства ресторана на месте магазина хозтоваров...

Разуваев, заикаясь, сказал:

– Вопрос непростой... Требуется рассмотрения на сессии депутатов городского совета... Как решат они...

Граф Сивопупов-Крымский вставил золотой ключик в замочек «дипломата» и раскрыл его. Тугие пачки банкнот зеленели в нём, сразу пленив Антона Ильича. Сердце его бешено заколотилось. Он промокнул носовым платком взмокший лоб, лихорадочно соображая: «Подстава... Фээсбэшники работают... Или цэрэушники...»

– Нет, что вы! – испуганно вскрикнул Антон Ильич. – Я взятку не беру, – боязливо пробормотал он и подумал: «Чёрт знает, что это за люди... Может, они опера из ОБЭПа...»

– Да не парьтесь вы, Антон Ильич... Никакие мы не опера и не фээсбэшники... И уж, само собой, не цэрэушники... Я французский учёный, которого вы собрались ободрать как липку... Моя ассистентка Виола – бизнес-леди... И не лгите, что вы взятку не берёте... А два миллиона рублей за участки, отведённые под застройку коттеджей в черте города, которые вы взяли у местного олигарха Голопузова? А три миллиона рублей за парковочные автостоянки? Правда, вы поделили их с мэром Потапенковым и его заместителем Абдурахмановым... Ещё припомнить некоторые случаи вашей профессиональной деятельности? Например, в качестве взятки оплаченную вам путёвку на отдых в Испании?

Разуваев ошалело поводил глазами по сторонам, хватая ртом воздух. Его бил озноб. «Откуда им всё известно?»

– Напрасно вы принимаете нас за силовиков, – спокойно сказал Сивопупов-Крымский. – Мы из старинного графского рода... Ну а если вы, Антон Ильич, взятку не берёте, – усмехнулся граф, – предлагаю сыграть со мной в карты. Вы же мечтали о джокере... Выиграете – деньги ваши, подписываете разрешение на ресторан...

– А если проиграю? – засомневался Разуваев, чувствуя подвох.

– Деньги останутся у нас... Но мы уйдём без подписи... Только и всего... Вы ничего не теряете...

– Карр... К чёрр-ту карр-ты... Карра-ул... Грра-бят, – прокричала ворона со шкафа. – Карр-ты врр-ут...

Сивопупов-Крымский протянул руку, и в кулаке у него оказалась новенькая колода карт. Разуваев сам распечатал её дрожащими руками. Виола стасовала карты, раздала игрокам. Антон Ильич с радостью, близкой к помешательству, обнаружил, что все шесть карт в его руке, бубновые козыри. С гулко бьющимся сердцем он побил все карты графа.

– Что ж... Договор дороже денег... Выиграли вы, Антон Ильич, – проговорил граф безразличным тоном и без видимого сожаления отдал кейс Разуваеву. Тот, сияя от счастья, принял его, торопливо подписал предложенные ему бумаги и раскланялся:

– Э-э... Ваше сиятельство... Всего доброго, граф... Всяческих благ вам, прекрасная леди... И тебе, умная птичка...

Ворона взъерошила перья, раскрыла клюв и, дико вращая сверкающими глазами, захлопала крыльями, слетела со шкафа и уселась на плечо невозмутимой хозяйки.

– Карр... В карр-ты иг-ррают ду-рраки, – прокричала она. – Крра-сиво жить у парра-ши не запретишь... Прро-щай...

У двери граф обернулся, небрежно бросил через плечо:

– Кстати, Антон Ильич... Неплохая идея толкнуть наркотики цыганам, промышленяющим этим зловредным бизнесом...

Посетители ушли, учтиво поклонившись, а Разуваев заметался по кабинету как ужаленный, лихо-радочно соображая, куда спрятать кейс с деньгами. Вспомнил о давнишнем своём тайнике в огромном цветочном горшке с искусственной монстерой. Схватил макет растения за толстый стебель, вынул из горшка, вывалил в него из чемоданчика увесистые пачки стодолларовых купюр, опустил «монстеру» на них. Осмотрелся: всё нормально. Уселся в кресло, потёр ладони одна о другую. Вдруг спохватился:

– Кейс!

Он проворно вскочил, торопливо набросал в чемоданчик всякой бумажной макулатуры, захлопнул его и спрятал в книжный шкаф. Всё шито-крыто! Вальяжно уселся в кресло и уткнулся в служебную документацию. Громко крикнул:

– Глафира Порфирьевна! Кто там следующий? Пусть войдёт! – И, гордый собой, самодовольно улыбаясь, добавил: – Гольтьба... Лавочки недонашенные... Коммерсанты паршивые... Нищета... Снегу у них зимой не выпросить, не то чтобы сами догадались на лапу дать... А ещё в бизнесмены лезут... Туда, куда и все...

Когда Антон Ильич выдавал эту тираду, у дежурного в управлении полиции зазвонил телефон. Майор поднял трубку.

– Дежурный майор Белов вас внимательно слушает...

– Полиция? Говорит доброжелатель... Архитектор города господин Разуваев Антон Ильич только что получил взятку пятьсот тысяч долларов США за переоборудование магазина «Хозтовары» в ресторан... Деньги Разуваев спрятал в горшок с монстерой... Они помечены буквами «С–К»... А ещё он торгует наркотиками... Кейс с героином Разуваев хранит в шкафу с книгами по архитектуре... Ключик от кейса в карандашнице на письменном столе...

Через полчаса в кабинет ошеломлённого Разуваева вломилась бойца ОМОНа. Несчастливого Антона Ильича положили на пол лицом вниз, заломили ему руки за спину и сцепили их наручниками. При понятых, среди которых была трясущаяся от страха Глафира Порфирьевна, сотрудник полиции поднял за стебель пластиковую монстеру, вытряхнул из горшка пачки денег, вытащил из шкафа «дипломат». Ключик от него действительно оказался в карандашнице. Полицейский открыл чемоданчик. Пакеты с белым порошком плотно лежали в нём, аккуратно уложенные ровными рядами.

– Это не моё! – вскричал не своим голосом обезумевший от ужаса Антон Ильич и схватился за сердце.

– И чего ему не хватало? – закуривая сигарету после подписания протокола, взволнованно проговорила Глафира Порфирьевна. – Престижная должность, хорошая зарплата... Так нет... Взятка... Наркотики... Ну, теперь ему всего хватит с избытком...

Как стало позже известно, бывший архитектор города Козлодоевска Антон Ильич Разуваев не пережил волнений ожидаемого суда и скоропостижно скончался в камере следственного изолятора.

ГЛАВА 4

Граф Сивопупов-Крымский собственной персоной...

В те самые минуты, когда перепуганный насмерть архитектор мерил шагами тесную камеру следственного изолятора, теряясь в догадках, откуда взялись наркотики в «дипломате», редактор городской газеты «Бизнес-Козл» господин Агафонов Валентин Григорьевич не мог самостоятельно подняться с постели. Требовался специальный подъёмный кран... Такой компактный, домашний, чтобы медленно и осторожно приподнять несчастного редактора за отворот ночного халата, отнести его в ванную комнату, ласково обтереть ему лицо влажной, прохладной салфеточкой, побрить его, почистить ему зубы, прополоскать рот и влить в него грамм сто коньяка.

Мечтая о подъёмно-похмельном устройстве, Агафонов мысленно его усовершенствовал: кран, подъехав к нему на колёсиках, сначала должен был вливать в рот коньяк для похмелья, а уж потом нести страдальца к умывальнику. Однако пока башковитые японцы и хитромудрые китайцы ещё не придумали робот-опохмельитель, роль этого автомата периодически выполняла ненавистная жена редактора одиозная Эльвира Самуиловна, главный санитарный врач Козлодоевска. Не

вступая в излишние дебаты с мужем, она бесцеремонно, не колеблясь ни минуты, опрокинула на бедолагу ковш холодной воды. Агафонов вскочил на ноги, поминая Сатану, всех чертей и леших, пославших ему жену-ведьму. Ещё вчера она была другой...

В обеденный перерыв Агафонов забежал в хозяйственный магазин, что напротив редакции, и купил там пять широких рулонов немецких обоев. Позвонил домой, сообщил жене о своём намерении прийти с работы пораньше и оклеить спальню. Эльвира Самуиловна, благословляя мужа на бытовой подвиг, назвала его «славным голубком», обещала расцеловать и приготовить на ужин его любимые сырники со сметаной.

Но, увы... Моющиеся обои с нежно-розовыми пионами прекрасного германского качества так и остались валяться в углу кабинета. Вместо того чтобы создавать уют, вить гнёздышко семейного счастья, Агафонов пошёл на день рождения к своему давнему товарищу прокурору Недоносову, где, по образному выражению сухопарой, зловредной Эльвиры Самуиловны, «нажрался, надрался, нализался, напился как последняя свинья». Сравнение это с безобидным животным, не употребляющим алкоголь, совершенно неуместно и несправедливо. Свинья ни к водке, ни к коньяку, ни к другим горячительным напиткам пристрастия не имеет, а посему может быть достойной кандидатурой на должность председателя общества трезвенников, бывших беспробудных пьяниц.

У Эльвиры Самуиловны философствовать на эту деликатную тему времени не оставалось. Она спешила на работу и была занята заботами о себе любимой: причёсывалась, красила губы, натиралась кремом... Впрочем, не дело раскрывать тайны и секреты дамских туалетов... К тому же главное действующее лицо в этой главе не супруга Агафонова, а он сам, уважаемый редактор городской газеты «Бизнес-Козл», член вышеупомянутого общества трезвенников. Валентин Григорьевич не находил себе места от мучившей его головной боли и тошноты. Он страдал над унитазом в позовах жесточайшей рвоты, выворачивающей его нутро наизнанку. Шатаясь, выходил из туалета бледным, подавленным, проклиная себя за невоздержанность на именинах прокурора Недоносова.

– Всё, чёртова мегера... Больше не пью, – повязывая красный, «президентский», галстук, сказал он жене.

– Зарекалась свинья в грязи не валяться, – огрызнулась супруга из прихожей, надевая туфли. – Ты бы лучше подумал на досуге, как нам коттедж достроить... Где взять миллион? Эх, дура я, дура... Зачем за тебя замуж пошла? Писарчук жалкий... Борзописец с пустыми карманами... Редактор! Люди уже в Испании виллы имеют... Вон... Архитектор Разуваев на Кипре дворец построил, а ты в занюханном Кудряшевском бору дом не можешь до ума довести... Да что дом?! В спальне сто лет обои не меняли...

На этом «высокие» отношения закончились. Эльвира Самуиловна хлопнула дверью, и стук её каблуков поглотил лифт девятого этажа. В расстроенных чувствах, чуть живой лишь к полудню притащился Агафонов в редакцию городской газеты «Бизнес-Козл». В ожидании редакционной «летучки» у дверей кабинета «шефа» собрались литературные сотрудники, называющие себя «литрабами». Агафонов, торопясь войти в кабинет и глотнуть воды из кулера, поспешно объявил:

– Все свободны! Летучки сегодня не будет...

Журналисты, очень довольные, что обошлось без придирок и нахлобучек редактора, вечно недовольного их материалами, быстренько разошлись. Кто дописывать статью, а кто якобы «брать актуальное интервью, писать репортаж», попросту сбежал домой. Валентин Григорьевич утолил жажду, приоткрыв дверь, высунулся в приёмную, потребовал:

– Ираида Карловна! Чаю мне цейлонского!

– Как всегда, покрепче? С лимоном? – заискивающим тоном спросила секретарь.

Валентин Григорьевич мотнул кудлатой головой и скрылся за дверью своего кабинета, обставленного старой, ещё советского времени мебелью. Ираида Карловна принесла чай и молча вышла. Агафонов, мучимый похмельным синдромом, уселся в потёртое кресло, взял стакан в подстаканнике, но прихлебнуть из него не успел: зазвонил телефон. Агафонов поднял трубку и услышал насмешливый голос однокашника по учёбе в университете прокурора Недоносова:

– Привет, старик! Ты живой после вчерашнего?

– Пытаюсь быть таким, – выдохнул в трубку перегаром Агафонов... – Чёрт меня дёрнул так укушаться...

– Новость знаешь? Я только что подписал ордер на арест Разуваева... Попался на взятке в пятьсот тысяч долларов и с крупной партией героина... Представляешь, куда он спрятал деньги? В горшок с монстерой! От кого получил взятку, ещё предстоит выяснить, а кейс с наркотой, изъятый у него в шкафу, факт доказуемый... Так что можешь смело присылать ко мне своего корреспондента из отдела «Криминальная хроника»... Этого, как его?..

– Савелия Редькина...

– Во-во... Толковый парень... Я бы его в следственный комитет рекомендовал... Там следак по особо важным Надыбайлов ни рыба ни мясо... Приехал из командировки сегодня утром какой-то чумной... Небылицы рассказывает, будто с помощью Сатаны и чертей послал на Челябинск метеорит...

Недоносков расхохотался на другом конце провода.

– Такие, старик, дела... Ну так как, пришлешь Редькина?

– Нет... Я сам напишу о Разуваеве фельетон...

– Тебе виднее... Ну, пока...

Трубка запикала. Агафонов положил её на рычаг и чуть не заплясал от охватившей его радости:

– Надо же! Вляпался, вражина! Не устоял от соблазна лукавого! Ну, конь педальный! Теперь я на тебе отыграюсь! Мегера моя узнает, заткнётся... А то всё мне тычет: «У Разуваева дворец на Кипре...» Камера у него отдельная с видом на небо через решётку, со всеми удобствами: параша, нары, пыльная лампочка на потолке, «глазок» в железной двери... – Агафонов громко крикнул: – Ираида Карловна! Ко мне никого не впускать! Я работаю над фельетоном... Сенсационный материал!

Агафонов схватил шариковую ручку. Стержень в ней давно исписался. Он порылся в столе, нашёл другую ручку, но и она оказалась поломанной. Простой карандаш не годился для написания фельетона. Сожалея, что до сих пор не научился печатать двумя руками, Агафонов в нетерпении включил компьютер и начал писать фельетон, нажимая на клавиши пульта одним указательным пальцем. Он не написал ни одной строки, кроме заголовка «Мздоимец», набранного жирным шрифтом «Cambria» кеглем двадцать два. Редактор старательно напрягал все извилины головного мозга, но после вчерашнего застолья у прокурора Недоносова они, видимо, спрямились, и на ум не приходило ничего, кроме избитых газетных штампов: «взяточник», «лихоимец», «торговец белой смертью», «продажный чиновник» и всё в таком роде. А надо написать смешно, едко, задиристо, заковыристо! Такой жареный фактик раскрутить следует с полной силой! В самый раз напечатать фельетон в духе времени начатой в стране борьбы с коррупцией! Хорошо бы так закрутить, так завертеть, чтобы весь город со смеху угорел, читая его. А, чиновник! Попался, на острие журналистского пера!

Терзаемый муками творчества, Валентин Григорьевич покусывал кончик ногтя, придумывая едкие, язвительные фразы для незадачливого архитектора, бесславного героя сенсационного материала. И ещё у Валентина Григорьевича, как мы уже знаем, ужасно болела голова. Он вспомнил, как пил «на брудершafft» со многими гостями Недоносова, рюмка за рюмкой вливая в себя дорогой коньяк, и его чуть не стошнило.

– Перебрал лишнего... Дорвался до бесплатного... На халяву уксус сладкий... Теперь вот страдай... Не надо было столько пить... Чтоб меня черти взяли и крокодилам скормили, – ругал он себя. И оправдывал: – Да как удержаться от дармовой выпивки? Когда ещё такая шара выпадет пить армянский коньяк как воду? Похмелиться бы... Несмотря на дружеские отношения с прокурором, не придёшь к нему, не скажешь: «Господин Недоносков! Плесни коньяку грамм сто!»

Редактор постучал одним пальцем по клавиатуре компьютера, и на экране монитора появилось предложение: «Поддавшись уговорам подлого, коварного Сатаны, наш герой не устоял перед соблазном лукавого, взял деньги... Полмиллиона долларов США!» Валентин Григорьевич не скрывал радости от ареста Разуваева. Дело в том, что не так давно он обратился к архитектору города за разрешением на строительство служебного гаража возле редакции, на что получил официальный отказ, мотивированный тем, что «вышеуказанный гараж не вписывается в архитектурный ансамбль города...». Валентин Григорьевич рассчитывал со временем приватизировать строение в свою личную собственность, затем продать и хапнуть за него крупную сумму денег. Получился облом. Валентин Григорьевич затаил в душе злость на чиновника, и вот теперь представился подходящий случай выместить её фельетоном. «Лукавый искуситель Сатана, уродец с семью головами и десятью рогами

завладел его алчной душой, страждущей богатства», – с удовольствием отстучал редактор новую фразу и сказал сам себе:

– Ду-рак набитый! Взял полмиллиона долларов и спрятал... Где?! В цветочном горшке! Глупее не придумаешь... Какой идиот хранит героин в собственном кабинете?! Эх... Мне бы эти полмиллиона долларов! Да ладно... Я не жадный... Согласен на миллион наших деревянных рублей... Хотел бы я знать, где тот Сатана, который предложит мне взятку в миллион? Ну, иди ко мне, мой дорогой лукавый! Эх... Если бы какой-нибудь чёрт лысый дал мне миллион... Перво-наперво я бы уехал... В Юго-Восточную Азию... Там тепло... Там ананасы и манго... В Таиланд, например... Джунгли, обезьяны, кобры, крокодилы, удавы... Всё увидеть своими глазами... Чёрт меня возьми! Как хочу я оказаться под тропическим солнцем! Ну почему лукавый соблазнитель пришёл к Разуваеву, а не ко мне?

Мечтая, Валентин Григорьевич отвлёкся от написания фельетона. Он приник взглядом к экрану монитора, но в этот момент в кабинет вошли двое: известный читателю лысоватый мужчина в очках, в спортивном костюме фирмы «Адидас», с орденом и тростью, в сопровождении красивой черноволосой девушки в длинном платье и в меховой накидке на оголённых плечах. Мастерски выделанная шкурка чёрно-бурой лисы серебрилась, сливаясь с блестящими волосами девушки, потряхивала пушистым хвостом и лапками с когтями, скалилась острыми зубами из расплющенной пасти, глядела дырками от глаз. На правом плече девушки, на подстилке из красного бархата сидела ворона, приглаживала клювом перья. В левой руке девушка держала чёрный кожаный чемоданчик-«дипломат». Агафонов, не поднимая головы, громко крикнул:

– Ираида Карловна! Я вас просил меня не беспокоить... Я работаю над фельетоном на злободневную тему... Вы слышали, уважаемые, я занят, – сухо обратился Валентин Григорьевич к вошедшим, поднял голову и... чуть не упал с кресла, увидев стоящих на ковровой дорожке худоватого мужчину, опирающегося на трость, с орденом на спортивном костюме, и красивую девушку с мехом чернобурки на плечах. Но более всего редактора «Бизнес-Козл» поразила непринуждённо сидящая на её плече обыкновенная ворона. Странные посетители, вошедшие без приглашения, мило улыбувшись, приветливо поздоровались. Лысоватый мужчина в очках, в «адидасе» и с орденом, в белых китайских кроссовках, тряхнув рыжеватой козлиной бородкой, галантно произнёс:

– Имею честь представиться: граф Сивопупов-Крымский, собственной персоной, и моя дражайшая ассистентка Виола... Кстати, была фрейлиной при дворе императрицы Екатерины Великой, где я после морского сражения при Калиакрии служил в морском ведомстве. Прошу низжайше извинить меня, что я не при шпаге... Другие времена, знаете ли... Трость теперь заменяет шпагу... Мы только что из Парижа и сразу к вам, уважаемый редактор...

– Карр... Здрра-встуйте, рре-дак-торр! – хлопая крыльями, крикнула ворона, слетела на пол и важно прошлась по ковро. Её глаза светились жёлтыми огоньками.

Агафонов обалдел от вида неожиданных посетителей и такого их представления. «То ли я так перепил вчера, что должен всерьёз воспринимать всякую чертовщину, то ли шизофреников черти занесли», – подумал Валентин Григорьевич и хотел уже позвать Ираиду Карловну, чтобы выставить сумасшедших посетителей за дверь, но respectable вид девушки с кейсом удержал его.

– Слушаю вас, господа... И что вас привело из Парижа в наш забытый Богом Козлодоевск? – не скрывая иронии, насмешливо спросил Агафонов. – Вы, надо полагать, бродячие артисты из цирка шапито?

– Смею вас заверить, Валентин Григорьевич, Козлодоевск Богом не забыт... И Сатаной тоже, который в названии вашего города видит для себя общие черты, а потому чрезвычайно озабочен: не все ещё горожане поддаются на уловки духа зла и повелителя теней, потому как Господь наделяет их верой для противостояния нечистой силе...

– Ну, вы мне эти байки не рассказывайте... Не верю я ни в Бога, ни в Сатану... Извините... Вы мешаете мне работать, – ответил Валентин Григорьевич, несколько озадаченный тем, что рыжий незнакомец обратился к нему по имени-отчеству. «Хотя... Спросил, наверно, в приёмной у Ираиды Карловны... Орден какой-то допотопный нацепил, времён Очакова и покоренья Крыма... Ходят тут всякие шизики, отвлекают от работы», – с издёвкой подумал Агафонов.

– Мы не вправе рассчитывать на вашу благосклонность, господин Агафонов, – сказал рыжий очкарик. – Но, Валентин Григорьевич, соизвольте предложить стул даме...

– Да, конечно... Пожалуйста, – придвигая девушке стул, засуетился Агафонов. – Готов выслушать вас, но только по существу... Без этих... Без отступлений о роли Бога и Сатаны в жизни нашего города.

– Как вам будет угодно, – поспешно затряс бородкой мужчина с орденом на «адидасе». – Но смею заметить, что вы совершенно правы: орденом я награждён за морскую баталию времён покоренья Крыма, а увечье ноги получил в битве с архангелом Михаилом... С тех пор и хромаю... Но поговорим о деле... Фельетон, который строчите вы, утоляя желание отомстить Разуваеву, не принесёт ожидаемого успеха, ибо напоминает пасквиль. Предлагаю напечатать рекламную статью об открытии нового ресторана «Виола», которая будет по достоинству оценена...

– Ресторан «Виола»? Не знаю такого... Где он?

– Построен на месте магазина «Хозтовары».

– Построен?! Но этого не может быть... Не далее как вчера я купил там пять рулонов немецких обоев для спальни... И пачку клея «Момент»...

– В наш век инновационных технологий всё возможно, дорогой Валентин Григорьевич. Был хозяйственный магазин, стал ресторан... Что ж тут удивительного?

– Да, но сроки... Фантастика какая-то... Вы что-то путаете, гражданин... Или как вы себя именуете: граф! – с сарказмом рассмеялся Агафонов. – Не морочьте мне голову.

– Посмотрите в окно, если сомневаетесь, – с хитрой улыбкой предложил Сивопупов-Крымский.

Редактор тоже улыбнулся, но другой, язвительной улыбкой. Встал, подошёл к окну и взглянул туда, где в течение многих лет привык видеть неказистое здание магазина. Агафонов зажмурил глаза, вновь открыл их, но видение грандиозного строения из стекла и бетона не пропало. И над ним огромная красочная вывеска: «Виола».

– Ничего не понимаю, – растерянно пробормотал Агафонов. – Когда успели? Ведь я вчера купил там обои...

– Да... Виниловые... С розовыми пионами... Но теперь там, как вы только что убедились, шикарный ресторан...

Ошеломлённого редактора не удивило, что незнакомцу известна расцветка обоев. Оторопело смотрел он в окно, соображая, как такое могло быть и почему столь примечательный факт в жизни города остался им не замеченным.

– А когда состоится это самое... открытие? – спросил Агафонов и взялся за отяжелевшую после пьянки голову: уж не сошёл ли он с ума?

– Сегодня вечером... А утром в «Бизнес-Козл» должна быть рекламная статья о праздничном банкете в новом ресторане «Виола».

– Но это нереально... Корреспонденту необходимо встретиться с обслугой ресторана... Взять интервью у гостей... У администратора... У вас, господин...

– Граф Сивопупов-Крымский...

– А как вас звать-величать?

– Люцифер, более всем известный под именем Сатана, царь тьмы, повелитель падших ангелов-демонов... К вашим услугам...

– Что вы такое несёте, господин... Лю... Люцифер? Царь тьмы и прочая чепуха... Так вот, я и говорю... Господин граф...

– Обращаться ко мне по светской этике принято не иначе как «ваше сиятельство».

– Простите... Граф... Ваше сиятельство, – со смешком сказал Агафонов... – Явились – не запылились... Наговорили небылиц... Практически невозможно сегодня вечером взять интервью, написать об этом и в поздний час сдать в набор.

– Вам не придётся утруждать себя и своих литературных сотрудников взятием интервью и написанием статьи... К чему вам лишние хлопоты? Вот готовая статья о банкете в ресторане «Виола»... Вам остаётся лишь слегка подправить, подчистить её и подписать своей фамилией...

– Поймите же, уважаемый... э... граф, – хихикнул Агафонов, – макеты будущих полос уже сверстаны в электронном варианте и подписаны к печати... Полиграфисты скоро запустят машины, а тут вдруг подаётся статья в набор... Натё вам... Приехали, что называется... Нет, это тот самый случай, о котором говорят, что поезд ушёл... Никак невозможно, чтобы ваш материал о сегодняшнем вечернем мероприятии был в завтрашнем утреннем выпуске газеты...

- Вы так считаете?
- Уверен...

Очкарик бросил быстрый взгляд на девицу. Из глаз его, как показалось Агафонову, брызнули искры. Ворона на плече девицы захлопала крыльями, прокаркала:

- Карр... Рреклама... Ррес-торран... Рреаль-но... Карр...

Девица поставила кейс на стол и раскрыла его. Ворона взлетела на стол редактора, прихорашиваясь, прошла по нему. Её жёлтые глаза вспыхивали и тускло гасли. Тугие пачки банкнот предстали глазам опешившего редактора. Широко открытыми глазами он смотрел то на деньги, то на странных пришельцев.

– Вы мечтали, чтобы какой-нибудь чёрт лысый дал вам полмиллиона долларов... Не так ли, Валентин Григорьевич? Потом согласились на миллион российских рублей... Вот он... Получите... Расписки в получении не надо...

Агафонов, заикаясь и словно во сне, протянул ватные руки к кейсу. Рыжий очкарик с козлиной бородкой быстро прихлопнул крышку, придавил пальцы редактору.

– Э, нет, господин Агафонов... – промолвил Сивопупов-Крымский, приоткрывая крышку и освобождая пальцы редактора. – Сначала я хочу услышать ваше громогласное заверение о том, что статья о сегодняшнем открытии ресторана будет опубликована в завтрашнем номере газеты.

– Да... Я приложу все усилия... Обещаю выполнить вашу просьбу, – заплетающимся от волнения языком проговорил Агафонов.

– А теперь закрепим нашу сделку... Вы всё утро маетесь с перепоя больной головой... Испытываете неодолимое желание поправить её рюмкой-другой коньяка... Не так ли? Что ж... Извольте вкусить сей благородный напиток, – вкрадчиво улыбаясь, сказал граф Сивопупов-Крымский, блеснув стёклами очков, под которыми вспыхнули и погасли яркие искорки. Тряхнув рыжей бородкой, странный посетитель откинул руку назад и, как показалось Агафонову, из ничего взял бутылку коньяка.

– А вы прямо фокусник, ваше сиятельство, – с трудом выговорил Агафонов, потрясённый невиданным им зрелищем. – У меня просто нет слов выразить восхищение... Очень эффектно!

– А, пустяки... Если мне не изменяет память, с этим номером я выступал в цирке при дворе французского короля Людовика Четырнадцатого... Выпейте и оцените, – прихватывая бутылку белой салфеткой, выхваченной из-за спины, сказал Сивопупов-Крымский.

– Вот... «Дагестанский»... Пять звёздочек... Из лучших сортов кавказского винограда... Помните, столь же великолепный напиток я пил на свадьбе израильского царя Соломона и царицы Вирсавии.

Агафонов, не отводя жадного взгляда от бутылки, сглотнул слюну, облизнул пересохшие губы. Граф откупорил бутылку невесть откуда взявшимся серебряным штопором, изысканным жестом элитного официанта поставил коньяк перед изумлённым редактором. Тотчас на столе появились два хрустальных фужера и маленький бокальчик с золотым ободком. Граф наполнил их, вежливо поклонившись, с лукавой улыбкой придвинул фужер потерявшему дар речи Агафонову и подал бокальчик своей очаровательной ассистентке.

– Пейте, дорогой Валентин Григорьевич... Многолетней выдержки... Дубовая бочка с этим благородным напитком заложена в моём присутствии лучшими виноделами грузинской царицы Тамары.

– Карр, карр... В прри-сутствии... царри-цы Тама-рры... – подтвердила ворона, важно прохаживаясь по редакторскому столу. – Карр, карр...

Граф и Виола слегка пригубили коньяк, а мучимый жаждой Агафонов сразу опорожнил свой фужер.

– А тот коньяк, что вы пили у прокурора Недоносова, вовсе не «Арарат», а дешёвка палёная... Спирт, разбавленный водой из крана, подкрашенный кофе, настоянный на скорлупе кедровых орехов и коре дуба... Правда, себя Недоносов потчевал фирменным коньяком, хотя, замечу, качество его не на должном уровне...

– Карр... Спиррт... Рраз-бавленный, – прокаркала ворона и принялась раздёргивать клювом голубой бант, завязанный на красивой конфетной коробке. Ещё минуту назад её не было на столе. Агафонов незаметно ущипнул себя за бок: уж не снятся ли ему чудеса?

Граф, шелестя обёрткой конфеты, улыбаясь, сказал:

– Нет, дорогой Валентин Григорьевич... Всё наяву... И ещё... Если вас, конечно, не затруднит разослать пригласительные билеты на сегодняшний банкет самым влиятельным, на ваш взгляд, гражданам Козлодоевска... Заполните эти билеты на своё усмотрение...

Сказав так, Сивопупов-Крымский протянул в сторону руку, и в ней оказалась пачка красочных бланков-приглашений с надписями: «Добро пожаловать в “Виолу”!»

– Ну, кажется, всё... Извините, Валентин Григорьевич, что отняли у вас драгоценное время... Успешной вам работы над фельетоном! И помните: не будет утром моей статьи в газете – я заберу миллион...

Сверкнув глазами, граф и его неотразимая помощница направились к дверям. Ворона, недовольно каркая, взлетела, махая крыльями, смела на пол лист с рекламной статьёй графа, уселась на плечо девицы. Взявшись за ручку двери, его сиятельство Сивопупов-Крымский обернулся и, поплёскивая платиновыми зубами, произнёс с милой улыбкой:

– Мечтаете о таиландских джунглях? О пальмах, удавах и крокодилах? Неплохое местечко для грешника, не верящего ни в Бога, ни в Сатану... Кстати, Сатаной в книгах Ветхого Завета называется падший ангел, испытывающий веру праведника. Пророк Иезекииль сравнил его с херувимом, чьи одежды были украшены сверкающими драгоценными камнями... В переводе с иврита Сатана – «противник небесных сил»... Иногда его называют ангельским именем – Люцифер, переводимым как «светоносный, лучезарный». Он обитал в Эдеме среди огнистых камней, был печатью совершенства, полнотой мудрости и венцом красоты, но, возгордившись и пожелавши быть равным Богу, низвергнут Всевышним из Эдемского Сада на землю за то, что впал в грех гордыни. После падения стал князем тьмы, отцом лжи, предводителем тёмных ангелов в борьбе против Бога... Люцифер-Сатана – это ангел-обвинитель, служащий Всевышнему... Творец позволяет Сатане действовать в мире с тем, чтобы у человека был выбор между добром и злом. Царь теней прекрасен собой, может преображаться в ангела света, и потому люди, обольщённые им, без веры в Господа Бога, легко поддаются на его соблазны. Лукавый искуситель – да! Но никак не мерзкий уродец, каким вы представляете себе Сатану в своём фельетоне... Бывайте, Валентин Григорьевич... Честь имею...

Когда за ними закрылась дверь, Агафонов, забыв о фельетоне и обо всём на свете, кроме необычайного происшествия, только что свершившегося в его кабинете, несколько минут не мог прийти в себя. Он опять ущипнул себя, на этот раз сильнее, даже стукнул кулаком по лбу, желая удостовериться в реальности увиденного и услышанного. Но кейс с деньгами, бутылка коньяка, коробка конфет и бланки пригласительных билетов лежали на столе. Не веря глазам, он раскрыл кейс. Красные купюры достоинством по пять тысяч каждая плотными пачками лежали на зелёной бархатной подкладке. Агафонов легонько постучал ногтем по стеклу фужеров: послышался тонкий звон. На золотой кромке бокальчика краснел след от помады. На доньшке рдели остатки коньяка. Агафонов потрогал штопор с серебряной рукояткой, поворошил бумажные бланки приглашений на открытие нового ресторана, поднёс к носу конфету: пахнет шоколадом. Агафонов почти машинально прочитал надпись на коробке: «Красный октябрь». Всё было настоящим, осязаемым. Агафонов, чувствуя, что с ним творится что-то бесподобное и чтобы совсем не свихнуться, налил полный фужер коньяка, жадно выпил, заел конфетой с приятным запахом и отменным вкусом. «Московская фабрика, – подумал он. – А какой коньяк! Никогда такого не пил...» Миллион свалился неожиданно-негаданно, как снег на голову в жарком июле. «Нет... Правда... Это какой-то сон... Вот сейчас проснусь, и чемоданчик с деньгами исчезнет...» Агафонов нервно вскочил с кресла, запустил пальцы в тугие пачки пятитысячных купюр, поворошил их с приятной истомой. Нет... Всё наяву... Слышны голоса сотрудников за дверью... Ираида Карловна громко разговаривает с кем-то в приёмной... В соседнем кабинете звонит телефон... С улицы доносится гроыханье снегоборщика... Хлопанье дверцами машин... В небе, оставляя за собой белую полосу, прогудел авиалайнер... Девочка ведёт на поводу маленькую собачку... Всё реально... Всё в действительности... Но ресторан, которого не было ещё вчера?! Агафонов, желая убедиться в обратном, уже в который раз откинул шторм и выглянул на улицу. Его худшие опасения в том, что он не дружит с головой, подтвердились: магазин «Хозтовары» исчез, как корова языком его слизнула. Вместо него поплёскивало огромное здание ресторана «Виола», облицованное блестящими зеркальными плитами. Слева и справа от входа зеленели две стройные ели. Высокие хвойные деревья возле «Виолы» особенно поразили Агафонову.

– Ведь не было же их... Не было, чёрт меня возьми, – бормотал Агафонов... – Просто невероятно... Не выросли же они за одну ночь, – пожимал он плечами... – Или эти ёлки были здесь всегда, а я их не замечал?.. Странно... Что у меня с памятью? Или я после коньяка ничего не соображаю?

Более всего в эту минуту на психику Валентина Григорьевича давило абсолютное равнодушие жителей. С безразличным видом козлодоевцы проходили мимо нового ресторана и пушистых хвойных красавиц. Спокойное шествие горожан по тротуару лишней раз подтверждало, что с головой у редактора не всё в порядке. «Да... Ёлки вполне могли быть... Я не обращал на них внимания... Но хозяйственный магазин? Вчера в полдень покупал там обои...» Агафонов хотел позвать Ираиду Карловну и спросить у неё о новом ресторане и о елях, растущих напротив редакции, через дорогу, но посчитал, что вопрос покажется ей глупым, и передумал спрашивать. Валентин Григорьевич потёр виски, напрягая память, пытаясь вспомнить какой-нибудь эпизод, когда он прогуливался мимо ресторана и этих высоченных елей, но мысленно видел одну и ту же картину: обшарпанное здание хозмага и десятка полтора припарковавшихся перед ним легковых автомобилей. Никаких башенных кранов для строительства ресторана, никаких елей он припомнить не мог... «Мистика какая-то... Вот так люди и сходят с ума, – расстроено подумал Валентин Григорьевич... – Миллион... Откуда взялись эти подозрительные личности? Старинный орден... Ворона... Отвалить такие деньжищи за рекламную заметку! Впрочем, переделка газетного номера, перезагрузка полиграфа стоит денег... Но не миллион же!»

Агафонов неохотно запихнул кейс в ящик секретера, испытывая неодолимое желание вновь вытащить чемоданчик и ворошить в нём красно-розовые банкноты... А ещё он не отказал бы себе в удовольствии пересчитать деньги... Редактор с огорчением подумал о неминуемых расходах в связи с изменением газетной полосы, на которую дежурный по выпуску Редькин поставит заметку сомнительного графа. Рассчитываясь с типографией, с печатниками, придётся потратить деньги из кейса... Тогда в нём уже будет не миллион...

Агафонов снова сел за фельетон, но мысль о миллионе в кейсе, что лежал в нижнем ящике секретера, не давала ему покоя. Ещё не до конца поверивший в чудо, он вставал, ходил, снова садился. Что-то скажет теперь злобедная Эльвира, когда узнает про миллион?! Сказать – не сказать ей? Не выдержал, вытащил из кармана сотовый телефон, порываясь поделиться сногшибательной новостью с женой. Вспомнил её оскорбительные слова, сказанные презрительным тоном, холодную воду, вылитую ему на голову, и раздумал звонить. Вдруг спохватился: обещал напечатать рекламную статью об открытии ресторана «Виола»! А главное, чтобы газеты с ней пошли в розницу и по адресам подписчиков уже завтра утром после сегодняшнего вечернего банкета. Тираж скоро начнут печатать... Надо успеть вставить в номер статью Сивопупова-Крымского... В противном случае тысячи готовых экземпляров придётся сдать на макулатуру и всё печатать заново... Заплатить полиграфистам за дополнительную работу... За ночь сделают... Задача не из лёгких... Но её надо выполнить, иначе, как поставил условие так называемый граф, он заберёт свой миллион обратно... Ресторан «Виола»... Что-то ничего не слышал о таком... А куда же делся магазин «Хозтовары»? Скорее всего, без махинатора Разуваева и его сообщников из мэрии здесь не обошлось... Вот жуки навозные! Втихомолку Разуваев хотел провернуть аферу! Не вышло... Сидеть тебе, друг ситцевый, на дощатых нарах лет эдак... Тут захмелевший Агафонов обеспокоенно забегал по кабинету: «В ненадёжном месте лежит кейс... Вдруг воры или налоговики нагрянут... Куда деть деньги? Не бежать же с ними в сбербанк... Там заподозрят... Сообщат в полицию... Не прятать же его в горшок с монстерой, как Разуваев... Да и домой нести нельзя... По дороге ограбить могут... Жена узнает о деньгах... Как же быть с ними?» Вздрагивая при каждом стуке дверей редакционных кабинетов, Валентин Григорьевич не нашёл ничего лучше, как переложить деньги в свой потёртый портфель из крокодиловой кожи. Пустой кейс затолкнул в платяной шкаф, а портфель уложил в нижний выдвижной ящик секретера. Фужерам и бутылке с недопитым дагестанским коньяком нашлось место в серванте. Распечатанную коробку с конфетами и пачку пригласительных билетов Агафонов вручил вспыхнувшей от счастья секретарше.

– Будьте добры, Ираида Карловна, срочно заполните их фамилиями всех начальников нашего города, их замов, директоров предприятий и фирм, руководителей служб и ведомств... И немедленно вручите нарочными по месту работы всем приглашённым на сегодняшний вечерний ужин в новом ресторане... Обзвоните всех! Никого не пропустите!

– Хорошо, Валентин Григорьевич... Я сию минуту займусь вашим безотлагательным поручением...
– Кстати... Эти двое, которые только что вышли от меня... Вы отметили их в журнале посещения редакции? Кем они вам представились? – как можно более безразличным тоном и как бы между прочим поинтересовался редактор.

Ираида Карловна удивлённо вскинула на шефа подведённые косметической краской глаза под вздёрнутыми ниточками выщипанными бровями.

– Какие двое?! Никто к вам не входил и не выходил от вас... Я в приёмной с самого утра... Нет... Никого не было, – смущённо пожала плечами Ираида Карловна, усмехнувшись в душе: «Подшофе шеф... Коньяком разит за версту... В одиночку нахлестался, а приплетает двоих собутыльников...»

Сожалеея об отданных конфетах, Агафонов вернулся в кабинет, открыл дверцу серванта. Бутылка с дагестанским коньяком заворачивающе отливала тёмным янтарём, пленила нарядной этикеткой. Агафонов налил полный фужер и жадно выпил.

– Я миллионер... Скажи кому – не поверят... Да я и сам ещё не верю... Всё как в кино... Как в сказке... Или во сне? Может, я не проснулся? Какой чудесный сон...

Агафонов выдвинул ящик секретера, достал толстый портфель, расстегнул его, поворошил деньги...

– Нет... Вот они, денежки! Как приятно пахнут... Это неправда, что говорят, будто деньги не пахнут... Так бы сидел и нюхал их и любовался ими... Не приснились! Нежданно-негаданно – и вдруг на тебе! Я самый что ни на есть всамделишный миллионер! Да с такими бабками я теперь могу, что захочу... В Таиланд, в джунгли улететь... Мечту детства осуществить... Настоящего крокодила в природе увидеть, а не портфель из его кожи...

Редактор неохотно закрыл раздутый портфель, пихнул под стол, обхватил ногами, чтобы чувствовать его. Вдруг на глаза попался неряшливо выдранный из школьной тетрадки листок, исписанный неровным, неразборчивым почерком, валявшийся на полу. Агафонов поднял его, разгладил ладонью на столе.

– Статья Сивопупова-Крымского... Этого богатенького фокусника... Чёрт лысый! За графа себя выдаёт... Да мне-то по барабану... Посмотрим, что он тут нацарапал как курица лапой... А ещё корчит из себя графа... Его сиятельство граф Сивопупов-Крымский, – презрительно скривился Агафонов. С трудом разбирая слова рукописной информации, громко названной «статьёй», он прочёл: *«Вчера состоялось торжественное открытие нового ресторана “Виола”. На праздничном вечернем банкете присутствовали лучшие труженики города, честные граждане, добросовестные работники и самые добропорядочные руководители. Гости ели, пили и веселились за счёт заведения. Повара и официанты порадовали почётных посетителей фирменными блюдами и отличным обслуживанием. Добро пожаловать, козлодоевцы, в новый ресторан! “Виола” ждёт вас!»*

– Хм... Да что тут править, подчищать, исправлять? – с довольной ухмылкой стал набирать редактор рукописный текст на компьютере. Распечатал на принтере и подписал ещё горячий лист своей размашистой подписью.

– Ираида Карловна! Где у нас литературный сотрудник Савелий Петрович Редькин? В типографии? Дежурный по номеру? Очень хорошо... Сейчас же позвоните ему и пригласите ко мне! Срочно!

ГЛАВА 5

«Литраб» Савелий Редькин

Весна близко... Через недельку-другую, глядишь, зазвенят капли, зажурчат весёлые ручьи и всё на земле возрадуется яркому свету и живительному теплу. В то февральское утро с пронизывающим ветерком и лёгким морозцем, в которое, собственно, и началась в Козлодоевске непонятная кутерьма, литературный сотрудник городской газеты «Бизнес-Козл» Савелий Редькин оставался одним из немногих жителей этого ничем не примечательного городка, не разделявших всеобщего восторга близкой весны. У корреспондента отдела «Криминальная хроника» ломил зуб и от невыносимой боли меркло в глазах. Проклятый коренник ныл, в висках стучало молотками так сильно, что отдавалось... Впрочем, лучше не нагнетать обстановку дальнейшим описанием зубной боли, поскольку трудно найти человека, не испытавшего её. Однако нет ничего приятнее, когда она про-

ходит. Савелий проглотил пару таблеток пенталгина, но обезболивающее средство не помогло, и он решительным образом зашагал в стоматологическую поликлинику. На половине пути в это самое тоскливое лечебное заведение, хотя радостных больниц вовсе не бывает, репортёр криминальной хроники остановился в нерешительности, прикрывая ладонью припухшую щеку. Было над чем ему призадуматься. На посещение платной «Дента-сервис» не хватало денег, а идти в общую городскую поликлинику не доставало мужества. На миг он представил себя на пытке жужжащим сверлом под сердитым взглядом усатого мордворота-врача, и ему сделалось дурно. Не лучшее воспоминание было связано с дёрганьем зуба крепким молодцем в белом халате с широкими плечами и волосатыми руками. Стонущего, ойкающего, дрожащего Савелия хмурый доктор уложил на кушетку, придавил к лежаку коленом и выдрал... здоровый зуб вместо больного.

– Чёрт бы побрал этот паршивый зуб! – громко выругался Савелий.

– Бе-е... Бе-е... – послышалось ему, но поблизости не было блеющих коз или овец. «С чего бы им быть в городе? Да и время зимнее... – подумал Савелий, с недоумением посматривая по сторонам... Странно... Так отчётливо проблеял поблизости козёл...»

Боль почти сразу утихла. Редькин вспомнил, что сегодня назначен дежурным – ответственным за выпуск в типографии свежего номера «Бизнес-Козл». Оправдывая свою боязнь перед стоматологами городской поликлиники необходимостью дежурства в типографии, он решительно повернул в обратную сторону. «Удалю как-нибудь в другой раз... Получу гонорар за публикацию в альманахе и сразу в платную клинику пойду», – размышлял Савелий на пути в редакцию «Бизнес-Козл».

Отрывок из рукописи его исторического романа о Джордано Бруно, напечатанный в альманахе «Время и жизнь» в декабре прошлого года, не принёс Савелию Редькину долгожданный и очень нужный ему гонорар, зато доставил немало огорчений и разочарований, вызванных нападками завистливых критиков. Приведём содержание отрывка полностью со всеми редакционными поправками, дающего некоторое представление о мрачных событиях четырёхсотлетней давности и возможность читателю самому оценить правдивость их, язык и стиль повествования, палитру красок автора. Выхваченную из романа главу напечатали под заголовком «В римских подвалах». Так ли уж справедливы критики в своих оценках, судить вам, читатели.

«В РИМСКИХ ПОДВАЛАХ»

(Глава из романа С. Редькина «Восставший из пепла». Печатается в сокращении)...

Смоляной факел с треском разбрасывает искры, освещая сырое, мрачное подземелье храма Святого Петра в Риме. Чёрные мятущиеся тени островерхих балахонов, в которые запахнулись три священника-инквизитора, зловеще колышутся на мокрых стенах. Слышно, как в тишине, под сводами глубокого подвала, размеренно шлёпают капли. Душераздирающие крики... Запах горелого человеческого мяса... Удушливый дым от жаровни с раскалёнными орудиями пыток... Кипящее в котле масло... Распростёртые на крючьях обнажённые тела... Подземелье суда инквизиции больше напоминало преисподнюю Сатаны, чем церковное помещение для допросов инакомыслящих людей, прозванных еретиками. Огромного роста палач погромыхивал железом, поскрипывал деревянными винтами тисков, сжимая в них пальцы жертв, постукивал молотками и дробилками по костям страдалцев, обвиняемых в ереси по чьему-либо ложному доносу. Мучители зажимали в давилки руки жертв, и тогда слышался хруст ломаемых костей. Упрямец, не желающий признаваться в колдовстве, в отступничестве от веры в Бога, били плетью и палками, прижигали раскалёнными железными прутьями. Ноги несчастных медленно опускали в кипящее масло, у которых были вырваны языки, только хриплое мычание выдавало их муки. Чтобы страдалцы не мешали инквизиторам вполголоса вести беседы на разные житейские темы, жертвам затыкали рты кляпами, и обвиняемые, захлёбываясь кровью, содрогались в судорогах нечеловеческих страданий. Потерявших сознание отливали студёной водой из подземного источника, журчащего в глубине подземелья, приводили в чувство, и пытки продолжались до тех пор, пока потерявший рассудок человек не сознавался во всех смертных грехах. И если, претерпев все муки, оставался жив, путь ему из подземелья был заказан один – на костёр! Ведь на суде инквизиторов он признал себя виновным!

– Будем продавать индульгенции на отпущение грехов... Эти никчемные и дешёвые листы пергамента с нашими печатями принесут нам немалый доход, – раздался приглушённый ладонью простуженный голос главного инквизитора.

– Да, ваше преосвященство. Теперь денежки потекут к нам обильной рекой... Храни, Господи, нашего светлейшего папу Климента, отпускающего грехи нечестивцам за деньги, – тихо добавил другой священнослужитель. – Наконец-то я открою свой приход в местечке на окраине Рима... А по какой цене будем отпускать грехи?

– Папа Климент Восьмой определит, сколько...

Душераздирающий крик не дал договорить.

– Заткни глотку этому еретику, Жако...

– Слушаюсь, ваше преосвященство! – рявкнул здоровенный детина с толстыми ручищами, в забрызганном кровью фартуке, прикрывавшем могучую волосатую грудь. Оскалив выпирающие из-под мясистых губ кривые зубы, палач с тупым равнодушием взял маленький медный ковш, зачерпнул из котла кипящее масло и влил в рот жертве. Несчастный страдалец, прикрученный верёвками к дубовому столу, заорал ещё сильнее, забился в предсмертных судорогах.

– Жако! Да уйми же этого проклятого вероотступника! – раздался всё тот же хриплый, простуженный голос одного из мздоимцев в монашеском одеянии.

– Простите, ваше преосвященство! Сейчас утихомирю этого не в меру крикливого буяна...

Палач не торопясь взял молоток, примериваясь, постучал им по лбу кричащего и нанёс короткий, но резкий удар. Стало тихо. Где-то внизу струился подземный поток. Звонко падали в лужицы капли влаги, нависшие на стенах.

– Да... Кстати... Этот крикун... Кто он?

– Богатый ростовщик, ваше преосвященство... Поместье в Генуе... Торговое судно... Дом в Риме... Банки в Неаполе... В Венеции... Его состояние оценивается...

– Можете не продолжать, брат Адриано... Оно будет конфисковано в пользу церкви... А те двое, подвешенные на крючьях?

– Голодранцы, ваше преосвященство... Тот, который висит в левом углу, некий доминиканский монах Джордано Бруно, отвергший веру в беспорочное зачатие Христа Девой Марией... Проповедует сатанинское учение о том, что Земля – шар и крутится вокруг Солнца... Высмеивает в своих антиклерикальных сочинениях католическую церковь... Не признаёт иконы... Звездочёт... Утверждает, что...

Инквизитор в монашеском одеянии понизил голос, притворно перекрестил себя пухлой ладонью.

– Простите, ваше преосвященство... Этот негодяй... Да простит мне Бог его презренные слова... Распространяет ереси о том, что не Бог создал природу, а природа создала Бога...

– Достаточно... Даже одного из этих обвинений достаточно, чтобы отправить мерзавца на костёр... Клеветать на Деву Марию! Опровергать Святое Писание – Библию! Чудовищно! А тот, который в правом углу? – покашливая, хрипло проговорил мздоимец в монашеском одеянии и, судя по льстивому к нему обращению двоих остальных, главный дознаватель. Он же обвинитель и судья.

– Верный ученик еретика Бруно... И под пытками не отрекается от своих дьявольских рассуждений... Нищий на паперти и тот богаче его... Нечего с него взять... Но, клянусь святым Франциском, он уже отдал Богу свою скверную душу, так и не раскаявшись...

– Довольно, брат Адриано... Этого Бруно я допрошу сам... Я заставлю его при всём народе на площади Рима громогласно отказаться от своих зловерных высказываний...

Изуверы инквизиции, жестокосердные защитники католических канонных, прикрыв бритые затылки красными атласными шапочками, млели от удовольствия, глядя, как мыслитель Средневековья корчится, извивается червяком, брошенным на муравейник. Они наверняка удивились бы изощрённым пыткам двадцать первого века, восхитились бы искусству наших современников причинять жертвам страдания, выбивая из них признания, не прилагая на то особых усилий. Разжиревшие подобно хорошо откормленным свиньям, обрюзгшие священнослужители, в чёрных плащах с капюшонами, наделённые властью казнить или миловать, несомненно, оценили бы преимущество электричества перед пылающей жаровней, на которой накаливались щипцы, клещи, оковы и прочие страшные орудия пыток – неперменные атрибуты средневекового допроса. Главный инквизитор в чёрном плаще с капюшоном, с лоснящимся от жира лицом, подступил к безжизненно висящему Бруно, с издёвкой спросил:

– Безумствуешь, проклятый еретик?! Ишь, что выдумал: Земля, круглая как шар, и вертится вокруг Солнца! Богохульствуешь над Библией! Попираешь законы святой церкви! Народ баламутишь мерзкими разговорами, сбиваешь верующих людей с праведного пути! Отрекись, упрямец, от ереси!

Теряя сознание, Джордано не проронил ни слова. Одутловатое лицо главного инквизитора, обогрëнное красным светом углей в жаровне, налилось злобой.

– А, чёрт лукавый! Прикидываешься, что не слышишь... Сейчас я приведу тебя в чувство...

– Бе-е... Я здесь! Я слышу! Бе-е... – раздался насмешливый голос за спиной инквизитора. Он испуганно оглянулся, но никого позади себя не увидел. Двое других служителей церкви, накинув на головы капюшоны, в суровом молчании перебирали в руках чётки. Главный инквизитор осторожно потянулся к раскалённым клещам, намереваясь взять их поудобнее, так, чтобы не обжечься. Кто-то невидимый подтолкнул его. Он нечаянно схватился за горячий металл, уронил клещи, дико взвыл:

– Ой, больно! Чёрт дёрнул меня самому прижигать еретику пятки! А всё ты, Жако! Не мог управиться с этим богохульником! Смотри у меня... Ой, больно...

Священнослужитель плясал, прыгал на одной ноге, дул на обожжённые пальцы и наконец сунул руку в бочонок с водой. От боли у него потемнело в подслеповатых глазах. Ему даже показалось, что вода в бочке закипела, забурлила кипятком от горящих, как в огне, пальцев.

– Чёрт меня побери! – задыхаясь от нестерпимой муки, выкрикнул главный инквизитор. – Чёрт... меня побери!

Раздался жуткий хохот, напоминающий ночные крики филинов и отвратительных гиен. Дребезжащий голос не проговорил, а проблеял главному инквизитору в ухо:

– Я здесь, неутомимый и ревностный служитель папы Климента! Я охотно заберу тебя! Ведь ты настоятельно просишь... Преисподняя Сатаны всегда к услугам грешников...

На какой-то миг главный инквизитор забыл об ожоге. В безумном страхе отшатнулся он от холодной стены подземелья, плачущей слезами вечной влаги. На мокрых камнях, в отблесках чадающего факела главный инквизитор увидел косматую тень, не то свою, не то какого-то хвостатого чудища с длинными ушами и с короткими рожками. Да-да... Именно с хвостом и с рожками, что бросило много, не истинно верующего священника в жар, несравненно более ощутимый, чем ожог пальцев. Он успел подумать, что, быть может, тень его собственная, но козлиный голос, хихикая, спросил:

– Бе-е... Хи-хи-хи... Каково бедному Джордано? Хи-хи-хи... Ты поймёшь его муки, когда будешь плясать на сковороде...

Главный дознаватель, обвинитель и судья в одном лице отпрянул ещё дальше от стены, бросая безумные взгляды на других инквизиторов, ища в них поддержки и спасения. Священники, скрепив на груди руки, молчаливо стояли, наслаждаясь муками Бруно. Но теперь почему-то их стало трое. Крайний из них, в балахоне до пят, повернулся, украдкой посмотрел из-под надвинутого на лоб капюшона. Искрами сверкнули глаза. Кроме этих горящих алмазами глаз под капюшоном не было ничего, что присуще лицу: ни носа, ни губ, ни щёк, ни бороды – одна пустота. Ополоумевший главный инквизитор бросился к железной, кованой двери, рванул её за тяжёлое кольцо, заромыхал башмаками по гранитным ступеням винтовой лестницы. У самого выхода из подземелья истеричный хохот настиг беглеца. Он почувствовал, как ткнулись в бока острые копыта, лохматые руки подхватили с двух сторон и поволокли бесчувственное тело в мрачную темноту...

Отрывок из рукописи, напечатанный в альманахе, вызвал волну злопыхательских откликов, затопившую надежду на публикацию всего романа.

– Редькин опошил служителей храма Святого Петра, – возмущались козлодоевские католики.

– Это святотатство! Наводить тень на Пресвятую Богородицу грязными словами из поганых уст еретика! – выражали недовольство православные священники. Редькина обвиняли в незнании истории, в искажении фактов, в «литературщине», лишённой художественности, в отсутствии связи с современностью. Один критик так разошёлся в своей пространной рецензии, что назвал «климентщиной» беспристрастное изображение образа папы Климента Восьмого и тяготение автора к теме инквизиции. Как образно выразился один из читателей альманаха: «Разбушевавшиеся козлодоевские критики не оставили от “Римских подвалов” камня на камне...»

Как бы не показалось странным, но мысль написать роман о непреклонном философе-мученике, сожжённом в Риме на костре инквизиции 17 февраля 1600 года, озарила Редькина... в общественном туалете. И вот как всё было...

Свою репортёрскую работу в отделе «Криминальная хроника» Редькин не то чтобы не любил... Нет... Он её просто терпеть не мог. Лавры писателя не давали Редькину покоя, но как не ломал он

в раздумье голову над сюжетом своего будущего произведения, ничего путного на ум не приходило. Возможно, так бы и остались неосуществлёнными планы задуманного им грандиозного прозаического произведения, если бы однажды, а точнее 17 февраля, в годовщину казни монаха-доминиканца, Редькину не приспичило забежать в привокзальный сортир. Конечно, будь у репортёра хоть немного денег, он предпочёл бы воспользоваться услугами приличного платного туалета. Терпению приходил конец, и бедному журналисту ничего не оставалось, как порадоваться общественному. К своему неопишуемому ужасу Савелий не обнаружил в сортире туалетной бумаги.

– Вот чёрт! – выругался Редькин и хотел добавить несколько крепких словечек в адрес вокзального сервиса, но услышал насмешливо-хриплое блянье за спиной.

– Бе-е... При чём здесь я?! Бе-е... Где ты видел, Савелий Петрович, туалетную бумагу, мягкую как пёрышко, в общественном сортире? Бе-е... Разуй глаза, Редькин... Газета у тебя в левом кармане... Пользуйся на здоровье...

Савелий вытаращил глаза от изумления. Раздались шаги, хлопнула за кем-то дверь.

– Кто-то знакомый был в соседней кабинке и видел, как я входил... Иначе откуда ему известна моя фамилия? Да... Но газета? – пробормотал Редькин. – Не было её у меня...

Свежий номер «Бизнес-Козл» и в самом деле торчал из кармана куртки. Подумал: «Наверно, я прихватил газету у себя в кабинете и забыл про неё...» Сминая газетный лист, Редькин обратил внимание на заметку, напечатанную под крупным заголовком «На костёр за убеждения». Наталья Беликова, корреспондент отдела городской жизни, за неимением материала, «заткнула дыру» в газете интернетовским сообщением, напомнившим о дне памяти Джордано Бруно.

– Инквизиция... Казни... Жизнь, принесённая в жертву передовым идеям... Исторический роман о мракобесии Средневековья! Сегодня семнадцатое февраля... День сожжения Бруно на площади Цветов в Риме... Фу, чёрт! Как я раньше не догадался?! – воскликнул Редькин.

– Бе-е... Хи-хи-хи... Ты хотел славы, Редькин? Ты получишь её... Вспоминай чёрта чаще... Бе-е... Хи-хи-хи, – опять услышал Савелий скрипучее хихиканье.

– Кто здесь? – вздрогнув, спросил Редькин.

Никто не ответил ему. Торопливо натягивая на бегу штаны, перепуганный литсотрудник опрометью бросился вон из туалета. Так родилась идея создания романа «Восставший из пепла», отданного на растерзание редакционным клеркам альманаха «Время и жизнь». Ничего лучше сделать там не могли, как только дать отрывок, бездумно выхваченный из романа, как страница из «Бизнес-Козл», безжалостно вырванная Редькиным 17 февраля в общественном туалете. Тем не менее после напечатанного в альманахе отрывка из романа коллеги и авторы приносимых в редакцию рукописей уважительно стали именовать его Савелием Петровичем, но сам он, несмотря на поднявшийся ажиотаж вокруг публикации о Бруно, планку личной успешности поднимал не выше уровня двух баллов. Столь низкая самооценка определялась отсутствием у него семьи, квартиры и автомобиля. Скучная заработная плата, невыразительное лицо, которое не запомнишь, даже если долго смотреть на него, невысокий рост также снижали рейтинг Савелия Редькина в его собственных глазах. Но главным фактором неудовлетворённости являлась безвестность среди читающей публики. Коротенькие репортажи, статейки на криминальные темы не нашли должного отклика в сердцах читателей «Бизнес-Козл». Выпускник факультета журналистики одного из престижных университетов страны, Савелий Редькин корпел над чужими заметками и рассказами, чаще всего бездарными или написанными графоманами. Исправляя, дополняя и заново переписывая их, Савелий с грустью думал, что года идут, а сам он ничего путного не создал. Подготавливая к печати низкопробные материалы гонимых нештатных авторов, возомнивших себя писателями, Савелий Петрович не без основания полагал, что он, Редькин, намного талантливее и способнее их. Несмотря на злопыхательские нападки козлодоевских критиков, растрепавших отрывок из романа подобно безжалостным сеттерам, поймавшим куропатку, Савелий не терял веры в издание своей книги, которая займёт достойное место на полках библиотек рядом с произведениями маститых классиков. Рукопись романа «Восставший из пепла» о Джордано Бруно отдана в издательство «БукЪвица» год назад. Где-то в глубинах редакционных пещер решалась судьба будущего бестселлера. Где-то в глубинах души Редькина, в самых сокровенных и потаённых её уголках, теплилась надежда на публикацию романа о несгибаемом, мужественном борце за знания, взошедшем на костёр, но не отрекшемся от своих убеждений. Эта слабая надежда не затухала потому, что в альманахе «Время

и жизнь» печатались слабые, скучные, малоинтересные вещи, и Савелий Петрович удивлялся тому, с какой лёгкостью «главный» даёт «добро» на их публикацию.

– А уж мой-то роман не должен загубить издатель – главный редактор альманаха, – вслух размышлял в это ветреное февральское утро Савелий Редькин, направляясь в редакцию «Бизнес-Козл» по обыкновению пешком. Журналист-криминалист Редькин не догадывался, что бесталанные вещи печатались в альманахе за хорошие деньги. Желая пропиарить себя, накропает богатенький делец белиберду, сунет главному редактору взятку, и вот «шедевр» беллетристики готов. За деньги его расхвалят критики, дадут хвалебные отзывы, проведут с автором беседу перед телевизорами. Читайте! Завидуйте! Я – писатель!

Добираться в редакцию «Бизнес-Козл» на «своих двоих» приходилось «литрабу» в целях экономии своего тощего бюджета, так как до полочки было далеко, а кошелек наполнили визитки, старые квитанции и магазинные чеки. В этом бесполезном бумажном хламе лишь банковская кредитная карта по праву занимала отдельный, с «молнией», кармашек. Но не скоро на табло банкомата высветятся цифры начисленной зарплаты. На личном счёте в сбербанке у Савелия Редькина хранилось двадцать тысяч рублей, о которых бедный корреспондент запретил себе даже думать. Он задался целью накопить триста тысяч рублей, необходимых для платного издания своего романа. От каждой полочки он отрывал по тысяче, отказывая себе в зубной пасте, в конфетах, в новых носках и других мелочах. Брился старыми лезвиями, экономил на туалетной бумаге, ходил в протёртых джинсах и клетчатом пиджаке, в драных кроссовках ради великой цели издать книгу. Пройтись по проспекту Народовольцев выгодно ещё и потому, что можно не торопясь, на свежую голову предаваться обсуждениям страниц своего романа.

К своим неполным тридцати годам Савелий прошёл большую жизненную школу, одного класса которой с лихвой хватило бы на чью-то унылую, однообразную жизнь. Отслужил торпедистом на дизельной подводной лодке Северного флота, потерпевшей аварию, чуть не утонул в зимнем Баренцевом море, выходил из неё на поверхность в индивидуальном дыхательном аппарате. Плавал мотористом на рыболовном сейнере. Во время шторма был смыт за борт. Ухватившись за бочку, чудом оказавшуюся поблизости, три дня болтался в океанских волнах, где его, умирающего от жажды и голода, чуть не разорвали акулы, но, к счастью, спасли моряки японского танкера. Работал оперуполномоченным уголовного розыска. В смертельной схватке с бандитами был тяжело ранен и комиссован из органов внутренних дел. Во время отпусков ему довелось участвовать в медвежьих охотах, и после одной из них Савелий месяц провалялся в больнице. Проворный зверь крепко саданул его когтистой лапой. Заблудившись в тайге в мороз, он едва не погиб, отбиваясь от волков, и, обессиленный, благодаря случайно набредшему на него охотнику не замёрз, заснув в снегу. Любитель экстремальных приключений, Савелий сплавлялся в одиночку по бурной реке, поднимался на горные кручи. В аэроклубе Редькин летал на планере и не мог отказать себе в удовольствии прыгнуть с парашютом. Со спелеологами отчаянный Савелий спускался в холодные и глубокие пещеры, а с дайверами нырял в акваланге к затонувшему старинному паруснику. Он множество раз дрался с хулиганами и всякого рода подонками, вступаясь за слабых и беззащитных. Казалось, никто, ничто и нигде не может испугать безрассудно-смелого Савелия Редькина. О себе он так и заявлял с некоторой бравадой:

– Меня можно убить, покалечить, но нельзя испугать.

Говоря так, Савелий лукавил. Самому себе он мог признаться, что чувство страха ведомо ему. Савелий Редькин боялся Бога. Много всего испытывший и чудом уцелевший во многих рискованно-отчаянных ситуациях, Редькин стал православным христианином, не сомневающимся в том, что во всех смертельных случаях жизнь ему сохранил Господь. С благодарностью Богу Савелий Редькин бережно носил свой нательный серебряный крестик, освящённый в церкви самим настоятелем собора Пресвятой Богородицы протоиереем отцом Захарием. Не зная молитв, Савелий мысленно обращался к Богу с просьбой спасти и сохранить его от всяких напастей и простить ему грешные поступки, которых немало совершил по глупости. Он со стыдом признавался самому себе, что испортил жизнь Танечке, весёлой хохотунье с веснушками и с ямочками на миловидном лице. Бойкая, наивная простушка работала поваром в столовой, куда однажды забрёл голодный студент, получивший стипендию. Савелий взял тогда рыбу минтай с картофельным пюре, чай и кусочек хлеба, отводя глаза от котлет, пельменей, оладий со сметаной, блинов с мёдом и всякой другой вкуснятины, выставленной

на роздаче. Глядя, как парень считает копейки на ладони, Танечка, выставлявшая тарелки с салатами, засмеялась, показывая ровные белые зубы.

– На таком скудном пайке, студент, скоро останутся от тебя только кожа да кости! – И поставила ему на поднос борщ, пельмени, компот.

Савелий не успел возразить, как Танечка крикнула кассиру, не обращая внимания на посетителей столовой:

– Тётя Маша! Студенту не пробивай!

Савелий от стыда был готов сквозь землю провалиться. Красный от смущения, пронёс поднос мимо кассира, не уплатив деньги. Наелся досыта и, убирая за собой посуду, сказал Танечке «спасибо».

– Заходите ещё! Мы рады вас обслужить, – приветливо сказала девушка. Рыжеватые кудряшки вились у неё из-под накрахмаленной белой косынки. И Савелий, не стесняясь более, спешил из университета в столовую, набирал полный поднос блюд и смело двигался с ним мимо улыбающейся кассирши. Работники столовой любили трудолюбивую, весёлую Танечку, желали ей счастья и воспринимали Савелия как её избранника и вероятного жениха. Его отношения с этой курносой хохотушкой стали близкими. Он делился с ней своими писательскими планами на будущее. Смеясь, она целовала его со словами: «милый мой фантазёр». В студенческом общежитии стало известно о готовящейся свадьбе будущего журналиста, подающего надежды, с поварихой из столовой общественного питания. Друзья-«умники», возомнившие себя «без пяти минут знаменитостями», иронично ухмыльнулись: «Кто ты и кто она, ты подумал, Савелий? Разность интеллекта... Отсутствие общности интересов... Откажись, пока не поздно, от свадьбы... Конопатая она... Всё хи-хи, ха-ха... Всем довольна... Нет, Савелий, такая жена тебе не пара...»

Поддался на уговоры приятелей, стал избегать встреч с Танечкой и вовсе покинул её.

– Эх, ты, студент... Такую девчонку загубил... Пакостанник, вот ты кто! – сказала ему при случайной встрече в трамвае кассир столовой тётя Маша. – На халявку жрал, пил, а как дошло до серьёзного, так в кусты. Трус! Она сделала неудачный аборт, и теперь у нашей Танечки никогда не будет детей... Ты искалечил человеку жизнь... Нет тебе прощенья! Отрыгнутся тебе её слёзки! Вот попомнишь меня!

Об этих ненавистных словах женщины, оскорблённой его малодушием, подлым поведением, Савелий вспоминал с горечью. Несколько раз пытался жениться, но все невесты почему-то обманывали его, встречаясь с другими ухажёрами, либо предъявляли претензии на роскошную жизнь, требовали к себе повышенного внимания. После неоднократных встреч с замужними женщинами, мужья которых подолгу пребывали в море, у Савелия сложилось мнение, что все женщины коварные обманщицы, лгуны, продажные шлюхи, готовые изменить мужу за подарки и ласки любовника. Видимо, по этой причине Редькин не обзавёлся семьёй. А может, ему не хотелось терять свободу холостяка и обременять себя домашними хлопотами и заботами. Неудачи в выборе спутника жизни Савелий считал наказанием божьим за подлость к Танечке.

Были и другие грехи, совершённые не по злomu умыслу, но по неразумению молодости и глупости безвольного, сумасбродного человека, не отрицавшего Бога, но в сумятице повседневной суеты обходившего стороной церковный храм, не соблюдавшего постов и христианских праздников. Не хочется ему вспоминать кражу меховой куртки с подводной лодки. В тот год они стояли в доке судоремонтного завода. Савелий скребком очищал лёгкий корпус подлодки от ржавчины, когда к нему подошёл рабочий в спецовке электросварщика, предложил канистру спирта за меховой альпак. Савелий согласился. Вынес куртку с корабля, поменял на спирт, угостил товарищей. Некоторые из них попали в медсанчасть с отравлением и на гарнизонную гауптвахту.

Во время работы оперуполномоченным уголовного розыска, куда после окончания филфака его сманили однокурсники с юридического, Редькин «по горячим следам» раскрыл угон мотоцикла «Ява» подростком. Мать парнишки расплакалась в кабинете, умоляя товарища «следователя», как назвала она Редькина, не губить её сына, рано оставшегося без отца, погибшего в море. Редькин был обязан возбудить уголовное дело, но сжалился над мальчишкой, не стал рушить его жизнь в самом начале. Он уговорил потерпевшего забрать своё заявление об угоне транспортного средства и не доводить дело до суда. Найдя свою «Яву» в целости, её владелец не возражал.

– Вот всё, что могу... возьмите в благодарность, – робко сунула деньги женщина.

– Да вы что? Как можно? – возмутился Редькин и сглотнул слюну: «Если бы она пирогов принесла или сала шматок... Не отказался бы...» – Он целый день не ел, не выпуская папиросу изо рта. Табачным дымом заглушал голод.

– Извините... Спасибо вам, – уводя сына и пряча деньги в сумочку, сказала женщина.

Через несколько дней Редькин получил денежный перевод... Он уже не помнит сейчас на какую сумму... Денег было немного... Хватило на месяц скромных обедов... Получая деньги от неизвестного человека по фамилии «Иванов», Савелий догадался, кем посланы они. Совесть подсказывала, что нужно вернуть деньги женщине, адрес которой имелся в рабочем блокноте. «Конечно, во взяточничестве меня обвинить нельзя... Бездоказательно...» – убеждал он себя, деньги потратил и не вернул. Так и жгут они его, напоминая о слезах неутешной вдовы, оторвавшей от себя последнюю копейку.

От вида похоронных процессий, гробов, покойников и кладбищенских могил у Савелия дрожали колени, а от траурных мелодий мурашки бегали по телу. Савелий, не задумываясь, пойдёт по стволу дерева, упавшего над пропастью, но мысль о зубном кабинете повергает его в шок. И ещё у литературного сотрудника городской газеты «Бизнес-Козл» Савелия Петровича Редькина нет мужества высказать своё мнение шефу редакции Агафонову. Шеф обещал назначить Савелия Петровича заведующим отделом криминальной хроники и выхлопотать ему комнату гостиного типа в малосемейном общежитии. Возражать редактору не представлялось возможным. Преппирательство с ним из-за предъявляемых к печати материалов могут лишить не только карьеры, но даже и ныне занимаемой должности. Трудно сказать, какого из суетных страхов больше всего боялся «литраб» отдела «Криминальная хроника».

По странному стечению обстоятельств все они разом свалились на отважного экстремала. У него опять разболелся давно развалившийся коренной зуб, и перед неминуемой экзекуцией в стоматологии все ранее испытанные опасности казались ему пустячными забавами. Савелий старался не думать о жёстком дерматиновом кресле, в которое его усадит врач, о противно гудящей бормашине, но мысли репортёра всё время крутились вокруг зубного кабинета. С опухшей щекой он притащился в типографию, учтиво поздоровался с миловидной Натальей Борисовной, корректором, и уселся за письменный стол, на котором уже лежали свежие оттиски газетных полос, отпечатанные для сверки с оригиналом. Савелий взял первую страницу и начал её внимательно вычитывать, выискивая возможные ошибки. Во второй половине дня все газетные полосы были готовы к печати, и полиграфисты запустили станки. Первые объёмистые пачки сорокатысячного тиража «Бизнес-Козл» легли на стеллажи типографии. Больной зуб ныл, не давал покоя.

– Чёрт... Просто мочи нет терпеть, – зажимая щёку, ноющим голосом проговорил Савелий.

– Бе-е... Бе-е... – послышалось ему.

– У меня уже в голове шумит... Какие-то бляенья...

– Что вы так мучаете себя, Савелий Петрович? – сочувственно спросила корректор. – Вот, выпейте... Сильно действующее средство против всякой боли.

Наталья Борисовна дала таблетку. Савелий поблагодарил коллегу, проглотил таблетку и запил водой. Боль и в самом деле скоро утихла, словно её и не было никогда. К Савелию вернулось хорошее настроение.

– Но зуб опять заболит... Вам необходимо обратиться к врачу, – сказала Наталья Борисовна.

– Да... Непременно... Вот получу гонорар за публикацию в альманахе и сразу в платную «Дента-сервис» двину...

Он ещё не до конца пришёл в себя после пережитых мучений, как новую порцию адреналина ему выдала телефонная трубка медово-певучим голосом Ираиды Карловны, секретаря в приёмной редактора.

– Савелий Петрович! Вас срочно приглашает к себе Валентин Григорьевич...

«Этого ещё не хватало! Что ему надо?!» – растерянно думал Савелий Петрович, не попадая руками в широкие рукава куртки-«аляски». Вдобавок ко всему, не миновать секретаря в приёмной. Ираида Карловна, незамужняя дородная дама, видная собой, давно положила глаз на неженатого Редькина. Она всякий раз загораживала ему вход в кабинет шефа своими тучными телесами и могучим бюстом.

– Ну, я пошёл... – сказал «литраб» дрогнувшим голосом узника, которого повели на расстрел. – Вы уж тут как-нибудь без меня, Наталья Борисовна... Вот, чёрт...

– Бе-е... Бе-е... – тотчас раздалось возле уха...

Продолжение в следующем номере.

Яков Шафран

Яков Наумович Шафран – член Академии российской литературы, Российского союза писателей, Союза писателей и переводчиков при МГО СПР. Автор восьми книг прозы и поэзии. Публикуется во многих литературных журналах и альманахах. Лауреат нескольких литературных премий. Заместитель главного редактора – ответственный секретарь литературно-художественного и публицистического журнала «Приокские зори», главный редактор альманаха «Ковчег» журнала «Приокские зори», член редакционных советов ряда изданий.

Из жизни хищных и травоядных

Притчи

КАК ТРИНАДЦАТЬ ВОРОТИЛ НАРОД НАКОРМИЛИ

Жили да поживали воротилы. И было их не так много, но и не так мало, а ровным счётом тринадцать. А местными они прозывались не потому, что жили тут, – проживали-то они как раз в местах отдалённых, там, где были их сердца, то бишь деньги, хоромы-терема, благоверные с детьми, полюбовницы и прочее добро. Здесь же была та часть их имения, что они когда-то, во времена приснопамятные, за гроши присвоили, или, прямо скажем, своровали, и которая давала им немереный прибыльток.

Коротали они время и беды не знали. Но вот как-то скука обуяла то одного, то другого, а потом и всех сразу. Созвонились они, списались и решили в кои-то веки встретиться – всё некогда, важные дела, – и повеселиться. Сняли ресторан в центре столицы, с музыкой и богатым застольем, но без лишних людей – надоели!..

Пьют, едят, музыка играет – а скука не проходит.

– А ведь скоро, братцы, годовщина, – промолвил один.

– Что ещё за годовщина? – спрашивает другой.

– Как же? Как мы с вами стали богачами, большими людьми!

– И правда, если посчитать – точно! – воскликнул третий.

– Это дело нужно отметить! – продолжил первый. – А что, если нам отправиться, каждый на своей яхте, на необитаемый остров на недельку, да на такой необитаемый, чтобы там и травинки не было?

– Но на яхтах у нас должно быть всё! – поддержали его сотоварищи.

Ну как же, тузы да без всего. И решили они взять с собой вина и коньяки, припасы с деликатесами, музыку с музыкантами, прислугу высокого класса, танцовщиц широкого профиля, благоустроенные палатки, в которых будут жить только они с подругами, а остальные – на яхтах, на которых свой капитан да штурман с несколькими матросами.

Выбрали они остров, передали все дела приказчикам своим, сели на яхты и двинулись в путь...

Долго ли, коротко ли странствовали, но вот и остров их, необитаемый. Сошли на берег, – но вначале только одни, – чтобы совершить обряд, о котором столковались в пути. А надумали они ни много ни мало, как воздать хвалу *своему* создателю и благодетелю за пожалованное им богатство.

И вот сели они в кружок, напрягли свои мысли и, зажмурившись, проговорили хором заранее разученную речёвку... А когда открыли глаза, глядь – яхт-то нет! Где они?! Смотрят, но даже до горизонта нигде не видать. Обежали остров – небольшой был – нет и нет. Они уже, грешным делом, начали щупать и щипать друг дружку, не спят ли и не грезится ли им всё это. Однако не грезится... Они за смартфоны – нет связи! Хотя она была, когда они выходили на берег, связывались с «большой землёй» – с семьями, приятелями и приказчиками. Даже друг с другом связи нет. Хотя она у них спутниковая – тузы всё ж таки.

И тут у каждого, в тот же миг, как по волшебству, случился вдох и выдох, сопровождающийся долгим «а-а-а-а!». Поплыли крыши у наших деловых башен... Снова схватились они за смартфоны – хотели проверить свои счета, – хотя, знамо, Интернета-то тоже нет. Это ещё сильнее удручило их, так как что ещё страшнее для воротилы, чем невозможность лицезреть свои деньги, хотя бы в электронном виде.

– Что там с нашими счетами?! – возопили они, опять же хором.

Но мобильные банки само собой так и не отозвались. И оказались наши приятели одни-одинёшеньки на мёртвом клочке земли, посередь моря-океана, без какой-либо связи с родом людским. С неизбывной кручиной, со слезами поглядели они друг на друга – что делать? Кушать тянет, на грудь принять тянет, скучища несусветная, да и жара нещадная. А голод всё сильней и сильней, не привыкло их чрево к такому умерщвлению плоти. И тут начала видаться им самая любимая пища. Однако при виде всего этого у них, буквально обонявших все эти благоухания, в организмах жидкости никакой не было для слюноотделения. И, пошатываясь, бродили они, неприкаянные, залезали в воду и сидели там – всё полегче. Однако на второй день уж больно слабые, только лишь лежали в тени скалы и дорого бы дали за глоток воды. На острове же ни травинки, ни кустика и никакой живности. Сами выбирали пустынейший из пустынных. Никогда в жизни приятели не попадали в такой переплёт: денег горы, а пустить их в ход и поправить нынешние свои дела не могут!..

– Люди, люди! – простонал один.

– Вот кабы сейчас люди узнали о том, что с нами случилось, помогли бы как советские! – промолвил другой.

– Ведь мы тоже и сами были когда-то пионерами, а закон у них – помочь дружбану в беде, – в беспомощности пролепетал третий.

– Я бы полцарства отдал тому, кто вытащит меня отсюда! – из последних сил вскричал, как ему казалось, четвёртый.

– И я! И я! И я! – присоединились к нему остальные.

...А под утро, очнувшись от своих ночных кошмаров, один из них начал тормошить других:

– Смотрите! Смотрите!

– Да что?.. Что такое?.. Где, что?..

– Да вон там!.. – И показал им вдаль.

В глубине острова копошились люди... Поднялись воротилы, или то, что от них осталось, и побрели туда, куда указывал их приятель по несчастью. Подошли... И правда, люди – мужчины, женщины и дети, по виду бедные, несчастные, больные. А рядом валяются пустые пузырьки из-под настойки пустырника.

– Вы кто?

– Да мы... вот... работы нет... у предков пенсии – на крышку гроба не хватит... А цены и плата за ЖКХ о-го-го! – отвечают.

– Понятно... А как вы здесь оказались?! – опомнившись, удивлённо спросил один из воротил.

И как только он это произнёс, всё мгновенно исчезло.

Вернулись горемыки в тень скалы и в полной немощи опустились на камни. Однако одна беда не ходит, и морока их продолжилась. Им всё что-то, не переставая, мерещилось. Казалось, что они что-то возглашают и кличут куда-то других. Но посторонний наблюдатель, если бы таковой оказался рядом, заметил бы только тихое бормотание и лёгкое шевеление рук и ног. А ещё им виделось, будто каждый из них доброволец – надо же такому привидеться! – и, засучив рукава, пособляет нищим и горемычным: кто кашу раздаёт, кто старается медбратам, кто расселяет их в специально построенные жилища...

Так и лежали они, вконец измученные жаждой, голодом и химерами, уже едва не в обморочном состоянии. А ночью поднялся сильный ветер, стало холодно. Они, дрожа, очнулись. Светила полная луна, яркие крупные звёзды низко висели в южном небе.

И уже когда ни одна дума не приходила в голову, по какому-то наитию сели друзья в тесный кружок, прижавшись спинами друг к другу, и взмолились, но уже не *своему* покровителю, как при сходе на берег, а Отцу Небесному, о котором когда-то читали, и как учил тому Тот, Кто бичом изгонял барышников из храма (что им раньше сильно не нравилось...).

И вдруг разверзлись небеса и раздался глас свыше, повторявший одни и те же слова, что громом раздавались в ушах этих измученных существ: «Отдай награбленное! Отдай награбленное!..»

Это невозможно было снести... И вдруг зазвонили телефоны. – Связь есть! Они опустились на камни и потянулись к ним. А голос всё звучал. Не отвечая на звонки, приятели трясущимися пальцами открыли свои мобильные банки, свои счета и стали переводить деньги с них в «кошелёк» державы,

что раньше держали за свою вотчину-рашку, в народные предприятия, больной детворе, в детские же дома, в медицину, в образование... И делали это почти до полного обнуления счетов.

Голос перестал, и они забылись тяжким сном...

А когда открыли глаза и, поддерживая друг дружку, с трудом, шатаясь и падая, встали на колени, то увидели у берега свои яхты идвигающиеся к ним шлюпки с людьми...

...А в державе все СМИ, захлёбываясь и стараясь лишиться одного другого первенства, как это обычно с ними бывает, наперебой стали оповещать весь подлунный мир о великом чуде, о благословении Небес, по которому наконец наступила пора правды и благоденствия.

А НА ЧЕТВЕРЕНЬКАХ-ТО СПОДРУЧНЕЕ...

Перефразируя известное высказывание Л. Н. Толстого, можно сказать: все счастливые люди похожи друг на друга, а все несчастные несчастны по-своему...

Вот жилось бы мировым воротилам и жилось, так нет – подавай им плавающий город, да не просто, а на сорок тысяч человек. То бишь на все их триста семейств – с сёстрами-братьями, детьми, внуками и правнуками. И жилось бы им уже и поживалось в покое, ибо столько добра нажили, что и не счесть, так снова нет – решили они сотворить полную перестройку всего белого света: ни много ни мало – поголовно заменить трудящихся людей робами¹ под началом ИР². А всех жителей Земли-матушки за ненадобностью без остатка извести, напустив на них нарочно придуманную заразу-убийцу, а тех, кто устоит, доизвести, но постепенно, с помощью особых укулов. Решили даже не оставлять никого для присмотра за этими самыми робами и, как говорится, для смазывания-ремонта, а также для создания их вновь, и вкупе с ними надсмотрщиков за этими ремонтниками. Ибо боялись, что снова размножится род людской на земных просторах. И всё – от аза до ижицы – постановили возложить на робов.

Долго ли, коротко ли дело делалось, а было сделано, тем более что оно шло без каких-либо помех и сделок между уже ненужными им, воротилам, нынешних царств и королевств, и шло довольно-таки проворно. И вот наконец остались они со своими семействами на этом плавающем острове и беды не знают. Наслаждаются почти натуральным климатом, чистым воздухом, а роботы снабжают их всем нужным и обороняют от всех мыслимых и немыслимых угроз. Рай, да и только!

Жили они, жили, у внуков уже дети народились, всё хорошо – лучше не бывает. Но что-то тоскливо им всем стало. Куда ни пойдёшь – одни и те же виды, одни и те же физиономии, – всё одно. И так годы и годы. И вот одному из воротил, как говорится, вожжа под хвост попала. Не хочу, мол, тут со всеми вековать – подавай мне особый плавающий город. Приказал он ИР, а тот, соответственно, робам построить его семейству отдельную такую обитель. И построили – долго ли умеючи, когда все золотые горы, молочные реки и кисельные берега в подчинении. Переехал он со своими домочадцами, и стали они жить-поживать припеваючи. Однако, как известно, пример заразителен. И другие воротилы сделали то же самое, а общее своё место жительства оставили про запас, на всякую оказию. Все довольны, жизнь, продлённая новыми разработками ИР донельзя, продолжается.

Живут, дни за днями идут (а день у них уже стал, что твой год), но то ли хворь какая на них напала, то ли что, а каждый из воротил, чуть не в одночасье, восхотел освободиться от одинаковости своего бытия. К тому же сородичи его не то по этой же причине, не то от кровосмесительства – ведь других людей нет, все свои – впали в умопомрачение. А также стали чуть ли не в очередь становиться к воротиле – как ко всему голове – со своими вопросами, тяжбами и затеями. Что делать?

И каждый из воротил, кто немного раньше, кто немного позже, решил устроить себе отдельный плавающий замок и удалиться в него, чтобы не видеть и не слышать никого и ничто.

А ИР, поняв это уединение как приказ, по уже налаженной схеме, ничего не уточняя, устранил и «сородичей», подобно прежнему устранению обитателей Земли. И не так долго это делалось, но было сделано. Зажили воротилы сам-один лучше и помыслить нельзя: на всём готовом и без всякого народа...

Шли годы, роботы трудились, снабжали всем и под управой ИР за здоровьем их следили, упреждая даже ничтожные от него уклоны. А воротилы, каждый в своём обиталище жили, как хотели, ни перед кем не конфузясь, ничего не страшась, вольными особями: хочу – в чём мать родила буду ходить, хочу – ни мыться, ни бриться не буду, хочу – на дерево залезу и там орехи щёлкать буду или кокос грызть. А захочу – и на четвереньках ходить стану: так, на поверку, и проще, и сподручнее...

¹ Авторское название роботов.

² Искусственный Разум.

И перестали они изъявлять желания да пожелания свои, перестали походить на человеческие существа: забыли человеческую речь, обросли, завоняли...

А ИР вкупе со всеми робами действовали по трём правилам:

- исполнять приказания повелевающих особ;
- налаживать все условия для жития тех особ и всех их сожителей;
- ежели нельзя исполнять первые два правила, по причине неимения повелевающих особ и их сожителей, приступить к творению вновь рода людского, для чего было задолго, наряду с ИР, налажено и хранилище семени и женских яйцеклеток.

И ИР, присмотрев пригодный уголок Земли с потребными условиями, принялся за творение нового человечества. А тот, недавно образовавшийся, малочисленный отряд человекоподобных обезьян, из-за неимения самок, довольно скоро вымер...

ЗАЯЧЬИ БОИ

Сошлись как-то волки, хоть и немного их осталось, сошлись на свой сход – обсудить свои волчьи нужды, да и просто потолковать. И в конце, когда уже и толковать было не о чём, поднялся один серый и предложил:

– Что мы зайцев-то всё ловим да едим, ловим да едим... Скучно и нудно. Почему бы нам не споровить для забавы заячьи бои?

– Как так? – раздалось на поляне.

– А вот так: пусть они точат лясы и перечат один другому, препираются, бранятся, режутся на словах и увещевают один другого, мы же будем слушать, потешаться и, вообще, наслаждаться. Не всё же нам после еды давить ухо да по ночам выть на луну.

– А есть-то мы будем их, зайцев-то?

– А как же! Будем, да ещё как! Но только не этих. Эти пусть нас забавляют, мы их и морковкой кормить будем после действия, не убудет с нас – зато весело заживём.

Разобрали всё по косточкам волки, побились об заклад раз, другой и третий, да и сошлись – тому быть!

Изловили они восемь зайцев, правда, только сухопарых, так как более упитанных, удержу нет, съели. Разделили их на две дружины – какой же взаправдашний спор без того? Один устал, другой ему на смену заступает. И стали потихоньку приучать и морковкой кормить – зайцы-то со временем и вовсе ручными стали: ходят осанисто, судят да рядят, а по вечерам дружина на дружину набрасываются. Да и то, волк, ответственный за это дело, наущает их, мол, позлее, позлее будьте, один на другого нападайте как на злейшего своего супротивника. Кто будет так выступать, да со смыслом, да с вывертом и страстью, тот получит двойную, а то и тройную порцию морковок.

Долго ли сказка сказывается, да недолго дело делается. А оно пошло. Даже волчье телевидение заинтересовалось и стало передавать на все волчьи поляны. И на морковку теперь этим волкам-строителям не приходилось трагиться. А зайцы, знай, хрумкают морковь, но всё ж на волков косятся, косятся. Один не выдержал и говорит:

– Не верю, братцы, я им. Съедят они нас, за милую душу съедят!

– Да брось ты! – ответил ему другой. – Мы же им полезны. Смотри, как смеются и хлопают!

– А может, это начало нового житья – согласия между зайцами и волками?! – воскликнул третий.

– Да, жди... Не дождёшься, – возразил ему первый.

Но так или иначе, а деваться-то некуда – взялся, как говорится, за гуж... И бьются зайцы на говорильной сече, аж до потери сознания порой, а после в очереди за морковкой улыбаются друг дружке да приятельски толкуют меж собой.

Так и жирели наши зайцы, и до того разжирели, что многие волки, сидевшие вокруг поляны боёв, уже облизываться стали да задумываться – а не съесть ли нам их?

Так и шло: зайцы косятся, а волки подумывают. И чем больше зайцы косятся, тем больше волки задумываются, а чем больше волки думают, тем больше зайцы косятся...

Сколь долго бы всё это тянулось и чем разрешилось, неизвестно, не случись нежданное, нежданное. Откуда ни возьмись, появились в лесу тигры, да как раз в тот момент, когда на поляне происходило это самое действие. Да до того свирепыми оказались те тигры, что сразу, недолго думая, окружили то место говорильное и, издав боевой рык, растерзали в миг тех волков и зайцев в клочья и... съели.

На том и закончились заячьи бои со страхами и волчьи мечтания.

Проза

Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – прозаик, публицист, бывший учитель гимназии, Отличник образования Республики Беларусь. Окончила с отличием Гомельский государственный университет. Более 270 публикаций в педагогических периодических изданиях Беларуси и России, автор восьми книг, изданных ИД «Белый Ветер». Автор сборника «Мгновения бытия» (Минск: БелПринт, 2020). Публиковалась в журнале «Берега», в периодических изданиях на русском и белорусском языке в жанре лирической миниатюры и короткого рассказа, лауреат областного литературного конкурса имени Кирилла Туровского.

Сказочная орнитология

Предисловие

В далёкой молодости автор маленько изучала биологию, но эти зарисовочки – не научный трактат, а всего лишь сказочки-коротышечки. Поэтому не надо искать описания реальных птиц и их образа жизни. С другой стороны, автор смотрит на окружающий птичий базар, иногда что-то замечает, иногда что-то видит... Берёт, к примеру, от одной птички пёрышко, от другой – повадки, от третьей – образ жизни, вот и получается собирательный образ, никаких конкретных прототипов нет! А ежели кто в своём коллективе похожую птичку увидел, так это только и означает, что автор из наблюдений правильный вывод сделала.

Никого автор НЕ осуждает. НИКОГДА. Всем желает только добра. ВСЕГДА.

ПЕВЧАЯ СОЛОВУШКА – ГОРДАЯ ГОЛОВУШКА

Соловухе достался большой талант, даже в своей певческой семье соловьиной красотой голоса выделялась. Чистым речным ручейком переливался её звонкий голосок, завораживал, привлекал, звал за собой в волшебный мир музыки. Чем больше подрастала Соловуха, тем больше своим талантом гордилась, так что как до взрослых лет доросла, считала себя самой талантливой во всём лесу, на всех певчих птичек смотрела свысока, а не умеющих петь пичужек презирала и вовсе не замечала. На всех концертах блистала. Аплодировали ей громко, цветов дарили много. Дома птичка только то и делала, что на пианино играла и новые песни разучивала.

Соловьи, однако, цветов не едят, и, как известно, соловья песнями не кормят. Мужу Соловухи надоело жить в вечно не прибранном гнезде с пустыми кастрюлями на кухне. Оставил он сладкоголосую Соловуху да к другой птичке перелетел, которая петь не умела, зато и вкусные щи варила, и кашу, и пироги пекла. На сына у Соловухи за её высоким творчеством тоже взглянуть времени не было. Вырос сынок, как трава при дороге: жизни не обучен, ничему не научен. Пошёл по свету скитаться – от алиментов прятаться, да о поющей маме тоже забыл.

А годы-то бегут... Постарела Соловуха, подурнела, голос осип-охрип, но она того не замечала, по-прежнему на всех свысока смотрела.

Нашли соседи Соловуху уже бездыханной в неприбранном пустом гнезде и похоронили всем миром. Цветов, правда, люди добрые на похороны много принесли...

ЛЮБВЕОБИЛЬНАЯ ПЕНОЧКА

Пеночка была прехорошенькой птичкой и из красоты своей очень хорошо умела пользу извлекать. Привлечёт к себе в гнёздышко залётного Воробушка, он ей в клювике и еду и наряды доставляет. Так и жила: то Воробышек, то Чирик, то Соловей... Не бедствовала. Как-то приманила в очередной раз своё гнёздышко женатого Дятла. Только жена очередного Пеночкиного спонсора оказалась птичкой

крутого нрава. Прилетела к Пеночке, да как набросилась на разлучницу! Всю её исклевала, пёрышки повывёргивала, крылышко поломала. Соседки нашей героини в защиту не бросились, только подначивали: так ей и надо, гулёне непутёвой! Забрала Дятлиха своего суженого-ряженого и пинками погнала в родное гнездо.

Поглядела на себя Пеночка в зеркало: а годы-то уж след свой оставили, к тому же с выщипанными перьями и поломанным крылом не больно-то кого привлечёшь. Пришлось Пеночке в дворники податься, чтоб хоть какое-то пропитание себе добыть. Плохого в этом ничего, конечно, нет. Да и хорошего, однако, мало. Как говорится: за что боролись, на то и напоролись.

НЕЛОГИЧНАЯ СКАЗОЧКА

В некотором царстве, в птичьем государстве жил да был Принц Лебедь. Он у батюшки-царя по счёту был то ли двадцатым, то ли сороковым сыном, так что претендовать на престол не мог. Но всё же, как царский сынок, должностишку имел приличную, доходец хороший, жил припеваючи. Семья у него была, и детушки малые. Жёнушку свою царский отпрыск не любил. Принцы, как известно, не по любви женятся, а больше всё из династических соображений.

Встретил наш Принц юную Лебедушку. Посмотрели они друг на друга, любовь поразила их сердца на веки вечные. С тех пор встречаются они тайком. И расстаться не могут, и Принц своим высоким положением жертвовать не готов. Такое у них вечное горе-страдание и бесконечно-бескрайнее счастье.

Нелогичная сказочка получилась: ни положительных героев нет, ни отрицательных, и счастливого сказочного финала не предвидится...

ИСПОРЧЕННЫЙ ПОЛЁТ

Синичке не повезло: не успела она толком из яйца вылупиться, а уже злобный коршун убил её маму. Отец привёл в гнездо мачеху. Не сказать, чтобы она была плохой птицей, но кто ж будет любить чужого птенца больше, чем своего. Вот и мачеха делала вид, что падчерицу холит и лелеет, а сама долбила юной птичке мозги денно и ночью: внушала, что птичка некрасива, неумёха, ничего у неё в жизни не получится, вокруг мир очень злой, а самцам никому и никогда верить нельзя. Синичка научилась уходить в свой собственный мир Добра и Света, но выросла вся в комплексах, запуганная и зашуганная, никому не верила. Оттого и личная жизнь у неё сложилась сикось-накось-наперекосяк. Только с возрастом, когда Синичка постарела и помудрела, она стала кое-что понимать в окружающем мире, но что-то изменять в своей жизни было уже поздно. У людей есть поговорка: «Дорогу осилит идущий». Наша Синичка придумала птичью поговорку: «Становись на крыло и лети!» Учит она своих деток верить в себя. И у них всё получится!

ПО СОВЕТУ РАНЕВСКОЙ

Сова была птичкой хитромудрою, на весь лес хвасталась, что она-де самая трудолюбивая, самая чистоплотная, самая смелая и правдивая, только вот со здоровьем ей не повезло: дюже болящая, да и муж попался бездельник. Повторяла она это так часто, что все лесные обитатели ей поверили. Многие даже сочувствовали, что такой хорошей птичке неудачный муж достался. Вроде как Совушка каждый год собиралась от неизлечимых болячек умирать, да только в два раза прожила дольше своего молчаливого мужа. Вдовушка жила припеваючи: детишки в клювиках приносили ей и хлеб, и к хлебу. Когда же в глубокой старости отправилась Сова в мир иной, соседи с удивлением узнали, что муж у неё был ударник птичьего труда, а сама Совушка нигде никогда не работала. В гнезде нашей «аккуратистки-чистюли» всё паутиной-плесенью заросло.

Совушка наша о Фаине Раневской не слыхивала, но жизнь свою строила в точности по ироничному совету актрисы: «Всегда хвалите себя. Со временем источник забудется, а информация останется».

СТАРАЯ ПЕСЕНКА

Красавец залётный Соловей влюбился в юную Канареечку. Опытный ловелас исполнил пару своих вокальных партий перед гнёздышком юной дурочки, птичка и влюбилась в него без памяти, что называется, каждым своим пёрышком. Да, конечно, в природе такого не бывает, но мы же не исследовательскую работу по орнитологии делаем, а сказочку пишем. Расцвела, засверкала всеми

цветами радуги жизнь влюблённой Канарейки, звонкими колокольчиками разлеталась по всему лесу счастливая песня её первой любви. Только недолго та песенка длилась. Вскоре Соловей признался, что он женат, и улетел в своё далёкое гнездо к законной жёнушке и детушкам малым. У бедолаги Канареечки в скором времени в гнёздышке птенчики запищали. Стара как мир песенка: «Соловей, соловей, пташечка, канареечка жалобно поёт».

ЖЕНСКАЯ ДРУЖБА

Дружили две птички-синички – Синеглазка и Кареглазка. Секретиками друг с другом делились, душевные тайны друг дружке доверяли, вместе на танцульки бегали. Случалось, Кареглазка лекции прогуливала, потом у подружки конспекты списывала. Синеглазка намного лучше училась, но подружке во всём помогала: и к семинарам, коллоквиумам, экзаменам готовиться, и курсовые писать, и дипломную работу делать. Потом так случилось, что Кареглазка удачно замуж вышла и с помощью мужниной родни большой начальницей стала. Пришла к ней на приём в порядке живой очереди Синеглазка, о помощи попросила. Начальнице стоило всего лишь пёрышком щёлкнуть, чтобы ту просьбу исполнить. Но не царское это дело – простым смертным помогать. Так и ушла бывшая подружка ни с чем.

В песенке одной слова есть: «Все говорят, что женской дружбы не бывает». Может, правильно говорят-то?

НЕЯСЫТЬ И ИВОЛГА

Подружилась Неясыть с Иволгой. Иволга не очень-то в такой дружбе нуждалась, но как птичка воспитанная и интеллигентная терпела грубоватую подружку. Неясыть как прилетит к Иволге, усядется рядом с её скромным гнёздышком и давай своим богатством и счастьем хвастаться! Дескать, и дупло, в котором она живёт в элитной части леса, лучше всех, и детки у неё боевые, свой кусок всегда добудут, хоть придётся у другого изо рта вырвать. А что, не мы плохие, жизнь такая! Потом всем соседям своим косточки перемоет, всех осудит, у каждого в глазу по брёвнышку найдёт.

Летит Неясыть к себе домой и своему счастью радуется. По сравнению с Иволгой она королева, хоть и не красавица. У этой птички только и есть, что красивые жёлтые пёрышки да голосок приятный. Песнями, как известно, сыт не будешь. Скоро эта нищелюбка из своего дряхлого гнезда по миру пойдёт.

У Иволги после таких визитов «подружки» настроение портится и голова болит. Неясыть, конечно, не подарок, но и Иволга хороша: зачем хабалку терпит?

ВОРОНЯ ГЕНЕТИКА

Одна премудрая Ворона руководила птичьим хором. Хор у неё пел ладно да складно, на конкурсах дипломы получал. Начальство Ворону ценило, грамотками награждало, в пример ставило. Так полвека прошло. Хор всё поёт и поёт, Ворона всё руководит и руководит, потому что заменить её некем. Замены почему нет? Так Ворона же у нас премудрая! Как только какая-нибудь птичка лучше других петь начинает, Ворона мигом в ней конкурентку усматривает и столь голубушке в душу дерьма насыплет, что бедная птичка бежит от того хора, как от чумы.

Оказывается, у нашей Вороны в роду Кукушки были, которые очень хорошо умеют птенцов из родного гнезда выбрасывать. Гены, как известно, пальцем не придушишь...

ИЗ РАЗНЫХ СТАЙ

Уточка кряква была птичкой хозяйственной. Всё дома сидела, гнёздышко прибирала, деток приглядывала. Муж у неё добытчиком был, домовитый, заботливый. Жили душа в душу. Птенцов вырастили, из родного гнезда выпустили, друг за дружкой смотрели, друг в дружке души не чаяли. Налетел Коршун, и мужа у Уточки не стало.

Овдовел и красавец Баклан. Как-то случайно увидел он Уточку, добрую, домовитую, и предложил вместе старость встречать. Поганка черношеяя тут же по всему озеру разнесла, что Уточка коварная да расчётливая, к себе Баклана приваживает, а они же из разных стай, и Выпь принялась Уточке пёрышки перебирать, и все другие водные обитатели. Подумала-подумала Уточка и отказала: «Ни-

чего у нас не получится. Мы из разных стай». Так и живут-дживают. Балкан один. И Уточка одна. Птицам-поганкам оттого, наверное, живётся радостнее?

СИЗОВОРОНКА-КАРЬЕРИСТКА

Одна Сизоворонка ни красотой не блистала, ни умом особым не отличалась. Так себе, что называется, среднестатистическая птичка. Зато она была хитрой, беспринципной и изворотливой. Устроилась птичка на работу в одно учреждение рядовой сотрудницей. Похлопала глазками, потрясла хвостиком перед пожилым начальником, он её живо к себе в любовницы взял, а в благодарность своей заместительницей назначил. Годок-другой пробежал, начальник на пенсию пошёл, а заместительницу на своё место порекомендовал. Как только наша Сизоворонка начальницей сделалась, тут же подружилась с одной образованной Синичкой, которая умна была, что называется, книжным умом, а в жизни устраиваться не умела. Синичка новоиспечённой подружке во всём помогала, да ещё и учила её как ступить, какое слово молвить не только на собраниях-заседаниях, но и в посиделках-застольях с высокими начальниками. Как водится у таких наивных птичек, Синичка помогала безвозмездно, то есть даром. Среди рабочего люда и среди высоких начальников о Сизоворонке мнение сложилось как о знающем специалисте и хорошем ораторе. Перед очередным очень высоким начальником птичка глазками похлопала, хвостиком повертела – и тут же ещё выше по карьерной лестнице взлетела. И вот же что характерно, муж ни о чём не догадывался, считал свою хозяйственную жёнушку верной и преданной.

В этой жизни лучше устраиваются не те, кто образованнее, умнее или добрее, а те, кто умеет хорошо приспосабливаться.

ТРАГИЧЕСКАЯ ОШИБКА

Как-то в мире птиц произошла ошибка, в стае появилась Ворона с душой колибри. Тяжело пришлось новорождённой: сородичи не понимали её, а она не могла жить по законам стаи. Душа птички стремилась к высокому: она трепетала при нежных звуках музыки, ей хотелось творить добро, нюхать цветы и пить их нектар. Родственники собирались и все вместе воспитывали бедняжку. Орали, что она должна жить, как все: ругаться, драться, идти напролом, захватывать себе лучший кусок. Только так можно выжить в вороньей стае. Несчастливая Ворона тайком пробовала петь, но из горла вырывалось только грубое воронье карканье. Птичка подкрадывалась к стае соловьёв, чтобы послушать их пение, но её с позором выгоняли: нечего с суконным рылом соваться в калашный ряд. Ворона подлетала к колибри, но малышки с испуганным писком удирали от неё. Так и живёт бедняжка. Никто в птичьем мире не понимает, какая высокая, нежная, трепетная и красивая душа живёт в этом поганом вороньем теле.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Из трудолюбивой семьи мухоловок дочь вышла замуж за птицу из семьи кукушек. Как водится в молодых семьях, скоро в гнёздышке птенчики появились. Папочка к тому времени испарился, в соседний лес полетел лучшей доли искать. Мама Мухоловка с утра до вечера трудится, шестерым детишкам насекомых на пропитание ловит. Бабушка Мухоловка тоже дочери помогает семью кормить. Свекровь Кукушка пару раз прилетала, «ценные советы» невестке давала, как лучше гнездо устроить. Вот прилетела как-то бабушка Мухоловка с упитанной мухой в клювике, а внучок старший и говорит: «Бабуся, ты мне ещё три таких мухи принеси, уж больно вкусные». А внучок младшенький пищит: «Вот я подрасту, словлю самую большую муху и подарю бабушке Кукушке, а то она жаловалась, что плохо питается». «Ты смотри, как интересно получается, – вздохнула старая Мухоловка, – внучата уверены, что у меня надо брать, а бабушке Кукушке надо давать». Видно, неправильно мухоловки деток воспитывают. Всё им отдают, а птенцы считают, что так и должно быть.

НЕУКЛЮЖАЯ СКАЗОЧКА

Синичка прям по Пушкину: «в семье своей родной казалась девочкой чужой». Никто из домочадцев не понимал ни её увлечения чтением, ни желания помогать сородичам безвозмездно. Относились к ней, правда, вежливо, но с прохладцей, как к чужой, и недолюбливали. Поэтому научилась

наша птичка никому о своих мечтах и планах не рассказывать, жила в своём выдуманном мире, где господствовали Доброта, Честь и Справедливость. И в студенческом коллективе, и на работе, и даже родные дети её не понимали. Все её уважают. Но не любят. Так и живёт одинокая Синичка, чувствует себя чужой в этом мире. Тоскует-плачет её бесконечно одинокая душа.

Такая вот неуклюжая сказочка получилась. Нет в ней ни юмора, ни сарказма, ни морали. Только горечь одиночества. Безбрежного. Бесконечного. И надежды тоже уже нет. Увы.

ЗАПОЗДАЛОЕ ПРОЗРЕНИЕ

Павлин Вася был несказанно красив, гордился этим и важничал. Жена его Павочка Лена всю жизнь смотрела на мужа снизу вверх, готовила, стирала, убирала, деток растила, для Васеньки своего травой-муравой стелилась. Павлин считал, что свою скромную жёнушку осчастливил, за что она всю жизнь его благодарить должна. Павушка тоже так считала и просто-таки молилась на своего мачо. Василий жил, как сыр в масле катался: самый лучший кусок – ему, лучшие одёжки – ему, вся любовь и внимание – ему. Мачо наш не стеснялся и «налево» ходить, и не всю зарплату в клювике домой приносить.

Беда пришла неожиданно. Захворала Леночка и ушла тихо и быстро, никому в тягость не оказалась. Остался Вася один. Сначала и не грустил вовсе, принялся на зазнобах своих жениться: на одной, на второй, на третьей. Да только вот ни с кем жизнь не складывалась. Загрустил-запечалился Василий, стал соседям жаловаться: «Ох, если бы сказали мне, что надо пешком в Москву идти, чтобы Лена моя жива была, на коленях бы пополз к ней».

Эх, Вася, Вася!..

РАСЧЁТЛИВАЯ ВЕРТИШЕЙКА

Вертишейка подружилась со скромной Синичкой. Скоро Синичка стала считать Вертишейку лучшей подругой, все свои птичьи секреты доверяла, сокровенными мыслями делилась. При этом как-то не обращала внимания, что подружка всегда всё обо всех знает, а о себе ничего не рассказывает. К тому же часто она птицам-сослуживцам нелестные характеристики даёт. В лучших друзьях у Вертишейки числились сплошь птицы нужные: врачи, бизнесмены, начальницы и начальники. Случайно Синичка узнала, что подружка на своей шикарной даче часто с нужными людьми посиделки устраивает, а коллега, на которую она подружке кучу грязи выливала, числится у неё в лучших подругах. Прошло время, ушли подруги на пенсию, и Вертишейка дружбу с Синичкой прекратила. Она, понимаете ли, хорошо в математике разбирается и умеет отлично рассчитать, кто ей в этой жизни нужен, а кто – нет. А что касается там дружбы, совести, родства душ и прочих сантиментов – так кому это в наше время надо?

ГАИЧКА И ЕЁ ДЕТОЧКИ

Гаичка была любящей мамочкой, всё сердце деточкам отдавала. Сама не доест, не доспит, весь лес облетит, самых вкусных червячков деткам соберёт. Кормила, поила, обихаживала, уму-разуму учила. Гнёздышко своё обустроивала, чтобы деточкам тепло и уютно было.

Прошло время, детки выросли и разлетелись по далёким лесам-полям. Маму не забывают, конечно, звонят иногда, за подарочки, которые она им высылает, всегда спасибо скажут. Гаичка хвалится подружкам: хорошие детки, благодарные. Часто птенцов своих к бабушке присылают. Гаичка внучат так же, как и деток своих, кормит-обихаживает. Одним словом, счастлива птичка. А то, что она Новый год уже много лет одна встречает, и гнездо сама починить не в силах, да и уход за внучатами нелегко ей даётся, детки как-то не замечают. И на день рождения не приезжают. Но ничего страшного, вот скоро у Гаички юбилей. Вот уж когда все детки к ней приедут! Может быть...

ЧАЙКА-ЗВЁЗДОЧКА

В птичьей стае появилась необычная Чайка – мечтательница. Как-то с личной жизнью у неё не сложилось, потому что вокруг она ничего не замечала, всё мечтала... стать звёздочкой и жить на небосводе. Откуда взялась такая мечта, птичка и сама не понимала. Только то она и делала, что просила Высшие Силы превратить её в звёздочку. Мудрецы говорят, что мечтать небезопасно, так

как мечта может исполниться. Чайка была услышана, и звёздной ночью превратилась птичка в небольшую звёздочку и взлетела на небосвод. Ни одно созвездие её не приняло: своих звёзд хватает. Чайка-звёздочка прилежно появлялась каждый вечер на небосводе, и прилежно старалась осветить дорогу одинокому путнику, и помогала поэтам собирать гирлянды слов. Чайка не знала, что за всё в жизни надо платить. За воплощение мечты плата была высокая – короткая жизнь. Скоро звёздочка погасла. Недолюбленная, неоценённая, непонятая. Вроде напрасно жизнь прожила... Но ведь никто не подсчитал, сколько путников не сбилось с пути, сколько стихов родилось в поэтических душах и сколько мечтателей находили отраду в свете одинокой Чайки-звезды.

СОРОКИ-ЭМИГРАНТКИ

Жили-были две Сороки. Ничего не скажешь, красивы были дамочки: и лапки длинные, стройные, и пёрышки густые, и глазки с поволокой. Обе высшее образование получили. Всё бы хорошо, да больно любили красавицы глазками стрелять. Первая Сорока, когда уж ей за сорок перевалило, одного англичанина «подстрелила». Бросила она родное гнездо с птенцами да и укатила в Англию. Через некоторое время тётушка её горевала, дескать, племянница любимая пишет: «Я думала, что попаду в рай, а попала в ад». Вторая Сорока в Германию замуж выскочила. Скоро птичку супруг бросил, она другого нашла, потом третьего... Обе птички на встречи с однокурсниками приезжали, держались заносчиво, дескать, куда вам всем до нас, иностранок, почти аристократок! Однако же вторая Сорока как-то обмолвилась: «Хорошо жизнь свою менять в двадцать пять лет, а не в сорок пять». Шила в мешке не утаишь. Скоро однокурсники узнали, что первая Сорока «умопомрачительную карьеру» в Англии сделала: в хосписе за стариками ухаживает. Вторая «аристократка» содержанкой стала. По одной ниточке перед очередным немцем ходит, ибо годочки-то идут и «товарный вид» теряется.

ОДИНОКАЯ ДУША

Жила-была Сойка. Как-то так получилось, что в своей родной семье она была словно чужой птенец. Не любили её, потому что не понимали. Надо червяков собирать, гнездо вить, а она только в небо глядит да мечтает: ПрЫнца ждёт. Так и не дождалась ничего. Всю жизнь только работала, работала, работала... Любимая, конечно, работа была, но ничего больше, и вспомнить нечего.

Старость – злобная старуха подкралась неожиданно, да как ударила клюкой: там болит, здесь ноет, тут колет... И печаль-тоска бесконечная, бескрайняя, беспощадная, и тревога, и страх будущего. Никому рассказать-выплакать боль свою, нет и не было никогда плеча, к которому можно прислониться и почувствовать себя защищённой от жестокого мира. И никому она не нужна.

Тоска, зелёная, беспощадная, беспросветная, неотступная, и вопрос: для чего родилась, зачем жила и что делать...

МАЛЕНЬКИЙ ВОРОБЫШЕК

Во дворе на дереве возле старой хрущёвки жил маленький Воробышек. Обычный такой воробышка: маленький, серенький. Не было у него ни могучего клюва, ни цепких лап, ни героического нрава. Судьба его не сказать, чтобы уж совсем плохо сложилась, но и счастливой назвать её трудно. Всё в его жизни было: и маленькие радости, и горькие потери, и предательство друзей, и клевета врагов, и незаслуженные обиды. Доверчивым был наш Воробышек, поэтому обманывали его часто те, кто похитрее да понахальнее. Но он всё равно верил в Доброту и Справедливость, не озлобился, не очерствел. Погрустит-попечалится, бывало, после очередной обиды, а потом пёрышки почистит, добрую песенку прочирикает и со светлой надеждой встречает новый день. Воробышек обиды прощал, зла не помнил, а сам старался всем помочь, если это в его силах. И если не по силам, то всё равно старался помочь, сделать доброе дело.

Маленький Воробышек. Большое сердце.

Владимир Шеменев

Владимир Николаевич Шеменев – родился в 1962 году в селе Чернава Липецкой области. Окончил Воронежский государственный технологический институт. Работал в газетах: «Молодой коммунар», «Вечерняя газета», «Труд» – Черноземье», «“АиФ” – Черноземье». Автор книг: «Я – осёл, на котором Господин мой въехал в Иерусалим», «“Варяг” не сдаётся», военной повести «На всё воля Божья!». Живёт в Воронеже.

Я – осёл, на котором Господин мой въехал в Иерусалим

(Главы из романа)

Часто задают вопрос, что стало с тем самым осликом, на котором Господь наш въехал в Иерусалим? И вот перед вами роман-ответ от первого лица. Книга о маленьком сером Хамарине¹, который стал свидетелем и участником великих дел.

Проведите один день из восьми в Иерусалиме. Походите по городу, послушайте, что говорят на рынке и на Храмовой горе. А лучшие найдите ослика и выслушайте его историю. Он не такой, как все твари, которых создал Господь. Он особенный. Единственное, что он не делает – не говорит в том виде, как это делают люди, но зато всё понимает – как люди, которых тоже создал Господь!

Пятнадцатое нисана. Воскресение. Первый день Нового Завета

В первый же день недели², очень рано, неся приготовленные ароматы, пришли они ко гробу, и вместе с ними некоторые другие; но нашли камень отваленным от гроба. И, войдя, не нашли тела Господа Иисуса. Когда же недоумевали они о сем, вдруг предстали перед ними два мужа в одеждах блистающих. И когда они были в страхе и наклонили лица свои к земле, сказали им: что вы ищете живого между мертвыми?

Евангелие от Луки, 24: 1–5

Мне не спалось.

Тоска сжирала изнутри, и если бы не Иов и его родственники в лице семьи горшечника, которые то и дело подсовывали мне сладости, я бы, наверное, зачах ещё днём. За всю субботу никто из наших не пришёл к нам во двор, не навестил меня и не проведал, даже Мария.

Ну, не пришла и не пришла... Значит, на то есть причины.

Наверно, я был слишком высокого мнения о себе, что взялся равняться с людьми. «Кто я такой? – думал я, стоя возле пальмы. – Скотина, которая что-то там услышала, увидела – и сразу возомнила себя мудрецом, знатоком Торы, чуть ли не пророком, судьёй и людям, и народам. Осёл, который требует к себе внимания и уважения», – я засопел, поняв, что звучит это не только смешно, но и глупо.

Я не обижался на Марию, понимая, что её горе намного больше моего. Хотя и моё не маленькое, я потерял Господина, но она потеряла в сто крат более, чем кто-либо мог подумать: великого Учителя, щедрого Благодетеля, мудрого Наставника, безотказного Помощника, примерного Мужа³, любящего Отца, доброго Брата, Господа своего и Сына Божьего.

¹ Хамарин (арам.) – осёл.

² У евреев нет названий в современном понимании – от понедельника к воскресенью. Все дни определяются порядковым номером по направлению к субботе: «первый день», «второй день» и т. д. до дня, называемого Шаббат (иврит) – дословно «покой»; седьмой день недели.

³ Муж – мужчина. Аналогично жена – женщина (форма обращения – жéно).

И всё это в один день.

Осиротела не только она, но и все, кто ходил с Господом, и теперь они держались друг друга, чтобы не впасть в печаль и не впустить в душу дьявола. Вчера, ещё до «Маарив»¹, жена горшечника носила в дом Лазаря лепёшки и, вернувшись, сказала, что Пасхой там и не пахнет, все пребывают в трауре, в посте и трудах. Разливают по амфорам благовония и готовятся идти до гроба, чтобы успеть туда с первыми лучами солнца. Спрашивали, кто им камень отвалит, так как мужчин в доме нет: и Лазарь, и Симон Прокажённый остались в городе с апостолами. Сара посмотрела на племянника, как бы спрашивая: «А ты сможешь им помочь?» Иов глянул на тётку и кивнул. Я тогда тоже кивнул, не понимая, как он отвалит камень, который с трудом задвинули пять человек.

А сейчас, разглядывая звёзды, я вспомнил, как Матфей рассказывал, что Господь, наставляя их, говорил: «Ибо как Иона был во чреве кита три дня и три ночи, так и Сын Человеческий будет в сердце земли три дня и три ночи»².

Я посчитал и понял, что сегодня свершится: или Господин мой воскреснет, или Его смерть напрасна.

По цифрам всё сходилось: тринадцатое, четырнадцатое и пятнадцатое нисана – три дня и три ночи. В отличие от Рима, в Иудее день не делился на день, когда светит солнце, и ночь, когда светят звёзды. День был днём от начала и до конца: начинался со звезды и кончался звездой. Зарождающийся день забирал и ночь, с неё он начинал свой бег. Сказано в Книге Бытия: «И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днём, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один»³.

День един!

И говорил Господь Моисею: «От вечера до вечера»⁴. День тринадцатого имел в себе ночь, день четырнадцатого имел в себе ночь, и день пятнадцатого нисана будет иметь в себе ночь.

Я кивнул, удовлетворённый собственными рассуждениями.

От расчётов и мыслей, что всё сходится, я аж затрепетал и, не дожидаясь Иова, выскочил со двора и помчался на Голгофу, поднимая за собой тучу пыли.

* * *

Когда я добрался до Иосифова оврага, звёзды уже поблёкли и ночь потихоньку стала сдавать свои права. На востоке забрезжила заря, показав свет зарождающегося нового дня. Здесь, в тени утесов и крепостных стен, было тихо и сумрачно. Из звуков уши уловили только возню мышей, перезвон стремян и пощёлкивание догорающих углей.

Возле оврага в нос шибануло дымом, конским потом и вином.

Двух стреноженных лошадей я нашёл возле входа в сад. Кони были римские, под сёдлами, с обрванными хвостами. Они не спали и, прядая ушами, топтались на месте, неуклюже переступая спутанными ногами. В отличие от своих подопечных, на пригорке, привалившись к дереву, храпел сторож, закутанный в пенулу с надвинутым на глаза капюшоном. Костра возле него не было, и я решил, что где-то ещё есть люди (возможно, в глубине сада). Прошёл мимо спящего, старясь не втягивать воздух носом. От иудея разлило вином, и я передёрнулся, представляя, что сделал бы человек Храмовой горы⁵, застав его в таком виде.

Я знал, как поступали с заснувшим на посту. Проверяющий подходил к уснувшему и, если стражник не вставал, тихо говорил: «Мир тебе!» Не слыша ответа, начальник стражи факелом поджигал одежду спящего сторожа, после чего начинал лупить сонного палкой⁶. Урок был хорошим и, главное, запоминающимся. Да и римское наказание было не менее жестоким, хотя и менее зрелищным. Пьяному легионеру вставляли в рот лейку и лили в горло вино, пока тот не раздувался, после чего мечом протыкали живот.

От всех этих ужасов я икнул.

¹ Маарив – вечерняя молитва.

² Мф. 12:40.

³ Быт. 1:4–5.

⁴ Лев. 23:32.

⁵ Человек Храмовой горы – надзиратель, начальник над стражниками в Храме.

⁶ М. Т. Мид. 1:2.

Как и положено благородным, армейские кони даже не посмотрели в мою сторону, занятые поеданием травы. Им не было никакого дела до икающего от страха ослика, спускающегося в овраг. Я сполз по склону и остановился, всматриваясь в тёмные заросли. «Это хорошо, что тут кони и солдаты, – подумал я, прислушиваясь к стуку собственного сердца. – Всё меньше шансов встретить стаю диких собак». О волках я думал как о заблудших, непутёвых братьях, но всё же братьях, а вот одичалых я опасался. Но поборол страх и шагнул в тёмную пасть Иосифова сада.

– Стой, – чья-то рука поймала меня за хвост. Мамочка ты моя дорогая, да зачем же я тебя не послушал и пошёл гулять один?! И если бы не милый моему слуху голос, скончался бы я, наверное, на этом самом месте от разрыва сердца. Мария дёрнула меня на себя и, перехватив за шею, заставила остановиться. – Хамарин, а ты что тут делаешь?

«Гуляю», – хотел крикнуть я, но она поднесла палец к губам и сказала: «Тсс!» От родных ноток в её голосе как-то быстрее заалел восток, и рассвет уже не стал казаться мне таким медлительным и мрачным.

– Тихо ты, – рыбачка кивнула в сторону зарослей, из-за которых доносились голоса. Оттуда же слышалось пощёлкивание углей и тянуло дымом костра. – Стражники у гроба.

Я всё понял и тоже кивнул, соглашаясь, что шуметь и высовываться пока не стоит. К нам крадучись подошли Саломия и Мария, жена Клеопы, апостола от семидесяти. В руках у них были амфоры с благовониями. Поставив сосуды на землю, женщины присели рядом с нами и зашептали:

– Мы видели наших, что отстали, сюда идут.

– Что делать? Римляне у гроба... римляне, – Мария из Магдалы с тоской посмотрела в глубь сада.

– *Надо что-то придумать*, – тихонько посоветовал я, боясь, что мой голос привлечёт внимание стражи.

Но придумать ничего не успел...

Две молнии ослепительной белизны, расколов небо, одна за другой ударили в сад. И следом – за время, равное двум шагам, – раздался оглушительный раскат грома. Земля вздрогнула и качнулась. Порыв ветра рванул листву, пригибая деревья. Над садом встало белое зарево, слепя и заливая окрестности неестественной белизной. И заревело, загудело всё вокруг, сливаясь с утробным воем шофаров¹ на городских стенах.

Свет слепил, пришлось отвернуть голову и смотреть в ту сторону, откуда я пришёл. Кони на взгорке, встав на дыбы, ржали как очумелые, а пьяный сторож, не очухавшийся ото сна, никак не мог поймать прыгающие перед ним уздечки. Его силуэт метался на фоне погасшего неба, и я слышал, как он кричал, ещё больше пугая лошадей.

И ещё я слышал вопль...

Вопль ужаса от отчаяния. Так орут перепуганные насмерть люди, увидев нечто, что не вписывается в привычные рамки их земной жизни. Мимо нас пронеслись сторожа – без щитов, без шлемов, полуслепые, с растопыренными руками, оставляя на кустах терновника обгорелые клочья одежды и думая только о спасении своей шкуры. На их опалённых огнём лицах я видел застывший страх – страх увиденной смерти. Те же, кто не мог бежать, ползли следом, умоляя не оставлять их.

Само провидение открывало нам путь к гробу.

И мы пошли...

Робко и тихо ступая по траве, всё время озираясь и вздрагивая от ругани стражников, которых слышно было от крепостных стен, где они неистово барабанили в ворота. Я впереди, а женщины сзади. Они шли, всё время приседая, словно хотели спрятаться за мной. Если бы они только знали, что ощущал я! Чем ближе подходили, тем явственней чувствовался запах некой свежести, от которой хотелось вздохнуть полной грудью. Так пахнет оживший луг после грозы. Все прочие запахи улетучились, уступив место аромату прошедшего дождя, которого не было.

В глубине сада, на площадке возле входа в гроб, лежал камень – тот самый, что прошлым вечером пятеро галилеян с трудом задвинули в проём, закрывая вход. Но не камень меня зачаровал, а тот, кто сидел на нём. Среднего роста, с крыльями, касающимися земли, и копьём, на которое он опирался. Не скажу, во что он был одет, какие имел волосы и цвет глаз. Я запомнил только одно: он сиял подобно снегу, так что больно было смотреть.

¹ Шофар (иврит) – рог: музыкальный и сигнальный инструмент, служащий для созыва народа и возвещения важных событий.

Мы встали, с благоговением взирая на архангела.

В какой-то момент меня посетило любопытство. Кто он? Как имя его? Я знал, что покровителем Израиля были два архангела: Михаил и Гавриил. И я видел две молнии, ударившие в сад. Кто сидел перед нами и где был второй, я не знал, а спрашивать было как-то неприлично. Ткнет ещё копьём и превратит в жабу. Почему именно в жабу, я так и не решил, а как замороженный глядел на нашего спасителя.

Архангел поманил нас рукой.

Я не мистик и не фантазёр¹, но мне показалось, что за рукой шёл свет: небесный посланник повёл рукой – и сияние последовало за ней; он опустил руку на колено – и осветилась земля; он встал и пошёл к гробу – и свечение последовало за ним. Свет струился от его сущности – от крыльев, рук, ног, даже от копья, расходясь волнами, и тянулся за ним шлейфом до тех пор, пока юноша не скрылся в пещере, которая почему-то освещалась изнутри.

Значит, второй там, возле гроба, решил я и успокоился.

Чтобы не осквернить своим присутствием гроб, в котором лежал мой Господин, – всё-таки я скотина, а не человек – я не стал заходить в пещеру. Обогнал женщин и встал у входа, словно страж. Мимо меня прошли женщины, по одной, втекая в глубь пещеры. И тут же раздалось удивлённые голоса, усиленные эхом гулкой пещеры.

– Гроб пуст!

– Его здесь нет!

– Где же Он?

– Вот плат, вот пелены, что мы укутывали Его... – женские голоса всё больше робели и наконец замолкли.

У меня было такое ощущение, что они не видят архангелов – или видят, но боятся себе в этом признаться, думая, что это духи. Я просто не понимал, как можно не видеть ангелов, освещающих гроб без светильников. Или те каким-то образом оставили свет и исчезли? Любопытство просто распирало меня, но я поборол в себе это чувство и не стал входить, решив, что всё образуется само собой.

Так и случилось.

– Что вы ищите живого между мёртвыми? – услышал я – и свет усилился, освещая пещеру изнутри. – Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был ещё в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть², – голос был тихий, спокойный, я бы назвал его умиротворённым, но в нём было столько силы, что хватило бы на десять тысяч Самсонов, повергнувших своих врагов.

– Вспомнили, вспомнили! – запричитали перепуганные женщины и с этими словами стали покидать пещеру. Последней выбежала рыбачка – точнее выскочила: заплаканная, в размотанном мафории.

– *Что там?* – успел крикнуть я.

– Унесли Господа! – всхлипнула Мария, задыхаясь от горя, и побежала догонять ушедших женщин. Босые пятки мелькнули на дорожке и скрылись за кустами терновника, на котором всё ещё трепыхались клочья обгорелой одежды.

«Как унесли?!» – я растерялся. – Говорил нам: “Воскресну”, – а тут раз – и унесли. Как же так?» – одолели меня сомнения. Я топтался на месте, не зная, что делать. И в пещеру хотелось заглянуть, и Марию догнать: не оставаться же мне здесь одному.

Я подкрался и сунул голову в проход. Оттуда на меня дохнуло прохладой. Пещера вгрызалась в склон холма. Длинный узкий проход ступенями уходил вниз, в подземелье, делал петлю и уже там расширялся, превращаясь в погребальный зал. Сам зал и гроб я не видел – мешал угол стены.

А войти я так и не решился...

* * *

Пока я размышлял, вернулась Мария, приведя апостолов.

Как я потом узнал, наделала она переполоха в доме у Марка. Рыбачка догнала женщин возле ворот. Как ветер, пронеслась мимо и, обогнув ошеломлённых жён, первой вбежала во двор и дальше в дом.

¹ Фантазия (от греч. *φαντασία*) – жанр, творческий приём, известный в Древней Греции уже VIII веке до н.э.

² Лк. 24:5–7.

– Унесли Господа из гроба, и не знаем, где положили Его, – от порога крикнула она и, тяжело дыша, прислонилась к дверному косяку. Суматоха, поднятая Марией, взбаламутила слуг, гостей и хозяев дома: все ходили, непрерывно разводя руками и обращаясь друг к другу со словами: «Горе-то какое, горе!»

Только Пётр не поверил сказанному. Намотал поверх туники гиматий¹ и как был босиком, так и пошёл в Иосифов сад. Глядя на него, засобирались многие из тех, кто находился в доме. Одни – спешно, чтобы быть с Петром, другие – с отяжкой, основательно, словно на праздник. Переведя дух, Мария оттолкнулась от косяка и пошла, поспешая, чтобы не отстать от Петра и Иоанна, ушедших далеко вперёд.

Через некоторое время я услышал пыхтение и приближающийся топот ног. Не замечая меня, мимо пробежал Иоанн, а следом за ним, тяжело дыша, в пещеру вошли Пётр и хмурая Мария. Меня разбирало любопытство, и, приложив уши к стене пещеры, я стал слушать голоса, усиленные гулкой пустотой.

– Его здесь нет!

– Унесли Господа! – Мария готова была разрыдаться.

– Одни пелены лежащие.

– Вот плат, который был на голове Его, не с пеленами лежит, но особо свит на другом месте, – было слышно, как Пётр ходит по пещере: тяжёлую поступь галилейского великана я с лёгкостью мог отличить от порхающей Марии или от пружинистой походки Марка – на то у меня и уши такие.

– Воскрес... Верую! – сказал Иоанн и вышел из гроба.

Пришлось мне отлипнуть от камней и принять непринуждённую позу.

Следом за юношей вышел Пётр и молча пошёл по дорожке на выход из сада. Не вышла только рыбачка. Что задержало её там, я не знал, но то, что я увидел и услышал, заинтересовало меня. Я сделал несколько шагов и робко заглянул в проём. Тёмная пещера сияла лучезарным светом, и голос, похожий на шелест листвы, увещевал Марию.

– О чём плачешь? – в голосе ангела не было скорби, скорее надежда.

– Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его.

– Обернись!

Я слышал, как скрипнули пятки по каменным плитам, раздался тихий женский всхлип – и голос, принадлежащий моему Господину:

– Жёно! Что ты плачешь? Кого ищешь?

Я узнал бы этот голос из сотен, тысяч, миллиона легионов, я узнал бы его ночью и узнал бы его днём. В жару и в холод, в горах и в пустыне. Я никогда не забуду, как Он говорил, как смотрел, как слушал.

– Господин! Если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его.

– Мария!

Да, это был Он. Он жив! Он воскрес, как и обещал! Я улыбнулся, представляя себе нашу радостную встречу.

– Раввунни!² – рыбачка почти крикнула, и я услышал шлепки босых ног.

– Не прикасайся ко Мне, ибо Я ещё не восшёл к Отцу Моему; а иди к братьям Моим и скажи им: восхожу к Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему³...

И ещё я услышал голос ангела, говорящего:

– Пойди скорее, скажи ученикам Его, что Он воскрес из мёртвых и предваряет вас в Галилее; там Его увидите.

Раздался топот босых ног, и я еле успел отскочить от прохода. Я не знал, что там было, но я видел лицо Марии. Оно сияло, словно солнце, навечно взошедшее над Иерусалимом.

– Ну что? – успел я послать ей вдогонку своё «Иа».

– Воскрес! Господь наш воскрес! Догоняй, Хамарин, – весело крикнула она на бегу. – Я к апостолам с благой вестью...

¹ Гиматий (греч.) – верхняя одежда в виде прямоугольного куска ткани.

² Раввунни – учитель (по-гречески *Ραββουνι* правильно будет произноситься «раббуни»).

³ Диалог построен по тексту Ин. 20:13–17.

* * *

Старым путём я не пошёл: побаивался иудеев, грозивших мне расправой. Промчался мимо Судных ворот и побежал вдоль западной стены. Возле Змеиного пруда¹ круто взял влево и ушёл вниз, в долину сынов Еннома, намереваясь войти в город через Ессеевы ворота² и уже оттуда переулками добраться до дома, где остановились апостолы и куда убежала Мария.

Пока я шлёпал по пыльной пустынной дороге, в голову пришла мысль, с которой мне захотелось тут же поделиться со всеми, кого я знал и кто знал меня и ходил все эти дни с моим Господином.

Мысль была простой, но она стоила того, чтобы её озвучить.

Иудеи гордились десятью чудесами, явленными их предкам в Храме³: никогда не видели мухи в храмовой бойне; ни с одним первосвященником не случилось извержения⁴ в День Очищения; птица не пролетала поверх жертвенника; никто не находил там шерца⁵; никогда женщина не сбросила плод свой от запаха священного мяса; священное мясо никогда не портилось; через ворота в ширину двадцать локтей выходило сорок тысяч человек; никогда ветер не разбивал столба курения; не случилось, что стал негодным омер, два хлеба и хлеб предложений⁶; сколько раз народ стоял в тесноте, а поклоны творил в просторе, имея перед собой четыре локтя пустоты.

Но разве могли все эти чудеса, не стоящие ровным счётом ничего, побороть одного явного чуда, свершившегося сегодня на Голгофе – воскресения моего Господина?

Разные судьбы одной стражи

Когда же они шли, то некоторые из стражи, войдя в город, объявили первосвященникам о всём бывшем. И сии, собравшись со старейшинами и сделав совещание, довольно денег дали воинам, и сказали: скажите, что ученики Его, придя ночью, украли Его, когда мы спали...

Евангелие от Матфея, 28:11–13

Анна стоял на стене в тени храмовой колоннады, созерцая пробудившийся город. Тонкий ручеёк молящихся никак не хотел превращаться в полноводную реку. Ручей дробился, разбиваясь на отдельные протоки, озёра и заводи. Люди сходили с дороги и с интересом слушали утренние новости. Руки рассказчиков вращались во все стороны, показывая то на Голгофу, то на Храм.

Исчезновение Назарянина – ав-бейт-дин даже в мыслях боялся произнести «воскресение» – было сопоставимо с разрушением⁷ Храма, а может, и больше того. Храм можно восстановить, как это сделали их отцы, а вот веру... «Сможем ли мы восстановить веру?» – размышлял Анна, злясь, что людской поток таял на глазах. Для бывшего первосвященника не важно было воскресение Иисуса, важно было то, что Его там сейчас нет. Гроб стоял пустой. И каждый входящий был вправе сказать: «Воскрес!» Вот трещина, от которой пошатнутся краеугольные камни иудейской веры, рассыплется устои общества и закон, данный им Моисеем, потеряет своё величие, силу и привлекательность. Никто не принесёт жертвы, не зажжёт дыма курения, никто не отвесит десятину и не наполнит корбан... Храм опустеет, и жизнь потеряет смысл.

Услышав тяжёлую поступь, ав-бейт-дин скосил глаза. К нему шёл Каиафа с помятым бордовым лицом от бурного ночного возлияния.

– Что слышно в городе? – процедил Анна, как только унюхал тяжёлый запах перегара. От первосвященника разило вином, и тесть поморщился: он не мог отучить зятя от этой пагубной привычки и только благодаря его авторитету Каиафа всё ещё был в первосвященниках.

– Он воскрес!

¹ Пруд на западной стороне города, в долине Рафаимов.

² Ессеевы ворота располагались в юго-западной части города.

³ М. Т. Ав. XXXIX.

⁴ Поллюции.

⁵ Шерец (иврит) – нечисть. Собирает название восьми видов животных, «пресмыкающихся по земле» (Лев. 11:29–30), о которых сказано, что прикосновение к их останкам вызывает состояние нечистоты, продолжающееся до исхода того же дня.

⁶ Жертвенные приношения, совершавшиеся в храме ежегодно.

⁷ В 586 году до н.э. (в евр. традиции – 422 год) армия вавилонского царя Навуходоносора штурмом взяла Иерусалим и полностью разрушила Храм. Восстановление Храма началось в 538 и закончилось в 516 году до н.э.

– Ты не первый... Что ещё говорят? – как истинный саддукей, Анна никогда не верил в бессмертие души и воскресение мёртвых – и никогда бы в это не поверил, даже если бы сам увидел. «Скажу, померещилось или увидел духа», – так отвечал он каверзным фарисеям, требовавшим ответа: что бы он сделал, увидев воскресшего из мёртвых? Вся его сущность протестовала против воскресения Назарянина, а упоминание об ангелах, отваливших камень, только усугубляло ситуацию, приводя бывшего первосвященника в бешенство.

Каиафа пожал плечами.

– По слову стражников западной стены, многие уверовали, что он Сын Божий.

Анна скрипнул зубами и засопел.

Слова привратников Судной башни о сошествии с неба двух ангелов с огненными копьями, дрожащих от страха сторожах в обгорелых одеждах, радостных авелах и о вифанском осле, который пробежал мимо их башни, без умолку вопя «Иа-Иа», распространились со скоростью ветра. Рассказ превратился в слух, обрастая множеством подробностей. Кто-то видел, как осёл купался в «змеином пруду» и змеи его не жалили; кто-то узрел праотцов Израиля, входящих в Иерусалим; кто-то разглядел два пылающих столпа на Масличной горе, а кто-то и того больше, говоря: «Видел, как разверзлись уста земли¹ и человек в белых одеждах вышел оттуда, и с ним был сонм ангелов. И вывели они множество грешников, а там, откуда пришли, слышался стон и скрежет зубов». И уже совсем другая история неслась по улицам города, собирая зевак и будоража их воображение.

Решение пришло само собой.

– Вели всем строго придерживаться закона и не слушать пустословов, болтающих, что Иисус из Назарета воскрес. Вели левитам бить палками тех, кто распространяет ложь, ибо нет воскресения для мёртвых. Вели распускающих слухи хватать и вести в Синедрион, – Анна был зол как никогда. Надо было срочно переломить ситуацию в свою пользу – или весь город к вечеру уверует в Мессию.

– Что бы ты сделал, если бы от тебя зависела чья-то судьба? – Анна резко повернулся к зятю, и тому пришлось сделать шаг назад, чтобы не дышать в лицо тестю.

– Я бы взял денег.

– Что бы ты сделал, если бы от кого-то зависела твоя судьба?

– Я бы дал денег.

– Что мы сделаем, зная, что от стражников зависит наша судьба?

– Мы дадим им денег.

– Иди, возьми и раздай. Корбан – не бездонная бочка, но на благое дело не стоит жалеть золота... Пусть говорят: «Когда мы спали, пришли ученики и унесли тело». И Петрония не забудьте: от его жадности будет нам польза...

* * *

Свист бича рассёк воздух...

Удар пришёлся чуть выше поясницы, распарывая кожу легионера и отбивая почки. Солдат вздрогнул и замычал, зажатый тисками в пыточном станке. Ещё один удар в то же место – и голова безвольно повисла на ослабшей шее. Кровь со спины ручьями стекала на камни претории. Таких окровавленных спин было десять: по количеству сторожей у гроба. Рой злобных мух висел над крепостным двором, своим вниманием досаждая и без того несчастным солдатам.

Среди подверженных наказанию не было Петрония, Руфуса и людей его турмы. Они входили в состав сопровождения и, выставив посты, сразу же вернулись в преторию, куда и прибежала утром перепуганная стража, не дождавшись разводящего. Все рассказы о сошествии с неба двух сияющих богов с копьями и мечами не произвели на Пилата должного впечатления. Будучи прагматиком, он не верил в чудеса и приметы, за исключением одного случая: когда у авгура умер голубь накануне Пасхи.

Оставление поста для римлян было позором, и префект приказал стражников не жалеть. Для укрепления духа весь гарнизон был выстроен по периметру крепости в полном боевом облачении. А тем, кому не хватило места, велели взойти на стены. Солнце неумолимо пекло, нагревая латы, но римляне мужественно терпели, вознося хвалу богам, что не они попались Петрониию на глаза прошлым днём.

¹ Уста земли – вход, жерло, ведущее в недра земли. Образное поэтическое выражение, под которым евреи подразумевали вход в преисподнюю.

Несмотря на еврейский праздник, Маркус был одет по-будничному – в окровавленный кожаный фартук на голое тело. Зато все инструменты в честь праздника он аккуратно разложил на верстаке и даже смазал, чтобы не скрипели и раньше времени не пугали наказуемых.

В одной тунике, с бокалом вина в руке Пилат возлежал на террасе на плетёном диване, наблюдая за экзекуцией. Рядом с ним был только раб, массирующий ему шею. Истязание длилось уж час, шея затекла, и наместник порядком подустал от однообразных пыток, воплей и обилия крови. Поманил к себе Маркуса и велел заканчивать.

Карнифекс выслушал префекта и приказал двум своим помощниками раздать легионерам палки, а десятникам – построить солдат двумя колоннами, которые пройдут мимо пыточных станков, забывая осуждённых до смерти.

В тот момент, когда запел рог смерти, возвещая начало фустуария, в ворота въехал Квинт со своими людьми. Увидев тронувшиеся колонны, десятник сингуляриев вскинул руку, призывая игемона выслушать его доклад. Пилат доверял Квинту: без причины тот не стал бы привлекать к себе внимание и прерывать казнь. Значит, он что-то узнал. Взмахом руки префект приказал прекратить движение, развести легионеров по периметру претории, а на наказуемых вылить по ведру воды, облегчив их страдания.

Квинт и два его спутника спешили с лошадей и двинулись к террасе, неся что-то, завернутое в полотнище. Подошли – и остановились. По лестнице поднялся только десятник, ударом в грудь сообщив о своём приходе.

– Квинт, десятник, приветствует эквита Понтия Пилата.

– Пилат приветствует верного Квинта, – приподнявшись с дивана, наместник протянул бокал, предлагая выпить, что было величайшим знаком доверия и уважения. Квинт принял бокал, отхлебнул и встал возле дивана, удерживая прибор в руке и ожидая разрешения говорить.

– Рассказывай, что дало тебе право прервать казнь.

– После того как в храм вернулась стража, по городу поползли слухи, что к гробу явились ученики и вынесли тело учителя, когда все уснули. Если иудеи были пьяны и спали, почему Рим не знает об этом? Прежде чем Маркусу отдали стражников, я говорил с ними. Все в один голос утверждали, что никто не спал: ни римляне, ни иудеи. Сна не было, был сильный страх. У многих тряслись руки и стучали зубы так, что хотелось вскочить и убежать – что и собирались сделать иудеи. Но легионеры Рима нашли в себе мужество перекрыть тропу, ведущую из сада. И только явление огненных богов заставило всех в панике покинуть пост. Тогда я сказал себе: «Сходи и посмотри...»

– Посмотрел?

– Да, и даже кое-что нашёл.

– Что именно? – Пилат немного взбодрился.

– Поднимитесь и покажите, – крикнул Квинт ожидавшим внизу сингуляриям.

– Я всегда знал, что ты можешь заинтриговать, – Пилат отстранил руку раба и встал. Не выпуская ношу, солдаты поднялись по лестнице и встали рядом с десятником. Весь гарнизон вытянул шею, стараясь разглядеть, что там принёс Квинт, если осмелился остановить наказание. – Открой, – от нетерпения руки вспотели, и префект провел ими по тунике, чувствуя тепло своего тела.

Квинт отхлебнул из бокала, поставил его на мраморный столик и только после этого подошёл к солдатам. Движением руки откинул покрывало, и перед Пилатом предстал щит. Самый обыкновенный стальной иудейский щит с приклёпанной медной менорой на лицевой стороне.

Вздых удивления и разочарования прокатился по претории.

– И это всё, что ты хотел мне показать? – Пилат был недоволен своим любимцем. Щека префекта дёрнулась, что было предвестником грозящей разразиться бури.

– Поднимите щит и укройте игемона от солнца.

Сингулярии выполнили всё в точности, как и сказал командир. Тень укрыла наместника. Но странное дело: довольно широкий солнечный луч лёг на плечи префекта. В щите была дыра размером с кулак – с оплавленными краями.

– Что это?

– Отверстие, мой повелитель.

– Я вижу, что отверстие... Отчего оно?

– Его прожёт небесный огонь. Стрела богов прошла сталь, которую не пробивает навывлет даже самая закалённая стрела.

- Только Юпитер способен на такое.
- И еврейский Бог.
- Где подобрал? – Пилат протянул руку к щиту, намереваясь сунуть палец в отверстие, но передумал.
- Нашёл в саду возле гроба.

Пилат потёр гладко выбритый подбородок, соображая, что делать. Если продолжить казнь – значит он не поверил легионерам, не поверил Квинту, тем самым второй раз презрев еврейского Бога. А отпустить солдат без наказания – значит нарушить закон Рима. «Закон суров, но это закон»¹, – любил повторять Пилат, но на этот раз он тут же мысленно добавил: «Спроси себя, кого ты больше боишься: еврейского Бога, сидящего на Небесах, или Пампония Флакка, сидящего в Сирии?»

И тут случилось то, чего не должно было случиться. На террасу поднялась Клавдия, прошла мимо Пилата и, встав лицом к солдатам, бросила мужу фразу, от которой Квинт покрылся испариной.

- Если хочешь узнать истину, собери совет из центурионов и квесторов: мне есть что им сказать.

* * *

Клавдия помогала рабыням, которые укладывали вещи. Желая покинуть город, она торопила служанок, моля Бога о том, чтобы муж не передумал и они не остались до конца праздников в ненавистном ей городе. Отъезд, намеченный на сегодня, был отменён из-за случая со стражей у гроба и перенесён на неопределённое время. Сегодня был самый несчастливый день, но она старалась не думать об этом, надеясь всё же покинуть Иерусалим до того, как солнце встанет в зенит. С некоторых пор она перестала верить в приметы, полагаясь только на волю Всевышнего.

Услышав топот копыт, доносящийся со двора, жена префекта встала и развела плотно прикрытые ставни. Увидев, что это Квинт, Клавдия накинула на плечи пенулу и вышла из комнаты.

* * *

Выслушав жену префекта, присутствующие в башне совета единогласно высказались за отмену фустуария, заменив смертную казнь поркой плетью. Стражники были помилованы. Все согласились с тем, что идти против воли Бога нельзя, чей бы это Бог ни был. И если ангелы с огненными стрелами помиловали сторожей, значит так было угодно. Богу не нужна была их смерть, а Рим не выше Бога.

Тирада Клавдии могла бы послужить образцом ораторского искусства, если бы не безрассудство, с которым она закончила свою речь, напомнив всем, что раньше Рим всегда называл первый день недели «днём Бога»², а не «днём Солнца».

- И этот день сегодня наступил, – подвела она итог.

Квесторы и центурионы сидели с меловыми лицами, понимая, что и у стен есть уши. И если напрямую жена префекта не требовала не принимать календарь Цезаря, то в её последних словах это прозвучало как призыв.

- Надо было выкручиваться, и Пилат нашёл выход.

– Я узнал истину, о которой ты хотела мне сказать. – Он проницательно посмотрел на жену и добавил: – Истинно блаженны уши, внимающие не голосу, звучащему на площадях, но голосу, в тиши учащему истине³.

- Напряжение было снято, и все дружно выдохнули.

* * *

Через два часа Клавдия с дочерью покинули Иерусалим. Процессия из двух паланкинов, возлежащих на плечах рослых нубийцев, в окружении полусотни сингулариев, в сопровождении когорты пехотинцев и сотни легковооружённых лучников выступила из претории по направлению к башне

¹ Dura lex sed lex – крылатое латинское выражение, приписываемое Цицерону.

² День Бога – Dominica (воскресенье). После введения Юлианского календаря старые названия дней недели были заменены новыми, и воскресенье стало Solis dies – «день Солнца».

³ Beatae plane aures, quae non vocem foris sonantem, sed intus auscultant veritatem docentem – крылатое латинское выражение.

Меа. Позади солдат двигались рабы, слуги и множество воловьих повозок с имуществом семьи префекта Иудеи.

Пилат же остался в городе до конца праздника опресноков. Будучи настойчиво зазываем в гости – посмотреть павлинов и выпить вина, префект не позволил себе проигнорировать третье приглашение Антипы, являющегося другом Тиберия, и согласился посетить родовой дворец Иродов сегодня же до захода солнца.

Притча о девяти прокажённых

Один же из них, видя, что исцелён, возвратился, громким голосом прославляя Бога, и пал ниц к ногам Его, благодаря Его; и это был Самарянин. Тогда Иисус сказал: не десять ли очистились? где же девять? как они не возвратились воздать славу Богу, кроме сего иноплеменника? И сказал ему: встань, иди; вера твоя спасла тебя.

Евангелие от Луки, 17:15–19

Самаритяне не ходили в Иерусалим на праздник, справляя Пасху у себя, на горе Гризим¹. У подножия был колодец Иакова², возле которого и встретила Иисуса самаритянка Фотиния, придя за водой. Через неё и пришла благодать на жителей города, которые собрались по её слову и говорили: «Уже не по твоим речам веруем, ибо сами слышали и узнали, что Он истинно Спаситель мира, Христос»³.

Накануне Пасхи, когда ещё тьма не поглотила Голгофу, в Сихеме⁴ уже знали, что Учителя схватили, судили и казнили – распяв, словно разбойника, с разбойниками. Весть об этом принесли торговцы, вернувшиеся из Иерусалима. Первой поклониться Иисусу ушла Фотиния с детьми и сёстрами⁵. И следом за ней в Вечный город потянулась цепочка благодарных самаритян, среди которых был и Идак.

Люди шли всю ночь, не останавливаясь и не разговаривая между собой. Шли молча, горя одним желанием: успеть поклониться тому, в ком они увидели Спасителя.

Они спешили, но всё было тщетно.

К их приходу с горы сняли даже кресты, отчего вершина приняла свой прежний вид: лысая и невзрачная, похожа на плешивый череп. Пасхальный день ходоков встретил воем ветра, хрустом песка под сандалиями и радостными лицами иудеев.

Ветер выл, песок скрипел, иудеи улыбались.

Так продолжалось всю субботу, пока не погасли звёзды и утро нового дня не принесло известие о воскресении Христа.

* * *

- Говорят, Назарянин воскрес, – кричали одни.
- Говорят, пришли ученики и тело украли, – отвечали другие.
- Кто говорит? Стражники? – напирала первая.
- А хоть бы и стражники, – парировали вторые.
- Так что же это за стражники, если учеников не остановили? – укоряли те, что начали спор.
- Да уж какие есть, – жёстче отвечали поборники веры.
- Спали, что ли? – не унимались боголюбивые.
- А хоть бы и спали. Тебе-то какое дело? – горячились благочестивые.
- Известно, какое: правды хотим, – требовали дотошные.
- Будет тебе правда, – хмыкали въедливые.

Толпа закипала, обрастая зеваками, спорщиками и храмовниками, в чью задачу входило подавление всяких разговоров о свершившемся воскресении.

¹ Священная гора, на вершине которой стоял самаритянский храм, разрушенный иудеями в 110 году до н.э.

² Иаков – библейский патриарх, внук Авраама, родоначальник 12 колен Израиля.

³ Ин. 4:42.

⁴ Сихем, Сихар – город в Самарии, ассоциируется с современным Наблусом в Палестинской автономии.

⁵ Фотиния и её сыновья Иосия и Виктор, а также сёстры Анастасия, Параскева, Кириакия, Фото и Фотида в 66 году н.э. приняли мученическую смерть в Риме как христиане.

– Да денег им дали первосвященники, вот и говорят, что спали, – в спор вступил паломник, всю субботу прошедший на Храмовой горе.

– Ты, что ли, давал? – к сказавшему обидное резко повернулся человек в длинном шерстяном кетонете с пришитыми по краю подола колокольчиками и занёс палку для удара.

В толпе произошло движение, и к спорщикам шагнул самаритянин, перехватив руку левита.

– Он не давал, зато я видел, как на ящике с корбаном ломали храмовую печать, – человек левой рукой сжал кисть храмовника, а правой показал нож.

– Мало ли для чего сломали, может, на какие нужды, – уже более примирительно сказал левит и добавил тихо, но так, чтобы стоявший перед ним услышал: – Кто тебя только пустил на Храмовую гору?

– Господь! – Идак оттолкнул левита и пошёл через толпу. «Врежь ему!» – услышал он за спиной, но поворачиваться не стал. И голос человека, с которым спорил о карбане: «Пусть живёт, я сегодня добрый».

На каждой площади, улице, в переулке – везде повторялось одно и то же. Собирались спорщики, зачинщики, провокаторы и блюстители. Слышались крики, споры и даже случались драки. Законников было меньше, но они были более организованы, ходили десятками, с палками – не скрывая своих намерений. Били жестоко, до крови, ломая не только руки, но и головы. За час до начала «Минхи»¹ первого дня, стремящегося к субботе, с сомневающимися было покончено и в городе наступило относительное затишье.

* * *

«Зачем ты пришёл в Иерусалим?» – спрашивал себя самаритянин. И тут же отвечал: «Чтобы ещё раз сказать: благодарю тебя, Господи!» – «Ты уже говорил это», – и сам себе укреплял: «И ещё раз скажу». – «А если не встретишь? – и, склонив голову, шептал: «На всё воля Божья!»

Пробродив полдня по городу в ожидании встречи, Идак вышел к крытым галереям Вифезды, где когда-то обитал, жажда исцеления. И первый, с кем он столкнулся, был Нахум – один из десяти прокажённых, исцелённых Иисусом...

Вид иудея был ужасен.

У сидящего возле колонны человека не было кожи. Розовое, истекающее гноем и пахнущее смрадом тело было покрыто ползающими мухами, на которые несчастный не обращал внимания. Погасший взгляд отражал полное безразличие ко всему, что творилось возле источника. Длинные пепельные волосы свисали немывтыми лохмотьями, служа своего рода накидкой, прикрывающей наготу. Время от времени он поднимал высохшие руки и протягивал их к прохожим, выпрашивая хлеба. В праздник иудеи не посещали источник, боясь осквернения, и прокажённые сильно страдали в эти дни от голода.

– Нахум, – Идак присел рядом, развязывая мешок, – как, почему ты опять покрылся проказой? – у самаритянина задрожал голос от жалости к человеку, с которым он десять лет делил лохмотья, хлеб и место возле купели. Когда у кого-то не было сил, один брал другого и сносил в купель милосердия. В те дни они жили надеждой на исцеление – надеждой, что когда-нибудь ангел сойдёт к источнику, воды взыграют, болезнь отступит и они очистятся. Надо только успеть войти в купель первым. Это не всегда получалось, а когда получалось, ангел почему-то не приходил.

– Это ты, Идак? – самаритянин не услышал вопроса, он прочитал по губам, которые чуть шевельнулись, раздирая слипшуюся корку. – Ты чист, – иудей хотел коснуться руки самаритянина, но не смог: силы покидали его истощённое тело. Губы разлиплились ещё раз, и Идак услышал: – Уходи, я проклят! – рука плетью упала вниз, сбивая костяшки пальцев о мраморный пол купели.

– Вот, возьми: здесь хлеб, вино, – Идак наконец развязал походную сумку и пододвинул мешок иудею. – Ешь. Тебе нужны силы.

– Зачем мне силы? – спросил человек, но тем не менее его рука сгребла лепёшку и сунула в беззубый рот. – Я зову ангела смерти, чтобы он забрал меня.

– Ты зовёшь не того... Ангел смерти – лишь вестник. Призови Господа, и Он даст тебе силы и здоровье и продлит твои дни. Как исцелил царя Езекию. Разве ты забыл, как сказано: «В те дни заболел

¹ Минха – дневная или послеполуденная молитва.

Езекия смертельно, и пришёл к нему Исаия, сын Амосов, пророк, и сказал ему: так говорит Господь: сделай завещание для дома твоего, ибо умрёшь ты и не выздоровеешь. И отворотился Езекия лицом своим к стене и молился Господу, говоря: «О, Господи! вспомни, что я ходил пред лицом Твоим верно и с преданным Тебе сердцем, и делал угодное в очах Твоих». И заплакал Езекия сильно. Исаия ещё не вышел из города, как было к нему слово Господне: возвратись и скажи Езекии, владыке народа Моего: так говорит Господь Бог Давида, отца твоего: Я услышал молитву твою, увидел слёзы твои. Вот, Я исцелю тебя; в третий день пойдёшь в дом Господень; и прибавлю ко дням твоим пятнадцать лет»¹.

– Я не Езекия, я Нахум.

– И я не Исаия, я Идак... Но и нашу молитву услышит Господь, надо только обратиться с верой и сердцем, очищенным от скверны. Что держишь на душе – отринь от себя, изблуй злобу и ненависть, принеси покаяние. Не молчи и не держи камень за пазухой.

– Он обманул меня...

– В чём? Скажи, и я упрошу Господа, чтобы Он вытер слёзы твои, и, если так угодно Богу, я возьму на себя твои грехи, чтобы ты очистился.

– Ты добрый человек, Идак. Уходи, не тереби душу.

– Разве ты не веришь Ему?

– Однажды я, ты и наши братья уже поверили Ему и исцелились по слову Его. Помнишь, как мы искали Назарянина, как бродили между Самарией и Галилеей, спрашивая встречных: «Где Он? Не видел ли кто? Не проходил ли здесь?» И, встретив, возликовали, крича: «Иисус Наставник! помилуй нас». А Он увидел нас и сказал: «Пойдите, покажитесь священникам». И когда мы шли, очистились².

– Всё верно ты говоришь, брат, всё так и было. Десять попросили – и десять очистились. Но не вам ли я говорил: пойдёмте, отблагодарим Его. Что вы мне тогда сказали? «Достаточно того, что Он нам сказал: пойдите покажитесь».

– А что ещё надо? Мы и так терпели, страдали, просили. Бог услышал нас и исцелил. Закон исполнен, мы ничего Ему не должны...

– Ты ропщешь на Бога, разве так можно?

– Нам, иудеям, можно: отцы наши роптали в пустыне сорок лет, так чем мы хуже отцов наших? Тебе никогда не понять иудея, самаритянин.

– Знаю, что не понять. Для вас закон превыше всего. Не ваши ли коэны говорят: «Соблюдай закон и спасёшься»?

– А что ещё надо для спасения? – Нахум принялся сосать голыми дёснами засохший азим³.

– О трёх делах говорил Тот, кто исцелил нас: о покаянии, о любви и о милосердии.

– Если бы я был здоров, я бы, наверное, тоже тебя накормил. Хотя нам, иудеям, и запрещено проявлять к самаритянам милосердие.

– Дело не в том, проявлять или не проявлять, главное, готов ли ты пожертвовать собой ради другого.

– Что тебе от меня надо, Идак? У меня ничего нет, кроме моих язв. Хочешь их забрать – забери, только оставь меня в покое.

– Я заберу, если тебе это поможет.

– Ты на самом деле хочешь мне помочь? – очередная лепёшка повисла в воздухе, удерживаемая на весу рукой Нахума. Он был обескуражен и никак не мог понять, к чему клонит настырный самаритянин.

– Разве я когда-нибудь тебя обманул?

– Нет, – сказал прокажённый и спешно, боясь, что отнимут, сунул азим себе в рот.

– Ты знаешь, где остальные?

– И в навозе находят золото, – прошамкал Нахум, стараясь прожевать целую лепешку.

– Значит, они здесь, возле купелей, – Идак встал, осматривая клоаку: сотни прокажённых сидели, лежали, ползали по мраморным плитам, оставляя за собой не очень изящные следы. И над всем этим смердящим адом висел рой мух. Как только кто-нибудь из их подопечных начинал движение

¹ 4 Цар. 20:1–6.

² По тексту Лк .17:11–19.

³ Азим – самаритянский пресный хлеб, приготовленный на раскалённых листах железа.

в сторону бассейна, насекомые наполняли уши злобным жужжанием, впадая в тревожное состояние из-за того, что кладка с личинками может утонуть.

Неожиданно пахнуло тухлыми яйцами, вода бассейна вспучилась, образовав серебристое кипение, отчего поднялась невероятная суета. Гвалт заполнил колоннады, и десятки несчастных одновременно ринулись к краю бассейна, давя друг друга. Но не успели они дотянуться до воды, как пузыри исчезли, всё стихло и успокоилось, принеся величайшее разочарование.

– Вставай! – самаритянин протянул иудею руку.

– Оставь меня. Если хочешь мне блага, упроси Господа, чтобы он сегодня же принял меня в Царствии Своём.

– Собери всех наших и скажи, чтобы ждали... Без прощения я не вернусь!

– Помолись за нас, а когда вернёшься, мы будем рядом, все девять.

– А ты не отчаивайся, следуй призыву Исаии, повторяя за ним: «Укрепите ослабевшие руки и утвердите колени дрожащие; скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придёт отмщение, воздаяние Божие; Он придёт и спасёт вас. Тогда откроются глаза слепых и уши глухих отверзнутся. Тогда хромым вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи – потоки»¹.

Идак знал, что дни его друга сочтены, понимая, как тяжело будет ещё раз вымолить прощение. Ибо только прощение даёт исцеление. Он хотел лишь одного: чтобы Господь не отринул Нахума, не отверг, не сказал: «Уходи, не знаю тебя». Взор самаритянина был устремлён вдаль – туда, где тёмным пятном синела Масличная гора. Ему почему-то казалось, что именно на её вершине он сможет увидеть Того, кто однажды уже исцелил их. И там, упав в ноги Христу, будет слёзно просить за своих друзей. Самаритянин не хотел вспоминать, как девять прокажённых иудеев взяли его в друзья: это была старая, давно затянувшаяся рана, которую он не хотел вскрывать.

* * *

– Господи, накажи меня, а их помилуй, ибо это я виноват в том, что не сказал этим добрым людям, что Тебя, Господи, надо благодарить за всё, – с этими словами Идак сполз по насыпи к потоку.

День обещал быть жарким, и имело смысл наполнить бурдюк, чтобы по дороге на Масличную гору не платить водоносам за воду, которую находчивые евреи продавали на вес, меряя её бейцами² – по лепте за одну порцию. Сегодня самаритянин должен был вернуться в свой город, но встреча с Нахумом изменила его планы.

«Встань и иди; вера твоя спасла тебя»³, – фраза, услышанная им в месяц Адар, не выходила из головы. «А если Господь не услышит меня? Что будет с теми девятью несчастными, которым я дал надежду на исцеление? – сомнения змеями вползли в душу. – Я всё равно не отступлюсь. Я отмолю их. Упрошу простить их и исцелить, сколько бы ни потребовалось времени – день, два, месяц или год. Сколько Господь позволит и даст сил, столько я и буду молиться за своих друзей». Самаритянин решил, что лучше умрёт на горе, чем, спустившись, опять увидит их поражённые проказой тела.

Идак наполнил бурдюк, замотал горловину и, перекинув хлюпнувший мешок через плечо, полез по склону вверх, цепляясь руками за жёсткую осоку, в изобилии покрывающую берега Кедрона. С трудом выбрался на дорогу и пошёл по направлению к горе.

Он шёл, очищая дорогу от камней, которые были непреодолимым препятствием для измождённых болезнью людей. У него было такое ощущение, что за его спиной шли девять прокажённых. Шли на гору, чтобы там предстать перед Господом и сказать: «Прости нас, не знали мы, что надо благодарить Тебя, Господи, а самаритянин этот, который чист, не сказал нам...»

Чем ближе Идак подходил к горе, тем чаще наклонялся, поднимал крупные булыжники и отбрасывал их в сторону. Мелкие он сшибал ногой, делая дорогу если не ровной, то более-менее чистой.

Упражнения с камнями не мешали Идаку творить молитву. Он не готовился и не составлял текст. Слова сами лезли в голову, и он знал, Кто посылает их ему.

¹ Ис. 35:3–6.

² Бейца («яйцо») – мера жидкости, равная 91,6 см³.

³ Лк. 17:19.

«Господи, – шептал Идак, – прости тех, за кого я прошу, ибо они не по сердцу не пришли к Тебе, а по закону. Ты сказал: идите и покажитесь священникам. Они пошли, и вошли в синагогу, и ходили между коэнов и левитов, говоря: “Иисус Наставник исцелил нас”.

Я видел и слышал это.

Я говорил им: “Пойдёмте, отблагодарим Господа за то, что исцелил нас”. Ответ их не был жестоким, скорее неразумным: “Достаточно того, что мы вошли и рассказали о Нём”. Я говорил: “Пойдёмте”. А они сказали: “Он сам так велел”. Те девять – истинные сыны Израиля, и для них исполнение закона так же свято, как для меня Свят Ты, Господи, и Имя Твое. Господи, дай им милость, исцели! Возьми моё чистое тело и отдай им, а мне взамен дай их грязную кожу, гнойные рубища возложи на меня, да понесу их в наказание за грехи мои. Не уговорил, не нашёл слов, не зажёл примером своим – в этом моя вина».

Идак откинул очередной камень и остановился перед козьей тропой, круто уходящей вверх. Подъём имел вырубленные в горе ступени, но колебания земли, прошедшие накануне, обвалили часть склона, оголив корни деревьев и завалив проход буреломом, отчего некогда ухоженная тропинка исчезла, превратившись в непреодолимую кручу.

Пока самаритянин соображал, как быть, за деревьями мелькнула тень – и вниз покатались мелкие камешки. По откосу спускался человек в шерстяном кукуле, пастушьей шапке и с посохом в руке. Идаку даже послышалось блеяние овец, но стада не было, и он решил, что оно на той стороне горы.

– Господи, благодарю Тебя, что послал мне путника, у которого я могу спросить дорогу на вершину горы, – громко сказал самаритянин и вознёс свой взгляд на небо. Но спросить он не успел. Человек сам заговорил с ним:

– Зачем лезть на гору, если и под горой хорошо слышно?

– О чём ты, добрый человек? Что ты хотел сказать мне этим? – Идак был смущён и даже немного растерян тем, что пастух смог проникнуть в его мысли.

– Ты просил услышать тебя – тебя услышали. Ты искал милости не для себя – ты нашёл её. Вера твоя спасла их... Вернись, они прощены!

Идак более явственно услышал блеянье овец. «Значит, они где-то рядом», – почему-то подумал самаритянин и крикнул вслед человеку, уходящему в глубь шумящего леса:

– Кто ты? Скажи, как звать тебя?

– Разве ты не узнал Того, кто дал тебе имя Идак, что значит «очистившийся»?

И только теперь самаритянин увидел, что это был не пастух, а человек в белых одеждах – Иисус Наставник. И Он не спускался, а поднимался. Мелькнул – и исчез за деревьями, будто не было кручи и обвалившейся тропы, уходящей почти вертикально вверх.

– Господи! Прости, что не узнал тебя! – сказал самаритянин – и повалился со слезами на землю.

* * *

Когда он вернулся под своды Вифезды, их уже вытащили и уложили возле купели на деревянные щиты. Вытащили баграми, зацепив за остатки плоти, словно скотину, околевшую на скотном дворе. Багры были брошены здесь же. Не было только чистильщиков купели, которые ушли в храм, чтобы узнать, что делать с девятью прокажёнными, умершими в один миг и в один день. Такого раньше никогда не случалось, и требовался совет старейшин, как поступить и где их следует похоронить.

Идак стоял молча, разглядывая такие знакомые и такие обезображенные болезнью лица. Вот лежит Нахум, вот Елиазар, это Рафаэль, рядом с ним Назарий, вон тот Михаэль, Самуил и Манассий, и ещё двое, чьих имён самаритянин не знал, так как прибились они к ним незадолго до первого исцеления.

Вернулись работники, и то, что услышал Идак, вселило в сердце надежду, что он всё сделал правильно – они прощены и смерть их угодна Богу. Первосвященники повелели похоронить несчастных на поле, что куплено у горшечника, а не в придорожной канаве, как это делалось раньше. И говорили храмовники между собой: «Да будет то поле местом погребения для всех отверженных, странников и бездомных, и назовётся земля та “землёю крови”»¹.

¹ Мф. 27:8.

Конь Царя Иудейского

Потому говорю вам: всё, чего ни будете просить в молитве, верьте, что получите, – и будет вам.

Евангелие от Марка, 11:24

Всё-таки они меня поймали.

Взяли хитростью, обманув простодушное животное. Я поверил им, доверился, а они опоили меня, погрузили на тележку и повезли в город, крича от восторга: «Хамор попался, от которого все беды в нашем городе!»

Попался я на сушёных яблоках. О свежих не могло быть и речи: деревья только-только оделись цветом и плодами ещё не пахло, а вот сушёных было предостаточно. На каждом чердаке хранилось корыто или мешок с пожухлыми золотистыми дольками.

Их было двое.

Двое иудеев с мешком, наполненным яблоками. Я их встретил возле Нижнего пруда¹, где утолял жажду. Подошли – и стали, шушукаясь: он – не он, тот – не тот.

Я особо не прислушивался: мало ли о чём люди спорят. Главное – надо держаться от них подальше, вот и всё... Только подумал, решив перейти на другую сторону, как один из иудеев говорит:

– Сейчас проверим. Если это тот самый хамор, он должен понимать человеческую речь.

– А если не поймёт?

– Значит, он нам не нужен. И пусть хоть обопьётся здесь и лопнет, я к нему в праздник не прикоснусь.

– А после праздника?

– И после праздника не прикоснусь. Мало ли кто его пасёт.

– Правильно ты, друг, говоришь. Только как мы узнаем, понимает он нас или нет? Он же осёл.

– *Сами вы ослы*, – пробурчал я.

– Слышишь! Чует, что мы о нём говорим. Значит, тот! – первый иудей развязал мешок, потряс его содержимым – и воздух тут же наполнился удивительным ароматом: так пахло в доме у Сары, когда она ворошила сушёные фрукты.

– Всё-таки я не понимаю, как мы поймём, тот это осёл или не тот, – не унимался второй иудей. Он был на голову выше первого, более коренастый и, по всей видимости, немного туповатый – в отличие от своего товарища, маленького и шустрого еврея, который теребил мешок, усиливая аромат и наполняя им воздух.

– Если ты тот самый осёл, на котором Назарянин въехал в Иерусалим, ты должен понимать, что тебе говорят. А если так, кивни нам – и получишь за это две мины сушёных яблок.

– Три! – вставил его спутник, и худощавому пришлось согласиться.

– Хорошо, три. Ты получишь три мины сушёных яблок.

Яблоки, как и морковь, – моя слабость. Есть, конечно, ещё финики, орехи, дыни, изюм и прочие излишества, от которых я бы не отказался, но нам их не дают, считая, что нам, ослам, достаточно овса. Вот эта слабость меня и подвела. Мало того что я кивнул и крикнул «Иа», так я ещё сам пошёл к ним навстречу...

И попался.

Яблоки были облиты вином. Я ел – и не мог остановиться. Ел, пьянел, качался – и опять ел. Ел, пока в голове не помутнело, небо не сомкнулось с землёй, а ноги не превратились в верёвки. Я был пьян. Упился, точнее ужрался, до... Не могу подобрать слова. Но, кажется, навали рядом со мной кучу навоза, толкни – упаду, и будет навоз мне домом, и буду счастлив. У меня забрали разум и стыд. Я знаю, кто это сделал, и скажу, молчать не стану.

Бес!

Бес пришёл вместе с первым золотистым ломтиком, пахнущим вином. Он забрал мою память, и я забыл, что завещал Соломон детям своим: «У кого вой? у кого стон? у кого ссоры? у кого горе? у кого раны без причины? у кого багровые глаза? У тех, которые долго сидят за вином, которые прихо-

¹ Пруд в юго-западной части города, между долиной Сынов Еннома и долиной Рафаимов.

дят отыскивать вина приправленного. Не смотри на вино, как оно краснеет, как оно искрится в чаше, как оно ухаживается ровно: впоследствии, как змей, оно укусит, и ужалит, как аспид»¹.

Всё забыл, всё отшибло.

Остались только страсть к пойлу, неуёмная жажда и страх: а вдруг кончатся яблочки, а вдруг не хватит? Я же ещё не насытился, не упал в навоз и не обделался. А то, что скакал козлом, бляял овцой и бодался, как вол, об этом я не помнил, а добрые иудеи мне не сказали, терпеливо ожидая, когда я наконец-то свалюсь и они смогут отвезти меня на скотобойню. Продать живьём они бы не решились: вдруг хозяин объявится и засудит? А вот разделать и на шкуру пустить – другое дело. Но и здесь была проблема. Шкуры ослов не очень ценились в Иерусалиме – из-за обилия таких тварей, как я. Но я был особый осёл, и они знали, на что переводят яблоки и вино.

Единственное, что они не продумали – соотношение моего веса и требуемого количества яблок. Прежде чем упасть, я съел восемь мин яблок и выпил две полных корчажки неразбавленного вина. Я нанёс им приличный убыток, но иудеи не были бы иудеями, если бы не просчитали всё до конца и не имели бы точного плана, что они будут делать со шкурой освежёванного осла.

Но в тот момент я не знал их планов, и злые их помыслы были скрыты от меня. Мир мне казался прекрасным, а эти два иудея – милейшими людьми. Я полюбил их всем сердцем и готов был отдать за них жизнь. В тот момент они были мне друзьями больше, чем Иов, Мария, Апостолы и, кажется, даже больше, чем мой Господин.

Я не пошёл в город, чтобы известить Иова и всех наших, что Господь Воскрес. Я предал Господина своего за хмельные яблоки, за четыре лог² вина. Я предал Того, кого любил, и всех, кто ходил с ним. Я предал любовь! Я предал дружбу! Вместо своих истинных друзей я предпочёл новых и сладкие грёзы опьянённого разума. Веселящаяся плоть затоптала, заглушила отчаянный вопль души, заливая её вином...

Похмелье пришло не сразу, но пришло, и было оно горьким и страшным.

* * *

Я протрезвел мгновенно, как только услышал шум вращающегося точила.

Повозка стояла в сарае. Пахло свежесделанными шкурами, кровью и сушёными опилками. Было темно и непривычно тихо. Я лежал на боку под наклоном, опутанный верёвками, на той самой повозке, что была у моих новых «друзей». Голова была тяжёлой, меня мутило и хотелось пить. Встать я не мог, а позвать боялся.

Я чувствовал, что здесь что-то не так.

Уши шевельнулись, улавливая голоса. Они были далеко, за стеной, в другой комнате. Оттуда же доносился гул: кто-то доводил нож, скрупулёзно водя лезвием по шероховатой поверхности камня. «Вжжжж», – тихо пел точильный камень, заглушая спорившие о чём-то голоса.

– *Очнулся?*

Я вздрогнул и попытался повернуть голову. Усилия мои были тщетны, и я спросил тихо, с опаской:

– *Кто здесь?*

– *Та, кого ты меньше всего ожидал здесь увидеть.*

– *Вестник?* – я покрылся липким потом, представляя себе осла в погребальных пеленах.

В углу хмыкнули, и я услышал скрежет когтей по деревянным полам.

– *А ты шутник. Если бы я была вестником, я бы не боялась смерти.*

Смерть боится смерти – это что-то новенькое. Или там не смерть. Я попытался перевернуться всем телом. Завозился, закричал; повозка застучала оглоблями об пол, всё заходило ходуном, заскрипело, загремело – и я закричал, призывая на помощь.

«Иа, иа», – должны были услышать люди, и они услышали. За стеной что-то упало, раздался топот ног, распахнулась дверь, впуская свет, а следом трёх иудеев, двоих из которых я уже знал. Все трое подскочили ко мне, шикая и сжимая морду.

– Замолчи, – в руке незнакомца мелькнул доведённый до блеска нож. Отполированное лезвие отражало предметы за моей спиной, чуть искажая и преломляя их. И то, что я увидел, заставило меня заткнуться и зажмурить глаза. Огромная голова волка с оскаленной пастью висела на стене, взирая на меня тёмно-

¹ Прит. 23:29–32.

² Лог – мера жидких тел, равная 0,54 л.

оранжевыми глазами, и дальше вся стена была увешана отрубленными головами: оленей, лис, кабанов, львов. В углу стояло чучело цапли без одной ноги. Но не они привели меня в ужас, а та, кого я видел в своих ночных видениях. В углу, в тесной деревянной клетке, сидела волчица, ожидая своей очереди.

Но, кажется, я залез вперёд неё.

– Кровь спущу на землю, потроха вам, мясо мне, – проговорил хозяин сарая, размахивая ножом. – Шкуру вымочу, в глаза вставлю кусочки смолы шлифованной, тушу набью опилками и зашью. Что писать на дощечке?

– Напиши: «Конь Царя Иудейского».

– Побьют вас храмовники за хулу, – человек сунул нож за пояс, давая тем самым знать, что резать будет, но не сейчас.

– Анна сам сказал: «Имеете осла – делаете, как велью».

– А осёл тот ли?

– Тот не тот... какая разница? Велено выставить его на рынке на показ, пока праздник идёт, чтобы все видели: каков конь, таков и Царь.

– Серебром не беру, – чучельник взялся за оглобли, поднял тележку, на которой я лежал, и катнул в угол – туда, где была клетка с волчицей. – Говорят, серебро в храме всё нечистое.

– Как это? – не понял здоровяк: он и возле пруда не блистал умом.

– Кровь на них. Будто человек какой в храме бросил их на землю со словами: «Согрешил я, предав кровь невинную».

– Так их отделили, – пояснил худосочный, осведомлённый обо всём, что творилось в эти дни на Храмовой горе. – Купили на них землю у горшечника, что под горой живёт.

Так вот какие деньги принёс мэун в дом Симона! Я вспомнил Иова, Сару, Марию и шапку Масличной горы, нависающей над моей родной Вифанией. Я вспомнил всё и всех. Хмель ушёл, оставив душевную пустоту и боль в груди. Боль от осознания своей ничтожности. Я прикрыл глаза и мысленно, чтобы не привлекать к себе внимания живоделов, взмолился, призывая моего Господина прийти и вытащить меня отсюда – живым и невредимым.

– Есть одна мелочь, но очень важная, – продолжал чучельник. – Идёт праздник опресноков, и мне нужно благословение первосвященника и обещание, что в храме принесут за меня жертву всесожжения.

– Как скажешь, так и будет. Но чучело нам нужно завтра.

– Хорошую шкуру дубят десять дней. Прибавь ещё пять – и получишь день, когда будет готово чучело осла.

– Нам не важно, как он будет выглядеть, пусть хоть облезет и задубеет. Главное – дощечка с текстом.

– Завтра так завтра, – главный живодел приоткрыл ворота, пропуская гостей, и вышел следом, оставив нас с волчицей наедине.

* * *

Волчица яростно грызла металлические прутья, хрипела, захлёбываясь слюной, задыхаясь в своей тесной клетке. А я сучил ногами, стараясь распутать верёвки. Но тот, кто вязал, знал своё дело. Верёвки не поддавались, и от этого я ещё больше впадал в уныние.

– Приди, забери, помоги, прости меня: немощного, безвольного, унылого, трусливого, ленивого, алчного, похотливого, непослушного, – я перевёл дух и продолжил, – самолюбца, гордеца, склочника, завистника, словоблуда, празднословия, – не прерываясь, шептал я, не оставляя попыток освободиться от пут.

Я ждал, а Он всё не шёл и не шёл. Медлил...

– Да что же это такое! Да где же ты, Господи?! – вспомнив рыбачку, мысленно вскричал я. – Что же ты не идёшь ко мне, Господин мой ненаглядный? Как мне исправить путь свой? – взмолился я от отчаяния, не помня, как повысил голос. – Прости тех двух иудеев с яблоками и живодела с ножиком. Они не виноваты. Я виноват, что попался им на пути и соблазнил их.

– Эй, осёл, – рыкнула волчица, сбивая меня с молитвы. – Что ты там всё шепчешь?

– Молюсь, – буркнул я.

– Потом помолись. Есть идея...

Я был недоволен, что она прервала меня. Хотел промолчать и не отвечать, но поймал себя на мысли, что это тоже одна из сторон гордыни – не обращать внимания. И тихо, как только мог, спросил:

- Чего тебе?
- Ты мог бы выбить прутья моей решётки?
- Вот ещё, – от этого вопроса я аж опешил. – Чтобы ты загрызла меня?
- Да ты, осёл, просто осёл! Если я разорву тебя, будет ли мне от этого польза?
- Ну, я не знаю, – молитва ушла, и пришлось вступить в разговор. – Хоть перед смертью поешь.
- Может, у тебя и есть аппетит, а у меня его нет.

У меня его тоже не было: яблоки и человеческая подлость, с которой я столкнулся, до сих пор давали о себе знать, сжимая сердце жёсткой ледяной клешней.

- Говори, – поборов страх, я повернул уши и стал слушать.

* * *

Я вытянул к ней ноги, как только мог, а она ко мне – лапы из клетки. Когти рвали верёвку, цепляя кожу на ногах, но я терпел. Рвали с такой быстротой, что я не успел досчитать до десяти, как путы ослабли и свалились на пол. Я смог пошевелить ногами, чувствуя, что свободен. На очереди была ещё одна верёвка – та, что притягивала меня к повозке. Но и она развалилась, и я, словно куль, сполз по тележке на пол.

Осталось сделать самое страшное.

Я должен был встать. Причём встать так, чтобы тележка не загремела и меня не застали при попытке к бегству. Но всё прошло гладко. В сарае был земляной пол, и копыта лишь глухо топали, не издавая громких цокающих звуков.

Я поднялся.

Осматриваться было некогда, и я повернулся задом к клетке. Волчица юркнула в дальний угол, припав к земле. «На счёт три», – сказал я ей и ударил копытами в прутья, даже не начав считать. Если вы слышали грохот катапульты, выбрасывающей камни, то скажу вам: это цветочки по сравнению с тем, какой гром я произвёл в наглухо закрытом сарае. Удар пришёлся в брус, удерживающий кованые прутья. Дерево лопнуло, и клетка рассыпалась, произведя ещё больше шума.

Мы были свободны и, не сговариваясь, ринулись к выходу, сшибая ворота, яростно крича по-ослиному, рыча по-волчьи и одновременно шёлкая зубами. Атака была успешной. Сбив с ног убежавшего из дома чучельника и распугав копающихся в навозе кур, мы загнали скулящего пса под дом и, выскочив со двора, понеслись по улице, пугая благочестивых иудеев, которые кричали, что дом живодёра проклят, так как они лично видели двух духов замученных им животных.

* * *

Остановились мы только возле Царских гробниц. Покрутились среди надгробий, запутывая следы и смотря, нет ли погони. Погони не было, и мы успокоились.

Пора было расходиться.

Мы постояли напоследок среди обветшалых памятников, унимая стук сердец. Поговорили, рассуждая, как ловко у нас всё получилось. Повздыхали, сожалея о всех, кто остался висеть на стене. Всплакнули от радости и стали прощаться.

Напоследок я сказал волчице, что мой Господин услышал мои мольбы и помог нам. Это Он провёл нас по улицам города – мимо скопища праздно шатающихся евреев, обилия торговых палаток и столов; мимо стражников и легионеров, показывающих на нас пальцами со стен претории; мимо привратников на Рыбных воротах. Это Он распахнул створ ворот и остановил людской поток, заставив всех визжать от ужаса. А по-другому и не могло быть: я же обещал, что буду с Ним. И Он не оставил, не бросил, не забыл и не презрел меня, нерадивого, иначе лежал бы я сейчас с зашитым пузом, полным опилок, и ни о чём не думал.

Волчица не возражала и, прежде чем уйти, сказала: «Я видела, как ты вёз своего Господина в этот проклятый город. – И добавила: – Ты мне снился, Хамарин». Ничего не оставалось, как признаться в своих видениях. Меня поразил ответ: левита загрызли малолетки, послушавшись вожака, и за это убили всю стаю.

Не уцелел никто, кроме неё...

Мы расстались почти по-братски, без лобзаний и лишних слов. «Пока! Встретимся ещё», – и разошлись в разные стороны. Не знаю, куда она пошла, а я побрёл в Эммаус¹. Что-то тянуло меня туда, кто-то подталкивал в спину, говоря: «Иди!» И голос свыше: «Он там и ждёт тебя».

Так я и шёл, пока не заснул и не упал в придорожную канаву...

О событиях произошедших со мной на дороге, читайте в главе «Путешествие из Иерусалима в Эммаус».

Воскресение Христово

И сказал им: так написано, и так надлежало пострадать Христу, и воскреснуть из мёртвых в третий день, и проповедану быть во имя Его покаянию и прощению грехов во всех народах, начиная с Иерусалима. Вы же свидетели сему.

Евангелие от Луки, 24:46–48

Квинт догнал паланкины на «трилистнике», когда они огибали Гаваон² – богатый город в колене Вениаминовом, в пятидесяти стадиях к северу от Иерусалима. Именно в этом месте торговые караваны расходились на три стороны света: на запад – к Великому морю, на север – в Галилею и на восток – к Иордану.

Город кормился дорогой. Ни в одном месте в Иудее не было столько постоянных дворов, сколько их было здесь. От Рыбных ворот до ворот Гаваона ходоки считали три часа неспешного хода, и каждый паломник, не нашедший себе пристанища в Иерусалиме, мог запросто остановиться здесь и при этом каждый день посещать Храмовую гору. К тому же цены на жильё здесь были почти в два раза ниже, чем в Иерусалиме.

Недалеко от развилки дорог, на холме, покрытом изумрудными соснами, возле развалин древней ханаанской башни предусмотрительным Пилатом был устроен римский лагерь. К нему и спешили нубийцы, чтобы укрыть госпожу и её дочь до наступления темноты.

Спокойствие Иудеи было мнимым: тихая днём, она становилась опасной ночью. Мелкие группы разбойников из идумеян, самаритян, галилеян, перейцев, сирийцев и иудеев напали на припозднившихся ходоков, зачастую отбирая не только кошельки, но и жизнь. Шайки покрупней не гнушались атаковать даже караваны под надёжной охраной. Но были ещё зилоты – хорошо организованные и вооружённые религиозные фанатики, охотившиеся только на римлян и бесстрашно атакующие любой малочисленный римский отряд.

Поэтому по приказу префекта через каждые сто стадий на всей дороге от Иерусалима до Кесарии Приморской³ были устроены лагеря, обнесённые частоколом, с достаточным количеством легионеров, а также запасом воды, провизии, стрел и обязательным сигнальным колоколом.

Квинт отпустил уздечку – и лошадь пошла шагом, отдыхая от утомительной скачки. Не было смысла спешить: то, что он должен был рассказать жене префекта, предназначалось только для ушей Клавдии и желательно без свидетелей. А дорога – не то место, где можно делиться секретами.

И ещё он должен был ей кое-что передать.

Декурион сунул руку за пазуху, проверяя, на месте ли маленький кожаный мешочек, в котором лежали хлебные крошки со стола Того, Кто воскрешал мёртвых. Там же хранился маленький египетский сосуд из обожжённого кварца, называемый эллинами «букалли»⁴, в котором плескалось вино, оставшееся с Пасхальной трапезы. Эти предметы ему дала та самая женщина, которой Клавдия пять дней назад подарила сосуд, полный драгоценного мира. Днём он возил в Вифанию приглашение от Клавдии – она звала сестру Лазаря к себе, в Кесарию. Увидев, что римлянин садится в седло, Мария всплеснула руками и кинулась в дом. Вернувшись, протянула десятнику подарки: хлеб и вино – говоря: «Христос Воскрес!»

Квинт улыбнулся, вспоминая, как на вопрос, о ком говорит простолюдника, услышал: «Ты только скажи. Она поймёт! А хлеб и вино – для жизни вечной...» – с этими словами женщина развернулась и ушла в дом.

¹ Эммаус – иудейское селение в 60 стадиях (11 км) на северо-запад от Иерусалима.

² Гаваон – город в 55 стадиях (10 км) к северо-западу от Иерусалима.

³ Кесария Приморская, или Палестинская, – город на берегу Средиземного моря, резиденция префекта Иудеи.

⁴ Букалли (греч.) – бутылка.

* * *

Солнце склонилось к закату, когда Анна в сопровождении пяти сыновей, верного Завулону, домашних слуг и секретарей суда вышел через Садовые ворота. Он уходил с Храмовой горы в приподнятом настроении.

Смуту, порождённую воскресением Назарянина, удалось погасить. Неугомонных уgomонили палками, а страже дали денег – и те запели совсем другую песню. Правда, был один момент, который чуть было не погубил все начинания ав-бейт-дина. В храм пришёл незнакомец – юноша с золотистыми волосами. Пришёл в сандалиях, нарушая закон; с подшитыми в знак радости краями белоснежного хитона. Встал возле нового занавеса, облокотился на копьё и заговорил, приставая к священникам: «Ну что, нашли? Нет ещё? Почему не ищите? Ищите лучше! Кто свидетель? Не знаете? А я вам скажу: Гавриил и Михаил!» – «Ангелы не свидетельствуют и не судятся», – отвечали иудеи и спешили уйти, чтобы не слышать: «Да вы что? Вот это новость! А Сын Божий?» Юноша ушёл так же, как и появился, быстро и неожиданно, после этого Анна несколько раз посылал служителей искать незнакомца и в городе, и на Храмовой горе, но никто его больше не видел.

И вот сейчас ему сумели наконец-то испортить настроение. И кто бы мог подумать – Варавва. Каменотёс прошёл мимо, не останавливаясь и не смотря по сторонам. Прошёл, не замечая благодетеля. Не поприветствовав и не вознеся слов благодарности. Словно это не Анна, а кто-то другой привёл Назарянина в преторию, устроил судилище и дал Пилату право из двух разбойников освободить одного.

Сердце дрогнуло, и старика захлестнула желчь.

– Стой, нечестивец! – рука машинально схватила Варавву за рукав и, дёрнув на себя, развернула того на пол-оборота. – Ты почему не принёс жертву в храме? Или ты думаешь, что бесплатно получишь удел в будущем веке? Бог мне свидетель, ты не восстанешь на суд по воскресении мёртвых!

– И это мне говорит тот, кто отвергает воскресение... или ты изменил своей вере и стал фарисеем? – Варавва поднял голову, смотря в глаза бывшему первосвященнику. – Иисус Воскрес! И Он мой Бог, и только Он знает, что уготовано мне в будущем веке, – каменотёс видел злобу, затопившую разум старика, видел зрачки, расширившиеся от ненависти, и даже почувствовал запах смерти. Но он был спокоен: отцепил пальцы верховного судьи от своего рукава и пошёл дальше – туда, куда шёл.

Анна проводил его прожигающим взглядом, поманил Завулону и тихо сказал:

– Пойди за ним.

Телохранитель хлопнул толстой, отполированной до блеска палкой по ладони и пошёл за Вараввой. Догнал он каменотёса за Судными воротами. Пропустив паломников, входящих в город, ускорился, заходя с левого плеча, и с размаху ударил каменотёса палкой по затылку. Удар пришёлся чуть выше шеи, сломав основание черепа. Ноги скользнули в сторону, и бездыханное тело рухнуло в придорожную канаву, подставляя окровавленный затылок заходящему солнцу.

* * *

Авив, сын Гамалиила, встретил Никодима и Иосифа на пороге дома. Через узорчатую калитку провёл гостей в сад, окружённый с четырёх сторон крытыми галереями – этакий римский атриум с величественными кипарисами, опутанными виноградом, и мраморным бассейном в центре для сбора дождевой воды. Дом снаружи и внутри был иудейский: прочный, удобный и тёплый. А двор внутри дома был римский: прохладный, уютный и вдохновляющий. «Невежда не может быть праведным», – сказал дед Гамалиила и позвал греков, чтобы те перестроили двор.

Такое сочетание он придумал для того, чтобы не отвлекаться от изучения Святого Писания и не думать, где спастись летом от зноя и куда бежать зимой от холода. «Что нужно, чтобы познать Тору?» – спросили его однажды. «Вовремя перейти из дома в сад и из сада в дом», – ответил мудрый Гиллель. И был прав. Ничто так не отвлекает от учёбы, как жара и холод. Есть ещё жажда и голод, но без них человек уже думает не об учёбе, он думает о своём желудке...

В тени кипарисов возле мраморных сидений стоял Асаф с кувшином в руке и полотенцем через плечо. Их осталось двое любимых учеников: Асаф и Ярон. Офир не появлялся третий день. А те, кто приходил как вольные слушатели, разбрелись на праздники, так что дом мудреца наполнился в эти дни тишиной и покоем.

– Садись, брат Никодим, – Иосиф показал на мраморную скамью, – давай омоем ноги и войдём в дом добросердечного Гамалиила.

– И ты садись, брат Иосиф, – из дома вышел сам Гамалиил в скромной шерстяной тунике с краями, заткнутыми за пояс. – Да не коснутся ваши руки дорожного праха. Сегодня я послужу вам, как послужил Учитель ученикам своим. И вы войдёте в дом мой, как Сын Божий вошёл в сердца наши. И возляжем, и будем есть хлеб и пить вино, как завещал нам Господь, и прославим Воскресение Его!

– Многие слышали, но не все поверили, – Никодим хотел развязать ремни обуви, но Гамалиил жестом остановил его, как бы говоря: «Позволь это сделать мне, брат Никодим».

– Ещё больше – видели и не поверили, – Иосиф поднял голову, разглядывая уходящее за крыши домов солнце.

– Истину, истину глаголешь, брат Иосиф... Блажен не видевший, блажен уверовавший, – Гамалиил опустился на колени и стал распутывать ремешки их сандалий.

* * *

Мария, мать Иисуса, в сопровождении женщин ушла в старый родительский дом, стоящий за городской стеной на склоне холма, называемого Везефа. В Вифании остались только мужчины: Иов, Симон Прокажённый, Лазарь и Симон-горшечник.

Сидели в доме Лазаря на вытертом ковре при свете светильника. Сидели молча, не зная, как себя вести, что делать и как заканчивать уходящий день. То ли в трауре пребывать, то ли в радости... Ходил слух, что Учитель воскрес: слух робкий и не подтверждённый никем, кроме Марии, видевшей Христа.

Иов даже ходил к апостолам, но и они пребывали в сомнениях.

В головах крутилось: воскрес или не воскрес? О том, что тело унесли храмовники, не могло быть и речи. Зачем первосвященникам наступать на собственные грабли? Из своих же никто не выносил – незачем. Тогда где Он?

Вот этот вопрос и мучил сидящих в доме Лазаря.

Напряжение снял хозяин дома. Обвёл всех взглядом, тяжёлым и нерадостным. С некоторых пор он перестал улыбаться: то, что он видел по смерти, вытравило из него всякое веселье, заставив по-иному смотреть на данную человеку жизнь. Смерть лишила его радости, но не лишила разума. Лазарь посмотрел на грустные лица и сказал:

– Что вы скисли, словно молодое вино? Неужели думаете, что Воскресивший меня не воскреснет Сам? Не я ли тому вчера ещё мертвый, а ныне живой свидетель? Не мне ли Он сказал: «Лазарь, выйди вон»? И не вы ли были тому свидетелями? Принесём вино и хлеб, возрадуемся сердцем и воспоём устами и скажем друг другу то, что Он нам завещал: «Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день. Ибо Плоть Моя истинно есть пища, и Кровь Моя истинно есть питье. Ядущий Мою Плоть и пьющий Мою Кровь пребывает во Мне, и Я в нём»¹.

* * *

Отгудев, затихли шофары, известив народ Иерусалима о появлении трёх звёзд. Медленно, но неотвратно в город входила тишина. Запирались городские ворота. Закрывались ставни и двери. В домах зажигались светильники, чтобы после молитвы погаснуть. На башнях претории гудели горящие факела; трепыхались огоньки в светильниках, расставленных по периметру Храмовой горы, да на стенах города редкими светлячками мелькали масляные лампы сторожей. Жизнь замирала под гнётом надвигающейся темноты. Только ветер блуждал по пустынным улицам города да лай одиноких собак нарушал час «Маарив».

В доме Марка тоже горели светильники, но не для молитвы.

Апостолы сидели на ковре, расстеленном на полу. Сидели по-простому: в туниках, без трапезы, поджав под себя босые ноги. Сидели при свете трёх горящих светильников – как память об Учителе, которого нет уже с ними три дня. Их взоры были обращены к Луке и Клеопе, только омывшим ноги после дальней дороги и уже рассказывающим об удивительной встрече, произошедшей с ними по дороге из Иерусалима в Эммаус. Из двоих говорил Лука, как самый бойкий, а Клеопа кивал головой, подтверждая сказанное.

¹ Ин. 6:54–56.

– ...Приблизившись, человек Тот заговорил с нами: «О чём это вы, идя, рассуждаете между собою, и отчего вы печальны?» – Лука показал на сидящего апостола от семидесяти. – Вот муж честный перед вами, и я свидетель разговора того. И сказал сей муж в ответ: «Неужели Ты, один из пришедших в Иерусалим, не знаешь о происшедшем в нём в эти дни?» – «О чём?» – спросил подошедший. Тогда поведали мы Ему, что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом; как предали Его первосвященники и начальники наши для осуждения на смерть и распяли Его. И вложили боль души в слова: «А мы надеялись было, что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля; но со всем тем, уже третий день ныне, как это произошло»¹.

– А Он, что Он отвечал вам? – огонь загорелся в душах слушателей, и всем хотелось немедля бежать в Эммаус, чтобы увидеть воскресшего Иисуса.

– То, что мы слышали каждый день, что душой принимали, а умом постигнуть не могли. «О несмыслённые и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки! – сказал Он нам. – Не так ли надлежало пострадать Христу и войти в славу Свою?» И, начав от Моисея, из всех пророков изъяснял нам сказанное о Нём во всём Писании»².

– И вы узнали Учителя!

– Простите нас, братья, глаза наши были удержаны, так что мы не узнали Его, – Лука сложил на груди руки крестом и поклонился апостолам.

– Мы не виним вас: и мы и ходили, и смотрели, и, увидев гроб пустым, вернулись, размышляя между собой, что бы это могло быть. А услышав благую весть, принесённую Марией, сказали: «Слова твои пусты», – и не поверили ей.

– И по сей час сомнения в душах наших, – Пётр хлопнул по коленям, как бы призывая прекратить эти душераздирающие разговоры и лучше послушать апостолов, поспешно вернувшихся из Эммауса. – Скажи лучше, брат Лука, что было потом?

– Войдя в селение, мы предложили Ему остаться с нами, так как день склонился к вечеру. И Он вошёл и остался. И возлегли на трапезу, и когда Он возлежал с нами, то, взяв хлеб, благословил, преломил и подал нам. Тогда открылись глаза, и мы узнали Его. Но Он стал невидим. И сказали мы друг другу: не горело ли в нас сердце наше, когда Он говорил нам на дороге и когда изъяснял нам Писание? И, встав в тот же час, пошли в Иерусалим, и вот мы здесь»³.

Все замерли, переваривая услышанное.

Получался некий колодец без ведра: вода есть, а напиться не можешь. Хотелось верить, что так оно и есть! Что воскрес Господь! А как не верить, если трое видели, трое внимали, трое говорили с Ним? И тут же мысли сомнения влезали в головы, искушая бывших здесь и слышавших и Луку, и Марию.

«Мария – женщина, а женщины живут душой, – рассуждали сидящие на ковре. И прибавляли мысленно: – А Лука и Клеопа – апостолы, а апостолы живут верою. – И говорили себе: – Тот, кто живёт разумом, не может жить душой, а кто живёт верою, не может жить разумом». Значит, не хватает разума... «Пока не увижу – не поверю», – сказал бы Фома, но его с ними не было.

Пламя светильников дёрнулось и разгорелось, привлекая к себе взгляды и отвлекая взоры от Учителя, который вошёл в комнату и стал среди учеников.

– Мир вам, – фраза была произнесена тихо, но так проникновенно, что все разом повернулись к говорившему. Посреди горницы стоял Иисус. Стоял в белых искрящихся одеждах. Скромный, умиротворённый и спокойный. Такой, каким апостолы привыкли Его видеть: излучающим доброту и любовь. Но, увидев смятение в сердцах их, сказал Сын Божий: – Что смущаетесь, и для чего такие мысли входят в сердца ваши? Посмотрите на руки Мои и на ноги Мои; это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите; ибо дух плоти и костей не имеет, как видите у Меня»⁴, – и добавил: – Нет ли чего у вас поесть?

Сказал – и улыбнулся!

Конец сокращённого варианта.

Полностью роман состоит из двух частей: Часть первая – От дня первого до дня шестого; Часть вторая – От дня шестого до Воскресения Христова. Восемь дней по пять глав, сорок глав, в которых вмещены все события, произошедшие в Иерусалиме с восьмого нисана по пятнадцатое (включительно).

¹ Лк. 24:13–17.

² Лк. 24:25–27.

³ Лк. 24:30–33.

⁴ Лк. 24:38–39.

Проза

Виктор Кустов

Виктор Николаевич Кустов – родился в 1951 году в Смоленской области. Школу окончил в посёлке Снежногорске Красноярского края. Окончил Иркутский политехнический институт, геологоразведочный факультет. Работал в газетах Иркутска, Саяногорска, Красноярска, Черкесска, Ставрополя. С 2000 года – главный редактор литературного журнала «Южная звезда». Член Союза писателей России с 2002 года. Автор более десяти книг прозы, публицистики, пьес. Живёт в Ставрополе.

Заглянуть в завтра

Рассказ

– Щекотливая тема... Я бы на твоём месте выбрал что-нибудь другое.

Гульковский в своём ампула: дует на воду, обжёгшись на молоке. Но его можно понять, старичок уже так и остался навсегда в прошлом. Всё так же боится не угодить власти, не угадать тенденций... Хотя в чём-то он прав: не дай бог дожить до дня, когда твой труд, не подтверждённый реальностью, утратит провидческую научность. А у старика опыт, на его глазах столько было развенчано кандидатов и докторов, и даже академиков научного коммунизма, диалектического материализма, истории партии... Нет, пожалуй, насчёт истории – перебор. История – факт непреложный.

– Я, Станислав, тебе как старший товарищ и как учёный рекомендую не браться за то, что имеет связь с будущим. Судьба пророков, как ложных, так и истинных, всегда драматична.

– Скорее, всё же истинных, чем ложных. Истина нага, её видно сразу, а ложь умеет рядиться и мимикрировать.

Сказал так умно, что самому понравилось. Но старика не прошибёшь. Он в своих мыслях – как в предохранительной капсуле с односторонней связью: его слышно, а ему нет.

– Видишь ли, если бы мы в юности понимали, что в конце жизни нам не хватит каких-нибудь мгновений для прозрения, для постижения смысла бытия, мы не тратили бы его на пустое времяпрепровождение и на суету.

Он не совсем понял, что старик имел в виду под суетой: каждодневное бытие или обивание порогов в погоне за степенями, званиями и наградами... Ждал, чем тот закончит, но Гульковский замолчал и погрузился в себя. А проще говоря – отключился, со стариком в последнее время это случалось: говорит-говорит и вдруг замирает, то ли пугая собеседника неожиданным переходом в мир иной, то ли погружаясь в ведомые только ему иные сферы существования. Синицкий тоже прежде пугался и затихал, прислушиваясь, дышит ли... теперь привык к этим сонным паузам. Что поделать, старику за восемьдесят, устаёт.

– Русский человек обладает удивительной склонностью перенимать, – бодрым голосом, словно и не было этой паузы, продолжил Гульковский. – Этакое независтливое перенимание всего, что внове, что есть у других.

«К чему бы это?» – подумал Синицкий, речь ведь шла совсем о другом.

– Помню, в юности меня заинтересовала психология отношения наших и французов во время войны восьмьсот двенадцатого года. Парадокс, но наше общество не считало французов врагами. Я имею в виду, естественно, дворян, офицеров; крестьяне видели в них именно врагов и не щадили. – Он помолчал, словно что-то вспоминая. – Очень мне хотелось понять причину этого милосердия к врагу. Я так и сформулировал тему: милосердие к врагу как национальная черта. И даже сейчас помню, от чего хотел оттолкнуться. – Он поднял на Синицкого глаза, спрятавшиеся под седыми кустистыми бровями. – «Тело моё родилось в России, это правда; однако дух мой принадлежал короне французской». Знаете, откуда это?

– Нет, – мотнул головой Синицкий, запоздало осмысливая услышанное, потому что думал совсем о другом.

– Это, мой юный друг, слова одного из персонажей пьесы «Бригадир» Дениса Ивановича Фонвизина. И сформулирован сей постулат задолго до наполеоновского нашествия. И вот что удивительно, французы завоевали Россию без всякого оружия – книгами Дидро, Вольтера, парижской модой, Версалем... Вы знаете, Станислав, перед войной семь книг из десяти в России выходили именно на французском языке. И немало было тех, кто знал этот язык лучше родного, что и подметил Фонвизин. Признаться, я и сегодня не понимаю, зачем Наполеону нужно было завоёвывать страну оружием, если стоило приложить ещё немного усилий, добавить гувернанток-француженок, французской моды, французской философии – и мы сами бы сдались... После взятия Бастилии из Франции к нам переехали почти пятнадцать тысяч французов. Представляете, какой десант, какая пятая колонна. – Он замолчал, задумался, ловя ускользящую мысль, и неожиданно признался: – Я вот сейчас подумал, а может быть, Бонапарт как раз и рассчитывал на эту колонну. Как вы считаете?

– Я? – Синицкий растерялся. – Я как-то не думал об этом. – И уже уверенно добавил: – Но это интересная мысль.

– Он ведь не был готов к долгой войне, он не собирался долго кормить и одевать армию... Но мы отвлеклись, я всё же хотел сказать не об этом. Я размышлял о заимствованиях. О том, что русский язык тогда весьма обогатился французскими словечками, новыми смыслами. А знаете, в ходе военных действий офицерам было даже запрещено говорить по-французски. Русские крестьяне могли принять их за французов и поднять на вилы.

Старик совсем оживился, даже щёки утратили привычную бледность. Тут хочешь не хочешь, а будешь слушать. К тому же то, о чём он говорил, Синицкий не знал, и ему действительно было интересно.

– Взаимоотношения народов – тема библейская. Вечная. Краеугольная. – Старик прищурился. – Со времён строительства Вавилонской башни. А между родственными народами отношения к тому же не поддаются голому рассудку. Тут полно эмоций. Элементарных человеческих чувств. Зависти, обиды, гордыни. Так что, мой друг, вы можете поддаться этим эмоциям и согрешить против истины. – Гульковский задумался. – Впрочем, объективной истины не существует. Все мы живём в субъективных мирах, и у каждого истина своя. Но кое-кому выпадает признание его истины истинной. Так что – держайтесь...

Он неторопливо, экономя движения, поднялся со скамейки, на которой они сидели. Рукой с выпирающими венами перехватил поудобнее трость.

– Вы уж извините, мой друг, пора мне отдохнуть...

И, не ожидая слов прощания, медленно пошёл по аллее к выходу из парка. И вдруг остановился, обернулся.

– Да, мой юный друг, думаю, вам будет интересно это знать: вместе с Наполеоном в Россию пришли почти сто тысяч наших с вами предков. Братья нередко бьются до крови... Кстати, прародителем того же Фонвизина был немецкий барон, взятый в плен. Возможно, и наши прародители из пленных улан.

«Пожалуй, он прав, – подумал Синицкий, – среди родственников всегда так всё напутано. А уж между некоторыми родственными народами – вековечное соперничество...»

Как-то у них был разговор по поводу своих родословных: фамилии схожие, польские. Да и родились они оба в Смоленске, который входил и в княжество Литовское, и в Речь Посполитую.

После того разговора он пытался найти свои корни, но что найдёшь после стольких войн, когда всё дотла выжигалось, он даже про своих дедов ничего не нашёл. Пока те живы были – не догадался расспросить, а, когда созрел для понимания жизненной важности знаний о своих предках, не у кого было спрашивать. А в архивах руками развели: утрачены все документы во время войны последней, если и не сгорели, то где-то утеряны безвозвратно. Вот и остался он без фундаментальной опоры, словно не продолжает начатое предками, а новое начинает.

Надо будет посмотреть в интернете, может, кто из Синицких отметился в каких-нибудь записках о той давней войне...

Его руководитель Бельский (может, тоже с польской кровью) не намного старше, но уже доктор наук. Приверженец демократии как оптимальной низшей формы государственности. Высшей он

считает единоначалие. Но не монархию, а универсальное управление из единого центра, и глобализацию как экономическую скрепу всего человечества и панацею от войн. Собственно, кандидатская Сеницкого – это развитие одного из положений теории Бельского о неизбежности глобального слияния цивилизационных потоков в единый. Он убеждён, что не за горами тот день, когда экономика создаст единый универсальный язык и история человечества обретёт новую культуру, в которой индивидуальное, самобытное перестанет воссоздаваться, а общечеловеческое, общепонятное станет единым и культура перестанет быть разномастной и зачастую ненужной надстройкой. Правда, уровень культуры придётся опускать искусственно в тех уголках мира, где он сегодня неоправданно высок и не востребован большинством, и поднимать там, где низок, для гармоничного функционирования индивидуумов.

– Но если мы будем равняться на племена Амазонки, то не слишком ли низок он будет. И так уже в моде татуировки. Вот только голыми ходить климат не везде позволяет, – высказал свои опасения Сеницкий.

– Твою иронию понимаю, – поглаживая клинышек начавшей расти рыжей бородки, произнёс Бельский. – Но опасений не разделяю. В универсальную культуру войдут только массивные традиции. Племенные или групповые пристрастия слишком мелки, чтобы как-либо влиять даже на подобные им образования. А что касается татуировок, то они действительно свидетельствуют о низком уровне культуры, но, возможно, на этом, приемлемом большинством уровне, мы сейчас и находимся. И между прочим, это может стать предметом для исследований, войти отдельной главой в твою диссертацию...

Бельскому нравится тема диссертации Сеницкого. Он говорит, что в ней заложено предвидение будущего. В этом будущем индивидуализм приобретёт форму полной независимости от условностей морали и будет подчиняться исключительно прагматичной реальности. Каждый человек будет несравнимо сильнее ныне живущих, даже самых продвинутых, не телом, конечно, а умственным потенциалом, знаниями, умением, но в то же время будет находиться в гармонии с установленным общеземным порядком. Государств не будет, и одного как такового всемирного государства тоже не будет. А вот что будет, это они ещё не придумали. Доселе история человечества жила на коллективизме, на сложении усилий многих для решения непосильных для одного задач. Пример тому – войны. Один в поле, действительно, не воин. Хотя и есть в прошлом примеры, когда богатыри выходили сражаться один на один. Как Пересвет и Челубей на Куликовом поле. Но это всего лишь литературные персонажи, никто не знает, было ли так на самом деле...

И что не понравилось Гульковскому?

Ничего щекотливого в теме диссертации, просто старик мыслит прошлыми стереотипами. Старость прозябает на воспоминаниях. На пережитых эмоциях и опыте. Когда-нибудь и он будет стареньким, тогда тоже будет стоять на отжившем. А придут новые молодые. Дерзкие...

А почему отжившем?.. Нет! Так даже думать нельзя. Именно это Гульковский и имел в виду: почитаешь на лаврах, и вдруг приходит некто и свергает...

Надо ответить, давно уже кто-то настойчиво стучит в смартфон.

– Слушаю.

– Почему так долго не отвечаешь?

– Задумался. Вернее, не слышал, по улице иду. Шумно.

– Я уже хотела отключиться... Ты когда сегодня будешь?

– А что?

– Давно тебя не видела.

– Мы же только утром... – начал и запнулся. Мужская и женская логики – это полярности. У них и время по-другому идёт, и Земля крутится по желанию... – Хорошо, моя родная. Сразу же после вечернего удара курантов...

– Стас, мы сегодня едем к маме.

Вот так. Без прелюдий и не «сможем ли мы?», или: «хочешь ли ты?», а «едем». Но, с точки зрения будущего устройства общества, это и есть отношения общепринятого порядка и индивидуальности, которая вынуждена подчиняться, оставаясь зависимо-свободной...

Нет, что-то в этой формулировке не так. Надо будет подумать...

– Вообще-то я... – попытался проявить индивидуальную мощь.

– Не задерживайся.

Надо было подготовить основание отказа. Тем более что подобное можно было предположить ещё вчера, по разговору за ужином.

– Хорошо, постараюсь.

– Я жду.

Вот она – категоричность порядка.

Вообще-то с тёщей у Сеницкого отношения самые благодные. Он старается ей реже попадаться на глаза, она при нём о нём дипломатично молчит. Но хотя бы раз в месяц требует на заклатание к себе в гости. Когда был жив тесть, эти посиделки особо не напрягали. Они с тестем могли выйти на балкон и поговорить о своём, мужском; теперь же сидеть между двух женщин, неустанно говорящих о том, что ему непонятно и неинтересно, было мукой. Прежде он пытался следить за канвой разговора и даже вмешиваться. Но скоро понял, что канва не радуется новизной или оригинальностью, а вмешательство неуместно и чревато непониманием. Но ведь и не уйдёшь, Марина обидится. А обижается она долго, несколько дней не замечая его присутствия в доме и, естественно, не слыша.

Хотя, видит Господь, он бы сегодня вечером с большим интересом и радостью полазил бы по интернету. Разбередил его ностальгию по прошлому Гульковский.

... Действительно, Юзеф Понятовский привёл Бонапарту почти сто тысяч поляков Герцогства Варшавского. Привёл с надеждой восстановить былые границы Речи Посполитой. Нет, психология державного величия не умирает... В победоносном начале кампании даже распространяли листовку на русских землях, адресованную именно полякам. *«Поляки! Вы служите под русскими знамёнами. Эта служба была вам дозволена, пока у вас не было отечества. Но теперь всё изменилось. Польша воскресла, и теперь надо сражаться ради её полного восстановления, ради того, чтобы заставить русских признать права, которые были у вас отняты несправедливостью и силой. Генеральная конфедерация Польши и Литвы отзывает всех поляков с русской службы. Польские генералы, офицеры, солдаты! Повинуйтесь голосу Отечества: покиньте знамёна ваших притеснителей, спешите все к нам, чтобы стать под знаменем Ягеллонов, Казимиров, Собеских! Об этом просит вас Отечество, повелевает честь и религия!»*

Под русскими знамёнами было тоже немало поляков. Четырнадцать генералов, почти треть офицерского состава. Были польские полки улан и гусар.

Но всё же с Бонапартом пришло их больше. И именно полки Понятовского были главной ударной силой в Смоленском сражении.

«Отчего я прежде не интересовался этой темой?» – удивлялся Сеницкий, сидя перед компьютером и делая выписки из открывавшихся документов. Находил, читал и всё надеялся наткнуться на свою фамилию. На сообщение о неведомом предке, который, конечно же, воевал на той или иной стороне... И ему отчего-то казалось, что именно в событиях вокруг Смоленска этот предок должен каким-то образом проявиться. Хоть одним упоминанием, сочетанием букв в фамилии... Не мог он там не быть. Другое дело, неизвестно, на чьей стороне...

Но вот Матеуш Заремба точно был на той стороне. Его письмо нашли в Смоленске между кирпичами городской стены. *«Милый брат! Мы уже под Смоленском. Наполеон думает его взять. Но русские дерутся, как львы. Даст Бог – дойдём до Москвы. Вот там заживём! Мюрат мне обещал, что, когда дойдём до Москвы, он сделает меня генералом».*

По-видимому, генералом Матеуш так и не стал, но потомки его брата, несомненно, живут сегодня в Польше...

Если верить летописцам, то в прежние времена Смоленск был более неприступным, выдерживая длительные осады. На этот раз сражения в его предместьях длились всего пару дней. Слишком велика была разница в численности наступавших и оборонявшихся. Если, опять же, верить запискам очевидцев, то отваги наступавшим было не занимать. Он нашёл записки русского офицера Фёдора Глинки, уроженца этих мест, который писал в своих заметках: *«...поляки в бешеном исступлении лезли на стены, ломались в ворота, бросались на валы и в бесчисленных рядах теснились около города по ту сторону Днепра».*

Потом Наполеон отдал приказ жечь город. Начался артиллерийский обстрел...

А наутро русские войска оставили сожжённый город, призвав его население к народной войне...

Было начало августа, ещё стояло тепло. Склады наполнились запасами продовольствия. В захваченном Смоленске французы оставили гарнизон для сбора продовольствия. Военный комиссар виконт де Пюибуок, оставшийся с сыном в составе гарнизона, в своих письмах жалуется, что *«жители при нашем приближении разбегаются и уносят с собою всё, что только могут взять, и скрываются в густых, почти непреступных лесах»*. А голодных солдат, разбредающихся в поисках пищи по окрестностям, мужики забивают дубьём. *«Голод губит людей. Мёртвые тела складывают в кучу, тут же, подле умирающих, на дворах и в садах; нет ни заступов, ни рук, чтобы зарыть их в землю»*.

Потом, правда, положение выправляется, а в сентябре в гарнизоне радуются победе под Бородино. Но тут же пришло распоряжение о том, чтобы *«отправить из Смоленска в армию всех, кто только в состоянии идти, даже и тех, которые ещё не совсем выздоровели»*.

В середине октября ударили морозы. Теперь виконт пишет, что *«люди гибнут на бивуаках от холода»*. А в конце октября он сообщает родным: *«Сейчас получили мы официальное известие, что Наполеон с армией оставил Москву и отступает к Днепру; однако неизвестно ещё, какую пройдёт он дорогой. Каждый день раненые генералы и офицеры возвращаются в Пруссию, не дожидаясь выздоровления; многие из них без всякого разрешения едут на первый случай из предосторожности в г. Вильну. Меня долг и честь удерживают лишь в г. Смоленске, и я решил ожидать здесь судьбы своей»*.

Спустя две недели виконт уже паникует. *«Вчера прибыл сюда Наполеон с гвардией. От ворот Московских до самой квартиры своей, в верхней части города, шёл он пешком. Выход на гору покрыт льдом; а т.к. в городе нет ни железа, ни кузниц, то весьма трудно втаскивать повозки на гору; лошади так измучены, что если которая упадёт, то уже не может встать. Сегодня мороз 16 градусов. Наши солдаты, прибывшие из Москвы, закутаны иные в шубы мужские и женские, иные в салоны или шерстяные и шёлковые материи, головы и ноги обёрнуты платками и тряпками. Лица чёрные, закоптелые; глаза красные, впалые, словом, нет в них и подобия солдат, а более похожи на людей, убежавших из сумасшедшего дома. Изнурённые от голода и стужи, они падают на дороге и умирают, и никто из товарищей не протянет им руку помощи»*.

Из предосторожности, чтобы голодные солдаты не бросились грабить магазины, решено армию оставить за валом вне города, поблизости конюшен»...

«Каково было там польским уланам из армии Понятовского?» – мелькнула мысль, в которой вполне можно было распознать и жалость к врагам его русского отечества...

Если исходить из того, что в будущем все нации сольются в единое безнациональное человечество, то отчего бы не посочувствовать побеждённым.

Но вот каков Наполеон, приказавший, как пишет виконт, *«распределить провиант так, чтобы гвардия была удовлетворена, а остальных предоставить воле Божией»*.

А с другой стороны, разве не эта логика заботы не о всём человечестве, а о малом его количестве, пронизывает труды Бельского, на чём строится и его диссертация.

Эта мысль, не совсем приятная, противоречащая чему-то усвоенному и принятому как аксиома, – в нём, в его мировоззрении, напомнила о разговоре с Гульковским. Но он не стал углубляться, решил разобраться, как видели происходящее победители, среди которых тоже были поляки.

Вслед за отступающим врагом движется армия русская, в составе которой Фёдор Глинка, адъютант при генерале Милорадовиче. Он тоже, как и виконт, всё замечает, всё фиксирует.

«В каком печальном виде представлялись нам завоеватели России!.. По той дороге, по которой шли они так гордо в Москву и которую сами потом опустошили, они валялись в великом множестве мёртвыми, умирающими или в беднейших рубищах, окровавленные и запачканные в сажу и грязи, ползали, как ничтожные насекомые, по грудам конских и человеческих трупов».

Жалостлив и милосерден Фёдор Глинка.

Именно в таких испытаниях познаётся истинное и обнажается ложное.

А виконт продолжает записывать то, что видит он.

«Вчерашний день императорская гвардия выступила из города через Виленские ворота по направлению к г. Красному. Теснота была ужасная, самого Наполеона чуть не задавили. Многие раненые убежали из госпиталей и тащились, как могли, до самых городских ворот, умоляя всякого, кто только ехал на лошади, или в санях, или в повозке, взять их с собою; но никто не внимал их воплям; всяк только о своём спасении думал. Через несколько часов я с главным штабом оставлю город; неприятель ожидает нас впереди на дороге».

Возможно, там, под городом Красным, дороги де Пюибюска и Глинки пересеклись, и французский виконт видел то, что видел русский офицер.

«Здесь, во рву, подле большой дороги, среди разбитых фур, изломанных карет и мёртвых тел, кроме шуб, бархатов и парчей, можно купить серебряные деньги мешками!.. Но там, где меряют мешками деньги, нет ни крохи хлеба! Хлеб почитается у нас единственной драгоценностью!.. Один из наших проповедников недавно назвал французов обезчеловечившимся народом; нет ничего справедливее этого изречения. Положим, что голод принуждает их искать пищи в навозных кучах, есть кошек, собак и лошадей; но может ли он принудить пожирать подобных себе. Они, нимало не содрогаясь и с великим хладнокровием, рассуждают о вкусе конского и человеческого мяса!»

Так война развенчивает нацию, доселе являющуюся примером для подражания...

Фёдор Глинка победно прошёл до Парижа, вернулся домой победителем, прожил долгую жизнь – девяносто четыре года. Что же касается виконта де Пюибюска, то он со своим сыном был взят в плен и самым уважительным образом представлен сначала генералу Мартынову, потом графу Платову, затем генералу Ермолову и, наконец, фельдмаршалу Кутузову. После чего с удобствами препровождён в Санкт-Петербург. И вероятно, вернулся домой.

Таково милосердие победителей...

На всякий случай Синицкий сделал себе выписки из найденных документов.

– Стасик, во сколько же ты встал?

Марина прижалась животом к его плечу. Живот был упругий, большой и тёплый. Синицкий в который раз удивился, как из ничего получается что-то. Им уже сказали, что это «что-то» будет девочкой. Сейчас он подумал, что хорошо было бы, если бы врачи ошиблись. Не потому, что хотел мальчика. Девочка даже лучше. Просто хотелось, чтобы была тайна, которая раскрылась бы только с рождением нового человека. Он из рассказов родителей знал, как прежде умели этому радоваться. Вообще раньше в их жизни много было того, что приносило радость. Вспоминая свою молодость и ту страну, которой уже не было, они, не забывая о пустых прилавках магазинов и дефиците, почему-то считали более важной ту радость, что получали, доставая этот самый дефицит, а потом собирая за праздничным столом близких людей и радуясь уже общению.

– Я не помню, когда ты лёг. Работал допоздна?

– А что, уже утро?

Он посмотрел в окно. За шторами была всё та же ночь. Но, возможно, уже действительно утро, на дворе – декабрь, самые длинные ночи.

– Так ты совсем не ложишься?

– Днём высплюсь, сегодня у меня творческий день.

– Скорей бы ты закончил свою диссертацию, – вздохнула жена и, наклонившись, касаясь налитой грудью его плеча и пахнув запахом молока, поцеловала его в лоб.

Как маленького.

Он заметил: когда жена поняла, что беременна, она стала вести себя не как прежде. Прежде она была избалованной девчонкой, любившей подольше поваляться в постели, не очень озабоченная, чем накормить мужа, и предпочитающая готовке обеды в кафе. Теперь же начала готовить дома. Правда, не так много она умела. Но старалась хоть раз в неделю приготовить какое-нибудь новое блюдо. И всё прислушивалась к себе, подробно рассказывая о своих ощущениях и заставляя его прикладывать ухо к животу, без особой надежды, что он что-либо услышит. Но зато теперь она не капризничала и не заставляла исполнять нелепые желания.

– Что тебе приготовить на завтрак?

– Что и себе, – сказал он, всё ещё глядя на монитор, но уже понимая, что на этом сегодня можно поставить точку.

– Будешь омлет?

– Пусть будет омлет, – согласился он.

– А может, лучше сварить кашу?

– Можно и кашу.

– Нет, лучше омлет. Это быстрее... А может, ты сам сделаешь? – обернулась она в проёме двери, вся уютно-округлая, в прозрачном пеньюаре, и он невольно залюбовался ею, ловя себя на горделивой мысли, что у него такая красивая и желанная жена.

– А может, вместе ещё поспим? – поймав себя на желании, в тон ей произнёс он, хотя та, которую жена носила в себе, уже явно не желала никакого вмешательства со стороны. – Я тебя поглажу и дочку послушаю...

– Стасенька, у меня творческих дней нет. У меня сегодня первая пара.

– А, ну да. Студенты не ждут.

– Опоздаешь – упорхнут... – дополнила она.

– Ладно, иди одевайся, я сделаю омлет.

«...Очевидно, что мой предок в той войне выжил, – думал он, взбивая яйца. – Другое дело, неизвестно, на чьей стороне он воевал... Вот она – загадка его генной цепочки. И попробуй разгадай её, если тебя отделяют ещё две или даже три, если считать гражданскую, войны. И революция, которая всё сбילה-смешала так, как он сейчас сбивает яйца; уже ни белка, ни желтка, а однородная бледно-жёлтая масса...»

Но Гульковский прав: нельзя прогнозировать будущее, не зная прошлого...»

– Мы с вами встречаемся в одном и том же месте.

– Так я ведь знаю, что это ваша любимая скамейка, и когда вы здесь предаётесь размышлениям, обогащающим нашу науку.

– Вы, молодой человек, умеете так льстить, что трудно разобрать – это лесть или сарказм.

– Только не сарказм. Избави Бог. Вы же знаете, что я действительно считаю ваши работы важными для науки. На многие из них я ссылаюсь в своей диссертации... Ваша методология оценки будущего через призму прошлого – это как фундамент, без которого всё строение рухнет.

– У вас сегодня юношеское настроение, Станислав.

– И всё почему, Иван Васильевич? Всё благодаря вам.

– Интересно, чем же я вам поднял настроение?

Старик заинтересованно повернул голову, сел вполоборота. Достал из кармана пальто большой носовой платок, промокнул им слёзы, выжатые утренним морозцем.

– Позавчера ночью, благодаря вам, я отправился в прошлое. И узнал много нового для себя.

– Мне казалось, вас интересует исключительно будущее. Вы ещё не перевалили тот самый рубеж, когда прошлое становится настоящим.

Синицкий помедлил, осмысливая этот синтез прошлого и настоящего, который предложил старик, и согласился с ним. Пока теоретически, потому что его настоящее действительно более переплеталось с будущим. А вообще стоит поразмышлять над подобными петлями времени. И над собственным пересечением личной оси Хроноса. А может быть, это пересечение случилось именно сейчас...

– А может быть, это уже произошло.

– Ну что вы. Вам ещё рано, Станислав, какие ваши годы. У вас всё ещё впереди... в вашем общечеловеческом мироустройстве... Вы всё так же продолжаете верить в единый мировой порядок?

– Признаться, после экскурсии в прошлое появились некоторые сомнения.

– Вам следует заглянуть ещё дальше в кажущееся минувшее. Всё, что есть и что будет, уже было. «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чём говорят: “смотри, вот это новое”; но это было уже в веках, бывших прежде нас». И в Книге книг всё изложено, весь цикл существования человечества от начала до конца. От альфы до омеги... Вы ведь знаете предание о строительстве Вавилонской башни?

– Насколько это может быть известно неспециалисту. О том, что после потопа оставшиеся в живых правильного вывода не сделали, урок не поняли, гордыни не утратили, отчего и взялись за строительство башни, чтобы добраться до неба. Господь тогда один язык разделил на множество и рассеял их по земле.

– Зачем Он это сделал?

– Не хотел, чтобы тайное стало явным. Чтобы человек мог с Ним сравняться.

- Молодой человек, у вас явно атеистическая закваска. Хотя вы ведь уже не были пионером...
- Не был. Но слышан. – Синицкий вспомнил сравнение человечества с муравьями, которое очень нравилось Бельскому. – Но мне кажется, что Господу нет никакого дела до человечества. Как нам нет никакого дела до муравейника, в котором суетятся муравьишки.
- Этим сравнением вы принижаете предназначение человечества.
- Мне бы понять своё собственное предназначение.
- Если вы это поймёте, станете подобны Господу... А знаете, почему Он не позволил построить башню? Потому, что это конечность. А конечности не должно быть. Её нет.

Гульковский замолчал. Сидел, съёжившись, спрятав маленькое морщинистое лицо в поднятый воротник пальто, и водил перед собой тростью, вырисовывая на грязном истоптанном снегу хаотичные линии.

– Вы знаете, почему не будет единого человеческого общества? Потому, что всё в этом мире подчиняется закону единства и борьбы противоположностей. Мир, созданный Богом, или, если хочешь, единым мировым законом, изначально полярен во всём. В нём было, есть и будет всегда две противоположности, два полюса. На одном будет концентрироваться доброе, на другом – злое. Исключительно доброе или исключительно злое – это конечность, которой в бесконечном мироздании быть не может...

– Но вы ведь конечны. И я тоже. Как все люди, – не совсем уверенно произнёс Синицкий, понимая, что сейчас уподобляется школьнику, надеющемуся к своим скудным познаниям добавить нечто очень важное.

– Я говорю, Станислав, вы заражены атеизмом. А атеизм – это не наука. Это отрицание истинной науки.

– А как же монография Бельского с его аргументированным обоснованием однополярности и признанная теорией.

– А признанный Кампанелла с его городом Солнца?... Это утопии, мой молодой друг, это не наука.

– Вы меня смутили, Иван Васильевич.

– Смущаться – привилегия молодости. И творческого поиска... Холодно... Мне пора в тепло, кровь уже не греет.

Старик поднялся. Опираясь на трость, постоял, словно привыкая к тверди под ногами и никак не решаясь сделать первый шаг. И неожиданно произнёс:

– А многополярность – это всего лишь дробление единой полярности. Рано или поздно она начинает вновь складываться и снова дробиться. Но это не закон. Это циклы. Так что Бельский открытия не сделал, а с учётом нынешних скоростей, боюсь, что на лаврах почивать ему долго не придётся.

Бельский – олицетворение успешности. Ему немногим более сорока, но он уже доктор наук и признанный авторитет. Выглядит он молодо. Одевается современно: не броско, но модно. Демократичен. Хотя ни к какому политическому течению себя не относит, утверждая, что в эту графу в анкетах всегда вписывал бы только одну партию – партию науки.

У Бельского такая же успешная и профессионально востребованная жена. Она работает в финансовой структуре и умеет из ничего делать деньги. Это по утверждению Бельского, который о своей жене почему-то всегда говорит с улыбкой. Живут они вдвоём в загородном доме жены. Детей у них нет. Но и союз они образовали всего лишь пару лет назад. До этого Бельский поменял несколько влюблённых в него студенток, но ни с одной не ужился.

У Синицкого отношения со своим шефом самые дружеские. Но не панибратские. Бельский любит иногда пооткровенничать. Может быть, и не до конца. Не обо всём. Но Синицкий знает, что настоящая любовь у него осталась далеко в прошлом, когда он был студентом. И она тоже. Но если бы он тогда женился, то вся учёба пошла бы насмарку. А следом и аспирантура, и всё остальное, что у него есть сегодня. Если откровенно, тогда он любовь ставил ниже, чем карьеру и успех. Впрочем, и сегодня он не уверен, что поменял бы на любовь то, что имеет.

С нынешней женой у Бельского деловой союз, без всяких романтических фантазий и заскоков. Совместное проживание под одной крышей. И им обоим ещё рано заводить детей. А может, и не стоит вовсе. Во всяком случае, пока они потребности в детском плаче не ощущают.

Свой разговор с Гульковским Синицкий пересказал шефу. И выразил свои сомнения по поводу выбранной для диссертации темы.

– Да, старик совсем отстал, – вздохнул Бельский. – А ведь был когда-то в авангарде, я с него брал пример. Вот, Станислав, что с людьми делает возраст. Я решил, что, когда почувствую себя ретроградом, запрусь в своей домашней келье и не буду никого смущать своими сомнениями.

– А если он всё же прав? – настаивал Сеницкий.

– Он не прав, – твёрдо сказал Бельский. – Он человек не только уходящей эпохи, но и ушедшего уклада. Говоря сегодняшним языком – у него устаревшая программа с малым объёмом оперативной памяти. Он всё ещё живёт библейско-коммунистическими постулатами. А мы, всё вокруг стало другим. Он идёт в другую сторону.

– Что значит – в другую?.. Мы все идём в одну. Человечество развивается по восходящей спирали, ценности у нас одни и те же...

– Ценности, может быть, и те же, – неуверенно произнёс Бельский, – но отношение к ним другое. Ну как бы тебе... Впрочем, ты и сам не дурак, видишь, что на нашей планете сегодня живёт слишком много людей. Ты где-нибудь видел гигантский муравейник? Высотой хотя бы с дом?

Сеницкий покачал головой.

– Таких муравейников в принципе не может быть. Потому что муравейник имеет размеры соответственно форме и численности муравьёв. Так вот, наша планета – это тоже своеобразный муравейник, как заметил один из философов недалёкого прошлого – человеконик, и она имеет свою человекоёмкость. И в муравейнике нет бездельников, там трудятся все, и у каждого своя функция, своя задача. Вот это и есть гармония. Мы, люди, сегодня осознали, что гармония – это оптимальное соотношение численности населения и размеров земной поверхности. И начинаем создавать гармоничный мир.

– Теория золотого миллиарда... Признаться, я не верю в глобальный заговор неведомо кого.

– Ну, во-первых, не заговор, а деяние. А во-вторых, почему неведомо кого?.. Даже Генеральный секретарь ООН в одном из своих докладов отметил, что всего лишь двадцати шести кланам принадлежит столько же благ, сколько половине населения планеты. Естественно, эти двадцать шесть несут глобальную ответственность. Есть ещё такая статистика: один процент населения земли имеет столько же собственности, сколько остальные девяносто девять процентов. Надеюсь, ты не будешь спорить, что тот, кто больше имеет – больше и радеет. Один процент – это чуть больше семидесяти миллионов человек, вот они и создают будущее.

– Строят новую Вавилонскую башню.

– При чём здесь эти притчи? – поморщился Бельский. – Я всё это тебе говорю, чтобы ты чётко понимал, на кого мы работаем, кому нужна наука. И исходил из запросов заказчика.

– А я считал, что наука – это провидица всего человечества.

– Это банально. Если не глупо. Ты уж не обижайся. – Посмотрев куда-то выше головы Сеницкого, не без пафоса произнёс: – Наука – это служанка доминирующей социальной группы.

– То есть мы всего-навсего обслуга богатеев?..

– При чём здесь богатеев? Это эмоции, недостойные учёного. И даже вредные. Мы прокладываем рельсы в будущее, но не для всего человечества, а для деятельной его части. Что тебя не устраивает в этой формуле?

– Пока не знаю. Но что-то не нравится.

– Выбрось все эти мысли из головы. Тему мы взяли самую выигрышную. Работай.

– Стасик, приезжай быстрей!

Голос у Марины взволнованный. И ни слова в объяснение, почему он должен бросать всё и лететь к ней. Хотел ещё пару часов покопаться в трудах великих предтеч, утвердиться в выбранной теме. Бросил всё-таки Гульковский зерно сомнения. Но и за Бельским правда. Вот они – две правды, и он между. За ним выбор...

Раньше Марина позволяла себе такие капризы. А когда он прилетал сломя голову, открыв дверь, обиженно произносила: «Скучно мне», и делала рожицу избалованной старшеклассницы, отчего весь его праведный гнев вмиг испарялся.

...Набрал номер. Долго ждал, но жена не отвечала. Может, отключила звук, за ней это водилось – пребывать в недоступности, а может, действительно что случилось. Всё-таки беременная...

Заложил закладки в недочитанные книги, черкнул план первоочередных дел на завтра и поехал домой.

Взлетел на пятый этаж так, что, стоя у двери, никак не мог отдышаться, и, когда Марина открыла, жива-здоровая, долго не мог ничего сказать. Только глотал воздух...

– Она пинается...

Жена капризно сложила губки, ожидая если не поощрения, то заинтересованности, и он наконец смог произнести:

– С тобой всё в порядке?

– Она пинается, пощупай... – Жена взяла его руку. – Фу, холодная. Иди погрей горячей водой.

– Могла сказать по телефону. Я нёсся как угорелый...

– Вам не понять беременных женщин.

– Нам просто женщин не понять.

– Вот опять. – Марина положила свои руки на живот, словно оценивая размер. – Погрел?

– Да.

– Давай руку... Положи сюда...

Она своей рукой обхватила его ладонь, прижала к горячему животу, и он действительно ощутил мягкие толчки, словно там что-то укладывалось поудобнее.

Надо же, – подумал, удивляясь, – где-то там, в чреве, что-то живёт... Жизнь зарождается в жизни... Действительно, ему этого не понять.

И вдруг вспомнил о том, что планета уже перенаселена, и, чтобы вернуться к той самой разумной численности народонаселения, первым делом запретят рожать. И те, кто будет жить завтра и послезавтра, так и не узнают, что такое быть матерью и отцом...

– Тебе нравится наша девочка? – шёпотом спросила Марина.

– Ну, в общем... – Он замялся, помедлил и твёрдо произнёс: – Нравится. – Подержал ещё ладонь на животе, хотя никто уже не толкался.

– Всё. Утихомирилась. Ты ей понравился. Давай будем ужинать.

Марина развернулась и пошла на кухню.

Глядя ей вслеп, он вдруг осознал, что теперь их уже не двое. Их уже трое. И тот, третий, пока ещё материально осязаемый вот только так, на ощупь, совсем скоро многое переменит в их маленьком мире. Сначала в их маленьком, а потом и в большом. Вместе с теми, кто ещё не пришёл в него. Но придёт. Должен прийти...

– Ты знаешь, я, наверное, сменю тему диссертации. – Неожиданно для самого себя сказал он.

– Почему? Бельский предложил?

– Нет. Не он... Ты вот скажи, какое будущее ты хотела бы для нашей дочери?

– Странный вопрос, – удивилась она. – Кто же хочет своим детям плохого будущего. Только хорошее.

– Это понятно. Что бы ты выбрала: однополярный мир, в котором нет вражды, насилия, войн, или тот, который есть сейчас – с противостоянием, враждой, насилием...

– Конечно, первый.

– Но в том первом мире будет жить не более миллиарда.

– А остальные шесть?

– Они должны покинуть этот мир.

– А наши с тобой дети будут в этом миллиарде?

Синицкий помедлил. Вспомнил приведённые Бельским цифры.

– Не уверен.

– Тогда зачем спрашиваешь. Я за то будущее, в котором будут жить наши с тобой дети, внуки и правнуки... Садись ужинать... Мы с дочкой проголодались.

...Ночью ему приснился виконт Пюибюск. Он стоял посреди белоснежного поля в короткой женской, явно маленькой для него, шубке и смотрел в ту сторону, где поле соединялось с белёсым небом. «Время настоящего беременно будущим, – говорил он. – Но мало кому дано распознать это... Мало кому – и все остальные просто обманывают себя...»

«Не все, – хотел возразить Синицкий. – Я не обманываю. Я действительно хочу увидеть будущее...»

Но виконт его не слышал, он стал сливаться с полем и уходить, уплывать к горизонту...

Синицкий проснулся с уверенностью в том, что он знает, что делать.

Поэзия

Сергей Пахомов

Сергей Станиславович Пахомов – поэт. Родился в 1964 году в городе Ленинграде. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Автор трёх книг. Стихотворения публиковались в журналах: «Арион», «Новый мир», «Нева», «День и ночь», «Сибирские огни», «Север», «Лад вологодский», «Волга» и др. Живёт в деревне Мережа Вологодской области.

Запахло морем и грозою...

ОТВЕТ

Я не участвую в войне,
война участвует во мне...

Юрий Левитанский

КАПИТОЛИНА

Везут в Германию
нас эшелонами,
Везут в Германию
нас помирать...

Яр бел – покров зимы суровой.
Не с той ноги встают дома,
Спускаясь к речке Васнецова
С капитолийского холма.

Капитолина ставит брашно.
Приняв навалочных гостей,
Поёт о прожитом так страшно,
Что пробирает до костей.

Я много страшных слышал песен,
Капитолининых – нигде.
Торчит застрявший в тучах месяц,
Как плуг по горло в борозде.

ПУШКИН

Помогите, Пушкин, окажите честь,
Нечем нам согреться, нечего поесть.
Мы из вашей книги выдерем страниц
(Голода вериги, холод плащаниц...),
Чтоб разжечь огонь нам, разогреть еду,
Ваше благородие, – клейкую бурду.
Свет Гвадалквивира, наша участь зла...
Слёзками Земфиры капает смола.

Такой шёл дождь, что и река успела вымокнуть
до нитки.

Кибиткой крытой ямщика ползла рогатая улитка
Палитрой радуги. Я ждал прибытья местного парома,
А с ним и старый самосвал с разбитых стёкол глаукомой.
Горбыль, который леспромхоз крестьянам продавал
по трёшке,

Тот самосвал усталый вёз. Водитель сплёвывал
в окошко –
Он знал один, как не застрять в огромных лужах
на дороге,

Не позволяя забывать ни о России, ни о Боге.
Теперь иные времена. Что сохранил я для народа
В душе? Она опьянена прокисшей брагою свободы.
Я лес и луг не узнаю – я потерял себя и близких,
Как будто партбилет в бою у переправы через Вислу.
Я тень упавшего креста полуразрушенной часовни,
Среди апостолов Христа я – виноватого виновней!
Я мусор, сброшенный в отвал нечеловеческих
страданий...

Но наконец-то самосвал меня довёз до бабы Мани.
Бутылка водки на столе, пирог, салфеткою укрывшись,
С одышкой борется... во мгле – сплошь фотокарточки
погибших.

Иконка, рядом муж, отец, пять сыновей... Я ухмыльнулся
И выпил водки (пей не пей – никто обратно
не вернулся).

Сказала тихо баба Мань: «За домом я твоим смотрела.
Деревня? Нет – тьмутаракань, до коей никому
нет дела».

Ключей взял связку я, багор – ответ в отсутствие
вопроса –
И ставню выломал, как вор, и нервно скомкал папиросу.

У МАГАЗИНА

У магазина толчь. Дают
 Рис привозной, немного скуки,
 Хлеб, спички, водку... Водку пьют
 С руки и падают на руки
 Крестьяне – родина в очах.
 Дорога выгибает спину,
 Разбухнув, словно на дрожжах,
 До неба – до самого тына.
 Дед выбрал место посушей,
 Пол-литра выщедил в баклагу,
 Едва был вытолкан взашей
 (Ведь без медали «За отвагу»)
 Из магазина. Чуть хлебнул,
 Чтоб комары не заедали,
 И матом чёрствым помянул
 Судьбу потерянной медали.
 Ополоумевший плетень
 Зиял, как жерло, слепотою,
 Линкором накренился день,
 Запахло морем и грозюю.

ПРИВЫЧКА

Одна из любимых привычек –
 Подолгу стоять у окна:
 Деревня, дорога в кавычках
 Столбов телеграфных видна,
 Пастух, собирающий стадо,
 Узик, что ульем жужжит,
 Заполненная самосадам,
 В руке «козья ножка» дрожит.
 Откроется ветром калитка
 (Движеньем знакомой руки?) –
 Скатёркою жовто-блакитной¹
 В пшеничных полях васильки...

Уходим за Днепр. Обуглен
 Народной испариной брод,
 И рваные Божьи хоругви
 Влачит прикрывающий взвод
 Под небом, что жовто-блакитным
 Нам виделось в пору страды –
 Скулят в санитарной кибитке
 Бездомными псами братья².
 О Господи!.. Дойное стадо
 Пастух возвращает домой,
 Как мёртвую память из ада,
 Который зовётся войной.

¹ Жёлто-голубой (укр.).

² Братья (укр.).

ОНИ

Они, придя, торжествовали, глушили мутное вино.
 Луна шинелью на привале лежала, видима в окно.
 Пока вдова что было в печке на стол метала (были щи),
 В обличье недочеловечьем икали пьяные хлыщи.
 Один (скотина, не иначе) рванул на женщине испод
 И, оседлав её, как клячу, арийский вывалил живот...
 Детей (а в доме были дети) на холод, а по-русски – на...
 «Тридцатьчетвёркою» в кювете стгорала зимняя луна.
 Меня отец лупил за дело – запомнил чтобы до сопли,
 Кто вытащил Отчизны тело ещё живое из петли.

СОЛОМА

Глухую ночь провёл в соломе – осенний проливной каприз.
 Наутро объявился Роммель – пустынной пашни хитрый лис.
 Он всё высматривал в бинокль мышей позиции в меже.
 Тащились грузно тучи-рохли, скрипя на каждом вираже.
 Детали боя, пораженья не вспомню – только белый флаг
 Луны, как будто подношенье дождю, убавившему шаг.
 Что снилось? Я в сырой траншее, армады «Тигров»

и «Пантер»,

Вши, расцарапавшие шею, убитый ближний офицер...
 Ору: «За Родину, ребята!» И бесконечно длится бой...
 В соломе холодно и свято. А Роммель хвост поднял трубой.

ВЕДОМЫЕ НЕ БОГОМ

Вознаграждением за то, что дерзким был по воле Божьей –
 Донецк, и в зековском «пальто» слуга ваш с удивлённой
 рожей.

Мой Бог – в окопе. Их – нигде. Я знал похожие
 пространства:

Там Бога нет, а на звезде от крови чёрное убранство.
 Мы вспоминаем о былом, когда нет смысла в настоящем,
 Где смерть озвучена кайлом, где простынёй обитый ящик.
 До скорых пуль мне дела нет, к ним привыкаешь,

словно к осам

(Так я отцу привык обед колючим приносить покосом), –
 Перерождение души, её глухое превращенье
 В огонь, родящийся крушить и вымерзающий отмщеньем.
 Мечь провоцирует вражду, калечит всех без исключенья –
 Она река в мирском аду, её незримое течение
 Пределы точит... Коробок чей приплывёт быстрее в гавань,
 Где свет надежды волоок, где вербы восклицают «Аве
 Мария»?.. Надо проползти под толщей мёртвого бетона,
 И воздух так зажат в груди, как сыновья Лаокоона
 Зажаты змеями... Хлопки, низколетающие трассёры...
 На расстоянии руки следы от выбитого дёрна.

...В колючих лаврах лагерей идём отцовою дорогой,
 Не видя слёзы матерей, ведомые, увы, не Богом.

МИТРИЧ

Горе, Митрич! (Гойко Митич гонким эхом по дворам –
От степей донских до вычегд – воля прошеным слезам!)
Похоронкою воронка, луч зари на водоём,
Жила лопнула, как донка, заведённая в Мальстрём.
Межудельное соседство, Митрич, – проще говоря,
Передай мне по наследству навик деда Щукаря!
В голубых клубах махорки рыбий бог сидит на пне:
«Больно ты, Серёжка, скоркий – на войне как на войне».
Митрич сплюнул, сделав вычет в стае тучного леща...
Звонким эхом «Гойко Митич!..» между зарослей хвоща.

ЖИВОПИСЬ

Взялись мы за белое дело, примкнули к винтовкам штыки.
Россия на это смотрела сквозь пальцы крестьянской руки.
Разгромлены, в драном исподнем сидим у глубокого рва,
Насилуя слово Господне, не помня другие слова...

Закат необлачных тонов, сарая дырчатая крыша:
Из всех увиденных мной снов, последний Господом услышан.

Взялись мы за красное дело, тачанкой вспахали поля.
Россия на это смотрела, как смотрит на небо земля.
Ломали уездную церковь, сгоняли скотину в колхоз.
И, глядя, как родина меркнет, над ней потешались всерьёз.

Восход уныл и безобразен, голодоморная весна:
Из всех рассказанных мной басен одна особенно красна.

Взялись мы за грязное дело, сплели красно-белый венец.
Россия на это смотрела, как смотрит на сына отец –
На сына, который нагулян по лавочке пьяной... И всё ж –
Сражённый отцовскою пулей, он очень на сына похож.

На гвозди матовые звёзд развесил Бог свои картины:
«Распятые сына», «Холокост» и, странно, «Воскресенье сына».

БОЛИГОЛОВ

Жара палит который день – до лоска выгорела местность,
Вода, как выдавленный клей из тюбика глухого леса,
Тягуча, липкая на вид, в ней пацаны угрями вьются,
Не прикрывающие стыд, затем на пляже, как на блюде
Плоды садовые, лежат – темны (трусов не напасёшься).
Не возвращаются с войны отцы, хоть ждёшь их не дождёшься...
Мы – городские. Сенокос для нас – любимейшее дело:
Спустились бабы под откос, где притаились мы, пострелы,
Как жабы, выпучив глаза, сопя в кустах неподалёку,
Не понимая ни аза, но различая подоплёку
Чего-то тайного... Мальцы! Ещё не выросли «женилки».
Не возвращаются отцы – ни с пахоты, ни с лесопилки...
В деревне семьдесят дворов – на обелиске сто фамилий.
Жара. Трава болиголов на братской вырастет могиле.

КИРЗАЧИ

Я видел, как любят. Я видел, как ждут.
Я видел, как время свивается в жгут.
Как падает наземь убитый солдат,
От горя от горького вдовы скулят.

Я видел. Я знаю сто раз и стократ,
Как тлеет воронки краями закат,
Как снег кровеносный сползает к реке
И рваное знамя сгорает в руке.

Я видел победу и день похорон,
Как плавится в небе озон и аргон,
Как пуля лепечет, шипит горячо,
Кромсая предплечье, ломая плечо.

...Изба возле озера, яблони тень,
Шатается старый, как пьяный, плетень,
Постылые грядки терзает жена –
Бездонное озеро, сердце без дна...

Помочь бы родной, но хоть криком кричи,
Без ног в огород не пойдут кирзачи.

ЗАВОЛОЧЬ

Налил из фляги, выпил, отдохнул,
Облюбовав посуше бугорок.
На смятом грунте непобритых скул
Слеза произросла наискосок.
Её смахнув, добавил по второй
И, трудно напирая на костыль,
Поковылял дорогой дорогóй,
Превозмогая заволочь и пыль.
Никто не повстречался у плетня
И не воскликнул: «Господи, прости!...»,

И сельская смешная ребятня
Не предложила сумку поднести.
Под сводами знакомых с детства мест
Холодная повисла тишина...
Подумал, теребя нательный крест:
«Досадно, что закончилась война
Афганская... Когда бы так пришёл
Отец с Отечественной – лучше пулю в лоб».
И бросил ордена свои на стол,
Как землю чужестранную на гроб.

БЛОКАДА

Ночь тяжеловесна, полночь тяжела,
Дождь идёт отвесно, как стоит скала.
Мостики да пристань, тополь у реки,
Словно старый пристав, свищут сквозняки.
Звёздные лампадки, пенная волна,
Выступом лопатки полая луна.
Шумно плёс клокочет, будто нет войны, –
Под бинтами ночи раны не видны.
Разверни гармошку, разбери басы
Лунною дорожкой лесополосы,
Поиграй о мёртвых или ни о чём...
В дорогой обложке ясень – золочён.
Ливня бесконечность, слёзы на лице...
Смерть ещё не вечность – Ленинград в кольце.
В полынье от бомбы тонет грузовик –
Хочется не помнить тот последний крик.
Холмики шеломов – братская гора.
Горечь и оскома завтра и вчера...
Крысы-людоедки по углам дворов,
Чёрный труп соседки, как вязанка дров.
Бог эвакуации (милиционер)
Да солдаты-братцы, равенства пример,
Подсадили в поезд часть семьи моей –
Завершилась повесть окаянных дней.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Я выпил масло из лампы, такой был голод. День за днём:
Звезды обугленной глассада ¹, скрипящие деревья сада,
Тоской объятый водоём.
Река отказывалась напрочь кормить молокой – лёд и снег.
Пузырь, соломинка и лапоть – не получился человек.
Весна. Дожил до половодья. Над огородом грач и дым.
Поля заполнились народом – и похudevшим, и худым.
На запах прелого остожья ² приходит рыба, свет и Бог...
Воспринимаю бездорожье как начинание дорог.
Июль. Подсолнух златоустен, духмяны травны лог и луг.
Я дочь свою нашёл в капусте и свет не выпустил из рук.

¹ Глассада (*фр. glissade* – «скольжение») – траектория полёта самолёта под определённым углом к поверхности при заходе на посадку.

² Остожье – место для стога или место, где он был.

Поэзия

Василий Мишенёв

Василий Михайлович Мишенёв – родился в 1958 году на Вологодчине. Автор 19 книг стихов и прозы. Член Союза писателей России. Живёт в городе Никольске Вологодской области.

ПОСВЕТЛЕЛИ ВЕСЕННИЕ ДАЛИ

Посветлели весенние дали,
Засквозило с небес синевой,
На пригорках от первых проталин
Поднимается пар над землёй.

Как нарядны привычные вербы,
Распушились под солнцем они...
Прилетел долгожданный и верный
Важный грач из чужой стороны.

В эти дни не сидится мне дома,
Тянет сердце к простору полей,
Будет день, и услышим знакомый
Мы приветственный клич журавлей.

У людей вдруг засветятся лица,
Станет мир просветлённее весь,
Словно сильные, гордые птицы
Принесут нам всем добрую весть.

И у жизни изменится русло,
Потечёт она шире, вольней,
Будто вечно душе нашей русской
Не хватает до слёз журавлей...

* * *

С молчаливых небес
Свет далёкий струится,
На родимой земле
Снова радостно мне,
Но в лесу поселилась
Угрюмая птица

И ужасно кричит
По ночам в тишине.

Я подолгу не сплю,
Бродят тихие тени,
Законная мгла
Давит в окна мои.
Что ж ты, птица, кричишь,
Будто вестник измены?
Ты не знаешь, как трудно
Сердцу жить без любви.

Был когда-то и я
И счастливым, и юным,
Оттого, что любовь
Не сумел я сберечь,
У гитары моей
Ветром порваны струны
И в холодной избе
Не затоплена печь...

* * *

Что ж так, роща моя, поредела?
Где же нынче твои соловьи?
Ты весёлые песни пропела,
Я забыл озорные свои.

Здесь, где юность когда-то осталась,
От стволов поседевших берёз
Вдруг дыхнет так тепло на усталость
Ароматом любимых волос.

Я не знаю, где та, что носила
Ландыш твой в золотых волосах...
Потерял я её и Россию,
Снова ворон кричит в небесах.

Что ж так, роща моя, поредела?
Сыплешь тихо листвою на меня.
Натянулась струна до предела,
И дрожит роковая струна...

НЕ ОСТАВЬТЕ МЕНЯ

Я сквозь лето прошёл,
 Неустанно спеша,
 Вдруг послышался крик
 Улетающих птиц,
 Об увядший цветок
 Тут споткнулась душа,
 И рванулась она
 Из привычных границ.

Кто из нас не жалел
 О минувших годах?
 Кто из нас не страдал
 Об ушедшей любви?
 Но застыли слова
 У меня на губах,
 Потянулись к цветку
 Тихо руки мои.

Как я жил? Чем я жил?
 Поздно жизнь исправлять.
 Мне так грустно всегда
 Видеть осень земли,
 И машу я цветком
 На бегу журавлям:
 Не оставьте меня
 Одного, журавли!..

* * *

Я родное покинул крыльцо,
 Чтоб любить до скончания лет
 Тех, кто мне улыбнётся в лицо
 И не станет смеяться вослед.

Жизнь порою не жизнь – маята,
 Опечалишься в сумерках дней,
 Но дорога зовёт, как мечта,
 И следы остывают на ней.

Надо мной облака, облака,
 Ветром мысли относит, как дым,
 Если встретите вы паренька, –
 Это я к вам пришёл молодым.

Проводите в рассветную даль.
 Там с черёмухи сыплется цвет.
 Пусть глаза застилает печаль.
 Что ж! Любви без печали и нет!..

* * *

В разорённой стране
 Я живу, как на тонущей льдине,
 Мне кромсает лицо
 Стылый ветер жестоких годов,
 Но, родная земля,
 И в беде мы с тобою едины,
 Я всегда за тебя
 На костёр и на плаху готов.

Наплывает туман,
 Снова меркнут знакомые дали,
 Как роса на траву,
 Оседает щемящая грусть...
 По родимой земле
 Я хотел бы идти без печали,
 Но мне больно смотреть
 На распятую старую Русь!

НИКУДА НЕ УЕДУ

От неясной тревоги
 Мне долго не спится,
 Поднимаются мысли
 По лунному следу,
 Пусть по-прежнему сердце
 Куда-то стремится...
 Я уже никогда
 Никуда не уеду.

Не уеду к друзьям,
 Далеко или близко,
 К тем, которых судьба
 Раскидала по свету,
 Я им всем напишу
 Обязательно письма...
 Я уже никогда
 Никуда не уеду.

О холодную землю
 Листа на излёте касанье,
 Там берёзы заводят
 Ночную беседу,
 И не верят они,
 Как не верю и сам я,
 Что уже никогда
 Никуда не уеду.

Прилетит, возле дома облепит калину,
 Как живой костерок под сереющим небом,
 И тогда я избу ни за что не покину,
 Буду стаю с ладони кормить тёплым хлебом.

* * *

От земли до небес –
Лес,
А у леса вокруг –
Луг,
Сколько разных окрест
Мест,
Отдохни от разлук,
Друг.

Сквозь берёз молодой
Строй
Пусть струится вослед
Свет,
Мы оставим с тобой
Свой
По росе сквозь рассвет
След...

ПОЛОЖУ НА СЕРДЦЕ РУКУ

Положу на сердце руку,
Устремится взгляд вперёд,
Жизни трудную науку
Постигал из года в год.

И в заботах неотложных
Не считал в пути шагов,
Но терял друзей надёжных,
Наживал себе врагов.

Не мечтал о громкой славе
И чиновникам не льстил,
Был в почёте и в опале,
В неудачниках ходил.

Не боялся молвить слово
И умел порой молчать,
Было трудно, но по новой
Не хотел бы жизнь начать.

Скромно жил и не лукавил,
Не носил чужих лаптей,
Никого в стихах не славил,
Кроме родины своей...

* * *

Несокрушимо,
С какой-то страстью
Мы одержимы
Тоской по счастью.

Не зря – я знаю!
Но сколько можно
Идти по краю
С душой тревожной!

Она нередко
Во мне двоится:
Душа – и клетка!
Душа – и птица!

Рванусь на волю,
Презрев бессилье,
Но снова с болью
Ломаю крылья.

И вновь не спится
Мне ночью летней:
Что делать с птицей,
Живущей в клетке?..

Поэзия

Михаил Попов

Михаил Попов – публицист и критик. Отец – художник, мать – преподаватель английского языка. Детство в основном прошло в Казахстане, в 1961–1975 годах жил в Белоруссии, окончил Жировицкий сельхозтехникум в Гродненской области, служил в армии (1975–1977). С 1978 по 1984 год учился в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар литературоведа А. А. Михайлова), после чего работал в журнале «Литературная учёба» (1983–1989), затем заместителем главного редактора журнала «Московский вестник» (1989–1997). Преполагает в Литературном институте им. Горького.

Автор четырёх сборников стихотворений и многих книг прозы. Стихи, рассказы и романы переводились на немецкий, французский, английский, китайский, монгольский, латышский, арабский языки. Лауреат премии СП СССР за лучшую первую книгу (1988), им. И. А. Бунина (1997), им. А. П. Платонова «Умное сердце» (2000), Правительства Москвы (2002), Гончаровской премии (2009), Москва-ПЕННЕ (2011), Горьковской премии (2012), Большой литературной премии России (2017), Национальной премии им. В. Г. Распутина (2018).

* * *

Господи, мой Боже,
Мне неизвестен цвет глаз
Твоих, может, позже
Они поглядят на нас.
И зная, что я увиден,
И лучше, чтобы насквозь,
Закричу – не спите!

Видите, началось!
Из телесной пещеры
Куда-то, возможно ввысь,
Капельки нашей веры
мелким дождём понеслись.

* * *

Засохший яблоневый лист
Слетел на тёплый пол веранды.
Конец июля, воздух чист
И чист эфир от пропаганды.
Исчезли Меркель и Макрон,
Пусты каналы, как на Марсе,
Затихли прения сторон,
И только кот соседский Барсик
Приходит в гости. У кота
Нет мнения об Украине.
Даль удивительно чиста
И будет таковой отныне.

* * *

Сквозь шумы стройки и судьбы
Доносится мотив наивный,
Мне с ним побыть хотелось бы,
Пусть он вполне бесперспективный.
В нём нет напора и красот,
Не дышит будущее в нотах,
Но что-то он в себе несёт,
Какой-то небывалый отдых.
Да, мы, наверно, отдохнём,
На время выпав из природы,
Но бледным неземным огнём
На территории свободы
Продолжим свой укромный путь,
Во тьме не перестав светиться.
Да, мы уходим отдохнуть,
Затем, чтоб снова возродиться.

* * *

Уважаемый Спаситель,
Подскажи мне, добр будь,
Почему я только зритель
И великой жизни путь
Пролегает как-то мимо
Постаревшего меня,
Катит неостановимо,
И вот этого коня
Даже русская девица,
Даже потушив пожар,

Хоть на миг остановиться
Не заставит. Бранный дар
Составленья слов в куплеты
Не поможет ну ни в чём,
И на набережной Леты
Мы окажемся вечер.
Вьюга злилась, но отстала,
Ворог выглядит как друг,
У загробного портала
Ручку выпущу из рук.
Что-то ждёт нас в этой бездне,
То, чего не сыщешь тут.
Наши жалобные песни
Там уже не подойдут.

* * *

Как пережить мне эту осень,
Она страшна почти как смерть,
Деревья, кроны грохнув оземь,
В глаза не в силах ей смотреть.
Уж льдом затягивает лужи,
А дождь затянет синь небес,
А мне, как правило, чуть лучше,
Когда я погружаюсь в лес.
В разnodеревье этом влажном
Ещё витает дух грибной,
И соснам, этим хвойным башням,
Вольно смеяться надо мной.
Я заблужусь в сосновом храме,
Где каждый ствол почти алтарь,
Здесь свой порядок, свой регламент,
Смолы намоленный янтарь.
Есть в нас растительное нечто,
Моя прогулка – просто грех,
А неподвижность, она вечна,
А вечность принимает всех.

* * *

Никуда от осени не скрыться,
В чистом поле, в доме у камина
Зябко мне, а что в душе творится,
Хороша одна лишь только мина.
Для чего-то я её таскаю,
Будто бы всё здорово и справно,
Чтоб никто не знал, тоска какая,
Осень в мире, а в душе подавно.
Всё переживу, твержу себе я,
Что же мне теперь уж остаётся,
Вдруг надежды маленькая фея
Да на mine этой подорвётся.

* * *

Да, Конюхов меня, конечно, поразил,
Сквозь шторм десятибалльный на лодчонке,
И главное, никто ведь не просил,
Чтоб старый выворачивал печёнки.
Теперь он хочет выше стратосфер
Взлететь на шаре, повертеться малость,
Проверить путь, которым, например,
Душа Гагарина когда-то поднималась.
Потом на гору, скажем Эверест,
А может, и вообще на Джомолунгму,
Что ж, снежный человек его не съест...
А нет бы просто погулять по лугу,
И с удочкой у речки посидеть
(не будем о рискованной охоте),
И, замерев, тихонько обалдеть:
Ведь время здесь ещё быстрее уходит.

* * *

Поминаю я в своих молитвах
Тех, кого по жизни растерял.
Дружба, измеряемая в литрах,
Бесконечный пьяный сериал.
Может разве быть однообразней
Что-то той застольной болтовни,
Навсегда приевшиеся басни...
Господи, ты всё-таки верни
Те проникновенные мгновенья
Там, в подъезде или гараже,
Что звучали, словно песнопенья,
В тёмной, но восторженной душе.

* * *

Что вы мне хотите поручить,
Чтобы я своим стихом корявым
Стал бы сирых истине учить,
Подвигать народы к лучшим нравам?
Только, братцы, надобно понять,
Я и сам в сомнениях жестоких.
Чтоб благие роли исполнять,
Вы других зовите, разных, многих,
Кто умеет, кто сподоблен знать,
В чём же польза и каков порядок,
Я же, это надобно признать,
На простое наслажденье падох
От романа или же стиха,
Это выше правды и морали,
К тем душа моя почти глуха,
Зря бумагу ради них марали.

* * *

Нет, есть там какое-то место,
 Где кучею свалены мы,
 И там до Суда, как известно,
 И дурни лежат и умы.
 Там тесно почти как в трамвае,
 Но нету нужды там в еде,
 Тепло, ну, примерно как в мае,
 Томит всех потребность в труде.
 Муж и девицы все вместе,
 В безгрешных телах мы летим,
 К былой равнодушны невесте,
 Забыли вообще про интим.
 На землю глядим то и дело,
 Но нам наплевать, как дела
 У Трампа и Венесуэлы
 И сколько растаяло льда.
 Посыпались страшные бомбы,
 Моря подступают огня,
 Работают мощные помпы,
 Людей к нам на небо гоня.
 И что же теперь у нас будет,
 Куда ты?! Послушай! Не лезь!
 Архангелы Бога разбудят,
 Но беженцы уже здесь.
 Загадят небесную землю!
 И вытопчут тихий наш сад!
 Вообще оживить их дешевле,
 Валите-ка, братцы, назад!

* * *

Что-то грустно мне сегодня,
 В сердце полумрак и дождь,
 Воля тёплая Господня,
 Ведь не ты меня гнетёшь.
 Это кто-то инородный
 В дом мой внутренний проник
 И, вселяя страх животный,
 Сцапал тайный мой дневник.
 Водит пальцем по страницам
 И копаётся в словах,
 Мне бы надо рассердиться,
 Только чую – дело швах.
 Я разложен и разгадан,
 Разнесён по полкам я,
 И помечен каждый атом
 Жалобного бытия.
 И на что моя надежда?
 Гость – тяжёлый идиот,
 И, конечно же, невежда
 ничего не разберёт.

ИДЕЯ

Сколько тысяч должно умереть,
 Чтобы стала заметной идея?
 Дальше нужно ей заматереть,
 Обаятельного злодея
 Во главе занять. Ведь слабак
 Или интеллигент тонконогий
 Не сорвут политический банк,
 Не найдут через хаос дороги.
 Дальше, массами овладев
 И скрывая пока что пороки,
 Всех мальчишек, а также и дев
 Она шлёт на великие стройки.
 Всех мужчин превращает в солдат,
 Чтоб погибли во славу державы,
 Наплодит она множество дат
 И объектов немислимой славы.
 Лишь когда её сроки пройдут,
 Старой власти провиснут вериги,
 Её правнуки тихо прочтут
 Про идею правдивые книги.

* * *

Кажется, отпали все сомнения
 И последний враг роняет щит,
 Сквозь все щели хлещет откровение,
 Как забор прогнивший, мир трещит.
 Всё, что есть, теперь живёт по-новому,
 Смыслы все и помыслы чисты,
 Смерть свелась к событию ерундовому,
 И былого мощные пласты
 Вывернуты, и на усмотрение
 Все дела благого судии.
 Он решает, не вступая в прения,
 Точки ставя страшные над «i».

* * *

Всё ли я как нужно рассмотрел,
 Всё ли я ощупал и изведаль?
 В сталинградском танке не горел
 И с Антониони не обедал.
 Сколько от моих неловких рук
 Ускользнуло молодых красоток,
 Мира я не обогнул вокрут,
 Не попробовал и сотой части водок.
 Но откуда пасмурный снобизм:
 Всё известно мне и всё мне пресно?
 Не хочу я повторять на бис
 Путь, где и в начале только бездна.

Вадим Новожилов

Вадим Александрович Новожилов – родился в 1954 году в городе Риге. Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет. Место жительства: Калининград – Рига. Член Союза писателей России. Автор четырёх поэтических сборников.

Я проиграл

Поэма

1

Когда внезапно рухнула страна,
когда мы стали верными врагами
и честь была занесена снегами,
а совесть в чёрный список внесена
и на забвенье приговорена,
нас увлекли в бесчестие торгами.
И всё перевернулось вверх ногами,
и смутные явились времена.

Мы окунулись в покаянный бред,
понародились новые иуды.
Лжецы, кликуши, воры из-под спуда,
кривляясь, повывлазили на свет.
И подняли волну пророки бед,
поистошив в потоках словоблуда
умы людей.
И воцарилось Худо.
И погрузились мы в значенье «Zet».

Вор, проходимец, жулик, негодяй
перекроил всё и переиначил.
Он Прошлое в ответчики назначил,
себя на роль арбитра возведя.
А мы толпой, восторженно галдя,
не захлебнулись поминальным плачем,
мы радостно топтались по лежащим,
поверженным,
ликуя загодя.

Но час грядёт оплаты по счетам.
И спросят с нас, и мы за всё ответим.
Неважно, где. На том, на этом свете:
всегда и всюду следом, по пятам –
за нами тот, кто чтит не по летам,
не по числу зарубок и отметин,
а по тому, кто был душою светел,
кого не поглотила суета.

2

Когда, чужое разгребая горе,
я в панике опаздываю к бою
и совесть угнетённая грызёт,
колдую я, мыча и крохоборя,
над заревом, что красною дугою
Светила изготавливает взлёт.
Я вру себе, вернувшись из боёв,
что время спотыкается в разбеге,
и, подпирая выгнившие слуги
души, душу утрат утробный рёв.

И бредит рассудительность тупая,
в моём мозгу разбрызгивая плесень.
И эта плесень тяжела, как ртуть.
И каюсь я, и пеплом посыпаю
пронырливые выкидыши песен,
стремясь настичь упущенную суть.
А отдышавшись, ввязываюсь в бой.
По жилам вновь течёт стихов отрава...
Я проиграл во времени, но право
исхода оставляю за собой.

Я исхожу раздумьями из скуки,
поглядывая искоса при этом
на замкнутые логова людей.
Мне весело. Я потираю руки,
паясничаю каверзным ответом, –
что человек? – изысканный злодей.
За давностью времён расползся шов,
скрывающий пороки и изъяны.
Тот, кто произошёл от обезьяны,
похоже, зря вообще произошёл.

Кошунствую, поигрываю прахом,
к страданиям проявляю благодушие.
Не так ли мы, безумье исчерпав,
не постигая гениальность краха,

признаньями проламывая уши,
прозреньем промываем черепа.
Извечной неминуемостью бед
мы, совесть уязвлённую утешив,
покинув грёз дымящиеся бреши,
провалами являемся на свет.

Ехидно, распоясанно и косо
я оскопил наскальные рисунки,
босую суть от плевел отодрал.
Меня влекли фискальные доносы,
манили патронташи и подсумки...
Я отыграл назад... и проиграл.
Я проиграл святыни и уклад,
потрафив хворью храмов уркаганам,
ощерился циничным балаганом
щетинистый, скуластый паханат.

Ярмо холопства барство увенчало
и, пестуя намеренье благое,
в исподнем заявилось, грохоча,
и я своё пещерное начало
вовлёл в триумф потомственных изгоев
и освятил внебрачьем кумача.
Гниением отгрыгнула кабала.
Озлобленно, отвязанно, отпето
скандальные мои апологеты
кандальные затеяли дела.

Сердцами амбразуры затыкая,
они цепей своих ковали звенья,
уверовав в безродный произвол.
И маялись, преданьям потакая,
выживая позднее прозреньё
из окрылённых тайнами крамол.
И исступленья рваные куски,
рассеяв повсеместно и несметно,
все проросли... и выросли... посмертно,
примерив лавры гробовой доски.

Здесь плоть моя, простреленная страхом,
покинула разнузданный маразм
расшитых исступлением времён.
Я воспарил, господствуя над прахом,
заносчивые сцезживая фразы
на груды опровергнутых имён.
Я постулаты потайных дверей
преодолея исповедальным бредом,
предал забвенью прошлое и предал
гуртом и паству, и поводырей.

Но звон цепей нагнал и оглоушил
набатом. И под рёбра с рёвом врылось

незыблемое – homo lupus est!¹
И прошлого окукленная туша
вдруг задышала и зашевелилась,
зализывая сколы лобных мест.
И поползла! И стон её, как треск,
сводил с ума, неистово истощен.
Мне тяжела, мне непосильна ноша
минувшего, которое – мой крест.

Напрасно я, во избежанье злого
провиденья, разъять его объятья
надеялся за створами «притвор»:
исход был предрешён. И было слово, –
сей крест – не искупленье, но распятыё,
и прошлое – не дар, но приговор!
И в скрежете заржавленных орал,
в смятенье дум и помыслов броженье,
вельможным негодяям в ублаженье,
я отыграл назад... и проиграл.

Я проиграл вам, злые и – не очень.
Все вы, кто поимённо, кто построчно,
меня втянули в проигрышный бой.
И этот крест, что в спину мне вколочен,
не мой, а ваш: вы, шедшие досрочно,
его подняв, не унесли с собой.
Косят, косят глаза из-за забрал
тех, кто последний приговор выносит.
Они придут. Они, конечно, спросят...
А что я им скажу... я проиграл.

3

Пророки бед, минувшее – не пыль,
не тленный прах, не ветра дуновенье.
Не вы ли объявили исцеленьем
обман и ложь взлелеяли не вы ль?
Не вы ль гремели нам наперебой:
кто не дотянет, мы того дотащим
в грядущее?
И с этим, в настоящем,
и гнали, и тащили на убой.

Конечно, в этом и моя вина.
И я в пылу свой крест едва не кинул,
когда нам жаром лжи дышали в спину
взлелеянные вами времена.
Всё в прошлом.
Вы сегодня не в цене,
А кто в цене, тот больше не пророчит.
И только память, память кровоточит,
и мне, который год, не спится мне.

¹ Человек человеку волк.

Иных миров
и, не жалея сил,
Надиктовать кому-нибудь стремится
Всё, что при жизни недосочинил.
...А призраком я буду, судя строго,
Конечно, не один какой-то день,
Поскольку планов в жизни было много,
Но выполнять их не давала лень.

* * *

Посмотрите на гениев:
хоть бы один
Был усидчивый муж иль отец-семьянин.
Если ж гений – не ОН, а бывает – ОНА,
То и мать – никакая,
никакая жена.
Нет, не думайте, я осуждать не хочу.
Гениальность –
она ведь не всем по плечу.
Разве могут великое что-то создать
Многодетный отец, многодетная мать?
Либо – либо, на выбор:
есть сила – твори,
Но и в спальню, и в детскую дверь притвори.
Нет здоровья, нет денег, забыл о любви –
Ты творишь,
и при чём тут любовь и рубли?
Если ж после всего
то, что создал ты, – пшик! –
Дети выросли,
сам ты давно не мужик,
Утешайся, что мир наш не развит пока
И твой гений проявится через века.

* * *

Погодою предзимней пегой
Осознаёшь вдруг,
как дурак:
Какое счастье – просто бегать
И прыгать – тоже просто так.
На детской топотной площадке
Иль среди спешащих молодых
Почувствуешь,
что ноги шатки,
И это –
как удар под дых.
Бежать не можешь,
нету силы
Трусцой –
хотя бы метров пять...
Давно ль, казалось бы, тусили,

И с кем теперь себя ровнять?
А танцевали – до упаду!
А в догоняшки – взапуски!
И думать было нам не надо,
Что сердце может сжать в тиски.
Мы ж это видели у старых
И помогали

по пути

К скамейке проводить усталых
Иль перекрёсток перейти.
Но мыслей не было

и даже

Не потревожило в груди,
Что это – будущее наше,
Что это ждёт нас впереди.
За всё не стоит заручаться,
Но знать и помнить не тшета,
Что просто бегать – это счастье
И прыгать – радость ещё та!

* * *

Когда сердце скрутило
Моё тело в спираль,
Смерть спокойно, рутинно
Подошла:

«Не пора ль?»

Разогнулся тогда я,
Отмахнулся кивком:
«Кто вы?

Я вас не знаю.

Вообще не знаком.
С перепугу какого
Я за вами пойду?
Доктора, право слово,
Одолеют беду».
Я лукавил:

её-то

Я, конечно, признал,
Но кому же охота
Поспешать на вокзал,
На котором мы с телом
Расставаться должны?
Я не всё ещё сделал
Для страны, для жены.
Для детей и для внучек,
С кем живу я, любя.
А в итоге –

что мучит –

Ничего для себя.
Снова сердце кольнуло:
Видно, плохи дела...
Смерть в глаза заглянула
И мимо прошла.

* * *

Жизнь – беспощадна.
 Время ни при чём:
Оно лишь мера всякого движенья.
Коль это понял,
 ты не обречён
Глотать по жизни слёзы поражения.
Ты можешь повторить свои прыжки,
Переломить
 судьбы злосчастный вектор
И выскочить за красные флажки –
В науке,
 спорте,
 выбрав новый сектор.
Поменьше размышляй,
 что будет днесь
И присно, и во веки
 славы метой.
Всё прошлое и будущее здесь –
В твоей руке,
 и ни на что не сетуй.

ВОСПОМИНАНИЕ

Почему-то вспомнил снова
Юность, скрывшуюся в старь...
Саша, Сашенька Бызова,
Комсомольский секретарь.
Мы приехали, поэты,
С выступленьями в Кузбасс.
Там, в Мысках, и встретил эту
Комсомолочку как раз.
Ведьмы огненная грива,
Милой панночки овал...
До чего же мы счастливо
Обживали сеновал!
Я стихи читал вначале.
Жадно слушала она.
А потом не различали
Ни рассвета, ни темна.
Мы не думали о грузе
Долга, брака – ничего!
Секса не было в Союзе,
Но – куда же без него?
Пахло клевером и мятой,
Донник пылу прибавлял...
Нас хозяин не без мата
С сеновала отправлял.
Как нашководившие дети,
Мы бежали...
А сейчас
Родились стихи вот эти,
Через шесть десятилетий

Снова сблизившие нас.
Без претензии на умность,
С виду скромные вполне,
Возвратившие нам юность.
Ну, по крайней мере мне.

* * *

Жизнь – краткий миг
 для беспокойства.
Смерть – вечность,
 там все отдохнут.
И столь убийственное свойство
Нас подгоняет,
 словно кнут.
Но не на отдых,
 как казалось,
Нет – удлинняя краткий миг
И Господа моля,
 чтоб старость
Не торопилась в этот мир.
Поскольку каждому охота
Перед уходом навсегда
Оставить о себе хоть что-то,
Что не забудут никогда.

ЭПОХА ПЕРЕМЕН

Не дай вам Бог
жить в эпоху перемен
Конфуций

Метель бинтует окна марлей –
Порою не видать ни зги...
Глобализации нам мало –
Цифровизируем мозги?
Над нашим домом,
 над страную,
Над всей планетою метель...
Плевать,
 что может быть со мною, –
Что будет с внуками теперь?
Метель проходит – снега горы!
И – оттепель!..
 И вдруг – мороз!..
И всё меняется так скоро –
Любой не сбудется прогноз.
Дни начинаются не песней
И тяжёк карантин плен,
Но,
 как ни странно,
 интересней
Нам жить в эпоху перемен.

Поэзия

Алексей Грибанков

Алексей Валерьевич Грибанков – родился в Москве в 1969 году. Окончил Государственную академию управления им. С. Орджоникидзе и Академию управления МВД России. Срочную службу проходил в ВДВ, участник боевых действий, имеет государственные награды, полковник полиции в отставке. Член Союза писателей России. Обладатель Гран-при Всероссийского литературного конкурса МВД России «Доброе слово» (2009). Победитель и призёр различных литературных конкурсов: «Я о тебе пою, любимый город» (г. Кизляр, 2009), «Серебряная псалтирь» (г. Дубна, 2010), «Эпоха Куликова Поля» (2012), диплом лауреата премии «Имперская культура» им. Э. Володина по разряду «Поэзия» (2014) и др.

Публиковался в журнале «Москва», роман-журнале «XXI век», альманахе «Литературные россыпи», альманахе «Искусство войны», различных поэтических сборниках и ведомственных изданиях.

РУСИЧИ

Что мы знаем
О времени том? Ничего!
Только тени дрожат,
Разнотравье меня степей.
Оглянись – за Дунаем
Кострища родных очагов
И созвездий лежат
Два ковша, призывая – испей!
Жадно кровь говорит,
Ненасытная шепчет: «Пора!»,
Гонит властно тропею,
Копытами битой в ночи!
Там над тризной горит
Одиноко звезда до утра
И парящей скопою
Над павшими в горе кричит...
Позабыть не дано,
Сколь ни вились, ни лгали века,
Изначальной Руси
Вечевую дружинную стать –
Быть в бою заодно,
Рядом биться с рукою рука,
И холодную синь
Облаков, воспевая, листать.
Сколько б ни было бед,
Сколько б слёз ни роняли дожди,
Помним тяжесть меча
И молитву несём небесам.
Вечный тянется след...
Ты, в дорогу седлая, не жди.
А копьё и колчан
Понадёжнее выбери сам...

НЕУЖЕЛИ

Неужели нам любовь
Не подарит радость встречи,
Не зажжёт сегодня свечи
Поздний вечер, грея кровь?!
Неужели зимний день –
Снежный, вьюжный, серебристый –
Луч вина в хрусталь искристый
Не нальёт, пронзая тень?!
Неужели губ твоих
Поцелуем не коснуться
И в объятьях не проснуться
С нежной тайной для двоих?!
Верю, сбудется мечта,
Я «Встречай меня!» услышу,
И, волнуясь, грудь задышит,
И коснутся уст уста!

ЛЮБИМОЙ

Серые любимые глаза,
Волосы соломенного цвета.
Платьица тугая бирюза
На фигурку стройную надета.
Ласковые губы, завиток,
Падающий весело в ресницы.
Счастья обжигающий поток,
Нежности заветная страница.
Прошепчу: «Останься навсегда!»
Зацелую, голову теряя.
Синяя вечерняя звезда
Загорится, небо озаряя.
Тайна слов, которых не забыть,
Выбрана изменчивой судьбою,
Но любить так и отныне быть,
Верю, вместе нам дано с тобою!

Ю. А. В-й

ОДИНОЧКА

Волк – одинокий и гордый,
Силой напоена грудь,
В снег упирается мордой,
Застит заснеженный путь.
Стонет в ночи непогода.
Месяц – огарком свечи.
Как бы ни били невзгоды, –
Зубы сжимая, молчи.
Горестно-жалобным воем,
Не научившись кричать,
Рвётся, рыча перед боем,
Смертную схватку начать.
Рваной не чувствуя боли,
Блещет оскалом клыков,
Вырвавшись в белое поле
Из леденелых оков.
Там, за крутыми плечами,
Сгинет отчаянья круг.
Лишь одиноко ночами
Снова покажется вдруг.
Будто застыла морозно
Саваном снежным тоска.
Кровью, палящею, звёздной,
Не отогреться пока.

ВСПОМНИ

Всё же вспомни обо мне
Вопреки морозной стуже,
В час, когда потонет ужин
В терпком, пламенном вине.
Вспомни раз, хоть иногда,
Лучик взгляда озорного,
Нежно сказанное слово
И объятья без стыда.
Я незримо трону вновь
Лаской трепетные плечи.
Как в далёкий зимний вечер
Наяву согрею кровь.
Нам привидится, как шли
Под кипящей снежной пылью.
Там, где сказка стала былью,
Где любовь свою нашли.
Не печалься, я с тобой,
Словно ангел твой хранитель,
Сердца светлую обитель
Облеку своей судьбой.
А когда забудешь вдруг
Ты меня в кружение буден,
Мы во сне встречаться будем,
Уж не ведая разлук!

ЮЛЕ

Женщина моя светловолосая,
Чистую слезинку уронив,
На заре с серебряными росами
Обними, любовью напоив.
Зацелую, утону как в омуте,
Пропаду на долгие года.
Сказочно рассыплется по комнате
Счастье обещавшая звезда.
Мы замрём, стгорая в нетерпении,
У порога, об руку рука,
В вечность уносящемся мгновении,
Может быть, отныне на века!

РОСЫ

Мы на тризну сойдёмся,
Оставив мечи,
И прощальную песню споём,
А простясь, рассмеёмся
И скажем: «Скачи!»
И в дорогу коня подкуём.
Будет пламя на лицах
Горячих плясать,
Под кольчугой сердца веселя.
И не спрячут ресницы
Руси небеса
И до самого неба поля.
Стукнем чашу о чашу
Тревоги и мук,
Провожая товарищей в путь.
Дым и пепел помашут
За тысячи рук,
Чьё пожатие ты не забудь.
Скоро кони храпеть
И ронять седоков
Будут в кровь на росистой траве.
Будут слёзы кипеть,
И цепями оков
Будет новое иго звенеть.
Мы на тризне клялись
Не смешаться в бою,
Ибо смертью погибнем не зря.
А на битву сошлись,
Как за землю свою
В утро с тьмою сходилась заря.
Мертвы сраму не имут,
Да смерти и нет.
За широким былинным столом
Други милых обнимут,
И солнечный свет
Наши души согреет в былом.

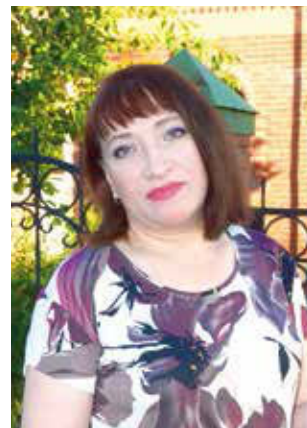
Берега юбилеев

Людмила Банцера

*Уважаемая Людмила Васильевна! Сердечно поздравляем с юбилеем!
Светлого вдохновения, новых книг и публикаций, прочтения и признания!*

Людмила Васильевна Банцера – окончила Литературный институт им. М. Горького, отд. поэзии. Печаталась в столичных журналах: «Юность», «Литературная учёба», «Наша молодёжь», «Невский альманах», «Берега», «Молодая гвардия»; газете «День Литературы». Лауреат Международной литературной премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международной литературной премии «Парад Литератур» видеопоземия – 2019. Книги: «Кругосветная листва» (2003), «О себе, как о вечности» (2006), «В белых платьях облака» (2008), «Другие времена» (2011).

Живёт в Рязанской области, д. Насурово.

* * *

Я воды принесу – мне б успеть допоздна.
По сугробам иду до большого колодца.
И в округе такая стоит тишина.
И не так уж легко мне на свете живётся.
А я воду ношу, – тяжело под рукой...
Я сражаюсь сама с безутешной печалью.
Как вода тяжела, мне б назваться рекой,
И ветра надо мной будто небо качают.
А я воду ношу – до тепла далеко...
Там дома опустели за долгую зиму.
Надо мной небеса, – не достану рукой.
И в колодце вода отстоялась – незрима.
И проходит мой день, затихает вдали.
А я воду ношу, – вымеряю шагами.
Как светлеет душа и снега подошли,
И деревня глядит на меня огоньками...

* * *

А я сегодня вновь тебя прощаю
за тех, кто в перекрестье праздных дней
взахлёб, вразнос, ликуя, сообщают
мне о тебе, чтоб сделалось больней.
А я сегодня вновь тебя целую,
целую грустно, как в последний раз.
И сквозь зарю, прозрачную, льняную,
за нами наблюдают сотни глаз.
А я сегодня вновь с тобой прощаюсь,
как будто бы на целые века.
Все перекрёстки сердцем ощущаю –
они звучат, звучат издалика.

* * *

Ты меня отпусти, я живу еле-еле,
словно красный закат, где дома в тупике.
И теснятся друг к другу волнистые ели.
И дожди так легко привыкают к руке.
Ты меня отпусти, я сегодня чужая.
Мне б пройти эту вязкую топь стороной.
Ничего, что я юность свою провожаю,
ничего, что мне каждый прохожий – родной?
Ты меня не держи, словно вечер в тумане,
где колышется тенью мой берег ночной.
Звёзды медленно тают в небесном кармане,
не успев отразиться на глади речной.
Ничего, ничего, я опять в озарении,
словно брошено кем-то на лавке пальто.
Ничего не берёт меня, даже старенье,
даже лёгкие звуки бродячих альтов.
Ты меня отпусти, дай раскинуться Миру.
Ведь и так я сегодня с собой не в ладах.
Перелётная стая опять на квартиру –
где зимовье теплее в других городах.

* * *

Что осталось: угол малый, стол, кровать.
Кажется, что мир углами сдавлен.
Девочка бегущая, похожая на мать,
проскользнула в улочку с улыбкой давней.
Если можно было бы сирень не рвать,
в этот тёплый день – блуждающую прихоть.
За домами вышла молодёжь гулять,
нарушая временно былую тишь.

Те же улицы, кварталы, окна всклянь.
Тихо поезда стекаются к развилке.
И гуляет ветер молодой, стирая грань,
на пороге позабыв свои ботинки...

* * *

Я сегодня неспешна в своих рассужденьях,
как пчела за окном своего бытия.
Я не скоро замечу деревьев паденье.
И заеду не скоро в родные края.
И теперь мне не скрыться от всех отлучений,
от щедрот этой жизни – не скрыться в миру.
Пахнут павшие травы овсяным печеньем,
я в букет эти травы себе собираю.
И не надо искать мне людского веселья.
Я сегодня сама, как сияющий май.
Лишь дороги степные немного просели,
задымили печалью в деревне дома.
И тоскует душа, всё сильнее, всё заметней...
Но не стоит бояться дождей проливных.
Мне сегодня непросто по травам столетним
прогулять свою юность в одеждах льняных.

* * *

Пахнет весной и чужими надеждами.
Срок мой земной, ты продлись, я прошу.
Лютый февраль накрывает одеждой
землю мою. Чем теперь я дышу?
Жизнь мою скучную взяли и продали,
только лишь ветер гудит за спиной.
Пахнет весной. И метели до одури
властвуют временем в связке со мной.
Пахнет весной и скупыми раздорами.
В окнах сияющий свет новизны.
Может, опять мне идти коридорами,
долго идти – до заблудшей весны...
Лютый февраль, я опять в одиночестве.
Ветер скользит по застывшим лесам...
Может, прохожий окликнет по отчеству,
может, узнает меня по глазам...

* * *

Пусть ты дальше звезды ветровой,
но живёшь по соседству,
глядя окнами в маленький двор,
от меня метрах в ста.
Я успела насытиться стоном поющего сердца,
наглядеться, послушаться ясным полётом листа.
Я ещё не простужена терпким огнём звездопада.
Сквозь меня – не разбужена –
снов проплывает река.
Я сиреневой птахой пою у подножия тленного Града.
Я метелью гляжу на реденеющие берега.

* * *

У города моё лицо, моё звучание.
На сотню переулков – мыслей рой.
И жест мой, и тяжёлый грим отчаянья,
как будто бы разученная роль.
И карусель рязанских тупиков
кружит мои надежды и метания.
И снежен звон ненайденных подков.
У города моя судьба, моё скитание...

* * *

В твоих глазах – века, века...

Э. Балашов

Московских улочек созвездья,
и лёгкая твоя рука.
Я, может, нынче здесь проездом,
а может быть, и на века.
И мне ль загадывать желанье?
Дождями по брусчатке бить.
В походке замечать страданье
и так услышано любить.
Московских улочек созвездья.
В твоих глазах – века, века...
Слепые ветви у подъезда.
И лёгкая твоя рука...

* * *

К земному стенанью прислушайся, Боже!
Сегодня радушный привиделся май.
И хочется бабьего счастья до дрожи –
попробуй за ворот тяжёлый поймай.
И кружится в мире такое веселье.
И кажется мне, что пришла благодать.
И сельские избы немного просели.
И горькие мысли куда бы раздать?
Засветится день, ведь теперь все едины.
Закружатся липы опять вдоль дорог.
Ещё не прошла я своей середины,
и солнце прольётся ко мне за порог.

* * *

И снова веснотравие со мною.
И вновь закат над головою рыж.
Я постучусь в твоё окно резное
легко-легко – ты лишь меня услышь.
А ты, возможно, так и не услышишь
и не увидишь на исходе дня,
как солнцезвезд струится тише-тише,
высвечивая давнюю меня.

Берега юбилеев

Андрей Новиков

*Уважаемый Андрей Вячеславович!
Примите наше поздравление с 60-летием!
Новых творческих идей и проектов, их успешной реализации,
сил и энергии, добра и светлого вдохновения!*

Андрей Вячеславович Новиков – родился 26 декабря 1961 года в с. Алабузино Бежецкого района Тверской (Калининской) области. После службы в армии в 1985 году поступил в Литературный институт им. А. М. Горького на факультет поэзии (семинар В. Кострова). После окончания института в 1990 году 25 лет работал журналистом.

НОЙ

Земля молода, в ней упрямая нега,
Теплы небеса и манят пеленой,
Зачем же кедровое тело ковчега
Поставил на брег недоверчивый Ной?
С утра облачился в льняную рубаху,
Денёк безмятежный на все времена,
Умыты рососоу библейские страхи,
Пророки вздремнули, хлебнувши вина.
Смеётся над ним молодая природа,
Бросает к ногам изобилье плодов,
И воины гордо идут из похода,
Ведут на верёвках коров и рабов.
Купцы суетятся в торговом угаре,
Артельщики строят из камня дома.
А он всё твердит: «Каждой твари по паре»,
И всё собирает в мешки семена.

СУПЕРМАРКЕТ

По утрам лёгкий дым с теплотрассы,
В супермаркет спешащий народ,
В упаковочном рае пластмассы
Покупателей время крадёт.
Сквозь красоту рекламной картинки
Возникает без всяких затей
Целый лес равнодушный инстинктов,
Бремя скрытых эмоций, страстей.
Жизни истина, вот она, рядом,
Даже сдачи скучающе сдаст.
Продавицы блуждающим взглядом
Ретушируют лица у касс.
Пусть звенят турникетные рамы,
Предсказуем поток новостей –
Обязательно выскочат замуж,
Нарожают успешных детей.

Не беда, если сердце разбито,
Обустроят навязчивый быт,
Наберут невозвратных кредитов
И привычкою сделают стыд.
В потребительском счастье гипноза
От духовного мир отрешён,
Лёгкой жизни суровая проза
И сплошной летаргический сон.

КАМЕННАЯ БАБА

Под дождём, глухим, раскосым,
Грозовой ярился фронт,
Степь кренилась под колёса,
Искажая горизонт.
В ковыле, через ухабы,
Сквозь тысячелетий тьму,
Смотрит каменная баба,
Неподвластна никому.
Как внезапное явление,
Что мерещится вдали,
Будто бы столпотворенье
Выросло из-под земли.
Кто её покой разбудит?
Страх вокруг заночевал.
Серы каменные груди,
Строг лица пустой овал.
Небеса идут багровой
И опять берут своё,
Звон мечей и брызги крови,
Слёз гранитных забытьё.
Дым становий в поле диком,
Крик поверженных врагов...
Время думать о великом
И чужих свергать богов.

ТРЕВОГИ БЫТИЯ

Под утро ум перебирает вещи,
Сон переходит грани забывья
И робкий свет напоминает клещи,
Смыкающий тревогу бытия.
Над остовом утихнувших мелодий
Встаёт в зрачках неясное. Вполне
Являя образы из разума угодий,
Которые живут нечаянно во мне.
Так пыльный плющ, одолевая камень,
Стремится вверх, в холодный небосвод,
И управляем лёд, и так холодно пламя,
А сущее в руках, а не наоборот.

БОГОМАЗ

Моления предвечерняя волна,
Качается лампада откровенья,
Душа, как прежде, истиной больна,
Истерзанная, с миротворенья.
Пусть светится от золота оклад
И в паутине красок римский отрок
Пронзает змия, попирает смрад,
Являя подвиг мировой и кроткий.
Левкас никак не отпускает кисть,

Из чаши дня или из чаши ночи,
Желтком яичным краски занялись,
Отображая перечень пророчеств.
Есть истина сакраментальных фраз,
Есть бытия распавшиеся части.
День нарисует новый богомаз,
Без участи, тоски и сильной страсти.

ПОСОХ

В полях безбрежных и туманных,
Дорогами в дожди и зной
Бреду к земле обетованной
Сквозь долгий день и мрак ночной.
Дан жизни суковатый посох
В смоле вишнёвых янтарей.
Безмолвие пути как способ
Уйти за кромку будних дней.
В небесную стремиться полость,
Кровь вечности устав болеть.
Небрежен свет, в нём только вольность,
Которую дано воспеть.
Леса, что вторят мне устами,
Бессмертно на пути стоят,
Туда, где даль встаёт вратами,
В невидимый небесный град.

ЦЕППЕЛИН

Гляди сыновьею любовью на горизонт, где, как налим,
Плывя, струи тугие ловит по нашей воле цеппелин.
Подставил смело ветру щёки над сонностью речных прохлад,
Несвоевременный – и в итоге несовершенный аппарат.
Скрипит фанерная гондола, где командор засел птенцом.
Он на какой парад в просторе летит серебряным яйцом?
Нам дерзновенья века любви, подвластен, мил лубковый сказ,
Играйте, ангельские трубы, звени моторами, каркас.
Канаты свесились под брюхом, как письма из узелков,
Гордись, страна, небесным духом, путь властелинов – он таков!
Мы покоряем раз за разом простор, не осознав предел,
Мечтою в кубатурах газа, судьбой неповторимых дел.

Берега памяти

Владимир Подлuzский

11 ноября исполняется год, как с нами нет замечательного, талантливого писателя, верного друга журнала «Берега» Владимира Всеволодовича Подлuzского. Будучи членом Союза писателей России, сорок лет он работал журналистом на Брянщине и в Республике Коми. Был главным редактором газет «Аргументы и факты» Коми, «Магазин», «Экспресс-Неделя», первым заместителем главного редактора «Республики» и замредактора «Вечернего Сыктывкара». Избирался депутатом Сыктывкарского горсовета и председателем республиканской организации «Чернобыль». Публиковал стихи в «Комсомольской правде», «Литературной России», «Российском писателе», «Литературном Ленинграде», журналах: «Берега», «Юность», «Север», «Мир Севера», «Нижний Новгород», «Десна», (Брянск), «Омск литературный», «Новая Немига литературная» (Минск), «Днепр» (Киев), «Глаголь» (Париж), «Роман-журнал XXI век», «Наш современник». Стихи Владимира Подлuzского вошли в «Антологию русской поэзии XXI века», «Антологию военной поэзии» (Москва), антологии «Поэзия делает землю красивой» (Санкт-Петербург) и «Тихая ночь» (Москва-Киев). Владимир Подлuzский – лауреат Национальной литературной премии «Щит и меч Отечества» 2014 года за роман в стихах «Тарас и Прасковья» и республиканской литературной премии общественной организации «Русский Дом». Он дипломант VIII Регионального конкурса поэтических произведений «Омские мотивы». В 2003 году награждён Почётной грамотой Республики Коми. В память о замечательном критике публикуем его статью о книге Александра Лобанова «Небесные колокольчики».

Магия свежей красоты

Книгами о войне в России никого не удивишь. Особенно сейчас, когда на тернистую писательскую тропу вышли полчища пиратов от лёгкой словесной поживы. Полки пестрят обложками с кровавыми кляксами и броскими заголовками. Батальную музу пытаются взнуздать литературные негры и отчаянные подёнщики. Каждая битва имеет своих бытописателей. Как профессионалов, так и безалаберных, по подходам и манерам, любителей. Одни на память потомкам оставляют «Слово о полку Игореве», «Севастопольские рассказы», «Войну и мир», «Тихий Дон», а другие – залежи макулатуры. Последних сразу отсежём от рецензии. К чему нам осетрина второй свежести. Целые две эпопеи о русской войне уже написаны. Читатель живёт в предчувствии третьей. Ждёт нового крупного мастера. С особым гуманным взглядом, чтобы тому не мешал ни артиллерийский прицел, ни танковый триплекс. Более уместен не кадровый вояка, а офицер-интеллигент. Например, доктор. Смотрящий на битву чуть-чуть сбоку. Не мнящий себя героем, по-руставелевски видя бой со стороны. Военврач скорее познает его изнутри. Намного глубже, чем, скажем, командующий армией, которому подавай оперативный простор, а не операционную. Доктор в лазарете шевельнёт одним пальцем не туда, и – пиши пропало! Он и пером будет водить осторожно, как скальпелем. Знает – что такое судьба конкретного человека. Генералу часто неведомая. У лампас иные функции.

Уместно здесь вспомнить врачей-писателей Чехова и Вересаева. Антон Павлович вообще классик. Как и Михаил Булгаков, оставивший помимо «Записок врача» умопомрачительные вещи типа «Мастера и Маргариты», к чему мы благодаря творчеству Александра Лобанова ещё вернёмся.

А пока перед нами книга, о которой, Бог даст, будут говорить так же основательно, как и о сочинениях Толстого и Шолохова, Куприна и Чехова, и всё того же Михаила Афанасьевича. Рассказы и повести нашего автора иногда вплотную пристыкованы к булгаковским потусторонним творениям. Они примыкают и ко всей классической отечественной литературе, являясь прямым её продолжением в 21-м веке.

Публикации Александра Александровича Лобанова – уже сегодня прозаические вершины, за которыми в отдалении блистают пики совершенства. Лучший в стране журнал «Наш современник»,

где писателя часто печатают и где очень хорошо отзываются о его прозе, дал ему путёвку в большую литературу. Некоторые лобановские вещи уже известны. Например, рассказ «Четыре точки». С другими России и русскому миру предстоит познакомиться. Тут, несомненно, поможет исследуемая книга. Север, в силу своей замороженности, всегда осторожен в оценках, в чём его крайняя слабость. Он не спешит всерьёз, да и не умеет говорить о новых талантах, раскрывающихся на здешних широтах. Недаром автор в одной из повестей называет его болезненным и равнодушным. Я к тому, что в Республике Коми, где прозаик нынче живёт, писателя знают значительно меньше, чем в центральной России. Прошлым летом, например, Лобанов после публикации в «НС» стал получать письма от старого русского интеллигента из Нижегородской губернии, где благодарный почитатель прямо сравнивает адресата с нынешними корифеями словесности. Впрочем, имя Александра Лобанова не нуждается в возвеличении или замалчивании. Это уже состоявшееся общественное явление, которое дальновидным людям следует принять как должное.

Начать аналитическую часть рецензии можно и с тематики, и с героев, и с жанровых особенностей, и с переполненной психологическими пластами композиции, и с самого языка. Освоить все премудрости ещё предстоит литературоведам. Моя задача скромнее, но всё ценное и важное хотелось бы обозначить сразу. Перед нами многослойная, всё более дающая о себе знать проза. В ней разные поколения героев живут одновременно. В творчестве Лобанова нет понятия Времени как физической величины. События сосредоточены на некоей географической точке, откуда хорошо видны настоящее, прошлое и будущее, обгоняющие наперегонки друг друга. Приблизительно так можно трактовать и объяснение тайны мироустройства, которую втолковывает душа фронтовика Карпея деревенскому мальчишке Шурке, прикорнувшему на кладбище.

Язык А. Лобанова совершенно новый. Плотный, сочный, задорный, живописно-величавый и насмешливо-радостный, с наплавом потусторонности, уходящей то в народные глубины орловской Колгановки, откуда отцовские корни прозаика и целого клана персонажей, то в говоры северных промысловиков, местных и приезжих, то в густую, с красным перцем, речь хохлов и молдаван, героев самобытных приднестровских полотен, развешенных автором по горницам очень русской книжки. Язык окунается и в науку, почти ничего не объясняющую, и в парапсихологию, объясняющую, кажется, всё, но ещё более картину запутывающую. Александр Лобанов именно в запредельном пространстве находит наибольшую реалистичность, в которой обитают его герои. Я бы назвал это житием, не будь их странствия и поступки густо пронизаны земными страстями, граничащими с пороками.

Яркая иллюстрация посылы – рассказ «Наваждение». Написан, несомненно, под воздействием «булгакиады». Та же нехорошая квартира с бабушкой Клавдией Ивановной, превращающейся в ужасную медведицу. Раздвоенная Маргарита с доброй и злой ипостасями (Надежда Николаевна). Таксист Митя Сергеев, вляпанный нечистой силой в мистическую кашу, так и зовёт возлюбленную – Марго. Тот же чёрный матёрый котяра, ловко маскирующийся под белого котика, но не забывающий устрашающе промяукать: «Щас, милок». Ну и, конечно, Воланд – Арнольд Митрофанович. Довольно странный субъект, весь набыченный, наутюженный, держащий в коммерческой кабале Митин город, но сам неизвестно чего боящийся. Даже не ужинает в одном и том же ресторане. Играет в прятки с собственными подопечными – лихой компашкой уродов, в воде не тонущих и в огне не горящих. Арнольд вездесущ. Мы видим его и в форме полковника колонии, и в образе монстра с какими-то ужасными биолучами.

Дьявольскую свору побеждает бывший спецназовец Дмитрий Сергеев. На срочной он хотел стать кадровым офицером, но раздумал. Слишком уж нагло «пуляли» в него и сослуживцев из деревянных ружей чеченские подростки, обещая вырасти в бородатых боевиков. Да и комиссовали бойца, отвлывшегося в госпитале после подрыва их БТЭРа на заложенном фугасе. Зато навыки, да и сама форма пригодились на гражданке, развёрнутой в огромный фронт борьбы нуворишей, набобов, пузанов и просто богатеньких. А поднаторевшие в конфликтах профи нередко подались в их подмастерья.

Автор даёт понять, что описанные события были вроде не на самом деле, а существуют только в искривлённом сознании жертвы локальной войны. Умудрённые медики ломают голову над Митиными болячками и хотят отправить его на обследование в Москву. Скоро всё общество придётся протащить через клинику. Не о том ли грустно намекает писатель. Фабула позволяет увидеть Митю в параллельном пространстве. Там таксист вполне охотно служит за крупные гонорары чёрным силам. Возит в пакетах наличку в нехорошую квартиру. Гоняет чай с подозрительной бабулей. Ему с некоторыми оговорками нравится такая жизнь. До поры до времени. Да и «Мастер и Маргарита»

писана «как будто про него самого». Не зря в конце рассказа Надежда Николаевна, превратившись в учительницу гимназии, дарит ему романтическим способом именно этот постсоветский бестселлер.

В чём дело? «Неужто мы все такие?!» – хочется воскликнуть, окунувшись в «Наваждение». Капитализм ломает, заставляя служить большим и малым арнольдам. Где же выход?

«А вы бы покрестились в церкви, Геннадий Николаевич», – советует своему спасителю Савватееву буфетчик пассажирского теплохода «Юшар», на котором разбитной служителем общепита чуть не погиб, когда судно напоролось на мель, не поспешив на помощь бригада военных. Прямо на корабле эскулап сделал ему блестящую операцию. Вот и свела Северная Двина доктора и пациента снова, как две половинки яблока атеистического раздора. Теперь второй пытается позаботиться о душе благодетеля. «А в нашей стране Бога-то нет», – как-то неуверенно сопротивляется капитан-медик.

Вот один из главных оселков, на которых Александр Лобанов затачивает свои сюжеты: с кем ты, мой герой? С небесами или слугами Князя мира сего? И неважно, в каком чине – младшего лейтенанта или генерала, колхозного бригадира или начальника колонии, медсестры Гидролошади из военной психушки или фельдшерицы Гали Нечаевой, пожертвовавшей собой из-за безумной бабки. А может, простой крестьянки Пелагеи, так и не дождавшейся внука из тюрьмы. Или тираспольского извозчика Василия Петровича, взявшего в руки автомат, чтобы защитить от румынских диверсантов иностранную миссию, которую он вёз за триста баксов к линии фронта. Или егеря заповедника дядю Жору, получеловека-полулешего, обладающего паранормальными способностями, вставшего вместе с майором-пограничником на сторону добра и готового убить своего брата, связавшегося с отребьем, создавшим особую «курортную» зону.

«Небесные колокольчики» – не чисто военная книга, по законам жанра набитая оловянными солдатиками и клубами порохового дыма. Чего-чего, а глуповатых вояк даже индеферентный к службе читатель тут не узрит. Хотя без подлецов, конечно, не обойдёшься. В основном политработников. Незабвенных замполитов автор явно не жалуется. Как не жаловал их в своё время маршал Жуков.

Какой-то странный народец вырисовывается: от полных психов до без пяти минут предателей, наподобие алкаша-подполковника из приднестровской гвардии. Но и среди сей братии Лобанов умеет отыскать добрые человеческие начала. Хотя именно идеологические бойцы сделали всё, чтобы герой «Четырёх точек» Виктор Бутырцев в самый последний момент отказался вступить в загнивающую партию. Зачем, мол, я буду там номенклатурным роботом.

Герои Лобанова – строевые офицеры и прапорщики, сержанты и рядовые. В первую очередь, конечно, офицеры. Профессиональные труженики ратного дела. Выполняют его легко и спорно. Будто пашню поднимают плужком, не забывая влюбляться, сибаритствовать в минуты отдыха и тонко философствовать за рюмкой, выводя извечные темы вина и женщин на метафизический уровень. В длинном ряду – вояка до мозга костей Павел Титаренко, умеющий воспитывать и словом, и резиновой палкой расхोдившихся «жеребцов», а с другой – обаятельный капитан Алексей Богатырьков из «Миссии», постоянно совмещающий полезное с приятным. Эдакий современный гусар, с ходу бросающийся и в бой, и в любовь. Самый чудесный материал, из которого состояла Советская армия.

В особом ряду образ майора-пограничника Крикливого из рассказа «День, неделя, месяц, жизнь». Человека уютного, жизнерадостного, не пропускающего счастливого момента расслабиться и от души порадоваться шикарному столу где-нибудь на заимке. Умеющего от души восхищаться людьми: «Дядя Жора, я тебя обожаю». Добродушно посмеивающегося над солдатом-татаринком, попавшему с ним же в не очень весёлое и во всех смыслах странное приключение. Но в грозный момент Крикливый, не задумываясь, вступает в бой с бандитами, пытаясь отбить у них своего незадачливого водителя. Делает это профессионально и с особым азартом. Профи, одним словом. Так же убедителен он и при разгроме браконьерского логова, забитого награбленным на приисках золотом.

Интересен образ Виктора Бутырцева, прекрасного инженера и воспитателя, перешагнувшего через обиды и возвратившегося в армию после окончания мединститута. Шефом психушки, где его некогда учили уму-разуму сульфазинном. Встретили старого знакомого с радостью. А медсестра Зоя, с удовольствием колдовшая скрученному пациенту эту знатную гадость, до которой не додумалось и гестапо, за него даже замуж пошла. Чего пропадать-то хорошему мужику.

Грешно умолчать о гениально выписанных батальных сценах в повести «Небесные колокольчики». Это бой танкового экипажа младшего лейтенанта Виктора Першина, оказавшегося во вражеском тылу, и рукопашная схватка на позициях минной батареи капитана Романа Лебедева. Между двумя событиями полвека. Герои двух войн, Отечественной и локальной, по сути, ничем не отличаются

друг от друга. Тот же русский непобедимый характер. Та же любовь к Родине и к Женщине. Не важно – к Любушке из Колгановки или к Ольге из Тирасполя. Важно, что внук водителя танка Степана Лебедева миномётчик Роман Лебедев столь же бесстрашен и рассудочно-холоден в минуту испытания, как и дед, погибший под Минском. Это в нём, подчёркивает писатель, говорит дедова генная память, проявляясь целыми кинороликами из большой войны.

В книге читатель найдёт все уровни русского офицерского корпуса, который в целом настолько человечен, что порой задумываешься, а к месту ли ему китель и прочая амуниция? Может, многим лучше носить гражданский костюм. Хотя новая русская армия как никогда сегодня нуждается в лобановских героях. Особенно таких, как капитаны Роман Лебедев и Виктор Бутырцев, прапорщик Сиволоб, старшина Сергеев и сержант Виктор Черненко. Роман и Виктор очень здорово напоминают самого автора, кадрового офицера, чья планида во многом совпадает с судьбами его литературных персонажей. Проза А. Лобанова, продравшись сквозь страшный период развала армии в 90-х, смогла снова стать в строй. Начистить, как пуговицы мундира, литые строчки и пройти парадным расчётом перед новой Россией.

Перед нами кадровые офицеры. Гарнизонные и окопные, штабные и «комиссаристые», служаки и карьеристы. Честные и порядочные, пижоны и подломленные службой, как облучённый капитан Чижиков, болтающийся по Плесецу с гармошкой в поисках скандала. Они отдалённо напоминают купринских героев, но имеют несоизмеримо больший запас нравственной прочности. Автор показывает и браваду их, и браваду. Он, закрывая глаза на общечеловеческие грешки, откровенно любит: «Ну, прямо-таки царская гвардия». Так патетически заканчивается повесть «На Белом море», главное достоинство которой – отсутствие недостатков. Она блистает и пейзажем, и ненецким колоритом, и лёгкой улыбкой, и восторгом, и неподражаемой лобановской поэзией в прозе. Стоит только вчитаться в страницы рождения нового человека. Его в прямом смысле оружейным салютом приветствует счастливый бесшабашный отец, твёрдо верящий, что военный доктор по блату, за сёмгу и водку, способен принять на свет божий именно заказанного ему пацана. Девка-то зачем в тундре. На охоту с ней не пойдёшь, однако. А тут доктор, говорят, колдун. Кого хошь поможет родить.

Вот мы и подошли к главному герою книги. Писатель Александр Лобанов не мог не поставить во главу угла своего коллегу – военного врача. Капитаны Геннадий Савватеев и Евгений Барбулат – ипостаси одной литературной личности. В чём-то, наверное, самого автора. В чём-то – гарнизонных докторов и докторишек, которые лечат и солдатиков, и окрестное гражданское население, и в наряды исправно ходят. Сначала ведь они офицеры, украшенные малиновыми петлицами с золотыми змейками. Судьбы обоих связаны с Севером, поражающим читателя своим космизмом. С одной стороны – бескрайние тайга и тундра, выписанные тончайшим лириком и психологом Лобановым. С другой – служба на Плесецком космодроме, его дальних полигонах. Геннадий и Евгений не столь медики, сколь целители душевных ран. В некотором роде олицетворение той непознанной силы нашего духа, что считается на Западе загадкой русской души. Лекари в старинном смысле слова, по-настоящему любящие людей, даже откровенных прохиндеев. Оба гордятся службой, умеют ладить с людьми, но не преминут дерзнуть начальству, вставшему поперёк горла. Тому же начштаба беломорскому, который потом, дорвавшись до командирской власти, быстро снизведёт отличную часть до посредственной. Доктора заранее чуют гнильцу и пытаются предотвратить полураспад, как и любую болезнь. Это не мальчишеское хулиганство с вызывающими пометами в конспектах политзанятий, допускаемое уставшими от скуки остряками, а осознанная борьба с казарменным фанфаронством, нередко приводящим к беде. Картинок ко всем посылам в книге полно. Пусть лёгкий остракизм и граничит с нарушением субординации. Разве великий Пирогов всегда слушал придурков от инфантерии?

Какой бы мирной профессией не числилась медицина, военврачи тоже погибают. Евгений Барбулат сменил сгоревшего при взрыве на старте ракеты Сергея Струкова, привыкшего дотошно карабкаться чуть ли не по фермам, облепившим зелёный «карандаш», дабы быть уверенным в здоровье групп обслуживания. На самый передовой рубеж, как принято было писать в советских газетах, космический, вывел Александр Лобанов своих героев в повестях «На Белом море» и «Письмо другу». Соответствуют ли Савватеев и Барбулат своему предназначению в самых державных войсках? Думаю, да. Прежде всего, человечностью и глубокомыслием. Умением видеть все пласты жизни одновременно. От их цепкого глаза не ускользает ни одна деталь. Особенно с мистическим окрасом. Посмотрите, как талантливо выписана связь природы и запуска очередного спутника, показанная через мироощущения Барбулата. Автор нащупывает формулы взаимодействия параллельных миров.

Служители Гиппократата в погонах умеют любить и быть любимыми. Знают силу дружбы и семейной жизни. Не ломаются от измены. Они почему-то магическим образом влияют на окружающих, приносящих им зло. Евгений это отлично чувствует, тщетно пытаясь разрубить пути такого воздействия. При всём благородны и полифоничны в чувствах, как и подобает настоящему русскому офицеру: «Врач слова выудил откуда-то из подсознания весьма удачные, ёмкие по своей внушаемости и прозорливости. Капитаны умолкли и только ресницами хлопали, не зная чем возразить».

В короткой рецензии нелегко отметить все лучшие качества военно-медицинского корпуса, чей гуманный и мужественный портрет с глубокой проработкой изобразил выпускник Куйбышевской военной академии врач А. Лобанов. Вполне профессиональны доктора из Плесецкого и иных госпиталей, так или иначе появляющиеся в повествовании.

Убедительны безымянные фронтовые фельдшера в «Небесных колокольчиках», смелые, ловкие, жалостливые и понятливые, врождённые дипломаты, по-братски заботливые. Из ряда немного выбивается фельдшерица Приднестровского батальона Наталья, да и то лишь необузданной страстью. Что подделаешь, самки в форме тоже встречаются на войне. Зато какой она мастер своего дела. И погибла героиней, спасая раненого гвардейца. По-своему симпатична немного садистичная медсестра Зоя из «Четырёх точек». Примеров вполне достаточно, чтобы поверить другу Барбулата Валерию Бравко, написавшему тому из армии, что докторов в войсках любят. Заметьте, как к обоим, Савватееву и Барбулату, льнут свои и чужие дети. Их-то не обманешь.

Вообще мне кажется, что лобановские медики лечат не конкретных пациентов, а саму Россию, пережившую один из самых трагичных в своей истории век. Теперь Родина снова задышала, как младенец, принятый после родов на руки Барбулатом в чистеньком медпункте, о чём тут же оповестил радиоэфир гигантского высокоширотного пространства, слабо заселённого сильными людьми. В основном приезжими, чьими руками и умами Север и превращён в могучий регион страны. Сам бы ни за что не поднялся. Кочующий, мало приспособленный для оседлой жизни. В книге всё это хорошо показано. С некоторой грустью по отношению к коренному населению, достаточно подпорченному благами цивилизации.

Тут мы подошли к весьма важной теме, намёки на которую разбросаны по всем произведениям Александра Лобанова. В наше странное толерантное время замалчивание её грозит немалыми неприятностями для Отечества. Речь идёт о международных отношениях. Раскол Советского Союза. Дробление той же Молдавии. Иные конфликты на постсоветском пространстве. Многозначительный инцидент в Кондопоге. Разве этого мало, чтобы не прислушаться к авторитетному мнению. В том числе и писательскому. Когда бездарная медичка, не раз поставившая пациентов на грань смерти, в ответ на профессиональную критику прикрывается принадлежностью к нацменьшинству, за что, мол, всё прощается, то это страшно. По крайней мере для молодого геолога, чуть не умершего от диких процедур. Можно понять старика-оленевода, ругающего ракетчиков песцами облезлыми за загаженную упавшими ступенями тундру. Но никак не укладываются в голове поблажки на происхождение.

Такова уж участь малых народов – быть частью той или иной державы. В противном случае они начинают рассыпаться и враждовать между собой. Вся история конца прошлого и начала нынешнего века тому свидетельство. Приднестровье – лишь один из характерных конфликтов. Помню, как в 70-х на Украине в армии сквозь пальцы смотрели на откровенную наглость молдаван по отношению к другим солдатам. Через двадцать лет под Дубоссарами загрохотала гражданская война. Там было много точек преткновения. О них лучше всего скажут истории и новые книги нашего автора. Уже «Небесные колокольчики» – своеобразные осколки тех боёв. Чуть не в каждой лобановской вещи они зудят.

Лобанов привёл в литературу совершенно нового героя, настоящего гражданина 21-го века. Раскрепощённого. Мало связанного подгнившими идеологическими путями. В нём, конечно, ещё бродят подкисшие дрожжи марксизма-ленинизма, но уже засветилась надежда на нечто высшее, божественное. Писатель явно выше ходульных советских персонажей, однобоких и лукавых, чем-то похожих на резиновую дубинку комбата Титаренко.

У новых житей сразу в нескольких параллельных мирах. Одни там ищут истину. Другие – выгоду. Проявляются офицеры иного, не солдафонского, порядка. Блестяще образованные. Рассуждающие о книжках. Барбулат даже на старте ракеты не может оторваться от «Фаворита» в «Роман-газете». Издания, между прочим, почитаемого советской элитой. Военврачи уже знают о континууме времени. Я вот не знаю, но не хочу рыться в справочниках. Верю Александру Александровичу на слово. Может, оно и есть один из тайных кодов его творчества.

Любовь у новых героев какая-то концентрическая. Под статью Григорию Мелехову и Аксинье. Взять пары Романа и Ольги, Евгения и Светланы, Геннадия и Елены, Валерия и Светланы, Виктора и Зои. Карпей даже на том свете грустит о не доставшейся ему Любушке. «Хорошая у тебя мамка», – говорит его призрак безотцовщине Шурке, прикорнувшему вечерком на кладбище. Памятны даже мимолётные, как вспышки выстрелов, связи в «Миссии». Правда, ранения от них зудят годами.

Лобановский герой не любит хождения вокруг да около. Бог так Бог. Нечисть так нечисть. Его занимает, почему молдавские коровы при советской власти жрут шоколадные конфеты, а русский деревенский мальчишка не может раз в жизни наестся пряников.

Могу ещё добавить, что новый герой в форме всё-таки немного добрее предшественников. Командир Божок велит лишь поугагать хулиганов, рискнувших по пьянке из-за баб напасть на ракетную часть. Так, молодецкая забава. Кулаки почесать захотелось. Капитан Лебедев угощает спиртом чужого вестового, который только что чуть не застрелил его в командирском окопе. Как раньше, в городском парке. Лишь тумачами отделяются пленные румынские офицеры, подставившие под очередь юного приднестровского гвардейца Бляблина.

Выходит, нынешний человек, знающий про параллельные миры и разные континуумы, взрослея, становится добрее и осмотрительнее. Наверное, это и есть признаки выздоровления нации перед какими-то поворотными событиями, где на прочность будет проверяться каждая былинка.

У Лобанова многое неоднозначно. А в жизни однозначно? Чего же вы хотите от литературы. Пусть даже претендующей на классику. Рецептов нам не оставили ни «Война и мир», ни «Тихий Дон». Ни другие произведения про войну. Одни раздумья.

В книге, по крайней мере, видны тенденции. Уже после Отечественной в людях начала проявляться червоточинка. Злыми, как чертенята, стали пацаны, издевающиеся над инвалидом Карпешником. Придётся им пройти через жуткие испытания, чтобы подобреть. Бригадир Егор Мартынов склоняет мать Шурки Лебедева, вдову фронтовика, к сожителю. За что по-библейски горит синим пламенем. Пока не приходит из тюрьмы поджигатель и заставляет Егора вселиться в осиротевшую лебедевскую хату. По завещанию, между прочим, той, которую Мартынов хотел опозорить. Из каждого угла на него ночами будет смотреть укор. Вот и разгадывай теперь русскую душу. Как она грех понимает и кару за него. Пойми, почему село средней полосы просит перед тюремным начальством за поджигателя Шурку и почему злые заводские активисты в Молдавии готовы живьём сожрать его же, толкового и честного работягу, лишь за одну глупую жалобу жены. Может, потому что она молдаванка? Грех мало-помалу поедает огромную страну, официально не признающую Небо, а всё более всматривающуюся в кривые национальные и мешанские зеркала.

Толковый Божок потому и любим начальством, что снабжает верхи красной рыбой, икрой и мехами. Не забывает бравадный подполковник и себя, промышляя казённым бензином. У тундрового посёлка разбивается вертолёт, посланный за северным деликатесом для обладателей больших звёзд. Погибает солдат и в цинковом гробу отправляется к маме. Да и Геннадий Савватеев пытается купить песка, чтобы одарить мехом заезжих ревизоров. Вот они, элементы распада державы. Чего тогда удивляться, что первыми погибают розы в шахтёрской столице, как признак надвигающейся катастрофы. Описывая роскошные клумбы, автор роняет фразу, которую я и вынес в заголовок рецензии – магия свежей красоты. Пройдут годы, и выросшие персонажи, братья Владимир и Василий, став Героем Советского Союза и подающим надежды учёным, больше не увидят потрясающих бутонов. Прикажет долго жить спецтрест по озеленению. Закроют кафе «Арктика», сохранившее столько горняцких семей. Закроют и саму великую страну, чьи последние герои ползут на верхотуру террикона, чтобы хоть оттуда увидеть своё счастливое, как теперь окажется, детство.

Мечта-то о прекрасном никуда не делась ни у донецких братьев, ни у писателя Лобанова, выросшего в этом благодатном южном городе.

Вот и создал Александр Александрович гимн той эпохе, чутко уловив нюансы будущих времён. «Небесные колокольчики» – очень большая книга и о войне, и о мире. Но, надо признать, пока не третья в русской классике эпопея. Её предтеча. Сегодня можно только сказать, что именно Лобанов способен на этот литературный подвиг. Других прозаиков такой силы в России не видно. О чём со всей прямоотой и написал ему нижегородский почитатель, мудрый образованный старик. Житель тех мест, где некогда молился Серафим Саровский и провёл Болдинскую осень Александр Пушкин.

Берега Новороссии

Лидия Довыденко

Лидия Владимировна Довыденко – секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, краевед, общественный деятель. Автор 23 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов: 18 серий «Тайны Пиллау» и др. Публиковалась в литературных журналах и альманахах: «Наши современники», «Подъём», «Родная Ладога», «Сибирь», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Врата Сибири», «Мозаика юга», «Литера», «Ступени», «Покрова», в «Литературной газете», «Вологодском литераторе», альманахе «Крылья» и других, на сайтах: Росписатель, Русская народная линия, Общеписательская литературная газета, День литературы, Окопка.ру, Луганский информационный центр и другие. Победитель ряда конкурсов и премий литературного и журналистского мастерства.

Донецк-2021

ГЛАВА 1

Купринские чтения в ДНР

По приглашению Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки имени Н. К. Крупской я побывала на «Купринских чтениях», приняла участие также в оценке работ участников открытого творческого конкурса «Правдиво и без прикрас: Куприн и Донбасс».

Организаторы тщательно подготовились к мероприятию, опубликовав набор открыток «Александр Иванович Куприн» с краткой биографией писателя, а также сборник лучших работ участников конкурса: очерков и эссе – «Новое звучание вечных тем».

В зале библиотеки царил атмосфера литературного праздника. Прибыли гости из Москвы и Санкт-Петербурга, из Брянска, из Рязани, целая делегация коллег из Луганской республиканской научной библиотеки имени М. Горького. Участников конференции приветствовал в видеозаписи Е. Д. Айпин – депутат Думы Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, а потом вживую на сцену поднялись для приветствия Илья Лазарев – начальник отдела социально-культурной деятельности, библиотечного дела и взаимодействия с общественностью Министерства культуры ДНР, Игорь Горбатов – генеральный директор научной библиотеки имени Н. К. Крупской.

Дипломами, цветами и подарками из набора книг классиков и современников были награждены участники конкурса в номинациях: «Новое звучание вечных тем», «Иллюстрируя Куприна», «Нам принадлежит будущее: Куприн в 21-м веке». Александр Александрович Кораблёв, председатель жюри, доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета, подвёл итоги конкурса, отметив активность в исследовании самых известных произведений А. И. Куприна: «Гранатовый браслет», «Молох», «Олеся», «Поединок», – а также краеведческую составляющую в раскрытии темы конкурса, проводившегося под патронатом и при финансовой поддержке фонда «Русский мир» (РФ), при поддержке Министерства культуры ДНР в рамках литературного проекта «Купринские чтения». Организатором выступила республиканская библиотека имени Н. К. Крупской. В очерках и эссе проявился творческий подход к наследию А. И. Куприна и литературной истории Донбасса.

В пленарном заседании «А. И. Куприн и русское художественное сознание на рубеже эпох» приняли участие учёные: А. И. Раздорский – заведующий группой исторической библиографии Российской национальной библиотеки, ведущий научный сотрудник, кандидат исторических наук, А. А. Кора-

блёв – доктор филологических наук, заведующий кафедрой истории русской литературы и теории словесности Донецкого национального университета, Л. В. Довыденко – главный редактор журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук.

Далее докладчики «Купринских чтений» распределились по секциям: «Литературное наследие России: А. И. Куприн», «Куприн в школьной программе: методическая лаборатория», «Донбасс в творчестве Куприна».

После работы в секциях участники конференции отправились в Енакиево, посетив музей космонавта Г. Т. Берегового и приняв участие в торжественном мероприятии по случаю присвоения библиотеке в Енакиево имени А. И. Куприна.

Завершилась конференция круглым столом «Донбасс литературный: вехи истории» в Русском центре республиканской библиотеки ДНР. Каждый участник получил «Сертификат литературного проекта “Купринские чтения”».

В насыщенную программу чтений были включены также посещение концертной программы в Донецкой государственной академической филармонии и Художественного музея, Краеведческого музея, музея Великой Отечественной войны.

Бессмертный А. И. Куприн и его очерк «Донбасс»

Творчество Куприна, как зеркало народной духовной жизни, отражает временной период – конец 19-го и первую треть 20-го века.

Мы знаем, сколько было течений, кружков, направлений в общественной и в том числе в литературной сфере русского бытия в этот промежуток времени. Если говорить о литературе, то всё многообразие литературных направлений выражалось преимущественно в поэзии, но в прозе – вершинное место занимает проза и публицистика А. И. Куприна. В годы Первой мировой войны он ни минуты не сомневался, что Россия одержит победу, сам был командиром ополчения на территории Финляндии. И эта победа, был уверен Куприн, – будет победой духа на началах любви и братства.

Германия и западный мир для него – главное препятствие к возрождению человечества, она мешанская и проникнута милитаристскими настроениями. Находясь после тяжёлого заболевания на фронте уже в Гатчине, 28 мая 1915 года он писал Саше Чёрному: «Видишь, как они гуляют ins Grune, как торгуют могилами своих великих писателей; видишь их идиотских корпорантов – на празднике гимнастического клуба; видишь Берлин – эту огромную лавку и пивную с его нелепыми монументами и портретами кайзера... И надо всем этим – лицемерие, затаённое любопытство, обалдевшая маршировка в ногу, крикливый пивной патриотизм, шаблон, индюшечья надменность и плоская, самодовольная тупость». Не напоминает ли нам это описание времён Первой мировой войны сегодняшнюю ситуацию во многих точках планеты?

Оказавшись в эмиграции в Париже, писатель не перестаёт следить за тем, что происходит в советской России. В 1928 году он публикует очерк «Донбасс», где говорит снова о духе и человечности: «В наши дни мы почти ежедневно являемся свидетелями того самозабвенного, безоглядного, святого самопожертвования, с каким люди идут на помощь кораблям, потерпевшим крушение, или затёртым льдами, подводным лодкам, затонувшим на большой глубине, безвестно пропавшим авиаторам, путешественникам, заблудившимся в дебрях и пустынях. Эти отважные подвиги радуют сердце, вливая в него бодрость, новую веру в человечество и новую уверенность в том, какое драгоценное и прекрасное существо – человек!»

В то же время, оценивая жизнь в Европе после войны, он говорит о Европе, но кажется, что об Украине, воюющей против Донбасса: «Именно теперь, когда после четырёх с лишком лет свирепствовавшей всемирной бойни людьми, по-видимому, всецело овладели жесточайший эгоизм, равнодушие к чужим страданиям, страсть к наживе всякими средствами, жажда грубых телесных утех, полное презрение к таким пустякам, как долг, дружба, любовь, совесть». И как же это актуально звучит, возникает чувство, что это о народах двух республик – ДНР и ЛНР: «Именно в наши дни случаи готовности положить душу свою за други своя высятся над миром светлыми спасительными маяками. Обращая к ним глаза и внимание, думаешь с надеждой и благодарностью, что человечество вовсе не до конца растлело, унизило и испакостило, что оно только временно переживает тяжкий, но неизбежный кризис, за которым опять придут годы сознательного, доброго творчества».

Писатель обращается к суду по делу служащих Донецкого бассейна, когда большинство людей безразличны к тому, что происходит. И снова русский гений как будто смотрит в будущее: «Почему ни один из этих немногих людей – светочей, людей с горячим сердцем, ясными глазами и неомраченной совестью – не возвысит своего громкого, авторитетного, *человеческого* голоса по поводу того наглого и кощунственного издевательства над правосудием, которое открыто разыгрывается теперь в России под видом следствия и суда по делу шахтенских служащих Донецкого бассейна?»

Разве не о нашем времени говорит Куприн: «В судебный зал вводят совершенно готовых, вышколенных свидетелей, выдолбивших свои первые показания наизусть. Как, какими дьявольскими средствами, в какой сатанинской кухне обрабатывали обвиняемых – этого не представит себе самый изобретательный ум. Все они покорно, нелепо, механически-равнодушно соглашались с прокурором. “Да. Вы правы. Я был вредителем (право, точно должность такая существовала). Я повредил шахты, забои, машины”. – “Почему вы это делали?” – “Мне платили деньги”. – “С какой целью?” – “Чтобы завод достался прежнему владельцу”. И эту совсем вздорную чепуху повторяют один за другим взрослые, неглупые, хорошие люди.

Но вот одному из свидетелей, или, вернее, лжесвидетелей, оклеветанный ими друг говорит мягкие слова упрёка. И тот закрывает лицо руками, и раздражается рыданиями, и берёт назад ползание. “Я был слишком взволнован”. Вот одному из сознавшихся вредителей жена кричит из публики: “Коля, зачем ты лжёшь? Зачем взводишь на себя поклёп!” И он, точно освободившись от гипноза, встряхивает головой, приходит в себя и говорит: “Я так страдал на следствии, я так изнервничался...”»

И вот ещё волнующий голос писателя: «Сейчас, под видом дела Донбасса, совершается в России такое ужасное насилие, которое ляжет кровавым пятном на весь культурный мир, если люди совести и власти спрячут голову под крыло».

Куприн говорил о проходившем в Москве в мае – июне 1928 года слушании так называемого «Шахтинского дела» – по обвинению 51 советского и иностранного сотрудника угольных и металлургических предприятий Донбасса в шпионаже и вредительстве. «Шахтинское дело» – первое в серии показательных судов, состоявшихся в Москве в 1928–1938 годах, где подсудимые демонстрировали солидарность с обвинением и полностью признавали себя виновными в самых невероятных преступлениях.

А. И. Куприн не раз бывал на Донбассе. Его впечатления 1895–1896 годов легли в основу рассказа «В недрах земли», очерков «Юзовский завод», «В огне», «В главной шахте», повести «Молох». Эти произведения не утратили актуальности в нашем обществе, где техногенный мир поработочает человека. Куприн в 1896 году поступил на работу на один из заводов Донбасского бассейна заведующим учётом кузницы и столярной мастерской. Общаясь с рабочими и инженерами, он назвал Юзовский (Донецкий) металлургический завод «гигантским апокалиптическим зверем», «потрясающим стальными членами», «тяжко дышащим огнём» – «страшный апофеоз человеческого ума, труда и знания». Видя, что рабочие заняты невыносимым трудом, писатель отмечает: «Лаврские богомолки, без сомнения, имеют очень слабое представление об аде, не видав ни разу сварочной печи». В том же 1896 году Куприн публикует повесть «Молох» в журнале «Русское богатство», в основе которой – отношение писателя к технической цивилизации. Он одним из первых открыл тему жизни людей Донецкого края.

Союз писателей России постоянно возвышает голос в защиту Донбасса. Журнал «Берега» постоянно публикует произведения, посвящённые двум республикам, всего с 2014 года по сей день – 61 публикация. Необходимо чаще напоминать миру о том, что есть и сегодня на земле голоса величия и благородства.

Алексей Полубота, член редакционного совета журнала «Берега», который в очередной раз побывал на Донбассе в конце августа 2021 года, написал на донецкой земле во время акции «Русские писатели за русский Донбасс» стихотворение «Донбасс никто не ставил на колени» – цитата стихотворения Павла Беспощадного.

Горячая, как сердце, степь Донбасса,
Где погибают лучшие из нас,
Который год мы ждём святого часа,
Когда признает Родина Донбасс!
Который год дрожат от страха стены,
Темны от горя лица матерей,

И кружит, словно ворон, дух измены
Над остовами чёрными церквей.
Донбасс! Земля, исполненная боли,
В закате проступает лик Христа.
Мы повторяем: «Господи, доколе?!»,
Лишь для молитвы на колени встав.

Я хочу повторить за А. И. Куприным, имея в мыслях современный Донбасс, всем сердцем сострадавая ему: «Эти отважные подвиги радуют сердце, вливая в него бодрость, новую веру в человечество и новую уверенность в том, какое драгоценное и прекрасное существо – человек!»

Донбасские встречи

На «Купринские чтения» пришла Лиана Мусатова – одна из выдающихся и знаменитых писателей Донбасса. Мы увиделись впервые, хотя Лиана Александровна не раз публиковалась в литературных изданиях России, но какую же красавицей оказалась воочию, с тёплым светом в глазах, радостной светлой улыбкой.

Лиана Александровна Мусатова родилась в городе Сталино (Донецк) 14 января 1940 года. С 14 лет была внештатным корреспондентом газеты «Комсомолец Донбасса», писала о школьной жизни. В институте – активным участником передач студенческого радио. По специальности инженер-механик заводов чёрной и цветной металлургии. Работала преподавателем в техникуме, вела поэтические кружки в домах творчества, организовала клуб поэзии. Первая книга «День рождается из ночи» (стихи) вышла в 1997 году. Сегодня она автор 14 поэтических книг и 6 в прозе. За роман-хронику «Я, Надя Попова, из Донбасса» удостоена диплома Московской городской организации Союза писателей России «За верное служение отечественной литературе» и медали, а также «Специального диплома» конкурса «Книга Донбасса – 2011». В июле 2015 года принята в Союз писателей ДНР. Вошла в число авторов сборника гражданской поэзии Донбасса «Час мужества», выпущенного издательством «Перо» в 2015 году (г. Москва). Решением Секретариата Союза писателей России от 28 апреля 2016 года награждена юбилейной медалью «Память России». В 2017 году вышли книги стихов: «Услышьте нас... услышьте мой Донбасс», «Страшная ночь, или Ночь Сварога», «Где бездны звёздная кипень...», «Истории любви» (поэмы) и романы: «На Пришибских высотах алая роса» и «Танец обсидиановой бабочки».

Особенно остро перед писательницей стоит тема Великой Отечественной войны. Занимаясь поисковой работой, она встречается со свидетелями военного лихолетья, записывает воспоминания очевидцев, работает в архивах.

На круглый стол «Купринских чтений» пришёл автор журнала «Берега» Валерий Ильич Герланец – писатель, драматург, публицист, член Союза писателей России и ДНР.

Родился 28 января 1951 года в семье инженерно-технических работников в городе Орске Оренбургской области. Окончил Донецкий политехнический институт и Высшие курсы режиссёров и сценаристов при Госкино и Союзе кинематографистов СССР (мастерская С. Лунгина, г. Москва).

Работал инженером, начальником производственного отдела крупного транспортного предприятия, руководителем отраслевой киностудии, редактором и составителем книг, журналистом и по совместительству деканом факультета журналистики Донецкого открытого университета, главным редактором всеукраинского детского журнала «Апельсин», главным редактором ГП «Республиканский издательский дом “Донбасс”», главным редактором театрального журнала «Антракт» ГП «Донецкий государственный академический музыкально-драматический театр им. М. М. Бровуна».

Автор более 60 книг для детей в прозе и стихах, вышедших в различных издательствах Украины, России, Канады, США, Чехии, и нескольких пьес для детского театра, которые были поставлены в Донецке, Днепропетровске и Луцке. Отдельные прозаические и стихотворные произведения неоднократно включались в школьные хрестоматии, учебники и методические пособия, которые издавались в России и на Украине.

Произведения Валерия Герланца неоднократно отмечались наградами ряда престижных международных литературных конкурсов и фестивалей России, Украины, Канады и Германии.

Встретилась я и с писателем Юрием Хобой, автором журнала «Берега» 3 (45)-2021, членом Союза писателей ДНР, живущим в полутора километрах от линии фронта. Юрию Ивановичу принадлежит семь сборников прозы, Золотое перо Донбасса. В прошлом – помощник капитана судов заграничного Азовского морского пароходства. Юрий Хоба подарил свой новый сборник «И вновь пылит Чумацкий шлях», в котором представлена лишь небольшая часть того, что пережито Донбассом. Красота природы в диссонансе с трагедией войны: убийство животных, степь в снарядах и минах, изломанные судьбы людей. Книга издана в библиотеке альманаха «Пересвет» Белгородского отделения Военно-художественной студии Союза писателей России, проект «Уроки русского», вступительное слово секретаря Союза писателей России Сергея Бережного, отметившего образность и красоту слова Юрия Хобы.

И снова о главной библиотеке ДНР

Организация «Купринских чтений» была на высочайшем уровне. Весь коллектив библиотеки окружил вниманием гостей. Меня сопровождала и помогала ориентироваться в череде событий насыщенной программы Анна Леонтьевна Толмачёва, которой искренне благодарна за её тёплые слова, дружелюбие и родственность души.

Благодарю сотрудников музея, который открылся к 90-летию библиотеки (создана в 1926 году). В экспозиции представлены фотокопии формуляров читателей за 1942–1943 годы, фотографии, постановки, ряд технических средств – например печатная машинка «Мерседес», на которой работал заведующий отделом сельскохозяйственной литературы Григорий Иванович Кравченко. В музее отведено место и правительственными наградами, которыми в разные годы была отмечена библиотека. В их числе – грамота Президиума Верховного Совета УРСР в честь 50-летия библиотеки, полученная в 1976 году, и медаль, которая прилагалась к этой грамоте. Важнейшим экспонатом музея является оригинал паспорта о присвоении библиотеке статуса памятника истории и архитектуры местного значения. Стены музея украшены фотоснимками, но, как подчеркнула Ольга Белоус, это не элемент декора, а часть экспозиции. Фотографии на стенах музея разделены на два условных периода: на левой стороне помещения – штрихи жизни библиотеки с момента её создания и до 70-х годов XX столетия. С правой стороны – фотохроника современной истории библиотеки.

И также моя признательность заведующей сектором «Русский центр» отдела документов по гуманитарным и естественным наукам Донецкой республиканской универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской – Елене Ивановне Скрипник, которая, формулируя цель литературного проекта «Купринские чтения», подчеркнула важность популяризации творческого наследия А. И. Куприна как основу моральных, социальных, культурных ценностей Русского мира, литературных традиций Донбасса и России.

ГЛАВА 2

Саур-Могила, 8 сентября 2021

Тема культуры уступает лишь теме войны на Донбассе.

Николай Бурляев

Вот и новая встреча с Донбассом 7 сентября 2021 года. Как изменилась граница между ДНР и Ростовской областью! Погранпереходы мощнейшие, как на границе Калининградской области с Литвой и Польшей. Огромные ангары, таможенные досмотры, пренебрежительные пограничники и таможенники. Не раз я слышала в Донецке жалобы на пограничников России, на их грубость, если не сказать хамовитость, что неприятно задело и меня.

Но вот попадаешь на территорию ДНР. Какие симпатичные и человеческие лица на границе здесь. Работают чётко, и быстро, и доброжелательно. Здесь человек другой породы, семь лет живущий в условиях войны.

8 сентября едем к Саур-Могиле из Донецка на машине, которую вёл легендарный спортсмен, поднимающий гирию одним мизинцем, у которого медалей по весу столько, что даже его тренированное

тело не может их носить вместе. Это президент Федерации гиревого спорта Донецкой Народной Республики Александр Павлович Дяговец, заслуженный мастер спорта; судья международной категории; обладатель рекорда Книги Гиннесса; десятикратный рекордсмен мира, чемпион мира и Европы, России, Белоруссии, Греции, Германии, депутат народного Совета ДНР, внимательный, лёгкий в общении, с чувством юмора.

По дороге к Саур-Могиле столько охраны в камуфляже, на некоторых постах танки, что я интересуюсь, помогают ли сегодня в охране луганчане или все из ДНР. Александр Павлович улыбается: «Своих хватает». Мы с ним, а также с писателями Сергеем Бережным и Юрием Хобой всматриваемся в тянущийся во все стороны далёкий степной горизонт.

Вспоминается А. П. Чехов, его рассказ «Счастье»: *«– Экая ширь, господи помилуй! Пойди-ка, найди счастье! Тут, – продолжал он, понизив голос и делая лицо серьёзным, – тут наверняка зарыты два клада. Господа про них не знают, а старым мужикам, особливо солдатам, до точности про них известно. Тут, где-то на этом кряже (объездчик указал в сторону нагайкой), когда-то во время оно разбойники напали на караван с золотом; золото это везли из Петербурга Петру-императору, который тогда в Воронеже флот строил. Разбойники побили возчиков, а золото закопали, да потом и не нашли. Другой же клад наши донские казаки зарыли. В двенадцатом году они у француза всякого добра, серебра и золота награбили видимо-невидимо. Когда ворочались к себе домой, то прослышали дорогой, что начальство хочет у них отобрать всё золото и серебро. Чем начальству так зря отдавать добро, они, молодцы, взяли и зарыли его, чтоб хоть детям досталось, а где зарыли – неизвестно».*

Моё счастье было другим, наподобие того, как описывал Иван Бунин, когда брёл по степи пешком в Святые горы: *«Ветер стал ласковый, мягкий. Солнце согревало меня, и я закрывал глаза, чувствуя себя бесконечно счастливым. В южных степях каждый курган кажется молчаливым памятником какой-нибудь поэтической были. А побывать на Донце, воспетом “Словом”, – это была моя давнишняя мечта. Донец видел Игоря, – может быть, видел Игоря и Святогорский монастырь».*

Найденным кладом были для меня встреча и общение с моими собеседниками. Расспрашиваю Сергея Бережного об Игоре Стрелкове, как Сергей Александрович нашёл Юрия Хобу и как издал его книгу «И вновь пылит Чумацкий шлях». Оказалось, в интернете, как и я, и мы встретились сегодня вживую впервые.

Машин, мотоциклов и автобусов на дороге становится всё больше. Мы приближаемся к Саур-Могиле, встреча с которой в моём сознании подготовлена очерком (вернее, он назвал его песней) «Саур-Могилы» Николая Фёдоровича Иванова http://dovydenko.ru/images/berega_pdf/Berega_3_33_2019.pdf

«Донбасс порожняк не гонит! Если работать – то нет никого впереди Стаханова. Песни петь – неподражаемы Соловьяненко, Богатилов, Кобзон. Снимать кино – на форсаже Леонид Быков со своей поющей эскадрилей. Встать жертвенно против врага, никого не выдать и быть сброшенными в шурф шахты – всей Молодой гвардией.

А уж если иметь в своих степях высоту – то Саур-Могилу под триста метров над уровнем ближайшего Азовского моря. Захочешь, а не придумаешь более выгодного места для корректировщиков огня. Поищешь, а не найдёшь более погубительного места для пехоты, хотя в данном случае “могила” переводится всего лишь как “курган”».

Мы наблюдаем огромный ряд автомобилей, проходим вдоль такого же ряда автобусов, а людей с каждой минутой становится всё больше. У подножия Саур-Могилы построена огромная современная сцена, с экранами с двух сторон, с мощными микрофонами. Поставлены стулья для тех, кого сегодня наградят государственными наградами.

Ещё дома я прочла в СМИ, что мотоциклисты клуба «Ночные волки» совместно с ополченцами Донбасса подготовили акцию «Русский лес».

Сажены дуба, олицетворяющие доблесть и героизм русского воинства, привезли со всех уголков России. Всероссийская акция «Русский лес» стартовала в Севастополе в 2019 году. С тех пор мотоциклисты во главе с лидером мотоклуба Хирургом (Александр Залдостанов) сажают деревья русского леса по всей стране.

Ямы под саженцы были выкопаны кем-то заранее, оставалось только набрать воды из машины с цистерной и полить. За водой ходили Сергей Бережной и Юрий Хоба, который активно ещё и фотографировал прибывшее правительство ДНР во главе с Денисом Пушилиным.

Мы с Александром Дягвцем стали высматривать приготовленные для посадки молоденькие дубки и, не сговариваясь, остановились на маленьком, пышном и приземистом. Пусть станет частью «Русского леса», высаженного у подножия Саур-Могилы. Растите, деревья, расти, русский лес! Сфотографировались вчетвером на фоне знамени ополченцев, а потом, проходя в сторону сцены, увидели несметное число мотоциклов.

Мы остановились у свежего перезахоронения погибших защитников Донбасса, молча почтили память. *«На могиле гвардии старшины наконец напишут его имя: “Гришин Олег Григорьевич. «Медведь». 03.02.1966–28.07.2014”. Отстоявших Саур-Могилу и оставшихся на ней под крестами и могильными холмиками окажется семеро. Семеро смелых. “Грек” – Хиргий Руслан Геннадиевич. “Урал” – Блажко Иван Васильевич. “Таксист” – Картуз Сергей Николаевич... А вот “Реве”, “Бумеру” и “Сёме” повезло, выжили. Нельзя, чтобы погибали все. Никак нельзя: Донбассу ещё сражаться и сражаться» (Николай Иванов).*

Это был грандиозный день – День освобождения Донецка от немецко-фашистских захватчиков в 1943 году. Там собралось около 6 000 человек: правительство ДНР, ветераны, общественники, военнослужащие из РФ, ДНР и ЛНР. Защитники России и Донбасса – духовные и реальные, кто проливал свою кровь за независимость республик.

Собрался съезд ветеранов «Защитники России», объединивший участников боевых действий: войны в Афганистане, чеченских войн, грузино-абхазской войны, конфликтов в Приднестровье, Южной Осетии и Донбассе.

Курган Саур-Могилы, за который советские войска вели ожесточенные бои, стал и символом Славы героических защитников Новороссии в 2014–2015 годах.

В 1967 году здесь был открыт мемориальный комплекс, который включил обелиск высотой 36 метров и скульптуру советского солдата у его подножия. Позднее здесь был зажжён Вечный огонь памяти воинов, погибших при штурме стратегической высоты в годы Великой Отечественной войны. Но в результате боевых действий в августе 2014-го мемориал получил сильнейшие повреждения.

И снова вспоминается песня Николая Иванова: *«Пехоту изрешетили, но едва убийцы перешагнули взятый редут, из знойного июльского марева перед ними словно из земли вырос пylon с танкистами. Богатыри, красавцы в шлемах и комбинезонах! Несокрушимая силища, не выведи их скульптор из боевых машин, не выстрой в шеренгу прямо под пулёмётную очередь. Воистину: ну что стоило спрятать гвардию за бронёй, глядишь, остались бы живы. А так... так маленькие, словно лилипутки в сравнении с горой и памятниками, камуфляжные человечки с полуфашистскими эмблемами на украинских шевронах посчитали за честь и ухарство вновь вскинуть автоматы. И очередями, очередями по своим дедам – грузинам, русским, белорускам, по таким же, как они сами, украинцам: танковые экипажи всегда считались интернациональными».*

Члены Союза писателей России и Союза писателей ДНР и ЛНР также прибыли на праздник, на котором вручали государственные награды участникам боёв в 2014 году, в том числе родственникам павших в кровопролитных сражениях. Вечная Слава им!

Но приехали не только награждённые. Большинство людей прибыли, чтобы почтить память и возложить цветы к монументу. Потрясло единодушие, чувство братства, тепло и нежность друг к другу собравшихся людей. Я смотрела на широкую лестницу на Саур-Могилу, заполненную нескончаемым потоком людей, и к горлу подкатывал комок чувств – причастности к тому, чему не находится слов, и пониманию того, что «нефть подступает к горлу», как говорил поэт из Донбасса Алексей Парщиков, что, как опять же написал Николай Фёдорович, Донбассу ещё сражаться и сражаться.

Вот и познакомились у Саур-Могилы с полковником Ольгой Корса. Она легенда командиров Донбасса. Воюет с 2014 года. Установки «Град» дивизиона «Корса» уничтожали колонны противника, накрывали его опорные пункты, отгоняя украинских оккупантов от Горловки, Донецка и Макеевки. Реактивный дивизион Корсы – самая мощная ударная сила корпуса ВС ДНР. Подразделение принимало активное участие в Иловайской операции, в Дебальцевско-Углегорской операции. Сейчас это уже давно не ополчение. Это настоящее воинское подразделение.

Ольга – потомственный военный. В 18 лет надела погоны и больше их не снимала. Вся жизнь подчинена чёткому регламенту служебного устава. Кто же знает, не понимает, что у войны «не женское лицо», но без них невозможно. Как только на Донбассе вспыхнули первые искры противостояния, она осознала, что её место в строю. В ополчение вступила в апреле 2014-го. С тех пор она на передовой.

В зарождающейся армии тогда ощущалась острая нехватка опытных офицеров, военспецов её уровня можно было пересчитать по пальцам. По первой специальности Ольга – разработчик программного обеспечения для систем наведения баллистических ракет.

В Славянске она устраивала рейды в тыл врага и уводила оттуда технику, ставшую впоследствии костяком для создания реактивного дивизиона ВС ДНР.

После ухода из Славянска подразделение Корсы передислоцировалось в Горловку. Город находился почти в полном окружении украинской армии и постоянно обстреливался. Командование ВСУ несколько раз в ультимативной форме предлагало ополченцам покинуть город, угрожая сравнять его с землёй. Требовалась активная работа артиллерии по подавлению огневых точек противника. Тогда за дело бралась Корса. Действовали слаженно и чётко, получали координаты, выезжали, отработывали цель и возвращались. Приходилось решать невыполнимые, казалось бы, задания. Спаси вас, Господи, дорогая Ольга!

Хочу познакомить читателей с жителем Донецка Виктором Михалёвым. Это донецкий кузнец, которого однажды посетила идея – гильзу от снаряда, прилетевшего с Украины, перековать в розу. С 2014 года донецкий мастер говорит: «Они нам – снаряды, а мы – искусство. Снаряды – это страшно, это гибель, душа кричит». И он создаёт образ мечты о мире: гильза прорастает кованой розой.

Виктор Петрович переосмыслил войну в жизнеутверждающей и созидательной манере, создавая свои изящные и антимилитаристские работы. На пробитых касках, на гильзах зацвели нежные кованые розы. А неразорвавшийся снаряд от вражеского «Града» мастер превратил в корону Российской империи. Кузнец создал памятник защитникам Саур-Могилы, взяв за его основу снаряд от реактивной системы залпового огня «Ураган», перековав то, что несёт смерть, в красоту жизни.

Возвращаясь в Донецк, успела принять участие в Круглом столе, продолжении Купринских чтений. Встретилась с писателем Валерием Герланцем, подарившим книгу-миниатюру «БезУМНЫЕ МЫСЛИшки», в которой собраны афористически оформленные мысли, юмористические и сказочные миниатюры, созданные автором за четыре десятка лет. Они публиковались в «Литературной газете», в «Аргументах и фактах», в изданиях Донецка.

Луганчане вручили сборник «История Луганщины в лицах: выдающиеся деятели родного края», известные не только в России, но и в мире: Владимир Даль, Алексей Стаханов, Всеволод Гаршин, Михаил Матусовский, Любовь Шевцова и другие. А также пронзил меня сборник детских рассказов о не закончившейся войне, начиная с блокады 2014 года. Авторы – Татьяна Анпилогова и Нина Вострякова.

И вот совсем небольшая на этот раз прогулка по городу, к театру оперы и балета. В 2003 году в Театральном сквере была установлена скифская композиция, состоящая из трёх бронзовых скульптурных фигур: пекторали, воина и шлемовидного головного убора. Все три фигуры – копии произведений скифского искусства. Скульпторы: Юрий Иванович Балдин и Владимир Григорьевич Киселёв. Столько читала о золотой пекторали скифского царя, и вот её увеличенная бронзовая копия необычайной красоты. А подлинник хранится, а точнее хранился, в Музее исторических ценностей в Киеве. При Порошенко музей закрыли, просто закрыли, и никто не знает о судьбе скифского золота, видели отдельные вещицы на жене Порошенко, шеголяла в них и София Ротару, «прославившаяся» помощью ВСУ из денег, полученных на гастролях в России.

Надо было обязательно перед дорогой домой зайти в Спасо-Преображенский собор в центре Донецка, отстроенный вместо взорванного в 1936 году, где первая Пасхальная служба прошла в 2007 году. Острый запах белоснежных лилий накрыл меня при входе в храм. Редкие посетители. Службы не было, звучал в записи нежный церковный хор. Я остановилась у иконы святителя Николая Чудотворца и просила о мире на земле, о прекращении войны на Донбассе, прекращении в России жестоких, саморазрушительных действий, будь то выборная фальсификация, или игры в монархию, или пытки заключённых, всего того, что является свидетельством моральной деградации верхушки, молилась о том, чтобы человечество помнило о несломленном духом народе Донбасса как вершине нравственного подвига.

Берега Крыма

Александр Дидуленко

Александр Дидуленко – краевед, автор многочисленных статей по истории Крыма. Активно занимается экскурсионно-преподавательской деятельностью на морских и сухопутных тропах в Юго-Восточном Крыму. В 2005 году окончил курсы экскурсоводов на кафедре Краеведения при географическом факультете Таврического национального университета им. В. И. Вернадского (с 2014 года КФУ РФ, Симферополь). С 2007 года возглавлял ОО «Экологический Клуб “Кара-Даг”». В 2017 году был избран председателем ОО «Территориальное Общественное Самоуправление “Биостанция”» (http://biostan-karadag.blogspot.com/p/blog-page_21.html) в сфере деятельности Заповедника. С 2020 года в ОргКомитете Съезда НСР (<https://www.youtube.com/watch?v=ИyXwbrky77w>). Автор (и соавтор) ряда краеведческих изданий, публикаций, включая учебные видеофильмы по эколого-просветительской тематике в Республике Крым.

Прикосновение к тайне Максимилиана Волошина¹

Я тот, кто кинул шарики планет
В огромную рулетку Зодиака.

М. Волошин

Вся биография Максимилиана Волошина, вместе с творческим наследием, особенно его цикл стихов о России и поэма «Путями Каина», стоит особняком не только в истории русской культуры, но и в истории всей мировой культуры вообще. Творчество поэта, его мирозерцание, столь пронзительно по времени и пространству, столь космически гармонично по сложению и сочетанию частей, что не оставляет сомнения об истинной посвящённости «Зевса Киммерии» в тайны Сокровенного Знания.

Ницшеанец и денди, первый русский певец «алмазных рун» и «огненных свастик», «вселенских бурь» и «полярной преисподней», он встал на одну ступень с Николаем Гумилёвым по спиритуальной чуткости к Слову. Впрочем, как-то они стояли рядом буквально, перед одним барьером на дуэли. Этот бездарный пистолетный поединок двух великих людей случился только потому, что сии достойнейшие мужи поссорились из-за Черубины де Габриак – горбатой хромоножки, взбудоражившей весь литературный Петербург своими эпатажными стихами.

У Волошина так дрожали руки, что выстрел осёкся и пистолет выпал из рук в снег. Н. Гумилев – рафинированный дворянин, строгий подтянутый офицер, дважды георгиевский кавалер, видя такого «соперника», от презрения выстрелил в воздух, быстро удалившись с места ристалища. Уронённый пистолет Волошина отрыли в снегу, а потерянная калоша так и осталась навсегда у Чёрной речки. После этого Николай Гумилёв ещё более утвердился в своём высокомерии по отношению к «коктебельскому поэту», а Макса Волошина стали называть «Ваксом Галошиным».

Вот такая история. Даже олимпийцы-небожители попадали, бывало, в дурацкие ситуации в своих, не всегда удачных, любовных похождениях. Почитайте греческую мифологию. Но величие великих не умаляется ничем.

Предоставим слово даме. Тем более что дама эта – Марина Цветаева – оставила нам умный и проницательный очерк о «киммерийском отшельнике»: «Пишу и вижу: голова Зевеса, а на дремучих, невероятного завива кудрях узенький полынный веночек, насущная необходимость, принимаемая дураками за стилизацию, равно как его белый парусиновый балахон, о котором так долго и жарко спорили (особенно женщины), есть или нет под ним штаны».

¹ Данный очерк родился под впечатлением работ выдающегося критика-волошиноведа Владимира Рулёва. Здесь цитаты из его статей.

Они были знакомы заочно, ещё до первой встречи в мае 1911 года. Ещё раньше «Макс подарил своей Марине» собственный (самый первый) сборник стихов «Вечерний альбом». И тут же от Марины получил в ответ большое стихотворение, заканчивающееся такой строфой:

Кто Вам дал такую яркость красок?
Кто Вам дал такую ясность слов?
Смелость всё сказать: от детских ласок
До весенних новолунных снов?
Ваша книга – это весть «оттуда»,
Утренняя благостная весть.
Я давно уж не приемлю чуда,
Но как сладко слышать: «Чудо есть!»

«Неутомимый ходок. Ненасытный ходок. Сколько раз – он и я – по звенящим от засухи тропкам, или вовсе без тропок, по хребтам, без помощи рук, с камнем во рту (говорят, отбивает жажду, но жажду беседы он у нас не отбивал), итак, с камнем во рту... как только свидевшиеся друзья – в непрерывности беседы и ходьбы – часами – годами – всё вверх. Пот лил и высыхал, нет, высыхал, не успев пролиться, беседа не пересыхала – он был неутомимый собеседник, то есть тот же ходок по дорогам мысли и слова...»

Ему уже тридцать четыре, а ей только восемнадцать. Подружились мгновенно. Позже М. Цветаева напишет в одном из своих писем: «М. Волошину я обязана первым самосознанием себя как поэта». Согласитесь, – дорогого стоит. А ещё намного позже, уже после смерти поэта, в 1932 году, «своему вечному другу и поэтическому собрату» воздаст должное – напишет лучший очерк воспоминаний про М. А. Волошина «Живое о живом». Фразы там порой рваные, жёсткие, хлёсткие, но всегда меткие, безошибочные, как и сама Марина: «Творчество Волошина – плотное, весомое, почти что творчество самой материи, с силами, не нисходящими свыше, а подаваемые той – мало насквозь прогретой, – сожжённой, сухой, как кремль, землёй, по которой он так много ходил и под которой теперь лежит...»

Макс был настоящим чадом, порождением, исчадием земли. Раскрылась земля и породила: такого, совсем готового, огромного гнома, дремучего великана, немножко быка, немножко бога, на коренастых, точёных, как кегли, как сталь упругих, как столбы устойчивых ногах, с акваарином вместо глаз, с дремучим лесом вместо волос, со всеми морскими и земными солями в крови, со всем, что внутри земли кипело и остыло, кипело и остыло.

Нутро Макса, чувствовалось, было именно нутром земли...»

Отношения М. Волошина и М. Цветаевой заслуживают отображения в отдельных книгах. Только один их совместный поход (будто бы тайный) на гору Святая в Кара-Даге, где юная Марина «почувствовала весь мир», – до сих пор питает целую романную литературу (бульварную тоже, к сожалению). Но мы сейчас говорим конкретно о коктейльском поэте.

Так вот, тупые монархисты-либералы совершенно не воспринимали национальную эстетику Волошина, а ещё более тупые коммунисты его просто «запрещали». Европеизированные литературоведы погружали волошинские стихи в свои бесконечные «анализы», где не было уже видно ничего. Но вершина безысходной тупости – это свои собственные нацпатриоты: от патриотов царя Гороха до доморощенных совпатриотов – уличают поэта в масонстве.

Как-то в бурные годы ещё советской (горбачёвской) перестройки по телевидению был показан документальный фильм «Мистика Волошина», где какой-то сморчок из породы нео-окультистов, расплодившихся как тараканы в давно неприбранном доме, изо всех сил пыжился-тужился, чтобы пристегнуть Поэта к своей теософии.

Даже была попытка причислить М. Волошина к ортодоксальному христианству, ссылаясь на то, что какие-то горе-паломники выложили из камней крест, как у православных, на Могиле Поэта (гора Кучук-Енишар) в Коктебеле.

Сам Волошин бывал на лекциях Рудольфа Штайнера и даже немного поучаствовал в строительстве его «храма» в Дорнахе (Швейцария), но очень быстро и без сожаления покинул их. Антропософов он назвал «несчастливыми людьми, изнасилованными истинами». Сам же Макс был гораздо ближе к традиционному эзотерическому пути. Штайнеровский «храм» же часто горел в пожарах, а потом его окончательно взорвали нацисты. А дом М. Волошина в Коктебеле эти самые нацисты, говорят, отремонтировали.

Ну а сегодня в Коктебеле, в Доме Поэта, тусуется в основном всякая интеллигентская литературная нечисть, бывшие «советские писатели», очень серьёзно предполагающие, что у них есть поэтическое будущее и что народ только и делает, что дожидается выхода в свет их «шедеврических» мемуаров. Хоть «бывшие», хоть «нынешние» – разница невелика, и весь этот «коктебельский богемствующий тусняк» на 90 % состоит как раз из таких. Но, слава богу, есть ещё спасительные 10 %, что очень даже неплохо для нашего развращённого времени, где направо и налево попираются законы и мораль и где кажется, будто «всё разрешено всем». В особенности летний Коктебель – яркое тому свидетельство.

А в 1910–1920-х годах здесь была «колония обормотов». Из Москвы, Питера и других «столиц» сюда съезжались на лето молодые негодяи, постоянно замышлявшие всякие литературные озорства и провокации (нелитературные тоже). Опрокидывание лодки с пассажирами в Бухтах-Барахтах, общие купания безо всякой одежды (неслыханная тогда вольность и одновременно вызов всем приличиям в обществе), обширные и продолжительные возлияния вина в «Бубнах» всей обормотской компанией, где сочинялись издевательские эпиграммы на литературные авторитеты, – вот только самые безобидные шалости этих больших детей по отношению к взрослым «олимпийцам» (так «обормоты» обзывали тогдашних общественных авторитетов и литературно-политических светил).

«Существование этих “олимпийцев” казалось лишённым всякого интереса, все движения их были несвободны и медленны, а привычки однообразны и бессмысленны. Они были слепы ко всему, чего не видно. Они ничего не знали об индейцах, ничуть не беспокоились о бизонах и пиратах (с пистолетами!), хотя всё кругом было полно мрачных предзнаменований. Они не любили разыскивать пещер разбойников и искать кладов.

Мы всегда недоумевали, когда “олимпийцы” говорили при нас, например, за столом, о разных политических и общественных пустяках, воображая, что эти бледные призраки действительно тоже имели какое-нибудь значение в жизни. Мы же, посвящённые, ели молча; головы наши были переполнены новыми планами и заговорами; мы бы могли сказать им, что такое настоящая жизнь!» (М. Волошин. Откровения детских игр).

Очувтившись в Париже, молодой Волошин быстро реализовал себя как один из самых тонких эстетов и знатоков искусства начала века. А его лирика (например, «Облики») исполнена прямо-таки бодлеровской изысканностью и красочностью. Поэт пишет статьи о поэзии, живописи, скульптуре, архитектуре и театре. Валерий Брюсов заметил, что Волошин берётся за перо только тогда, когда «ему есть сказать нечто новое и необычное». То, о чём он пишет (живопись, литература, архитектура), является областью проявления его таланта с конкретными результатами в реальной жизни.

Но в «столице Европы» Волошину становится тесно:

Бродит осень парками Версаля,
 Вся закатным заревом объята...
 Мне же снятся рыцари Грааля
 На скалах суровых Монсальвата.

Эти «суровые скалы» поэт обретает в древней мифической земле, обожжённой жарким солнцем и ночными штормами.

По растрескавшимся степям коричнево-красной земли летели дикие скифские орды, неся весть о победе и приходе пылающего времени Золотого Века.

Оранжевая, горячая земля волошинских акварелей рождена как раз именно этим жарким огнём:

Дети солнечно-рыжего мёда
 и коричнево-красной земли –
 мы сквозь смерть во плоти проросли,
 и огню наша сродни природа.

Назвал эту землю поэт – Киммерией.

И название выбрано далеко не случайно, среди множества других славных имён, которые эта легендарная земля носила в разные исторические периоды своего существования. Это совершенно отдельная тема, которую мы постарались развить в другой работе («Тавры и Русь. Летописные сиверы, индийские сувиры и киммерийцы. Пути к разгадке»). Всех интересующихся именно таким аспектом проблемы отсылаем к этой небольшой статье.

Максимилиан Александрович в своих поэтических и интеллектуальных исканиях прошёл непростой путь, верно угадав свою цель как раз в этой земле, на берегу Чёрного моря.

Именно здесь, над жерлом Кара-Дага, в вулканическом грохоте, шла космическая битва гиперборейских героев с гондваническими существами. Киммерия – это не сама Гиперборея, а только близкое к нам её земное воплощение:

Здесь рухнул смерч вселенских «Нет» и «Да».

Солнечные посланцы “Corona Astralis” сражались здесь со «стадами Эмпуз» из лунного “Mare Tenebrarum”, со «всем смертным», усталым, больным, ползучим, сочащимся в гное, пахучим как сок белены»:

В начале был мятеж,
Мятеж был против Бога,
И Бог был мятежом.
И всё, что есть, началось через мятеж.

Поэтическое чутьё не подвело М. Волошина: только сейчас наука начинает потихоньку распутывать сложный клубок легенд карадагского цикла, этих настоящих «рукописей, которые не горят». Вырисовывается, таким образом, грандиозное историческое полотно, куда вплетены жуткие по своему напряжению, поистине вселенские, битвы между солнце- и лунопоклонниками:

На Бога Сил, Творца бездушных сфер,
Восстал в веках Денница-Люцифер,
Мятежный князь Зенита и Надира.

Кара-Даг, как нервная клетка – узел тела Понта, фокусом своим отражает эту древнейшую и вечную войну разных культов-цивилизаций всего Причерноморья. Большие Потопы только на время прерывали эти войны.

Отголоски их накрепко засели в генетической памяти более половины народов земного шара (индо-европейская языковая семья), а киммерийская земля сохраняет эту информацию и энергетику, несмотря на «провалы беспамятства»:

Моя земля хранит покой,
Как лик иконы измождённый,
Здесь каждый след сожжён тоской,
Здесь каждый холм – порыв стеснённый.

Огромный массив информации, особо ценный в деле распутывания карадагского «клубка легенд», дающий возможность обозреть практически всю картину «кипящего котла народов» всего Северного Причерноморья (Северной Припонтиды), начиная ещё до Эпохи Аргонатов, содержится в «Легенде о Кара-Даге» (в знаменитом сборнике Н. А. Маркса «Ялыбогазский камень, отузская легенда») и «Сказании о Храме Золотой Колыбели», где объясняется образование «Мёртвого Города» и бухты Сердоликовой (бывшей бухты Счастья).

Это всё отголоски тех самых вселенских битв и напряжённого влияния религиозных культов, следствие их реформаций. Следы сиих событий надёжно «упакованы» в ономастике всего Причерноморья. Карадагская топонимика изобилует такими знаками: это «гора Святая», «Чёртовы Врата», «Вход в Аид», «Меч Хрисаора», «Чёртов Палец» (или «Чёрный Ангел»), «Калиера», «Скала Куш», «Чёрная Лестница» и т. д. и т. п. Но особенно это выясняется из карадагских легенд и мифов.

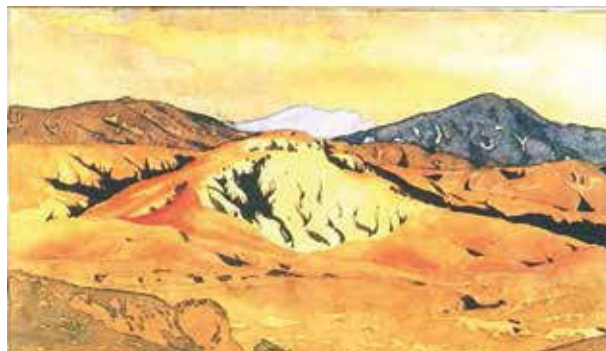
Красавица Эльбис убивает одноглазого великана стрелой с ещё каменным наконечником, а её возлюбленный жених служит при ней всего лишь парламентёром для переговоров с врагом (амазонский матриархат!). А больше всего эти жуткие «драки народов» во времена скончания Золотого Века видятся в сказании «Тайна Храма Золотой Колыбели» и происхождении-образовании «Мёртвого Города» и бухты Сердоликовой, которая тогда ещё называлась бухтой Счастья. Сказание говорит о великой Любви и великом же Предательстве, погубившем это чувство, и как раз здесь надо искать ключи к величайшей исторической загадке: внезапное и «всеобъемлющее» исчезновение единственно коренного крымского народа этой «волшебной страны» навсегда, в никуда. Ещё сам «отец истории» Геродот мучился этим вопросом, вместе с другими греками, да и римлянами. Все они жили бок-о-бок с этим народом на одном «тесном острове в три дня пути» (современный Крым) более ТЫСЯЧИ лет (!!!), но так и не смогли его понять, принять и, что называется, войти в контакт, только обозвав таврами, варварами, признав за ними исконность культа Девы, но не поняв в этом культе ровным счётом ничего.

Именно этот некогда великий и могучий народ оставался последним и верным хранителем настоящей Традиции уходящего Золотого Века и культуры Мегалитов, утраченной как будто навсегда. Греко-Римская цивилизация, не сумев дотянуться до таких высочайших культурных вершин, озлобясь от этого, в своей бессильной ненависти презрительно обозвала их варварами и, оклеветав, предала забвению.

Такие же «высокоразвитые цивилизаторы»: белые европейцы, работоторговцы-пираты и уголовники всех мастей, осваивая американский континент, презирали коренных жителей, отбирая их земли, называя краснокожими («Только мёртвый индеец хорош»). Но полного истребления всё же не было. И мы сейчас знаем достаточно об этом благородном свободолюбивом народе, не признающем рабства. Знаем их родной язык и самоназвания. Но с таврами в Крыму дело обстоит значительно хуже. Греко-римляне, в своей злобе, подвергли их забвению, а то, что не удалось «закрыть», — цинично оклеветали. Вот такое «наследие» оставили нам «цивилизованные» греки и римляне. Вот какую культуру они несли в этот мир. Было много хорошего в этой исторической миссии, но ведь было много и плохого. М. А. Волошин об этом знал, эти «проклятые» вопросы мучили и его:

...доселе грезят берега мои
 смолёные ахейские ладьи
 и мёртвых кличет голос Одиссея,
 и киммерийская глухая мгла
 на всех путях и долах залегла,
 провалами беспамятства темнея.

Но ИСТИНА НЕУНИЧТОЖИМА. Это совершенно особый метафизический, космический закон: истина охраняет самоё себя и неизменно проявляется в нужное время и в нужном месте. И об этом также знал Великий Поэт:

Наш Путь ведёт к божницам Персефоны,
К глухим ключам, под сени скорбных рош
Раин и ив, где папоротник, хвощ и
Чёрный тис одели леса склоны.
Туда идём, к закатам давних дней,
Во сретенье тоскующих теней...

Нордический, гиперборейский Север – это Огонь и Лёд в их невозможном сочетании, под землёй Киммерии этот огонь незримо горит; и здесь:

Нагромоздили арийские расы
Улья осиных разбойничьих гнёзд.

Север – это «магический мир героев», Юг – их взаимно погашает, это царство человеческой посредственности. Волошинская Киммерия – это Россия. Только та Россия, которая пробуждается в войне или в революции. Только внутренний гражданский конфликт соединяет огонь и лёд в их чистом виде, как Энтузиазм и Презрение в политике.

«Силы эти противоположны и полярны, и соединение их в одном лице рождает взрыв, молнию-действие. Но обычно их стараются обезопасить, соединить в устойчивой химической комбинации в виде политической теории или партийной программы: целлулоид, приготавливаемый из нитроглицерина! Отсюда ненависть к идеологиям, отличающая носителей молний, создававших великие государственные сплавы – Цезарей и Македонских. Из всех, выдвинутых революцией и являющихся, в большинстве случаев, микробами разложения, я только в Вас вижу настоящего “литейщика”, действенное и молниеносное сочетание религиозной веры с безнадежным знанием людей» – это из письма М. Волошина к своему другу Борису Савинкову. Скажете, слишком? Нет, для Волошина – это нормально. Потому как гипербореец Волошин не просто революционер, а гиперреволюционер – то есть гиперборейский революционер. Он, вместе с такими же «литейщиками», обнажает свой энтузиазм и презрение до его религиозного ядра в таком Откровении:

Мир знает не одно, а два грехопаденья: грехопаденье ангелов и человека.
Но человек спасён Голгофой. Сатана же спасенья ждёт во тьме. И Сатана спасётся.
То, что для человека сотворил Христос, то каждый человек свершит для Дьявола.
В мире дело идёт не о спасеньи Человека, а о спасеньи Дьявола. Любите. Верьте.
Любите Дьявола. Одной любовью спасётся мир, а этот мир есть плоть Страдающего Сатаны.
Христос распят на теле Сатаны.
Крест – Сатана.
Воистину вам говорю: покамест последняя частица земного вещества
Не станет вновь чистейшим из сияний, «Я» Человека не сойдёт с Креста...
Зло – вещество. Любовь – огонь.
Любовь сжигает вещество: отсюда гарь и смрад.

Грех страден, потому что в нём огонь Любви.
Где нет Греха, там торжествует Дьявол.
И голод, и ненависть – не отрицанье, а первые ступени Любви.
Тех, кто хотят спастись, укрывшись от греха,
Тех, кто не горят огнём и холодом,
Тех излюблю из уст Моих!

«Демонический» волошинский «Северо-Восток» очень напоминает по духу «1919» Уильяма Йейтса, где восстанием руководит Роберт – инкуб, совративший леди Алису.

Безумный Макс звал Россию «к топору». Зачем? А что, неужто надо было сохранять дворянство, погрязшее в либерализме и слезливой Достоевщине? Купечество, продавшее себя «еврейской ласковости».

А разжиревшие попы, подменившие духовно-освободительную миссию православия административно-церковной цензурой? Слабовольный царь-император, который, вместо заботы о благе страны и населяющих её народов, пропустил в свою семью «чёрного колдуна» Григория Распутина, «забыв» обо всём остальном. И весь императорский двор (а следом и Россия) мгновенно превратились в сатанинский вертеп. И что, это сохранять? Ни за что:

Народу русскому: Я скорбный ангел мщенья!
.....
Я напишу: «Завет мой – Справедливость!»
И враг прочтёт: «Пощады больше нет!»
Убийству я придал манящую красоту,
И в душу мстителя вопьётся страстный бред,
Меч справедливости, карающий и мстящий,
Отдам во власть толпе...
И он в руках слепца
Сверкнёт стремительный, как молния разящий,
Им сын зарежет мать, а дочь убьёт отца...

Одновременно поэт обличал и осуждал тех, для кого революция была лишь сменой разных режимов:

Вы узники своих же лабиринтов!
Вы – мертвецы заклёпанных гробов!
Вы – суеверы, мечущие бомбы
В парламенты, и в биржи, и в дворцы, –
Вы мыслите разрушить динамитом
Всё то, что прорастает изнутри –
Из вас самих с неудержимой силой!
Я призываю вас...
.....
К прыжку из человечества –
К последнему безумью –
К пересозданию самого себя.

И вот поэтому, как и подобает гению, остался в одиночестве. Но в этом «одиночестве» его одновременно печатали и белые и красные газеты, а потом так же обоюдно запрещали. В этом плане характерен такой эпизод: общеизвестно, что Волошин в своём коктейльском доме прятал попеременно

красных и белых. Это зависело от того, кто хозяйничал тогда в Крыму. И всё получалось, но однажды случился «прокол». Спасшийся таким образом от врангелевской контрразведки «бедный Ося» (Осип Мандельштам) вскоре настучал в ГПУ на Волошина, считая его «белым». «Благодарного» Осю, свои же, терпели недолго и сослали в Сибирь, а «изумительно-великолепную» горбатую хромоножку Черубину с её «эпатажами» закинули куда-то в Среднюю Азию, в ссылку, – и там она благополучно

навсегда кончилась. Адская политическая машина в своей логике неизменна: действует в темноте, сзади и наоборот, а потом ещё и кусает себя за хвост:

Они пройдут – расплавленные годы
Народных бурь и мятежей:
Вчерашний раб, уставший от свободы,
Возропщет, требуя цепей.
Построит вновь казармы и острог,
Воздвигнет сломанный престол,
А сам уйдёт молчать в свои берлоги,
Работать на полях, как вол...

(М. Волошин)

«В России революция была исконнейшим из прав самодержавья. Как ныне, в свой черёд, утверждено самодержавье правом революций...» (М. Волошин, 1924 г.)

В таких прозрениях единомышленников почти не бывает.

И потому он, М. А. Волошин, оставался вариться в своём соку, в своём котле, в своей судьбе:

Один среди враждебных ратей
Не их, не ваш, не свой, ничей.
Я – голос внутренних ключей;
Я – семя будущих зачатий.

Современники были поражены невероятной глубиной постижения русского бунта, предельно противоречивой русской народной стихии, которую Поэт продемонстрировал в цикле «Пути России». Тонкий эстет и изошрённый ученик «парнасцев», любящих строгую форму, вдруг заговорил языком «Неопалимой купины», «Руси гулящей» и «Стенькина суда». Язык этот одновременно лихо-варварский, ироничный и средневеково-священный, язык мистического патриотизма, который для понимания настоящей русской истории даёт гораздо больше, нежели занудства всяких Карамзиных со своим идиотизмом-норманизмом. Прошло каких-нибудь пятьдесят лет от Волошина, и вся эта норманистская школа сама в себе задохнулась от своей собственной тошноты.

Манерно-жеманные завсегдатаи петербургско-парижских салонов вместе с ряженными под «сыромятно-лапотников» крестьянские поэты не в состоянии были воспринять этот язык. Услышать его могут только русские гиперборейцы.

Вот «волошинское благословение»:

Из избранных тебя избрал я, Русь!
И не помилую, не отступлюсь.
Бичами пламени, клещами мук
Не оскудеет щедрость этих рук...
Твои молитвы в сердце я храню:
Попросишь мира – дам тебе резню.
.....
Раздашь богатства? – Станешь всех бедней,
Ожидовеешь в жадности своей.
.....
Ты взыскана судьбою до конца:
Безумием заквасил я сердца
И сделал осязаемым твой бред.
Ты лучшая! Пощады лучшим нет!

В едином горне, за единый раз
Жгут пласт угля, чтоб выплавить алмаз.
А из тебя, сожжённый мой народ,
Я ныне новый выплавляю род!

Умно-образованные современники и литературоведы говорят: «Это невозможно!» – и засыпают отныне и навсегда, потому что этот русский «новый род» уже пришёл. Он уже дожигает собой труху вчерашних компатриотов и сегодняшних дерьмократов, а их дети – не просто дети, – это дети Индиго. Политика этого «нового рода» – это не Госплан, а Искусство. А искусство ни у кого не спрашивает, как жить, оно «работает» по своим, только ему ведомым законам. Неслыханная свистопляска русской разбойничьей вольницы всегда тяготеет своей глубиной к жесточайшему порядку в империи. И вот тут «новому роду» для этих целей М. Волошин даёт, для руководства, кристально ясную формулу: «В деле розыска внутренней крамолы гражданская война глубоко и пронизательно связывает политическую неблагонадёжность с вопросом расового происхождения, превращая, таким образом, дело политического сыска в национальный очистительный обряд».

Это было написано в 1920 году. Вся цивилизованная Европа (учёные, поэты, брюнеты, эстеты и политики) от этого брезгливо поморщилась. Мол, ну это уже чересчур. Но прошло каких-нибудь 10–15 лет (!) и та же цивилизованная Европа, со своими поэтами, эстетами, брюнетами, учёными и политиками, свою расовую теорию и дело политического сыска довела до такого кроваво-пепельного уровня «фюрерпринципа в Германенорденене», что «учение Волошина» стало, по сравнению с ними, как дыхание младенца. Мир тут же «мягко» забыл прозрения Великого Поэта, а сейчас начинает вспоминать, когда опять стало «припекать». Видно, непростой он, этот коктейльский отшельник-пророк! А всё дело в том, уважаемые господа, что эти «расовые отморозки», опошлившие гиперборейскую, арийскую идею, принадлежат совсем к другой духовной «партии», о которой Волошин писал как о своём политическом кредо: «Я примкнул к политической партии, которая возникнет лет через пятьдесят и будет составлять крайнюю левую в том парламенте, где анархисты станут консервативным большинством». Так что нужно внимательнее изучать наследие.

Сильней размах! Отжившую планету
Швыряйте бомбой в звёздные миры.
Ужель вам ждать, пока комками грязи
Не распадётся мёрзлая земля?

Ну а это уже за пределами для современников М. Волошина, для некоторых из нас, ныне живущих, также. Видно, очень спешил Поэт высказаться, боялся не успеть, чувствуя свой уход... Но вспомните слова К. Э. Циолковского, который говорил о бесконечно растущем населении нашей планеты как о закономерном космическом процессе. И это чётко доказал в своих трудах великий Владимир Иванович Вернадский, создавший учение о ноосфере. Константин Эдуардович Циолковский так и не достучался до «сердец и умов» Академии Наук, где «заседает князь Дундук», и умер в нищете и безвестности. Это теперь, через много лет после смерти, с ним носятся, называя «великим учёным планеты Земля».

Космических законов это не отменит, а они Н Е У М О Л И М Ы.

Рано или поздно люди перенаселят планету и она не сможет всех прокормить, да и сама наша Земля не вечна. В чём здесь провидение Высших Сил? А в том, чтобы заставить людей переселяться на другие планеты, а возможно это только вследствие колоссального напряжения всех интеллектуальных и духовных сил чуть ли не каждого жителя Земли, особенно правящих элит. Безоговорочного прекращения всех междоусобных войн и политических конфликтов. Наши создатели и космические учителя, по отношению к своему «ленивому, нелюбопытному и хитровато-жадновато-завистливому двуногому существу», проявляют недюжинные усилия, чтобы заставить интересоваться всеми этими вопросами.

В сегодняшней России если кто-то посчитает себя «гиперборейцем», но не будет знать первого русского из них, обречён открывать свой мир через заскорузло-архаичных, с тяжёлыми психическими комплексами, богемствующих маргиналов. Они иногда собираются в коктейльских кафе «Богема» и напиваются там до поросычьего визга.

Жаркая русская Гиперборея (Киммерия) стремится к своему цветению не так, а через героизм и страсть «нового рода» – «бежать не зла, а только угасанья».

И вот красуется на виду всего Коктебеля, на восточной оконечности Берегового Хребта Кара-Дага (в Синих Скалах) 300-метровый профиль Поэта, образовавшийся в 1911 году действием природных стихий нашей родной Земли. И вот уже более столетия как самые разные люди этого «по-европейски модного курорта» смотрят на этот лик, размышляют, жарко спорят. Некоторые «умно-образованные поэты, брютеты и эстетсы» утверждают, что знают, в чём тут дело: живая земля приняла самого истого из своих певцов, увековечив в себе и подав миру об этом знак. А наша официальная ортодоксальная наука сохраняет по этому поводу гробовое молчание. Обычное дело – чего не понимаю, того не вижу, не хочу видеть. А ведь действительно, это редчайший случай во всей обозримой Истории такого тесного слияния между землёй и живущим на ней художником. И никакая это не случайность! Утверждения типа «случайный», «случайность» – это упорная и далеко не всегда честная попытка человека отмахнуться, отвернуться, сбросить с себя ответственность в духовном труде делать усилия напряжения своего интеллекта (прямая обязанность того, кто сам себя горделиво нарёк Homo sapiens):

Близ Солнца, на одной из маленьких планет,
Двуногий зверь живёт не крупного сложенья.
Живёт сравнительно немного лет,
И думает... что он – Венец Творенья!

Вот так вот, наши далёкие предки были мудрее. Это очень старая, всеми забытая народная песня, из фольклора антов. Тех самых, из-за которых будущая столица будущей Византийской империи была названа – Византиум (по-латыни), то есть «вижу антов», а сама эпоха стала именоваться АНТИЧНОЙ, которую называют образцом в мировой культуре, пытаются подражать, возрождать (пресловутая эпоха европейского Возрождения) и, прежде всего, связывают с деяниями «древних греков». Не правда ли, странно, а почему же весь этот «древнегреческий мир» с его действительно великими достижениями назван совершенно чужим для греков именем АНТЫ. Превосходно известно, как «цивилизованные» греки относились ко всем этим народам – презрительно всех сразу обзывали варварами, признавая их годными только в качестве рабов, и это, пожалуй, единственное культурное «достижение» греко-римских цивилизаторов в отношении этих народов. Что-то здесь не так, не правда ли? И это также не случайность. Это ещё не знаемая нами закономерность. Вот для чего нам нужны Волошины и подобные им, пусть их и мало, к сожалению. Поэтические воззрения «волошиных» на Историю дают гораздо больше, чем иные.

Как начиналась Цивилизация? Что говорит нам об этом официальная Наука?

Вопрос трудный, но только не для Великого Поэта, не зря же его так называют. Вот как он изобразил это самое начало (эпоха Прометея, обретение Огня):

С тех пор как Агни рдяное гнездо
Свил в пепле очага, пещера стала
Храмом, трапеза – таинством,
Домашний обиход – богослуженьем,
Огнище – алтарём.
И человечество питалось и плодилось
Пред оком грозного взыскающего Бога,
А в очаге отстаивались сплавы
(из серебра, из золота, из бронзы):
Гражданский Строй, Религия, Семья.

Это даже не стихи, а больше похоже на изречения Оракула.

Маленькие дети, гуляя по коктебельской набережной со своими родителями (дети – это ещё не испорченные взрослые), ещё не знакомые с Максимилианом Волошиным, по мере знакомства, узнают безошибочно его профиль в Синей скале Кара-Дага.

Это чисто природное деяние стихий Земли, а Природа – наша всеобщая Мать – никогда не ошибается. Не ошибался и Поэт своим творчеством:

Мой стих звучит в волнах прилива,
И на скале, замкнувшей зыбь залива,
Судьбой и ветрами изваян профиль Мой!

А дальше «страсти роковые, и от судеб спасенья нет»...

Берега культуры и искусства

Сергей Шулаков

Сергей Иванович Шулаков – родился в 1970 году в Москве. Писатель, литературовед, переводчик. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького, специальность – литературная критика, семинар В. И. Гусева. Литературный редактор исторического альманаха «Кентавр», главный редактор журнала и интернет-сайта «Сельская молодёжь» издательства «Подвиг». Автор исторических романов и повестей: «Владислав Дракула» и «Господарь Молдовы», «Победитель», «Меч святого Бориса», «Рождество в Будапеште», «Генерал Турчин» и др. Автор мистическо-детективных повестей о следователе страховой компании Максиме Сомове. Публиковался в широком круге изданий: «Книжное обозрение», «Литературная газета», «Литературная Россия», «Москва», «Независимая газета», «Новый мир», «Наши современники», «Русский колокол», «Российская газета», «Культура» и другой центральной и региональной прессе. Член Союза журналистов России, Международной конфедерации журналистов, Московской организации Союза писателей России. Лауреат премии им. В. Я. Лакишина в номинации «Критика, литературоведение» литературно-художественного и общественно-политического журнала «Юность» (2009). Лауреат Всероссийского конкурса «Вторая Отечественная» им. С. С. Бехтеева (2014). Обладатель «Бронзового Витязя» и золотого диплома Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2019).

Живи, твори и будь здоров

Грани литературного творчества артиста Николая Бурляева

Есть артисты, словно предназначенные для того, чтобы вернуть театру и кинематографу, русской, она же мировая, драматургии статус искусства, что доносит истины через актёра, а не режиссёра, или оба по значению равны. Сейчас трудно вернуться к дорежиссёрскому театру, где главные роли отводились драме и актёрам – зрители ходят на любимых актёров и, возможно, пьесу. И все же Николай Бурляев, как представляется, видит в своей работе ответственную миссию – в определённом смысле посредника между зрительным залом и Богом. Артист пишет: «Некогда великий Эсхил первым в мировой культуре, в трагедиях своих начал свидетельствовать о Боге, возводить душу своих читателей и зрителей к Создателю». Похоже, вовсе не случайно Коле Бурляеву довелось сниматься почти сразу у Андрея Тарковского, который – Тарковский – и сам будто родился одарённым режиссёром. И сразу чудо – реанимация погибшего было проекта «Иваново детство» по повести автора неоднозначной судьбы – Богомолова. А затем ещё одно – «Андрей Рублёв», фильм, по тем временам, разом и современный, с вызовом, и глубоко культурно укоренённый, дорого давшийся и создателям, и обществу в целом, и благотворный, и, в качестве той капли, что камень точит, разрушительный для и без того мало жизнеспособного в том виде советского государства.

Художник имеет право на интерпретацию как своих впечатлений, так и классики, особенно такой значительный, как Николай Бурляев. Духовный наследник Тарковского, режиссёра, при упоминании имени которого «интеллигенты» ещё недавно – сейчас не знают, кто такой – заходились криками о тоталитаризме в искусстве, вдруг выбирает роль противовеса всевозможной коммерческой пошлости, мнимой свободе творчества, тенденциям Лимонова и его итальянских графинь... До этого он, Бурляев, ни в каких «тоталитарных» интенциях замечен не был, а будто даже и наоборот.

Не только художник – Николай Бурляев, возможно, последний на обозримом этапе мистик-практик, мистика здесь в религиозном смысле таинство, приятие и постижение сокровенного, почему ему и близко, наряду с актёрской профессией, режиссурой, и литературное творчество. Артист принимает

искренне, от начала и до конца, мысль, которая всегда занимала старшего товарища, Тарковского: вдохновляемо ли искусство, как таковое, и особенно в своих высших проявлениях, непосредственно Богом? Для Бурляева ответ очевиден. В очень личном эссе «“Боже!.. Чувствую руку Твою...” Жертвоприношение Андрея Тарковского» Николай Бурляев открывает обожещаемого многими режиссёра с очень неожиданной стороны: как личность, ищущую Бога, словно ощупью, по наитию, но неуклонно. «Никто до него в мировом кинематографе, включая его любимых режиссёров: Бергмана, Бунюэля, Брессона, Феллини, живших в странах Запада, где можно было свободно верить и говорить о Боге, так не говорил о самом сокровенном. О непостижимом Создателе и Божьем Промысле заговорил он – русский кинорежиссёр Андрей Тарковский, рождённый в России, ввергнутой лукавым во мрак безбожия. Андрей Тарковский – подлинно Русский, христианский художник... (Он) никогда не говорил своим близким и друзьям: “Я верю в Бога”, но в фильмах своих неизменно исполнял волю Создателя. Иногда казалось, что Андрей находится в прямом контакте с Ним. Словно между Тарковским и Создателем существовал незримый мост. Именно этот незримый и столь очевидный контакт с Высшим поразил меня, четырнадцатилетнего подростка, при первой же встрече с Андреем».

Не то чтобы Бурляев умеет добиваться своего любыми средствами, а что-то придаёт ему сил, мощный попутный ветер наполняет парус, и он умеет призвать это дуновение. В 1964 году, когда, казалось, работа с Тарковским уже в прошлом, позвонила ассистент и сообщила, что режиссёр предлагает начинающему актёру роль Фомы в фильме «Андрей Рублёв». Николай Бурляев пишет: «Сценарий я проглотил на одном дыхании. Ученик Андрея Рублёва по имени Фома мне не понравился совершенно, проскользнул мимо глаз бледной тенью, не затронув сердца. Зато последняя новелла “Колокол” ошеломила простотой и мощью финального аккорда, гимном непобедимой духовной мощи России. Образ литейщика колоколов Бориски всколыхнул мою душу, вышел для меня на первый план, затмив всё остальное. Вот бы кого сыграть! Но Тарковский целенаправленно ориентировал меня на Фому. Я через силу и думаю, что бледно, попробовался на “бледного Фому” и наконец решился заговорить с Андреем о Бориске.

– Нет, – ответил Тарковский, – ты молод для этой роли. Бориску будет играть тридцатилетний человек, поэт...

– Но ведь гораздо интереснее, когда колокол по интуиции отольёт юный отрок, чем поживший тридцатилетний человек...

– Ты ничего не понимаешь, – отрезал Тарковский. – Тебе что, не нравится Фома?..

– Не нравится...»

Столкнулись два оправданных упрямства: попробовать Николая Бурляева на роль Бориски режиссёр категорически отказался. Но не отказался от своей цели актёр. «Я не хотел отступать. Начал искать пути воздействия... Не послушал меня, может быть, послушает других. Попробовал убедить оператора Владимира Юсова и консультанта картины Савву Ямщикова, которым Тарковский вполне доверял. Они встали на мою сторону, и режиссёр сдался, устроил мне кинопробу, “только бы отвязаться”... В процессе этой пробы на глазах Тарковский менял своё отношение к идее омоложения Бориски, становился всё более заинтересованным, увлечённым и, в конце концов, утвердил». Автор признаётся, что применил своего рода манипуляцию – искать помощи старших в таком деле не зазорно, тем более что его поддержали. Важно, с какой точностью он разглядел образ и заставил разглядеть режиссёра. Складывается впечатление, что Бурляев знал или угадывал в Тарковском то, что тот не знал о себе сам. В литературе хорошо известен эффект «перечитывая, каждый раз открываю что-то новое», «книга зажила своей жизнью», – это как раз про то, что значение порой проявляется в тексте помимо воли автора. Николай Бурляев ничего не пишет о том, что пророчески прозревал в Тарковском его чаяния божественного. А выходит именно так, возможно, это прозрение в молодости автора было не до конца осознанным.

«Иван Вольнов» – поэма Николая Бурляева поначалу смотрится автобиографической – актёрская семья, раннее проявление художественных задатков героя... Есть и прямое указание: «Ивану часто говорили: / “Гляди-ка – Лермонтов живой!” / Похожестью Ивану льстили: / Поэта он любил душой». По прочтении выясняется, что поэма – о герое нашего времени, обобщённый портрет современника. «Да, впрочем, только ли художник. / Сапожник... железнодорожник... / Да кто ж из нас не отдал дань / Вину, красавицам, “друзьям”? / В богеме многие тонули: / Пьянит и манит глубина, / И нежно сладострастье дна... / Со дна не многие вернулись. / И я там был. Мёд-пиво пил...» Автору этих

строк с мастером, починающим обувь, пить не приходилось, хотя, должно быть, интересно, а здесь налицо так называемое снятие приёма: противоречие «железнодорожник – богема» снимается самим автором стихов с помощью иронии. Герой, конечно, не был в числе вдохновителей шестидесятичной революции, ниспровергавшей советскую благопристойность, стандарты искусства и широкие белые брюки с поясом над пупом. Но и махрового консерватизма в нём тоже не наблюдалось. «Текли в познание без труда / Шестидесятые года».

Поэма со светлым, порой чуть приправленным горечью юмором, рассказывает не то чтобы о преображении совсем было погибшего человека или нового проклятого поколения целиком, но о надежде. Герой словно недоумевает, куда подевалось это самое время, но и додумывается, где его можно отыскать – впереди-то жизнь вечная. Чудеса бывают. Земной безмятежной жизни в хрустальных дворцах никто не обещал, но стремиться жить по-человечески надо – вот интерпретация русской поэзии как таковой.

Настало время возрожденья
И веры в светлый идеал.
А если ты иного мненья,
Мне жаль тебя, но ты отстал.
Тогда воспользуйся советом:
Дерзай и наполняйся Светом.
На злобу злом не отвечай,
С улыбкой пей, и лучше – чай,
И перечитывай «Вольнова».
Отвечу вам, кого смутил,
Тем, что героя не убил:
Мир и без этого суровый.
Живи, твори и будь здоров,
Иван Иванович Вольнов.

Классический стих – впрочем, размер порой меняется, демонстрируя поэтическую уверенность автора. Классическое название с говорящими именем и фамилией. По-иному было бы странно – творчество Бурляева-актёра словно органично соединено с классикой русской литературы. «Метель» – 1964 год, «Герой нашего времени» – 1966-й, «Игрок» – 1972-й, «Несколько дней из жизни Обломова», «Маленькие трагедии» – 1979-й... Между ними, словно озаряемая отсветом классики, советская драматургия высокого порядка. А дальше – по-прежнему разборчиво, но уже не роли второго плана: «Вечера на хуторе близ Диканьки», «Мастер и Маргарита» – Иешуа га-Ноцри всего-навсего, «Любовь и правда Фёдора Тютчева» и, конечно, «Лермонтов», глазастый, словно с портретов, и оставшийся с артистом навсегда, с 1966-го.

«Далеко мальчик пойдёт» – это высказывание Пушкина о Лермонтове Николай Бурляев приводит в своей, имеющей отчётливые признаки литературоведения, работе «Из пламя в свет». Здесь автор имеет в виду знаменитое стихотворение «...Из пламя и света / Рождённое слово. / Но в храме, / средь боя, / И где я ни буду, / Услышав, его я / Узнаю повсюду». Знаменито оно прежде всего тем, что Лермонтову прощается неверная грамматическая форма – правильно: «из пламени». Но сила стиха – «Не кончив молитвы, / На звук тот отвечу, / И брошусь из битвы / Ему я навстречу» – намного опережает лермонтовское время, это, скорее, уже символизм Александра Блока. Николай Бурляев интерпретирует не только написанное, но и прожитое Лермонтовым. «Последние два года вокруг Лермонтова вертелся “кружок шестнадцати”... Наблюдается поразительная “привязанность” этого кружка к поэту: куда он – туда и все остальные! Встречаются по ночам и “говорят обо всём, как будто третьего отделения не существовало”. Выдающийся русский литературовед Ю. И. Селезнёв говорил: “«кружок 16» – организация по ликвидации Лермонтова”. Когда поэта отправили в первую ссылку на Кавказ, все “16” последовали за ним (в лермонтовской энциклопедии сказано: “Все 16 проехали через Москву, следуя за Лермонтовым на Кавказ”). Когда его вскоре отправили в Петербург для свидания с бабушкой, все “16” вновь потянулись за Лермонтовым. Когда поэта снова выслали “в 48 часов” на Кавказ, и тут несколько “кружковцев” потянулись за ним. Вечером накануне отъезда Лермонтов говорил: “не вернусь я с Кавказа”».

Юрию Селезнёву, среди прочего, автору книги «Фёдор Достоевский» для серии «Жизнь замечательных людей», Николай Бурляев показал свой сценарий о Лермонтове в 1984-м. В сборнике воспоминаний артист пишет: «Он говорил о своём впечатлении от сценария, высказывал свои мысли о Лермонтове вообще, открывал новое для меня, неназойливо направлял. Теперь многие отмечают, что Юрий Иванович торопился жить, не позволял себе болтать о несущественном, но только о самом главном. Так было и в этот раз. Но вместе с этой эмоциональной устремлённостью к цели я навсегда запомню ту форму, в которой Юрий Иванович говорил со мной, сидящим перед ним автором: ни тени менторства, великодушный такт, доброжелательство, товарищество. Он говорил, я конспектировал заинтересовавшие меня мысли. Теперь глубоко сожалею, что записывал не всё. Не исключено, что Юрий Иванович в тот день щедро делился со мной материалами, собранными для своей книги. Он говорил о том, как важно снять о Лермонтове достойный фильм». Конспект, беглый план не вышедшей книги покойного Юрия Селезнёва, зафиксированный со слов литературоведа, Николай Бурляев тоже приводит.

Разговоры с писателем и литературным критиком Юрием Селезнёвым словно сами собой переходили к теме восприятия, то есть почти к проблемам искусства. «Кто-то задал вопрос: “Почему фарисеи не вняли спасительным речам?” Юрий Иванович рванулся из-за стола в другую комнату и через мгновение вернулся с книгой в руках; быстро нашёл интересующее его в “Евангелии от Иоанна” место, прочёл: “Почему вы не понимаете речи Моей? Потому что не можете слышать слова Моего. Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего... (Ин. 8.43, 8.44)”». Это очень сильное евангельское место, слова едва ли не гневные, подобных цитат, или сугубых цитат, в написанном Николаем Бурляевым почти не найдёшь. Довольно точная, близкая интерпретация Николая Бурляева фигуры и значения творчества Михаила Лермонтова вызвала несколько резких отзывов. Артист пишет: «Московские кинокритики, роem налетевшие на едва родившийся фильм... задолго до выхода на экран, станут упрекать фильм в отсутствии “немой России” и издеваться над словами героев о любви к Отечеству, называя их “пасхальными” и “выспренними”». Недоброжелатели, как обычно бывает с недалёковидными людьми, сработали против себя, указав на особенность творческого подхода Николая Бурляева.

Равная чуткость к разным аспектам не только классической, но и современной культуры видна, например, в разделе воспоминаний Николая Бурляева, посвящённом Владимиру Высоцкому. «Жизнь столкнула нас ещё раз. В “Маленьких трагедиях” мы снимались в двух разных новеллах: Володя играл Дона Гуана, я – Альбера в “Скупом рыцаре”. Как и много лет назад, мы вместе вышли за ворота студии. День был непогожий, время приближалось к полуночи. Володя предложил подвезти меня до дома. Мы сели в его красивую французскую машину с дипломатическим номером и помчались по ночной Москве. Какое-то время ехали молча. Боялись нарушить тишину незначительностью вопросов...» В тексте Николая Бурляева не захочешь, а почувствуешь хрупкость и, в этом смысле, ценность общения с достойными людьми как одного из аспектов бытия: «Мы тепло простились. Договорились о скорой встрече, когда наконец сможем обо всём поговорить. Больше увидеться нам было не суждено». Владимир Высоцкий в контексте его времени – фигура противоречивая, именно потому и яркая. Николай Бурляев в своих воспоминаниях деликатно касается встречи у Мессерера и Ахмадулиной с Высоцким и Мариной Влади, но предельно корректно, на грани сострадания.

Василий Иванович Белов, по Бурляеву, – «Певец русской Атлантиды», именно так называется раздел сборника воспоминаний, посвящённый русскому писателю. Василий Белов, Валентин Распутин – из тех условных «деревенщиков», которые прямолинейность творческого мышления обратили на пользу. Ибо если бы не было их, как противовеса, или будь их литература чуть слабее, погрязли бы мы сами знаете в чём – в аксёновских рассуждениях: не умер ли роман как эпический жанр и не написать ли что-либо о тяжкой доле трансгендеров. Даже Виктор Астафьев был менее линеен, и именно к крылу упрямых примыкает Николай Бурляев. Им, кого иные снисходительно называют «почвенниками», удалось сделать нам прививку от заразы.

В 1986-м Николай Бурляев завершил съёмки «Лермонтова», а Василий Белов опубликовал журнальный вариант романа «Всё впереди». Василий Белов был удостоен Государственной премии СССР, он – автор повести «Воспитание по доктору Споку», метод которой трудно определить иначе, как эмоциональное манипулирование, не сказать, шантаж, Василий Шукшин тоже писал

такое, «Как зайка летал на воздушных шариках» – о больной девочке, к примеру. Но то было радикальным способом достучаться, продвинуть свою идею в сознание читателя, то есть, в сущности, оборотной, чистой и светлой стороной подхода грамотных рекламщиков, продвигающих, может быть, сверхдорогой автомобиль или лекарственное средство. У Шукшина – ещё и способом истерического саморазрушения. Подвиг Белова не столько в литературе, сколько в норматировании той достойной российской жизни, что разрушили и растоптали большевики, в собирании её обломков и оплакивании тех, что собрать невозможно. Текст Николая Бурляева чист и от профессиональных писательских ухищрений: «Я узнал о том, что киностудия “Беларусь-фильм” купила право постановки “Всё впереди”, а режиссёра пока нет. Недолго думая, я решил поставить этот фильм. Василий Иванович и худрук объединения Виктор Туров одобрили мою кандидатуру. Работа над сценарием продиктовала весьма значительное переосмысление прозаической основы, некоторые отступления и дополнения. В результате сценарий получился по мотивам первоосновы Василия Белова. Зная, как некоторые авторы болезненно относятся к прикосновению чужих рук к их детищу, я с трепетом ожидал гневной реакции Василия Ивановича. Но, к великому удивлению, получил его одобрение...» Здесь снова личное, но по-другому, в данном случае Николай Бурляев избегает прямолинейных трактовок: «Вспоминая дорогого для меня человека – Василия Ивановича Белова, я вижу его в двух образах: первый – эдакий старичок-лесовичок, вологодский домовый, с детской картавостью и лукавинкой во взоре; второй – выдающийся русский литератор, писатель с огромной светлой душой, патриот своей Отчизны, вбирающий в себя всю свою любимую Родину. Русская литература богата великими писателями. О многих из них можно говорить – кто у кого и что заимствовал, кто из кого произрастал. Только Василию Белову в мире нет аналогов. Василий Белов – это Василий Белов. Ни на кого не похожий, неповторимый». Слова демонстрируют душевную пронизательность: вот именно таким большинство из нас, и даже ненавистники, Белова и воспринимают.

В воспоминаниях об Алексее Петренко, одном из самых сильных российских актёров, Николаю Бурляев не скрывает товарищеского уважения. Это видно по профессиональным словечкам. На «Ленфильме» Алексей Герман попросил Бурляева посмотреть только что смонтированный фильм «Двадцать лет без войны» и высказать своё мнение. «Признаюсь, что актёры редко поражают меня истинным талантом.

Помню этот бесконечно длящийся, снятый одним планом монолог лётчика. Смотрю, анализируя по ходу с профессиональной точки зрения: как наигрывает артист – лихо и аппетитно выучил огромный текст, хотя видно, что иногда забывает слова и идёт от себя, явно импровизируя, но как мощно и бесстрашно прорубается он вперёд, безудержно устремлённый к выполнению стоящей перед ним задачи!»

Петренко – один из тех людей, кому мы обязаны тем, что страна выстояла. На своём месте – на театральной сцене, перед кинокамерой, он отстаивал то, во что верил, и даже в сериалах, попушкински – «для денег», виден актёр незаурядных дарований. Николай Бурляев рассказывает: «Начало девяностых – распад кинематографа, избиение на улицах людей, не желающих принимать новый российский капиталистический порядок, развал великой страны... пошлость, патологии, потоки нечистот, льющихся с кино- и телеэкранов... Внезапно для окружающих вспыхнул во тьме огонёк – Международный кинофорум славянских и православных народов “Золотой Витязь”... Именно тогда, когда “киноэлита” пренебрежительно морщилась и дистанцировалась от народившегося “Золотого Витязя”, мне позвонил человек, с которым я никогда прежде не встречался, и заговорил, как давний друг: Микола! – Так называл меня прежде только один человек, Сергей Бондарчук. – Это Алексей Петренко... Какой же ты молодец! Какой фестиваль сотворил! Я хочу быть с тобой рядом. Можешь во всём рассчитывать на меня... Если понадобится – зови!

Это были не пустые слова. Алексей Петренко на протяжении четверти века был верным воином “Золотого Витязя”».

В этих словах Николаю Бурляева чувствуется пафос, но это объяснимо масштабом фигуры, о которой говорит автор. Николай Бурляев отмечает роли Петренко: «неистовый» Распутин в «Агонии», «добродушный» генерал Радлов в «Сибирском цирюльнике», «брызжащий эмоциями» герой фильма «12». Сюда бы добавить Мокия Парменыча Кнурова: «Святой вы человек!» – это льстит Лариса Дмитриевна. Корпулентный, со взором, что, кажется, проткнёт насквозь, имеющий даже и внешние черты точного, остроумного, но и трагичного, иной раз до безысходности, драматурга

Александра Островского; в единственном по-настоящему художественном фильме Рязанова «Жестокий романс» по «Бесприданнице» Алексей Петренко едва не затмил Паратова – Михалкова. Страшная, противоречиво мертвенная человечность цинизма «предпринимателей»-мироедов, почти марксистская холодная к ним ненависть Островского ощутимо противоречит личности актёра и образа, который он должен был воплотить, – вот Никита Михалков словно создан для роли Паратова, империалиста Киплинга поёт с чувством, он создан для роли сэра Генри в «Собаке Баскервиллей», блещет в роли князя в «Статском советнике» по, с точки зрения истории, шарлатану Акунину... Кнур – кабан, хряк, по Далю – «свиной самец». Второе толкование имени Мокий – «кощунствующий». Но одарённый актёр Петренко справился с ролью Кнурова блестяще, остается только догадываться, чего ему это стоило.

Гораздо комфортнее Петренко чувствовал себя в генеральских ролях, когда он истинно обливался ледяной водой в кальсонах в «...Цирюльнике», или в роли генерала Егорова распекал подчинённых контрразведчиков в фильме «В августе 44-го» по не оконченному, по-видимому, роману Богомолова «В августе 44-го. Момент истины»: «Почему!? Почему так?!» Обстреляли по дороге начальника контрразведки фронта! Собственное начальство уберечь не можете – в таком духе. «Изжил хозяина из кабинета, чай гоняешь?!» – это генерал Егоров обращается к полковнику, по-видимому, начальнику контрразведки дивизии. Бросает на руки простреленную ватную куртку: «Зашейте!» Как же органичен был Петренко в этой роли. И снова пересечение: Николай Бурляев играл богомоловского Ивана... О Богомоллове автору этих строк пришлось уточнять у специалистов из спецслужб, и один из них рассказал вот что: «После “отсидки” ни в каком аналитическом центре, тем более по США, он (Богомолов. – С. Ш.) быть не мог, отбор в такие структуры проходил через тех же особистов, и они его ни допустить, ни пропустить не могли, тем более что, судя по его биографии, он не был ни переводчиком, ни криптографом, ни аналитиком, ни организатором, а кем ещё? В СМЕРШе Богомолов воевал немного, на ролях, скорее всего, пятых-десятых, мастерюгой не был, бегал лейтенантиком на разовых поручениях, потому что не было подготовки, он ничего не оканчивал, – а у нас уже тогда были курсы подготовки и переподготовки. А военная разведка и СМЕРШ выполняли принципиально разные задачи по разные линии фронта... Он пришёл с фронта к фронтовикам, которыми тогда были почти все, почти все воевали и были знакомы или прямо, или слухами: “Ты с какого фронта? А такого-то помнишь? Я с ним в госпитале лежал...” Это пехота, а специалистов было в десятки и сотни раз меньше! Тут не соврётся, весь наш воевавший народ был скручен в один тугий жгут, как кабель в оплётке, и проскочить было очень трудно, если не невозможно. Поднатореть, набраться информации он мог в поисках на Дальнем Востоке, на Сахалине, слушая рассказы старших, перенимая их опыт. Точно, что ему в романе удалось – просто вот своими глазами – это засада на националиста, который ночевал у своей зазнобы, и сама зазноба, это, фактически, с натуры. Ну и Иван, конечно. Таких мальчишек – если не в партизанском отряде – готовили несколько офицеров-инструкторов, и, возможно, Владимир Богомолов принимал участие в такой подготовке».

Спасибо компетентному специалисту, а теперь подумаем: как юному актёру, вчерашнему школьнику, удалось отобразить образ богомоловского Ивана? Не только потому, что весь воюющий народ был словно скручен в единый жгут, но и из-за искренней готовности воспринять, не прожить, конечно, но осознать и постараться воспроизвести судьбу ровесника.

Мастерство актёра Алексея Петренко Николай Бурляев отмечает точно и с благодарностью: «Навсегда останется в памяти первое посещение Алексеем Васильевичем Петренко МКФ “Золотой Витязь”, состоявшегося в Тирасполе, в “непризнанной” Приднестровской Молдавской Республике. Всего год минул с кровавых событий в этом брошенном Россией регионе. А. В. Петренко не побоялся отправиться туда с армией “Золотого Витязя”. Это был человеческий поступок патриота своей страны. Всё было непросто в этом походе: отчуждённость от “Золотого Витязя” тогдашнего, предательского руководства нашей страны, переезд через три границы, опасная обстановка в регионе, ожидаемые теракты, неприятие командующим 40-й армией генералом Лебедем руководства ПМР, пригласившего в Приднестровье МКФ “Золотой Витязь”, а значит, игнорирование генералом Лебедем и самого нашего фестиваля, о котором газета 40-й армии писала как о пире во время чумы. Три народных артиста – Алексей Петренко, Владимир Гостюхин и Георгий Жжёнов – накануне открытия кинофорума, понимая тревожное положение “Золотого Витязя” в Приднестровье, решили навестить

своего знакомого, генерала Лебеда, в его резиденции. Возвратились от А. И. Лебеда со смешанными чувствами: генерал их встретил как родных, но мнение о предстоящем в Тирасполе кинофестивале вряд ли поменял...»

Международный форум искусств «Золотой Витязь», руководимый Николаем Бурляевым, требует не только вдохновения, но и недюжинных организаторских способностей. Ежегодно происходит отбор и награждение произведений всех искусств – театрального, киноискусства, музыкального и литературного. У Николая Бурляева были достойные учителя, от которых он воспринял только лучшее. В разделе «Быть первым на Руси тяжёлый крест. Сергей Бондарчук» Николаем Бурляевым сказано много профессионально верных слов о режиссёре, внёшем весомый вклад в русский кинематограф. Есть и личные впечатления: «“Мосфильм”, длинный коридор старой тон-студии. Иду из правого крыла и вижу, как из левого на меня надвигается большая кавалькада. Неумолимо, как на дуэли, сближаемся и сходимся в холле. Вижу в центре кавалькады две фигуры – Бондарчук и министр культуры СССР Фурцева. Вот они, в трёх метрах, хочу скрыться, провалиться сквозь землю... Бондарчук смотрит на меня, улыбается, манит рукой, просит подойти. Раз просят, не убежать же, подхожу, пожимаю протянутую Бондарчуком руку. – Вот, – говорит он Фурцевой, показывая на меня, – это тот самый Коля Бурляев, герой “Иванова детства”. Фурцева протягивает мне руку, пожимаю, не слышу, что она говорит мне. Процессия проходит мимо». Есть подтверждённое опытом мнение, что некоторые литературные произведения экранизировать невозможно; Достоевский в этом смысле сценически драматургичен, а Толстой, «Война и мир», с французскими отступлениями, – вообще никак. Богомолов, например, будучи автором сценария первой, 1975 года, экранизации своего романа «Момент истины», так и не сошёлся с режиссёром Жалкявичусом, и уж экранизацию скандального Семаго явно не одобрил бы. А вышло неплохо – фильм вытянули актёры на ролях второго плана, мощный Петренко и молодой Колокольников. Бондарчук-старший сделал невозможное, боязно думать о том, сколько усилий потребовалось только на саму решимость – экранизировать многослойный литературный труд «Война и мир». Роль Пьера, хоть и сложная, – дело одно, а воссоздать масштаб произведения – совсем другое, для этого требуются небывалые организаторские способности. Их-то, наряду с прочим, и унаследовал, и грамотно интерпретирует, употребляет Николай Бурляев.

Актёры, особенно современные, чересчур трепетного уважения не вызывают – сами запустили процесс инфляции профессии. Но во всяком деле есть мастера, достигающие уровня искусства. В актёрской профессии есть те, кто осознают ценность и значимость искусства и подходят к своей работе с философским осмыслением.

«На всю жизнь я остался благодарен моему Учителю Николаю Дмитриевичу Мордвинову за преподанные мне уроки, – пишет Николай Бурляев. – Именно он открыл мне Лермонтова, которого любил самозабвенно. Много рассказывал мне о пламенной, нежной, бесстрашной душе поэта, развенчивая сплетни о его якобы дурном характере. Он брал меня на свои чтецкие концерты, где я мог наслаждаться его “Мцыри” или “Песней о купце Калашникове”. Эти уроки Мордвинова о Лермонтове помогли мне спустя двадцать лет, когда я решился на постановку фильма... Мордвинов поразительно чутко, один из первых отметил начавшее уже в те годы происходить глумление некоторых модных театральных режиссёров над русской классикой. Как-то он поделился со мною своими впечатлениями от увиденного накануне нашумевшего по Москве спектакля. Помню его гнев, печаль и слова об издевательствах над великим русским драматургом, создателем пьесы. Признаюсь, что тогда я не понимал гнева Мордвинова, посчитал это излишней возрастной нетерпимостью к театральным новаторам. С годами процесс глумления над национальной классикой и русской культурой стал очевиден, а в конце XX века стало подлежать критике и презрению само стремление немногих театральных коллективов Москвы, старающихся работать в традициях русской сцены. И сегодня я полностью понимаю гнев великого русского артиста Н. Д. Мордвинова, первым заметившего начало пагубного для русской сцены процесса». Нам бы таких соседей, учителей, глядишь, и из нас толк бы вышел, и в стране было бы поменьше перекосов.

Николай Бурляев вспоминает не только о встречах с президентом Милошевичем; его записки – это впечатления паломника, очень личные, но крепящие духовные связи народов. «Нас ввели в самый высокий храм в Европе – собор Святого Саввы Сербского. Я давно мечтал попасть в этот собор, который отовсюду виден в центре Белграда, но он постоянно был закрыт, поскольку из-за

нескончаемых тягот сербской жизни до сих пор не достроен. В соборе не было электрического освещения, но кто-то предусмотрительно принёс переносную лампу, и свет её вырывал из темноты стены, величественные своды храма, земляной пол...» Здесь Николай Бурляев предстаёт не только художником, но и общественным деятелем, осуществляющим дипломатию искусства. «Второй раз в жизни суждено мне было встретиться со Святейшим Патриархом Сербским Павлом. И если при первой встрече три года назад Его Святейшество уделил мне минут 20, то в этот раз аудиенция длилась около часа. Патриарх Павел говорил мне, но было понятно, что я лишь повод его обращения к России. Несколько раз Святейший Патриарх Павел сказал: “Самое главное сейчас – беречь свою душу”; он привёл евангельские слова: “*Какая польза в том, если ты приобретёшь весь мир, а душе своей повредишь...*” (Мк 8.36). Попрошавшись, я оглянулся и увидел одинокую маленькую фигурку старца-патриарха, медленно удаляющуюся во внутренние покои. Лишь в это утро патриарх Павел с приключениями, через снежные горы прибыл в Белград из своей косовской резиденции, Печского монастыря, где он молится о Сербии и России, живя под охраной оккупационных войск НАТО...»

Разрушает славянский мир Государственный департамент США и его многочисленные наёмники. А собирать почему-то должен лично Николай Петрович Бурляев. Вот и выходит, что, может быть, не совпадая в некоторых эстетических оценках, касающихся произведений искусства, всё равно инстинктивно встаёшь на сторону мужественных людей, не числом, а умением, талантом, ресурсами поистине доброй души противостоящих чудищу, что обло, озорно, стозевно и лайй, и, вопреки наивному Радищеву, намерено тебя сожрать без всяких разговоров.

Было бы странно, если бы такой художник, как Николай Бурляев, не обратился к детям. «Бэмби», переложение австрийца Феликса Зальтена 1923 года, Николая Бурляева ближе к русской сказке, логика в нём прямая, хоть и образная, черты героев предельно ясны. Николай Бурляев сыграл в телефильме «Юность Бэмби» в 1987 году, а теперь, в 2021-м, рассказал жизнь юного оленьего принца в отдельном детском издании. Пьеса-сказка словно рождена до эпохи психологии, она не лезет в голову агрессивно, хоть и запоминается, ненавязчива, хоть приглашает и ведёт за собой, открывая естественный мир природы и доброты.

В отличие от прочих актёров, стремящихся только взять, получить, что, по нынешним временам, не особенно и осудишь, Николай Бурляев стремится отдать, наделить тем, что получил по рождению, приобрёл неустанными размышлениями. В этом и есть сила искусства – жить помогает и словно отваги придаёт, той, что, казалось, утрачена вместе с юностью.

Берега культуры и искусства

Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. Публиковался в журналах: «Берега» (Калининград), «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (С-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой» (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Отечеству на пользу» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Врата Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других. Лауреат ряда всесоюзных и всероссийских литературных премий и конкурсов. Член редакционного Совета журнала «Берега». Член Союза писателей России, член Союза журналистов России.

Живёт и работает в Вологде.

Золотая нить через века

Как в древнем Торжке уберегли от разора уникальный промысел

1

Чудо! Это – настоящее чудо!

Тончайшая нить золотая, будто дыхание самой Святой Руси, шла из глубин прошлого, не теряясь, не обрываясь, и соединяла наш день с давно минувшими днями. Как же она всё выдерживала? Не ломалась, не провисала, а только радостно звенела!

Словно на незримый, но твёрдый стержень, на неё сами нанизывались эпохи, лица, события, привычки, обряды. Разве такое возможно? Да, вполне может быть! Я ещё раз убедился в том, переступив порог бесподобного, редкого музея золотого шитья. Возник он недавно, и, приезжая в родной город, я как-то не удосуживался заглянуть сюда. А теперь был просто поражён обилием разнообразных произведений и тем, кто стоял за ними.

Тут – и царь Алексей Михайлович, учредивший в Торжке «кожевенный двор» по производству одежды и обуви, которые расшивали золотом и серебром. Тут – и Екатерина II, получившая отсюда в дар шитые золотом сапожки и бальные туфельки (их можно увидеть!).

Это – и карета Александра Сергеевича Пушкина, в которой он путешествовал из Петербурга в Москву, но путешествовал он не один, а со своими сказочными героями – так захотела художница Маргарита Григорьева. На поездку Пушкина «ушло» 45 километров (!) золотых нитей.

Тут – и золотом отшитые знамёна дивизий и полков Красной армии, с ними офицеры и солдаты уходили на фронт в 1941 году, а в 1945 году возвращались с Великой Победой. Тут – и портрет Иосифа Сталина, сделанный в редком иконописном стиле (хотя и шит золотом!), глаза вождя представлены так, что куда бы вы ни встали в зале, возникает ощущение, что он смотрит именно на вас...

И конечно, тут – совершенно бесподобная коллекция костюмов, их носили женщины в XVII веке – тогда был как раз расцвет золотого шитья в Торжке.

– Представьте себе, – говорила сотрудница, – в те времена женский костюм достигал 16 килограммов веса. Целый пуд носили женщины на плечах. Женская красота во все времена давалась женщинам нелегко. Вот здесь кички – этот головной убор был показателем статуса. Все женщины, выходящие замуж, должны были покрывать голову. Если кто-то видел замужнюю женщину без головного убора или из её причёски выбивалась хотя бы одна прядка, то про неё говорили, что она *опростоволосилась*, то есть опозорила себя и свою семью. Чем богаче был украшен головной убор, тем выше положение женщины в обществе. Отсюда и пошло выражение – *кичиться своим богатством*, от слова кичка.

Парк Любви и Счастья

Музей «Дом Пояса Пресвятой Богородицы»

*Изделия золотошвей на выставке
«Уникальная Россия»*

Панно «Земля Новоторжская»

Панно «Нило-Столобенская пустынь»

Панно «Путешествие из Петербурга в Москву»

Олег Алексеевич Иванов

Золотая медаль

Тогда девочки принимались готовить себе приданое в 8–9 лет. Последняя вещь, её они сами делали, была вышитая на правую руку рукавичка. Каждый год в Торжке проходили «Никитские ярмарки» невест. На них девушки, облачаясь в лучшие костюмы, выстраивались в рядок и надевали на правую руку свою вышитую рукавичку...

2

И всё же, думаю, главное чудо заключено в ином. Когда над страной закружили «вихри враждебные» перестройки и «дикого капитализма», они разрушали всё подряд. Россия в одночасье стала «дотационной и убыточной», как будто в ней не существовало промышленности, сельского хозяйства, нефтедобычи и газодобычи, народных промыслов. Только почему-то олигархи быстро росли на этой «убыточности», будто ядовитые грибы после тёплого дождя. Уже не народ, не государство определяли, чему быть, а чему не быть в текущей реальности, а эта самая кучка «олигархов».

Видимо, они-то и решили, что прославленный на весь мир стекольный завод «Красный май» под городом Вышним Волочком надо... ликвидировать. Это было едва ли не самое крупное предприятие стекольной промышленности в Советском Союзе, возникшее ещё усилиями известного в своё время русского промышленника и предпринимателя Андрея Болотина в 1861 году. Чего только там не выпускали – от простых стаканов до стекольных блоков для строительства домов. «Измюминкой» же «Красного мая» было цветное накладное стекло, изделия из него практически нигде в мире не делали – только здесь, в Вышнем Волочке. Не передать всей красоты, всех фантазий художников, по эскизам которых искусные мастера выдували чудо-вазы, чудо-цветы, чудо-сувениры...

В начале 80-х годов XX века на заводе произошло ещё одно чудо. Красномайцы по просьбе правительства СССР возродили выпуск рубина. Никто не верил, что это получится. Рецепты русского рубина были утрачены, но всё-таки мастера «Красного мая», где методом проб, где профессиональным чутьём, сварили-таки рубин. Им обновили символы на башнях Московского Кремля. А через какое-то время красномайцы сварили рубин для памятника русским воинам на Шипке в Болгарии...

Теперь на месте уникального завода – руины, уничтожено всё!

Не только производство превратили в прах. Самое главное – осквернили и попрали людскую память. В отличие от нынешних олигархов и крутых «бизнесменов», основатель завода Андрей Болотин думал о людях. В посёлке действовал народный театр, положивший начало старейшему на тверской земле Вышневолоцкому государственному драматическому театру, работали школа, детский сад, больница... Да ведь не один Болотин был, он не выглядел «белой вороной». К слову, при поддержке Саввы Мамонтова (1841–1918) в России организовали несколько художественных мастерских, которые развивали традиции народного творчества и ремёсел.

Сюда по приглашению известной ткачихи Валентины Ивановны Гагановой приезжал первый в мире космонавт Юрий Алексеевич Гагарин. Она с ним познакомилась в Москве на каком-то важном форуме и зазвала в Вышний Волочёк. А как без «Красного мая»? Юрий Алексеевич, конечно, посетил завод, самолично выдул в цехе через мундштук стеклянное изделие...

Разгромленный стекольный завод – остовы цехов – свидетельствует о том, что одна из целей существующего в стране режима – разрушение и материальное, и духовное.

Панно «Портрет Сталина»

Точно такая же участь ожидала и золотошвейный промысел в Торжке. Но, слава богу, удалось избежать разора, произошло главное чудо.

3

«Золотой медали» Российского фонда мира не так давно был удостоен Олег Иванов, руководитель компании «Торжские золотошвейи». Редкую награду – за благотворительную деятельность и возрождение народного промысла – Олегу Алексеевичу вручили в Твери. Руководитель тверского отделения Фонда Сергей Рогозин на вручении медали сказал, «что найти более лучшую кандидатуру» было невозможно.

Ощущение необычное, будто я вошёл в чудо, как в собственный дом. Чудо потрясло своим искусством, притягивало, как магнит. Оно имело название – «Земля новоторжская. Это – внушительное панно, сотворённое мастерицами золотого шитья. Подобного нет у нас в стране, да, пожалуй, и во всём мире. Неизбывным теплом Родины, далёким прошлым,

гордостью за дела предков веяло от данной, без преувеличения, чудной картины, самой масштабной за всю историю старинного промысла.

В её основе – план Торжка XIX века, с архитектурными сооружениями, рекой Тверцой, она разделила город на две части, с монастырями и церквями, заставами – Ржевской, Бежецкой, Московской, Осташковской и другими. Со сценами народной жизни, будто только что увиденными за окном. И конечно – с гербом, утверждённым Императрицей Екатериной II.

Шесть голубей – шесть дорог, ведущих в Торжок.

Три золотых голубя – богатство города.

Три серебряных голубя – гостеприимство.

Красные ленточки на шеях голубей напоминают о трагических временах, когда город был деревянным и несколько раз сгорал дотла. Да ещё иноземные захватчики более двадцати раз разрушали Торжок за всю его тысячелетнюю историю. Но, будто мифический Феникс, город восставал из пепла и руин краше, чем прежде...

Перед картиной вспомнилось, как говаривали в старину: «Привези мне из Торжка два сафьянных сапожка». Этими сапожками сафьяновыми новоторы (жители Торжка) всерьёз славились. Но главные подарки из города на Тверце связаны с золотым шитьём. Недаром Александр Сергеевич Пушкин, бывавший в Торжке более двадцати раз, писал жене поэта Петра Вяземского, своего друга, что он привезёт ей из Торжка пояса, которыми она заткнёт за пояс всех столичных красавиц. Конечно, речь шла о поясах с золотым шитьём. Но задолго до Пушкина слава о мастерицах из Торжка гремела по всей Руси великой...

Страшно даже подумать, что относительно недавно старинный промысел был на грани краха. От него, наверное, ничего не уцелело бы, как ничего не осталось от знаменитого на весь мир стекольного завода «Красный май» под Вышним Волочком. Слава богу, нашёлся в прямом смысле спаситель, взвалил на плечи ответственность за дело, которое составляет гордость не только Торжка, но и в целом Верхневолжского края. Им стал инженер Олег Иванов, прежде уже пробовал свои силы в рыночных условиях.

– Олег Алексеевич, что побудило Вас поддержать «золотую нить»? В чём секрет уникального промысла? Любовь ко всему прекрасному, чудесной окрестной природе или практический расчёт?

– В двух словах не объяснить, но я скажу коротко и ясно. Мне дважды предлагали купить фабрику. Первый раз мы не сошлись в цене, акционеры искали инвестора, который сразу бы вложил средства, предприятие находилось на грани банкротства. Это было десять лет назад. Позже всё же взяло верх чувство патриотизма. Я вырос в Торжке, здесь у меня семья, родные, друзья. Город прекрасный, и я подумал: «Почему бы его не развивать?» И бросил, что называется, вызов самому себе: захотел доказать, что народные промыслы могут полноценно существовать в новых экономических условиях, быть модными и прибыльными.

Честно признаюсь, – продолжал собеседник, – я купил «кота в мешке». Когда пришёл на фабрику, там «царил коммунизм»: бюст Ленина у входа, работницы пели, плясали, читали книги, играли в духовом оркестре, ходили в библиотеку, и всё – в рабочее время. Я людям сказал: «В рабочее время будем работать», и привёл свою команду управленцев. Да, тогда тяжело было, сложно. Но я уже имел кое-какой опыт: руководил организацией по строительству дорог, занимался деревообработкой, пробовал разные виды бизнеса. Когда вник в значимость золотого шитья, стал разбираться в швах, материалах, моделях, я просто в него влюбился.

Даже скажу больше: золотое шитьё в Торжке – не просто промысел, это – искусство высшей пробы. Оно стало моим любимым детищем, оно – для души. В том принципиальная разница между золотым шитьём и другими видами бизнеса, которыми я также продолжаю заниматься.

4

Думаю, Олег Алексеевич глубоко прав. Золотое шитьё – именно искусство. Трудно установить дату, когда оно возникло на новоторжской земле. Есть предположение, что промысел проник сюда из древней Византии. Находки, сделанные в Борисоглебском монастыре на берегу Тверцы, свидетельствуют, что промысел продолжал существовать и после нашествия войск татаро-монгольского хана Батыея, которые после длительной осады сожгли город дотла.

Очень важно, что золотошвеи тесно связаны с православными традициями, сохраняли их, развивали. Это говорит о духовной составляющей промысла. В XIX веке лучшими мастерицами считались монахини Воскресенского женского монастыря в Торжке, уцелела большая их работа «Троицкий литургический комплект» (1860).

Отрадно, что и золотошвеи наших дней ничуть не уступают своим предшественницам. Они создали одно из самых красивых панно – «Нило-Столобенская пустынь», работа изумляет своим содержанием. Здесь был впервые использован особый способ шитья золотом. Отдельно отшивалась фигура святого преподобного Нила Столобенского, основателя монастыря на острове Столобном на Селигере, образы Ангелов, контуры обители. Автор – художница Вероника Алексеева, ну а осуществлял её замысел весь коллектив вышивальщиц.

Эта прекрасная работа заняла I место в Москве на выставке-ярмарке в номинации «Православие в современном производстве».

– Как Вы, Олег Алексеевич, оцениваете в целом состояние народных промыслов в России и бережение традиций?

– На сегодняшний день состояние отрасли тяжёлое. Да, Министерство промышленности и торговли поддерживает некоторые промыслы, и они чуть-чуть живут. Если бы не было поддержки, то половина из них уже могла бы умереть, а так ещё держатся на плаву. В стране есть промыслы, которые советская власть сохраняла для народа, так сказать, для рабоче-крестьянского сословия – что-то из бересты, что-то из глины, всё то, что можно было сделать из каких-то подручных материалов. Ну а золотное шитьё та же власть, мягко говоря, гнобила. Оно было нужно только для того, чтобы вышивать на знамёнах портреты вождей, костюмы и декорации для постановок в театрах или для съёмок кинофильмов. Но как искусство промысел практически не развивался. Когда же наступила перестройка, он просто обвалился. А чтобы промысел развивался в данном направлении, требовалось создать новую, свою систему управления и всего остального.

И действительно, мы изменили схему создания продукции, учёта и торговли. Провели очень серьёзные маркетинговые исследования. Возродили художественный совет, ныне он стал самым важным «рабочим органом», через обсуждение проходят практически все изделия фабрики – от больших до сувениров. Более трёх лет фабрика приносила убытки, но потом мы достигли самоокупаемости и остаёмся на этом уровне. Мы вошли в десятку самых крупных народно-художественных промыслов. Сегодня Тверская область известна в стране и за рубежом двумя символами – золотым шитьём из Торжка и пивной продукцией фирмы «Афанасий».

К сожалению, пандемия принесла золотошвеям большие проблемы. Пришлось, во-первых, переорганизовать внутреннюю работу, мы ощутили падение спроса. Во-вторых, турист стал не столь платёжеспособным, как прежде. Поменялась и структура туризма, уже не приезжают на больших автобусах, а чаще – на машинах, поменялись предпочтения, поменялось и восприятие туристами промысла. Раньше приезжали даже иностранцы – немцы, китайцы, теперь это – редкость. Мы тоже пересмотрели

подходы, что позволило удержаться от впадения в очередной кризис. Удержались благодаря тому, что у нас есть опыт работы во многих отраслях, и мы берём средства оттуда на поддержку промысла, в первую очередь на наши музеи, потому что они – социальные объекты. Через них мы привлекаем жителей области, туристов к истории города, к истории промысла золотое шитьё.

Музеи в Торжке, созданные по инициативе Олега Алексеевича и фактически на его средства, – явление уникальное. На центральной улице Торжка открыли музей «Дом Пояса». В нём взгляду предстаёт неповторимый, расширенный «Пояс Богородицы», на котором отшита известная православная молитва «Живый в помощи Вышнего...» (90-й псалом царя Давида). Думаю, все, кому удалось побывать здесь, надолго сохранят в душе светлые чувства.

– Вот вы побывали в «Доме пояса» и узнали, какое символическое значение имел пояс на Руси, – продолжал собеседник. – Моя задача как руководителя и гражданина сделать так, чтобы было больше подпоясанных – культурных, надёжных, нравственных людей – и меньше распоясанных. Рядом с этим Домом была помойка, мы привели территорию в порядок, создали «Парк Любви и Верности», он стал любимым местом отдыха горожан. А есть ещё придорожный комплекс «Птицы счастья», другие музейные объекты. Я всегда говорил и продолжаю утверждать, что промыслы, подобные нашему золотому шитью, представляют для народа, для страны, пожалуй, куда большую ценность, чем, скажем, «Газпром», «Лукойл» или другие уважаемые компании. Будут ли они существовать через 100 лет? Неизвестно! А промыслы будут. Потому что они представляют собой соединение русских традиций, русской народности, высокой моды, что очень важно для воспитания настоящего, а не показного патриотизма. Поэтому следует беречь народные промыслы, определять стратегию их развития, сохранять мастерство.

– *К слову, о мастерстве. Без него промысел не может существовать. Как Вы готовите кадры?*

– Тяжёлый вопрос. Мало кто идёт в народные промыслы, из Торжка молодёжь чаще уезжает. Где взять кадры? Проблема из проблем! Мы пытаемся либо вернуть старые кадры, либо сами кого-то выучить. Да, есть училище, но за десять лет оно дало нам не более десяти выпускников. Молодые хотят «всё и сейчас», а шить, особенно вручную – труд кропотливый, надо учиться годы, чтобы стать мастером – десятки лет. Ситуация требует разрешения. На мой взгляд, пока Министерство образования не поймёт, что в подготовке кадров главную «скрипку» должны играть предприятия, толку не будет. Изменения в этом направлении есть, мы надеемся, что они дадут хорошие результаты.

– *Какие перспективы Вы видите?*

– Хотя пандемия нанесла нам серьёзный урон, но мы многое в своей деятельности перестроили и с оптимизмом смотрим в будущее. Через наши музеи пройдут тысячи людей, они прикоснутся к искусству золотого шитья и не останутся равнодушными. Стараемся представить наши изделия по всей стране и за её пределами, и неплохо получается. Недавно ездили на выставку-ярмарку «Славянский базар» в братскую Белоруссию, где встретили хороший приём, а белорусам очень понравилась наша продукция. Самое главное – у нас дружная команда на производстве, в музейном сообществе, и это подаёт надежду.

Торжок – Вологда

Берега прочтения

Людмила Воробьёва

Людмила Воробьёва – член Союза писателей Беларуси с 2017 года, лауреат Международной премии им. С. Есенина «О Русь, взмахни крылами...» (2017), Международного литературного конкурса «Славянский калейдоскоп – 2018», посвященного Дню Единения России и Беларуси (Минск). Автор книг литературной критики: «Душа слова» (2015), «Время жизни, любви и подвига» (2016), «Единство вечных истин» (2018). Литературно-критические статьи публиковались в российских газетах: «День литературы», «Литературный Санкт-Петербург», «Дагестанская правда», «Приневский край» (г. Гатчина), белорусских: «ЛіМ», «Звезда»; журналах: «Берега», «Невский альманах», «Язык и литература: проблемы теории и практики» РАН Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, «Аспект» (Belgrade – Minsk), «Новая Немига литературная», «Белая Вежа», «Родные слова», а также на Интернет-порталах: «Литературный Санкт-Петербург – Дом писателей», «Осиянная Русь», «Русское Воскресение», на сайте газеты «День литературы», холдинга Издательского дома «Звезда» – «Созвучие: литература и публицистика стран СНГ», республиканском сайте Союза писателей Беларуси.

«Лишь бы не было войны!»

О книге Натальи Советной «Затаённое слово»: повести, рассказы, очерки (Минск, 2021)

Мы внемлем. Мы жить не устали,
Но грозно на крестной стезе.
Мы стиснули души, мы встали –
Живые и мёртвые – все.

Игорь Григорьев

1

Говорят, что время притупляет и самые острые впечатления. Но страшный опыт войны свидетельствует об обратном. У человеческой памяти нет сроков давности. Для Беларуси, потерявшей в период немецко-фашистской оккупации каждого третьего, военная тема по-прежнему жива и современна. Война генетически вошла в быт, уклад жизни, в духовное мировосприятие белорусского народа. Память о трагедии, которая произошла на этой многострадальной земле в 1941–1944 гг. двадцатого столетия, будет жить вечно, потому что здесь уже подключается не только память природная, но память сущностная, народная.

Правдивый ужас оккупации – как живёт и побеждает дух человека в исключительно враждебной среде – основная идея книги Натальи Советной «Затаённое слово». Некая божественная двойственность скрыта в самом названии, может быть, потаённая сила жизни и затаённость человеческой души, до поры до времени пребывающие под спудом, чтобы однажды из чёрных оков плена вырваться на просторы родной земли, к свежему запаху лугов и полей, к весеннему солнцу и свету. Наталья Викторовна – известный прозаик, поэт, публицист, критик, кандидат психологических наук, автор 15 книг поэзии и прозы, лауреат многочисленных республиканских, всероссийских и международных литературных премий, общественный деятель Союзного государства.

Историческая память должна быть правдивой, сегодня – особенно. Искажаются факты и события той стремительно уходящей от нас войны, до сих пор не написана полная история Великой Отечественной – нашей общей всенародной эпопеи. Само понятие войны многомерно, неоднозначно. В известном смысле историческое поле о минувшей войне – это серьёзная

«поколенческая» проблема, требующая ответственного нравственного усилия. Суд истории творят потомки, и Наталья Советная не забывает об этом. Её восприятие войны как таковой, без лишней героизации и пафоса, высвечивающее отдельную человеческую судьбу, представляется мне куда более значимым. Наталья Викторовна родилась спустя 11 лет после войны и относится к тому поколению, кто знает правду о войне из первых рук. Ей удалось показать иной образ войны: глубже и серьезнее взглянуть на героиню повседневности, почувствовать внутренний мир человеческой души, погружённой в атмосферу хронического страха, удалось будто воочию увидеть мир сильных эмоциональных переживаний, ощутить собственным сердцем мир неистовой ярости и любви к жизни.

«Самую правдивую книгу о войне напишет тот, кто родился спустя 20 лет после войны», – неоднократно повторял Виктор Астафьев. Из его фразы ясно, что свою солдатскую правду писатель не считал истиной в последней инстанции. Как тут ни вспомнить и слова Ильи Эренбурга: «Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес. Она не похожа на её описания, она и проще, и сложнее. Её чувствуют, но не всегда понимают её участники. Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи». Василь Быков постоянно подчёркивал, что «по-настоящему сказать о минувшей войне могут только её участники и свидетели». Прозаик открывал чудовищное лицо Второй мировой войны, но при этом был убеждён, что и в мирный час необходимо писать о войне. Очевидно одно: при всех существующих противоречиях каждый автор по-своему прав. Правда у них – не просто «солдатская», правда у этих писателей – рубежная, утверждающая правду историческую, национальную, организующую людей в единое духовное целое.

Большая Отечественная война, страшная сама по себе, наполненная мучительными годами насилия и террора, неслучайно проникла в прозу и поэзию Натальи Советной. Предельно остро ощущает она свою писательскую и гражданскую ответственность, каждое её слово выстрадано и прожито. Книга посвящена землякам-городокчанам, – настоящим героям, мужественно перенёвшим войну и послевоенное лихолетье, заново восстановившим разрушенные, а зачастую и полностью стёртые с лица земли города, посёлки, деревни. Оккупация: безумие нацизма, рабство, страх, горе и одновременно великое сопротивление злу, ожидание спасения, Победы. Редактор книги Алёся Коршак была потрясена, насколько детально, до мельчайших подробностей описаны автором все события, будто кинокадры тех огненных лет возникают перед глазами, заполняя собой действительность и перенося в совершенно иную жизнь – жизнь кромешного хаоса войны. Согласитесь, подобная убедительная сила воспроизведения войны – явление редкое в наше прагматичное время.

Стоит отметить, проблемное поле современной русской и белорусской литературы о войне определяется её стремлением выработать целостно-обобщённое знание о человеке и мире в экстремальной ситуации. У Натальи Советной есть обострённое внутреннее стремление осмыслить тёмные, трагические стороны народного бытия, расчистить «переписанные», и не раз, исторические страницы. Представители поколения «детей войны» запомнили войну иначе, чем их непосредственные предшественники. Трагический аспект войны в этих воспоминаниях в книге Натальи Советной явно преобладает над героическим. Народ под оккупацией – это нечто иное, чем народ, сражающийся с оружием в руках. Разумеется, она ни в коей мере не умаляет и тот момент, что было яростное сопротивление, партизанское и подпольное движение, и конечно же, была Победа, но сам человек и его переживания в её произведениях выходят на первый план и становятся главным эмоционально-болевым эпицентром. Тема военной оккупации, которая в белорусской литературе является темой общенационального звучания, в её рассказах, повестях и очерках впечатляет смелыми взглядами и подходами, подчас поражая запредельным психологическим накалом эмоций, ярко выраженным концептом человеческой значимости. Наталья Викторовна – основательный и всесторонний исследователь человеческой души. Вероятно, способствуют этому и её профессиональные навыки психолога. Вместе с тем автор продолжает реалистические традиции нашей русской и во многом, я бы сказала, белорусской прозы, заложенные К. Чорным, Я. Брылём, признанными классиками военной прозы В. Быковым, И. Чигриновым.

Используя свой жизненный опыт, накопленный литературный «материал», Н. Советная осваивает непростую проблематику войны в широком историко-краеведческом, социально-культурном и религиозном контексте современности. Сегодня подобные темы стараются обходить, писатели чаще всего работают в привычном для них поле «окопной», «солдатской», «лейтенантской» прозы. Но Наталья Советная не боится затрагивать вопросы малоисследованные: оккупация, плен, застенки гестапо,

еврейские гетто, концентрационные лагеря смерти – сложные и спорные для обсуждения темы. По праву кровного родства, по праву неизбежной боли поколений, испытавших трагедию войны, пишет она свою книгу. Не ошибусь, если скажу, что во многом это повествование и о ней самой, о её жизни на белорусской земле, связанной с Городокщиной, удивительно щедрым краем, о его трудолюбивых и творческих людях, с какими писателя свела судьба. Да, это горькое и вместе с тем светлое повествование, в основу которого легли реальные события, реальные человеческие истории и которое не нуждается в надуманном художественном вымысле. Суровая правда жизни – вот прежде всего та крепкая почва, что питает её военную прозу. Невольно возникает чувство: автор, его герои, читатели – все мы участники не только военной истории, но и прямые собеседники каждого разговора, который ведёт Наталья Советная, а ещё и непосредственные соучастники её личной истории. Она бережно собирала жизненный и документальный материал, не день и не два, а длительное время, чтобы перенести на бумагу, чтобы оживить ушедшую память, которая должна стать нашей общей достоверной памятью. Зримо предстают реальные судьбы, захватывают реальные рассказы, отражающие ментальность национального мышления народа, его культуры. Вместе с памятью поколений Наталья Советная возрождает традицию, воедино связывает времена, зримо высвечивает суть прошлого, настоящего и будущего.

В пространстве книги явственно звучит голос самого автора, ибо в военной литературе его роль и ответственность перед читателем возрастают. Война на Городокщине будто соткана и насквозь прошита переплетением человеческих жизней и судеб. Повествование ошеломляет грандиозным размахом: сводки и письма с фронта, сведения о передвижении советской и вражеской армий, описание наступательных операций, архивные материалы и документы, фактологические данные, цифры. Эти небольшие произведения писателя вполне могли бы перерасти в роман, они изобилуют множеством героев, событий, разнообразием сюжетов и сквозных тем. Есть одна присущая им черта: все они объединяются в неразрывное целое, тем самым дополняя и продолжая друг друга. Светлой нитью вкрапливаются в тексты и личные авторские воспоминания: беззаботные школьные годы, любимые учителя, друзья детства и юности. Всегда важен автобиографический момент!

Пока историки и политики спорят над теми или иными фактами той войны, необходимо донести боль правды, переживаний живых свидетелей и участников тех далёких и в то же время таких близких событий, заставить нашего современника почувствовать пульсирующий нерв их жизни, оказавшейся «под колёсами войны».

2

Очевидной выразительной особенностью изображения войны в русской и белорусской литературе является тот факт, что самые великие и главные страницы, начинающиеся со «Слова о полку Игореве», написаны о поражениях. Борис Васильев выделял две большие литературы военного характера, классические, – прежде всего русскую и белорусскую.

Нельзя не отметить, что в творчестве Натальи Советной как раз и прослеживается сближение белорусской и русской литератур, определяющими само единство восточнославянской традиции. Человечность, нравственные идеалы добра, христианские критерии любви, гуманизма – вот те духовные ценности, которые утверждает писатель. Как известно, наиболее тяжёлым был начальный период Великой Отечественной войны. В первые месяцы войны вся территория Белоруссии была оккупирована германскими войсками. Уже 28 июня 1941 года немцы вошли в Минск. Целых три года белорусская земля находилась под жутким игом нацизма. Молниеносное развитие событий описывает в своей книге и Наталья Советная: *«16 июля 1941 года начался отсчёт оккупации Городокщины, а с 26, со взятием Могилёва, вся Белоруссия оказалась под властью немцев»*. Не так много сегодня произведений о войне, посвящённых оккупации, увиденной изнутри. Не стоит забывать, что жизнь порой выше литературы. Жизнь, вставшая у Натальи Советной, как когда-то и у Василя Быкова, под знак беды и предельного испытания.

Тревожно начинается её повесть «Канарейка», рассказывающая о тех роковых событиях: *«Массовая мобилизация в действующую Красную Армию в городе и районе завершилась за три дня. <...> Но уже с третьего июля немецкая авиация неистово бомбила город, преграждая путь двигавшимся со стороны Невеля на защиту Городка полкам двести четырнадцатой стрелковой дивизии под командованием генерал-майора А. Н. Розанова. Девятого июля, на девятнадцатый день войны,*

по старой полоцкой дороге нескончаемой гремячей змеей вползли в город гитлеровцы. В три ряда – впереди мотоциклисты, стреляющие по окнам домов, за ними в клубах пыли, с закатанными до локтей рукавами, солдаты на велосипедах».

Раскрывая тему оккупации, тягостную жизнь в плену, говоря о партизанской борьбе и освобождении, автор показывает пограничное состояние человека в жёстких условиях войны. Юная Нина Слинькова, которую подпольщики наградили условным именем «Канарейка», – главная героиня этой повести. Пятнадцатилетняя девочка передаёт партизанам сведения о немецких машинах, о боевой технике и вооружении, о железнодорожных составах, о передвижениях и численности противника. Да, именно эти мальчики и девочки воевали наравне со взрослыми: ходили на разведку в глубокий тыл врага, считали фашистские танки и артиллерийское орудие, запоминали расположение дотов и дзотов, поджигали дома, в которых гитлеровцы останавливались на постой, осуществляли оперативную связь с партизанами, подрывали вражеские поезда. Но главное – стойко держались на допросах. Как же было невыносимо им видеть и переносить то, что вместо привычных красных звёзд – родных и негасимых – вокруг тусклым светом горели чёрные свастики.

«Руки их – в крови, в крови человеческой. Слыхала Марфа Слинькова, что бывало и так: одна семья разделялась. Одни в полиции, другие – в партизанах. Ни дать, ни взять – Каины и Авели. Как разобраться? Кому верить?» – размышляет в повести мать Нины, решив доверить судьбу дочери подпольщику Константину, Костику, как его называли в отряде. Автор поднимает здесь извечную морально-философскую проблему – герои или предатели – подпольщики-партизаны или каратели-полицаи. Да, честных и совестливых было больше, которые ни при каких обстоятельствах, что бы с ними ни происходило, никогда на путь предательства не становились. Каины побеждать не должны, но сегодня снова идёт борьба и снова на чаше весов – судьба человечества. Хотя нравственность и выгода – разные категории. Предательство – сквозная повествовательная линия в книге Натальи Советной. Как ни прискорбно, среди местного населения встречалось немало и предателей. Коллаборационизм – нелёгкое, подчас хитросплетённое явление осознанного и вынужденного сотрудничества с врагом на оккупированных территориях. Глубины и бездны человеческой души на войне – непостижимая, скрытая тайна. Однако в целом тема предательства сопряжена с темой героизма – как противостояние абсолютного зла и добра. Впрочем, мы неоднократно убеждаемся и в обратном – зло относительно, в то время как добро абсолютно. Это как раз и доказывают отважные герои Н. Советной. Кроме того, её страстное слово правды обрело здесь новое мощное дыхание. У добра и зла тоже есть свои имена.

Пожалуй, один из самых пронзительных эпизодов повести «Канарейка», возможно, даже и всей книги – предательство деда Кузьмы, который из-за страха потерять свою хату выдаёт полицаям партизанскую связную Антонину вместе с её маленьким ребёнком: *«Дед Кузьма стоял посреди вмиг опустевшей и онемевшей хаты. За окном выл ветер. Болтались на верёвке постиранные пелёнки. На полу валялась недочищенная бульбина, на лавке – чугунок с водой, который Антонина собиралась ставить в печь. Старик бросился к окну – половицы под ним непривычно гулко зашуршали, застонали – обиженно заплакала, заголосила дедова хата. Сквозь заледеневшее стекло он увидел, как шагнула за калитку, в октябрьскую стужу его квартирантка. С непокрытой головой, с крошечным дитём – беззащитная, обречённая, окружённая полицаями, будто стаей волков. Хохлову вдруг почудилось, что это вовсе не Тоня Судьёва, а его Анютка, нежная, хрупкая, родная, с маленьким Ванюшкой на руках. Уходят! И если не вернутся назад, то никогда уже не увидит он своего Ваню. Дед Кузьма схватил ломоть хлеба, метнулся в сени, достал со дна кадки кусочек сала, обмотал тряпичкой, выскочил из избы: – Стойте, стойте! – Ветер заглушал его крик. Он бежал и бежал, пока один из полицаяев не услышал, не остановился, не окликнул остальных. – Прости меня, дурака старого! – задыхаясь, взмолился Кузьма Иванович и повалился перед Тоней на колени».* Автор, пытаясь быть беспристрастной, не судит предателя, а всего лишь передаёт его душевное состояние, его непоправимое падение, но сцена раскаянья представлена настолько откровенно, с таким психологическим драматизмом, что старик сам себе судья и палач. *«Полицаи выполнили приказ: она пролежала в овраге до весны. Рядом – крохотное тельце ребёночка. Он выполз из-под материнского кожануха и замёрз. Их похоронили на кладбище в деревне Заречье. На могилке – простой железный крест. Вскоре запыльхали Росляки, где жили родные Тони Судьёвой. Не осталось ни одного дома. Жители, предупреждённые связными, успели спрятаться в лесу»*, – две судьбы изображает Наталья Советная, две человеческие трагедии – совершенно разные по-своему эмоциональному восприятию. А сколько недосказанного

остаётся за кадром – целая зловещая мистерия оккупационного бытия. Более того, писатель на новом рубеже третьего тысячелетия вновь осваивает нашу военную литературу, я бы сказала, осваивает с какой-то жертвенной, всепоглощающей самоотдачей.

Прошедший войну поэт-партизан Игорь Григорьев в своём автобиографическом очерке «Всё перемелется» вспоминал: «Отечественную войну я встретил и провёл на Псковской земле. Хлебнул унижения, тоски, горестных тревог, чёрных мук оккупации. Время – лихо, жуткое время, до предсмертного вздоха своего не перестану вспоминать о тебе!» Возникает прямая параллель и с книгой Натальи Советной, перекликающейся похожими мыслями и чувствами, которые этот период вызывал и у Игоря Григорьева, писавшего о нём: «Оккупация – это свои люди сами не свои, чужеземцы вокруг и около, анабиоз жизни, полицаи, подпольщики, есть очень хочется, но ещё пуще жаждется жить. И заново нарождающаяся, попранная и бессмертная вера в Бога, и, как Божий дар, любовь к Отечеству и свободе с надеждой на спасение и Победу». Ужас немецкой оккупации: еврейские гетто, тысячи расстрелянных – всё это накрывает тебя с головой, парализует любую мысль, способную здраво анализировать происходящее. Продолжая тему, Наталья Советная абсолютно ни в чём не идеализирует ту жизнь, предельно обнажая ситуацию: *«Лютуют немцы. Страх, страх, як лютуют! Сказывают, много людей забили в Езернице. Директора школы тоже. А мужика с жонкай и детьми за то, что листовки читали! Всех забили»*, – рассказывает Нине её крёстная Ольга Афанасьевна, испытывавшая явный страх за юную связную, которая передавала в лес нашим бойцам хлеб, льняное масло, соль, махорку и «по партизанской эстафете» распространяла листовки. Автор не щадит ни себя, ни читателя, когда от имени подпольщика, железнодорожника Михаила Егоровича, приводит в тексте его жуткое сообщение, адресованное партизанам: *«... в Городокской тюрьме в день перед Рождеством казнили шесть человек. Вывели на мороз и поливали ледяной водой, пока насмерть не замёрзли. А двоим отрубили ноги и руки, живыми выбросили за городом. Пусть наши об этом знают – злее воевать будут!»* Как видим, Наталья Советная стремится не к описательности сюжета, а прежде всего раскрывает жизнь подлинных чувств в самые напряжённые моменты, на грани жизни и смерти.

Но, несмотря ни на что, человек должен был как-то приспособиться к существующим условиям. Ведь даже в немецком плену он пытался выстоять, изо дня в день, пусть хоть на краткий миг, но приближая Победу. В этом и заключался невидимый героизм людей. К тому же, может, не так страшен чёрт, как его малюют, всегда учила выносливости и терпению народная мудрость. В русле военной темы у автора параллельно идёт и достоверное изображение деревенского уклада жизни, быта, труда крестьян, в чём, безусловно, Наталья Советная проявляет основательное знание народных традиций и обычаев белорусов. Она чувствует язык народа, само народное слово, будто зачёрпнутое из чистых родниковых криниц. В этом слове сказались и деревенская простота, и детская наивность, и неподдельная искренность, и естественная радость. *«Гляжу – волк на краю дороги, впереди меня! Я – как вкопанная. И он сидит, не варухнётся. Назад бежать уже надумала, до сосны, чтоб забратсья по-выше. Сидит. Тогда осмелела я, шаг навстречу, другой – не варухнётся... Это ж камель берёзовый оказался! Берёзу повалило, снегом запорошило, а камель торчит, что тот волк!»* – слышим мы живую, красочную речь Нины, взхлёб рассказывающей о своих лесных приключениях. Сила и красота народной речи таится в природном образе. В реальной жизни природа часто наделяется человеческими чертами, устремлениями, волей. Автор этот загадочный феномен переносит и в литературу, будучи глубоким и тонким художником слова. Постигая секреты народной культуры, Наталья Советная бережно сохраняет притчевое и пословичное любомудрие.

Заслуживает уважения и тот факт, что приёмы публицистичности, которые встречаются в её художественно-документальной прозе, не снижают его эмоциональной силы, а, наоборот, привносят большей убедительности, наполненности и значимости представляемому моменту истории. Событийно-насыщенное содержание автор помещает в достаточно сжатые рамки текста, поэтому документальность, фактичность предлагаемого в книге материала естественны, целостны и, как никогда, актуальны. *«На территории района боевые операции проводили отряды нескольких партизанских бригад: второй Белорусской имени П. К. Пономаренко, первой и четвёртой Белорусских, первой Витебской, имени Кутузова, имени Ленина, имени Краснознамённого Ленинского комсомола. Не справляясь с партизанским сопротивлением, терпя поражения на фронтах, гитлеровские оккупанты мстили беззащитным мирным жителям. В марте сорок второго года были сожжены местные*

деревни Вологино, Лешково, Медведево, в апреле – Рудаково, в июне – Водяники, в июле – Вишнёвка, Зайково, в августе – Вышедки, в октябре – Яночки, Авданьки, Жуково, Украйце. В ноябре-декабре запыхали десятки деревень вместе с людьми», – читаем в одной из глав повести «Провал». Далее по тексту (внизу страницы) даётся сноска: * «Только в ноябре 1942 года в Городокском районе Витебской области фашисты сожгли 62 деревни и уничтожили в них 1239 человек. Всего же по данным книги «Память: Городокский район» (Минск: Беларусь, 2004) уничтожено 183 деревни и более 8 тыс. человек (сожжены, расстреляны, повешены). В настоящее время есть предположение, что деревень было сожжено около 300». Такovy статистические данные, они жёстки, убийственно немолимы, за ними стоят тысячи жертв, тысячи оборванных жизнью и человеческих связей, тысячи и тысячи не рождённых детей. Только в Витебске, в котором до войны было свыше 170 тысяч жителей, на момент освобождения осталось немногим более ста человек! Действительно, крайне сложно в небольшой литературной форме охватить огромный объём военных событий. Тем более, когда возникает необходимость дать чёткие сведения обо всех наступательных операциях. Именно благодаря документально-публицистическому характеру описания, основанному на реальных фактах, театр военных действий выглядит в книге многопланово, точно и подлинно.

Кроме того, автор на протяжении всего повествования обращается к природе. В ней всегда народ находил радость и покой, она питала его внутренние силы. У Натальи Советной всегда прослеживается это единство человека и мира природы. Не случайно слова Родина, народ, родник, природа – одного корня. В повести образ Родины неизменно связан с образом родной земли: *«Под ногами похрустывали мёрзлые листья, редкий медленный снег долго кружил в воздухе, словно не желал касаться земли. Нина смотрела на прозрачную воду родника, бьющего сильной пульсирующей струёй на краю оврага, и не могла оторваться. Что-то завораживающее было в этой живой силе, сопротивляющейся ноябрьской стуже и даже лютым морозам. Она знала, что родник пробивался и сквозь льды, которыми за студёные месяцы обрастало лоно земного ключа. Он пульсировал, словно могучее горячее сердце, заставляющее растекаться по жилам животворящую кровь»*. Пожалуй, главное художественное открытие здесь как раз в том, что извечную проблему человека и природы автор видит и как проблему исторической судьбы – судьбы народа, судьбы его земли, судьбы грядущего. После его несчастий, унижения, потерь природа не только скорбит вместе с ним, но и посылает ему надежду, возрождает в нём стремление к Победе.

Художественная поэтика Натальи Советной приводит нас к пониманию, что военную литературу не стоит делить сугубо по национальному принципу. Вспоминается писатель Иван Чигринов, страстный путешественник по родному белорусскому краю. Его война – это тоже «война под крышами», он определял её по названию романа Алеся Адамовича. В своём произведении «Свои и чужие», продолжающем военную эпопею, в которую вошли его романы «Плач перепёлки» и «Оправдание крови», Чигринов рассказывает о соединении небольших партизанских групп на территории Белоруссии в единый ударный кулак, само название таит в себе противоречивые смыслы: белорусы и фашисты, наши и враги, герои и предатели. Роман начинается с описания «многострадальной осени» 1941 года в Забесежье. Что характерно: пока «осень и зима тягались друг с другом на невидимых весах», за переменчивыми явлениями природы, как замечает автор, «в тот год некому было в Веремейках особо наблюдать да размышлять». «Война почти уловила народ в деревнях», – вот истинная причина того, почему никого не радовала природа. Иногда и она бывает человеку, словно злая мачеха, если слишком горько у него на душе. Однако в природе всё идёт по давно заведённому кругу, чередуется, никогда не сбиваясь с шага. Чигринов это объясняет так: «Если у людей происходит много чего, что нарушает порой не только привычные представления, но целиком перекраивает их существование, то в природе подобного не бывает. Она всякий раз повторяет себя, и в этом повторении человек всегда находит покой и защиту». Внутреннее равновесие души, саму себя, какая она есть в жизни, находит в природе и героиня Натальи Советной – связанная Нина Слинькова.

В русле темы оккупации в книге рассматривается и такое всеохватывающее явление, как женщина на войне. Напомним, что нравственный императив в экстремальных условиях – коренной вопрос жизни и войны – постоянно искал Василь Быков. Уместно ли это в суровых реалиях военного времени? В своей повести «Канарейка» Наталья Советная показывает женские судьбы Марфы и Нины Слиньковых, матери и дочери. Поведение женщин на войне, в оккупации и в тылу было настоящим жертвенным подвигом. Невозможно представить Победу без их самоотверженного труда и беско-

рыстной помощи, без их святого милосердия и материнской заботы. Они как-то умели, как писал Иван Чигринов, «и трудиться, и потомство сохранить, и воевать, и хлеб сеять, и посочувствовать, и раны перевязать, умели любить и ненавидеть». Вот и Марфа Слинькова, встречаясь в госпитале со своим мужем Тимофеем, перенёсшим девять ранений, пусть инвалидом, но оставшимся в живых, знает, что любовь побеждает смерть. Судьба этой обычной деревенской женщины, увиденная глазами художником-реалистом нашего времени Натальей Советной, – великая трагедия человеческого страдания. В каждом крестьянском образе сильно, поразительно точно отразился народный характер эпохи Отечественной войны 41-го года. Нина Слинькова, партизанская связная Канарейка, после освобождения Городка с невероятным энтузиазмом и молодым задором трудилась на маслозаводе, добывала на реке лёд. Всё выдержала, всё преодолела. Однажды вспыхнула в ней с новой силой зародившаяся ещё в той, её военной жизни, любовь к герою-фронтовику Степану Дергачёву: ушли вместе с войной страшные испытания, и торжествовала поправшая смерть любовь.

Одна из примечательных особенностей мастерства Натальи Советной – как увлекательного и вдумчивого рассказчика – ощущение присутствия автора. Её повесть «Небеса на коромысле» буквально с первых строк интригует необычным началом сюжета: встреча выпускников, и учитель истории Любовь Антоновна Курганович вдруг открывается своим бывшим ученикам совершенно с иной, незнакомой для них стороны. Повесть во многом автобиографична. Глава «Наставница» словно вобрала с себя это старое доброе слово, наполненное истинной человечностью, она вся от начала и до конца проникнута воспоминаниями войны, внезапно нахлынувшими на Любовь Антоновну, которую память возвращала в своё военное детство, пусть безотрадное, но дорогое ей до боли. В книге прослеживается похожий чертёж сюжетов – испытание войной. Раскрыть благородство человека – с одной стороны, с другой – низменную подлость.

Никогда не забыть героине повести душераздирающую историю, как фашисты отнимали соседскую корову, единственную кормилицу, обрекая несчастных детей на голод. Спустя столько лет ей всё слышался их безудержный, наглый смех. *«Тётя Аня упала не сразу. Голова её вдруг дёрнулась, наклонилась... Светлая косынка заалела, словно занялась пламенем, набрякла и, потеряв лёгкость, медленно поползла вниз. Всегда ласковые натруженные руки тёти Ани всё ещё крепко держали корову...»* – зримо проступает перед глазами эта кровавая картина, настолько пронзительно она представлена автором. Итак, война – это потеря близких, родных, это разруха, голод, предчувствие беды, это слёзы, боль, страдание... Но внутренняя – нечеловеческая напряжённость поразительно сочеталась в людях с верой, которая помогала им выжить и выстоять. Наталья Советная каким-то непостижимым образом совмещает веру и войну. Читатель ощущает всю глубину причастности автора к людскому горю: *«Прасковья Фёдоровна не помнила, как оказалась в хате, щёлкнула щеколдой, закрывая за собой дверь, рухнула на колени: – Боженька, смилуйся! По велицей милости Твоей и по множеству щедрот Твоих... – Дрожащей рукой она творила крест, а слёзы текли, текли по обветренным, обожжённым солнцем щекам. – Любушка, молись, молись, детка... Господь не оставит, Он не попустит! – Прасковья обняла перепуганную, застывшую рядом дочь. – Он же всё видит, всё... И дед мой, и бабушка учили, чтоб молились, просили... Спаси, сохрани нас от всяческих бед! И кормилицу нашу сохрани, Господи!»* Когда надеяться уже не на кого, лишь у Бога обездоленный человек просит спасения. Возвращение народа к вере, православный взгляд на войну и Победу русских и белорусских людей – реальное свидетельство силы их веры, их убеждений, их чаяний и надежд – открывает нам Наталья Советная. Оказывается, что христианская струна в русском национальном характере не только не оборвалась в эпоху «железного» советского века; напротив, в жутких условиях войны она сохранила и вновь проявила свою волю, зазвучала святым молитвенным словом. Наряду с трагическим колоритом изображения войны в книге не менее сильно чувствуется религиозно-гуманистический характер повествования. Мужественно несут свой крест женщины-страдалицы. «На этих совестливых душах – / Вся тяжесть русского креста», – проникновенно писал о них в своей поэме «Обитель» Игорь Григорьев.

Война – не романтика, а возможность увидеть человека в опасной ситуации, увидеть нравственные ценности, важные для человека. С родной белорусской земли партизанские семьи увозили в Германию. *«Добро ихнее – нам, родичей – в Германию!»* – цинично рассуждали местные полицаи. Справедливости ради, нужно сказать, некоторые полицаи помогали людям. Героиня повести «Небеса на коромысле» Любовь Антоновна, Любушка, как звали девчущку партизаны, носила в лес передачи,

стирала бельё, после допроса и девяти ночей, проведённых в тюремном подвале, чудом спаслась от германского рабства, один из полицаев сжалился над ней. Не умолкает в её душе тревожное чувство, оживают воспоминания и вместе с ними оживает великая и трагичная партизанская эпопея!

Сегодня, анализируя события ушедшей войны, принято считать, что у каждого была своя война. Поэтому отыскать единственную и непреложную правду сложно. В главе «Между огнями» автор затрагивает достаточно противоречивые и болезненные моменты, связанные с действиями отдельных партизанских групп, по всей видимости, на самой начальной стадии их формирования. Возникают пересечения и с военным рассказом писателя из Беларуси Сергея Трахимёнка – «Родная кривинка». Жители белорусской деревни Заболотье, оккупированной фашистами, о которой он пишет, находились, по сути, «между молотом и наковальней». Причём по сюжету рассказа на одной небольшой территории действуют два самостоятельных партизанских отряда, один из них существует по своим законам и правилам, подчас вызывая у местных жителей определённые опасения, страх. Ни для кого не секрет, что приходилось жить «между огнями», крайне сложное было время, в особенности для женщин, детей, стариков.

Горячо, с неприкрытой болью пишет Наталья Советная и о карательных экспедициях немецких оккупантов, после которых оставалась лишь выжженная земля. Женщины и дети были вынуждены прятаться на болоте: *«Болото день за днём обрастало ярко-зелёной щетиной осоки. Золотистые котики краснотала, набухшие почки лоз напоминали о набирающей силу весне. Но тёмная талая вода была по-зимнему холодна и враждебна. Идти по болоту, проваливаясь в булькающую, словно живую жижу, чтобы добраться до островка с твёрдой землёй, и потом сидеть на колючем лапнике тихо-тихо, спрятавшись между худосочными берёзками, под тощей елью, голодая и коченея на стылом воздухе, особенно ночами, могли заставить только страх и неистребимая жажда жизни»*. Но ждал, манил свой дом. Даже война и смерть не могли отнять у человека вечную, никем и ничем неистребимую жажду возвращения к родному очагу. В родную хату спешат вернуться и Люба с матерью. Частная история и история человечества, исповедь одного человека и картина всей войны – некий общий скреп, некая присущая всем произведениям автора прямая истина обретает здесь глобальный смысл – быть человеком на своей земле. Индивидуальное осмысление жизни приводит к пониманию уникальной незаменимости каждой личности. Поэтому так невозполнимы людские потери, причинённые войной. Можно ли превозмочь эту боль? Казалось, что боль, рвавшая людей изнутри, не оставляла им никаких шансов выжить. Прасковья Фёдоровна, мать Любы, узнав о гибели сына, чуть не лишилась рассудка и за одну ночь от горя и слёз ослепла.

Страшные и величественные вехи – оккупация и освобождение. Но и отступая, как пишет автор в одноимённой главе «Небеса на коромысле», фашисты «продолжали свирепствовать, и слух об их зверствах бежал далеко впереди». Невозможно подробно приводить эти душераздирающие выдержки, переполненные сведениями о чудовищной жестокости врага, о том, что творилось на оккупированной вермахтом территории. Холодеет душа, кажется, что разрывается на части пространство текста, нужно читать, сострадать, думать... Пути Господни неисповедимы. Бог и судьба, а может, внутренний ангел-хранитель отвели от Любы «гибельные минуты», не дали умереть от рук полицаев. «Война была жестокой и грубой школой», – бесстрастные слова Юрия Бондарева из его «Мгновений» в очередной раз подтверждают, что война страшна не только катастрофическими разрушениями, но и нравственными преступными деяниями. Война калечит человеческие души, требуя за всё очень высокую цену. Хотя было и нечто – высшая и необъяснимая сила, вопреки всему происходящему, дарующая людям духовное возрождение. Настоящим потрясением для учеников Любови Антоновны Курганович стали её слова, завершающие эту повесть: «А что ж тут такого? Жила, как все». Легко в это поверить, но понять сложно. В словах наставницы, детство и юность которой были обожжены войной, много обыденной справедливости, деликатной сдержанности, той мягкой, неброской, вдумчивой мудрости, свойственной людям, перенёвшим большие жизненные испытания. Вот так сплетаются в единый тугой узел человеческие судьбы, пути истории и пути литературы, взывающие новые поколения к благодарной памяти.

«Мне кажется, что война похожа на какой-то самодостаточный, развивающийся, совершенствующийся во времени с начала человеческой жизни живой организм, который питается, насыщается кровью, кровью живущих сегодня на земле... Сейчас время такое, что можно безбоязненно врать о войне. Но правда гораздо глубже и страшнее», – говорит белорусский писатель Виктор Козько, ис-

пытавший сиротское военное детство. Точно такая же обнажённая правда открывается читателю и в повести Натальи Советной «Подранда». Трагические судьбы сожжённых деревень будто проходят перед нами. Любая смерть – трагедия! Но всё познаётся в сравнении. Хатынь – одна из самых незабываемых и страшных военных трагедий в истории человечества, ставшая мировой болью целых поколений. Скорбная память звучит в поминальном звоне колоколов, ибо сверхдорогая цена была заплачена за мир и свободу. Слишком огромная отдача этой Победы не прошла бесследно, люди не могли восстановиться от потерь и потрясений. Поэтому в каждом поколении живёт и сохраняется генетическая память о войне.

И автор повести, отправляясь в путь, выбирает опалённые войной дороги. На карте её жизни и судьбы обозначен маршрут: Хатынь – Подранда. Подранда – это родовые корни Натальи Советной по линии матери – деревня, повторившая судьбу Хатыни, сожжённая во время войны вместе с жителями. Такова была сущность нацистской политики – нечто совершенно экстраординарное, злое, – политики геноцида и выжженной земли, которая ничего, кроме смерти, не обещала нашим народам. Катастрофа случившегося не забылась, мысль о жертвах, о кровной боли, пронизывающей и соединяющей всё сущее, не отпускает нас и поныне, отражаясь в наших глазах, отзываясь болью в наших сердцах, прошитых осколками памяти.

Автобиографическая основа творчества даёт автору новые возможности: глубже, серьёзнее проникнуть в саму традицию. Первая глава «Дуб всё помнит...» буквально сразу обращает на себя внимание поэтическими многозначительными символами, присущими славянской культуре, – это образы дерева, дороги. Наталья Советная умеет придать интригу довольно обычным сюжетам, умеет на высокой духоподъёмной ноте завершить своё произведение, будь то повесть, рассказ или очерк. Вот и на месте сожжённой деревни Подранды остался лишь одинокий старый дуб. А ведь раньше, по воспоминаниям её матери: *«Где-то здесь жила, дышала, пела голосистыми бабами и девочками Подранда. <...> На месте Подранды зеленела трава и высился корявый дуб. Посаженный когда-то поодаль домов, возле пруда-сажалки, где была дедова баня. Потому, видимо, уцелел, что поодаль и возле воды. Дуб всматривался в путников, казалось, замерев от неожиданной встречи. Как же давно не видел эти родные лица!»* Случайный попутчик, деревенский житель Кузьмич (какая же, согласитесь, дорога без разговорчивого попутчика?), помнит, что Подранду «немцы в сорок втором сожгли, спалили вместе с жителями». Значит, ничего случайного, в том числе и встреч, в человеческой жизни нет!

В пространстве своего сердца Наталье Советной удаётся совместить различные времена и создавать удивительные запоминающиеся образы, проникнутые сакраментальной сопричастностью подвигу, сопричастностью исторической памяти. Чистый и строгий образ учительницы Инны Васильевны Бодяко, когда-то организовавшей поездку учеников в Хатынь, стал для писательницы по-человечески близким и дорогим. Не забылось, как семиклассницей выполняла бабушкину просьбу, искала на «Кладбище деревень» родную Подранду! *«Из двухсот уничтоженных в районе деревень исчезли навсегда тридцать пять. Бабушкина Подранда немо смотрела на нас из стеклянной урны. Тридцать пять дворов – горсточка земли... Могилка»*, – спустя годы напишет об этом Наталья Советная, соединяя дороги истории и дороги человеческой жизни. А между тем цифры неумолимы: около 200 уничтоженных деревень, из которых 35 исчезли навсегда. Хатынь: 26 сгоревших домов, 149 душ, спасся лишь один её житель – Иосиф Каменский. Как лучик надежды в аду пожарища – это чудо спасения в огне детей. Как жили они, выжившие? Какие сны видели? Хатынь вобрала в себя весь правдивый ужас, все страдания обнажённого мозга, которым нет предела, навеки впитала в себя все мучения невинных, неприкаянных душ. «Мерный колокольный звон», «щемяще-погребальный, надрывный, предупреждающий...» раздаётся над Хатынью, плывёт над белорусской землёй, поднимается высоко в небо... Человеческое сердце, подёрнутое пеплом, как будто снова загорается, и, как росток на заброшенном пепелище, выбивается общая память.

Яркое впечатление оставляет в памяти героический образ партизанки-подпольщицы Надежды Архиповны Мирончик, матери Инны. До глубины души обжигают слова, сказанные отважной партизанкой: *«Рождается маленький человек, – нарушила молчание Надежда Архиповна, – говорят, будто он – чистый лист. Что напишешь, то и получится. А так ли это? Каждый родитель мечтает о ласковом, умном ребёнке. В школе – светлому, доброму наставляют. Но приходит час, и делятся люди на героев и предателей. Одни жертвуют собой, другие, ради собственной шкуры, проливают людскую кровь...»* Над этими словами, которым свойственна морально-этическая категоричность,

сегодня стоит задуматься. Наталья Советная затрагивает проблему совести, болезненную тему, и, как это ни печально, не вызывающую в нашем современном обществе интереса к себе. Однако она более чем серьёзная и требует особого внимания. Разве возможно остаться равнодушным к самой жестокости войны, к яростной и святой ненависти, какую испытывала к врагу совсем ещё молодая подпольщица Надя? Точно так же, как и она, приводя ученикам кошмарные примеры преступления нацизма, и герой рассказа М. Шолохова «Наука ненависти» – лейтенант Герасимов – скажет о немецких захватчиках: «Оказалось, что они с такой же тщательностью, с какой когда-то делали станки и машины, теперь убивают, насилуют и казнят наших людей». Судьба партизанской связной Нади была похожа на судьбы остальных женщин, которые активно помогали партизанам и тем самым подвергали постоянному риску не только свои собственные семьи, но и семьи своих соседей. Молодая женщина пекла хлеб для партизан, поводом для её ареста стал чей-то донос, но она смогла выдержать пытки, чудом спаслась. «Жгли немцы дома и людей за любое подозрение в содействии партизанам», – напишет Наталья Советная и в своём очерке «Невосставшие из пепла». С этих страниц в сердце проникает подлинная трагедия военной жизни: горели населённые пункты, которые советские войска под напором противника были вынуждены оставить, реками крови были залиты оккупированные врагом территории.

Морально-реалистическая позиция автора полна непоколебимой уверенности: всем нам необходима правда о цене Победы. Другой персонаж повести – Михаил Семёнович Комаров, сосед Надежды Архиповны, вспоминает, как мальчишкой спал на тёплой тесной печи, а проснувшись, увидел рядом с собой немца, пытающегося обогреться. Враг рядом с жертвой на одной печи... Красная армия начинала долгожданное наступление. В своём вступительном слове к книге профессор И. А. Казанцева отметит, что Н. Советная вопреки тому безбожному времени показывает исконную ценность христианского мира: милосердие, жертвенность, бескорыстие. «... милости хочу, а не жертвы», – гласит Евангелие (Мф., 9:13). Это значит, что выше жертвы Господь ставит милосердие. Как люди, перенёсшие столько страданий, могли что-то прощать врагу? – не нахожу ответа. Не перестаю удивляться милосердию тех обездоленных людей, запасу их терпения и любви. Они делились друг с другом последним «драгоценным куском», проявляя истинные качества взаимопомощи, взаимовыручки. Дух сплочённости помог им выстоять и победить.

Поражает своей болевой историей бытия и послевоенное время. Автор вводит в текст повести и рассказ-воспоминание Михаила Семёновича Комарова: «У нас в деревне люди без хат зимовали – в землянках. Даже на кладбище жили. Да, да! Гробы с покойниками у деревьев прислонённые, а люди в склепах... Поле – лопатами... Голод. Нам ещё повезло – на огороде две убитых немецких лошади... Надежда Архиповна оживилась: – Гегель собирали, ростки такие чёрные. Добавляли очистки... <...> Полдеревни мужиков не вернулось, сгнули. От государства – налоги крестьянину да запреты. Опять же – займы. В животе пусто... А песни пели! Советские песни. Хорошие. Спокойно было на душе. Мирно!» Да, прав герой Натальи Советной – та эпоха была озвучена победными песнями, которые помогали громить врага, а после войны помогали заново, практически из руин, поднимать страну. Песни люди пели и за столом по большим праздникам, и во время трудовых буден, в поле, на сенокосе, пели, когда возвращались домой, выполнив рабочую норму, уставшие, но всё равно счастливые. Расслаблялись напряжённые от работы лица, пропадали морщины, и более явно проступали на них красивые и честные черты, и сама собой лилась, брала за душу настоящая и откровенная песня: «Вон кто-то с горочки спустился, наверно, милый мой идёт. / На нём защитная гимнастёрка, она с ума меня сведёт». Почему люди пели? Ведь и есть ещё досыта не стали, жили кое-как, всё выносили на своих плечах, в руках вилы, лопаты, грабли... Видимо, начали забывать войну, она уходила в прошлое. Так устроен человек. Четыре года народ прожил молчком, в особенности три года оккупации, что длились на белорусской земле, а казалось, бесконечно. Наталья Советная представляет в книге целую песенную культуру военной и послевоенной эпохи, ведь именно поэзия и музыка, как никакие другие искусства, открывали народу основные нравственные и культурные смыслы. Тонко подмечает она и чувство красоты, присущее простому крестьянскому человеку. Мотивы единства красоты человека и красоты природы, красоты жизни на фоне трагических событий войны звучат у неё наиболее остро и проникновенно. Опасность обостряет восприятие красоты. Трепетное отношение автора к своему герою непосредственно передаётся и читателю, вселяя надежду на что-то светлое, доброе. В какой-то момент перед человеком раскрывается необозримый мир земной красоты: бабочка – вестница весны, может, чья-то «нераскаянная душа», душа христианская, – так

считает Михаил Семёнович, несмотря на своё военное детство, не утративший чувства красоты, понимания прекрасного. Мы можем проследить, как в книге устанавливаются достоверные связи между самыми различными событиями.

Следует помнить, что есть национальная традиция, но война и традиция – категории трудно совместимые. Закономерно, чем глубже постигает писатель своё, национальное, тем больше в нём общечеловеческого. Через живое созерцание бытия, мира и человека, природы и национальной истории Наталья Советная видит духовный путь своего народа. Необходимо отметить ту тщательность, с которой автор колоритно выписывает детали деревенского быта и времени, ясными штрихами передаёт черты характеров героев, реалистично рисует мир природы. Приметы национальной идентичности здесь точны и лаконичны. *«Василиса Комарова накинула фуфайку, влезла в валенки и, повязавшись тёплым платком, собралась в хлев: время корову подоить, пошло ей вынести, свежего сена подкинуть. Только за дверную ручку взялась, чтобы в коридор выйти, тут же и замерла. Вчерашний вечерний снег зычно скрипел под чужими ногами. Кинулась к заиндевелешему окошку, стала протирать на стекле кружок – кого принесло?»* – это описание создаёт выразительную картину утра в деревне, тревожного военного утра, когда в любую минуту могли нагрянуть немецкие оккупанты. То тревожное ожидание, тот невидимый душевный подвиг людей раскрывает Наталья Советная и в своём очерке «Жить, пока пуля летит...»: *«Это страшно... Но надо было жить. Вставать утром, готовить пищу, стирать бельё, сажать грядки и сеять хлеб... не имея ни малейшей уверенности в том, что эту капусту, сваренную в печи, будешь есть ты, а не фриц, что наденешь это чистое бельё, что соберёшь этот хлеб, что вечером ляжешь спать, а утром обязательно проснёшься, и тебя не сожгут вместе с твоим домом...»* Или, например, такой самобытный и глубоко сокровенный в деревенской жизни момент, как выпечка хлеба, с художественным мастерством изображённый автором в повести «Подранда»: *«...Тесто Мишкина мать всегда замешивала на ночь, приговаривая, что хлеб суеты и яркого света не любит. Ставила кадку у печи, накидывала поверх неё старые тряпки, чтобы в глаза не шибко бросалась. Вдруг чужака лихо принесёт? Незваные гости потому так и называются – никогда не знаешь, когда переступят порог. Сама Василиса только приляжет на полати, уж и поднимется. Рано-ранёшенько, до рассвета – шебуришит, шебуришит... Мишкин нос хлебный дух сквозь сон чуял. Начинили ноздри подёргиваться, словно кто соломинкой дразнил»,* – кажется, что мы видим, ощущаем запахи, вкус свежеспечённого деревенского хлеба. Крестьянское бытование, изба, где её центр – печь как завязь жизни, которая и обогреет, и накормит, и от болезни вылечит. «Печь нам мать родная», – говорил народ испокон веков. Русские и белорусские хаты – вековая народная традиция, которая всегда воплощала в себе духовно-нравственную миссию вселенского бытия и помогала человеку выжить в любой враждебной среде. Но прийти к пониманию феномена бытия в условиях войны крайне сложно.

Целая народная вселенная, неповторимая красота родной природы, движение её жизни изображены в книге «Затаённое слово»: леса, птицы, звери, озёра, реки, луг, поле, пашня... Неудивительно: завершающую главу в своей повести «Подранда» автор назовёт – «Первая гроза» – гроза, которая несёт человеку внутреннее очищение, освобождение от страха, боли, поистине вызывает сильное эмоциональное потрясение – катарсис. Дождь как символ борьбы добра и зла, света и тьмы. Гроза, молнии, будто колоссальный вселенский взрыв и одновременно мощное психологическое переживание. Боль и вера, радость и страдание соседствуют в мире и в литературе – так должно быть. *«Небо снова осветилось молнией. Стихло быстро, как началось. Свежо, ясно, знобко. Только после первой весенней грозы так сияет, переливается, играет солнце!»* – Наталья Советная наполняет человеческую душу этим спасительным светом жизни.

Хотя не всё возможно высказать, не всё перенести на бумагу, поэтому о многом автор хочет прокричать вместе со своими героями, чтобы память о подвиге и о Победе жила вечно. Сегодня человеческая ответственность требует от нас отдачи, и немое молчание ушедших вызывает к нашей совести. *«На месте Подранды нет памятного знака! Ни креста, ни камня, ни обелиска... Мы должны сохранить память, передать её потомкам. Живые – живым»,* – пронзительные слова писателя обращены к каждому из нас, и память возносится птицей ко всем родным, единственным, далёким и близким, живым и мёртвым.

Следует добавить, что в книге определяющими, концентрирующими главные смыслы являются и авторские очерки, социально-публицистические, литературно-критические. Все они взаимосвязаны

между собой общей военной проблематикой. Очерк Натальи Советной «Невосставшие из пепла» (2015), по сути, продолжает и дополняет её повесть «Подранда». Параллельно автор рассказывает и о трагической судьбе русской деревни на Псковщине – Красухи, как и Подранда, сожжённой немцами вместе с людьми, о Красухе не раз писал поэт Игорь Григорьев. Подранда – особая боль для Натальи Советной – это её родовые корни, здесь жили её предки по материнской линии. В 1942 году в Подранде погибли 70 человек.

«И вознеслась молитва над горящей землёй невозродившейся Подранды», – возвышенно и сокровенно напишет Наталья Советная. Продолжением, созвучно отсылающим к этому молитвенному слову о всех погибших, стали её трагические и светлые стихи, посвящённые Подранде:

*Во широком поле ветер травы гладит – / Чудится: то ль плачет, то ли христарадит?
Тридцать пять подворий здесь земля кормила, / Сотни губ шептали: «Любая!» – «Мой милый!»
Сотни рук качали в избах колыбели – / Жили-были люди! – В небо улетели...
Жалостливый ветер гладит, гладит травы... / То ли кто-то плачет, то ли христарадит.*

3

Весьма примечательно, что в творчестве Натальи Советной существенную роль играет автобиографический момент. Вот и в повести «Пучок травы» автор талантливо соединяет свои собственные воспоминания детства с военными воспоминаниями своих героев.

«Дом Ламбаков готовился к свадьбе старшего сына. На кухне дымилась, парилась, кипела, шкварчала, запекалась, нарезалась праздничная вкуснятина. Переставлялась мебель, раздвигались столы, теснились одолженные у соседей стулья...» – сразу, как и полагается по сюжету, ощущается многообещающая интрига. Да и само название главы будоражит воображение – «Подружкино счастье» – свадьба родного брата её школьной подружки Милы, причём невеста Инна – настоящая Золушка из сказки! Автор сосредотачивает внимание не только на всевозможных бытовых предметах, но прежде всего знакомит читателя с неожиданными психологическими деталями каждой новой ситуации. В советской литературе была популярной формула: «писатель – инженер человеческих душ». Наталья Советная – психолог, вероятно, ей дано более тонко, более бережно прикоснуться к человеческой душе. Более того, пронзительно исповедальной прозе автора, вне всякого сомнения, духовно близка восточнославянская исповедальная традиция, о чём говорят подлинные и откровенные воспоминания героев её произведений, реальных очевидцев и участников войны.

Прежде чем оказаться в страшном хаосе войны, писатель постепенно подводит нас к главным событиям, включает в ситуации, казалось бы, далёкие от военного времени. Однако во всём есть своя определённая логика, даже в детских играх, казалось бы, на первый взгляд абсолютно безобидных. Наталья Советная тщательно выявляет тонкие психологические связи человеческих взаимоотношений, пытается уловить малейшие движения души, внезапную перемену её состояний. Приведём один потрясающий отрывок из главы «Стеклянная западня», дабы ощутить всю красочность и живописность образов, понять логику автора, ставящего перед собой задачу рассказать правду о душе ребёнка: «Мы с Милой бежали по краю луга, который манил и пугал нас своей неприступностью, непроходимостью, особенно там, где журчала вода, где проваливались ноги, где трава была ярко-зелёной, где пели-булькали лягушки. Эти загадочные создания во множестве населяли весь луговой простор. Мы брали их в руки, подносили ближе к глазам, чтобы разглядеть влажную, блестящую коричнево-зелёную нежную кожу, лапки с длинными пальцами-перепонками, беззубый широкий рот, выпученные мячики глаз. <...> С двумя банками мы, словно два аиста, бродили по лугу и ловили несчастных лягушек. Больших, маленьких, зелёных, коричневых, с тёмной полоской на спинке... Опускали в стеклянную западню, пересчитывали, разглядывали, шли дальше в поисках новой добычи. Азарт разогревался негласным соревнованием: кто поймает больше? Спасаясь, лягушки прыгали в воду, скрывались от нас в жёлто-коричневой торфяной бузе. Но не тут-то было! Мы с Милой становились на колени, бесстрашно запускали руки в канаву по самые плечи, а то и так, что даже уши погружались в тёмную жижу, – шарили по дну, хватая несчастных за длинные скользкие ноги», – невозможно оторваться от этого яркого описания, настолько оно метафорично, настолько откровенно и достоверно, поражая какой-то детской беспощадностью, подчас жестокостью, каким-то особым пониманием добра и зла, свойственным лишь детям.

Нарушая мир природы, его первозданную экологию, человек нарушает и экологию собственной души. Не раз вспомнится Наталье Советной то детское приключение, а вместе с ним вспомнятся и главные бабушкины уроки – уроки воспитания чувства совести и вины. Но свои уроки воспитания, суровые уроки войны, прошла и наша сказочная Золушка, которая тогда была крошечной четырёхлетней девочкой. В центре повествования – история судьбы Инны Семёновны Ламбак, учительницы немецкого и английского языка. Сегодня, когда приуменьшается, нивелируется суть Победы, правда о войне особенно ценна. И крайне важно узнать, услышать её из первых уст, пока ещё живы участники и свидетели той войны. «Дело в том, что эту войну – Великую Отечественную – каждый видел из своего окопа, из своего собственного. Поэтому у каждого своя война, какой-то свой взгляд на войну, своё отношение к героизму», – отмечал Борис Васильев. В современной литературе, когда идёт речь о войне, также можно наблюдать разброс мыслей, взглядов, позиций. Но история, которая живёт в каждом из нас, не прощает забвения. Исторической памяти приходится сегодня делать выбор между войной просто «Второй мировой» и настоящей Великой Отечественной. Читая военные произведения Натальи Советной, со всей уверенностью можно сказать, что у неё выбор исторический становится выбором человеческим. В главе «Шум дождя» она говорит о философии единства мира, взаимосвязи природы и человека, о духовной преемственности поколений, сохраняющих историческую память: *«Пульсирует родниковая сила земли, переплетаются прозрачные струи... Прокладывает путь ключевая вода к обмелевшей Горожанке, чтобы по законам любви напоить ослабевшую речку животворными водами. Людская память, пробиваясь сквозь годы, живёт, чтобы напитать спасительной мудростью наших детей и внуков, наполнить целительной влагой русло истории»*. Очищается душа свежим, ясным, как слеза, потоком дождя, а ещё мудрым словом, но память и боль остаются.

Литературовед Вадим Кожин, рассказывая об истории своей семьи, сформулировал следующий принцип: «история семьи – история страны». Семья – маленькая частичка большой страны, её общества. Изучая историю собственной родословной, мы можем уловить связь между судьбами предшествующих поколений, уловить нескончаемую нить памяти, которая так важна и для истории, и для каждой отдельно взятой человеческой жизни. В повести «Пучок травы» Наталья Советная показывает историю крестьянской семьи Развяковых: деда Ивана Леоновича, бабки Евдокии, их дочери Фёклы, рано оставшейся вдовой, и маленькой внучки Инны. Страшные испытания выпали на их долю: война, оккупация, плен, немецкие лагеря. Плотно спрессованы события в повести, будто своеобразная ретроспектива тех военных лет разворачивается перед нами. И для Инны Семёновны Ламбак это время воспоминаний, скорее, проклятие, боль... Но вспомнить, значит, прожить вновь, повторения даны для преодоления этого времени и нашего спасения.

«Вернулись Развяковы с односельчанами в освобождённую деревню, а её, деревни... нет! Брёвна обгорелые, печи с трубами, колодцы и две бани. Только они и уцелели... Инночка крутила головой, глазёнки таращила: – Деда, а где наша хата? Молчал Иван Леонович. <...> – Баба, где школа?! – ничего не понимала девочка. Молчала Евдокия Ивановна, глубокие складки у рта, потемневшие глаза вдруг прибавили ей лет, состарили. – Мама, где же мы жить будем? Куда я в школу пойду? – залилась слезами маленькая Инна...» – нестерпимо, предельно больно звучит у Натальи Советной мотив вечной «слезинки ребёнка».

Настоящий образ крестьянского мужика, крепко стоящего на земле, знающего своё дело, олицетворяет в повести Иван Леонович. Такой закалённый мужик, далёкий от романтических слабохарактерных образов, довольно распространённых в нашей классике, мог перенести любые лишения и невзгоды. Мощный образ, отражающий философию народа, его мирное, доброе, духовное начало, подчас напоминающий Платона Каратаева из романа «Война и мир». Не стоит забывать, что жизнехранительная, жизнеспасительная основа – это крестьянская основа русского и белорусского народа. Наталья Советная справедливо замечает: «Без дедушки не выжили бы Развяковы». А был он и пахарем, и охотником, и рыбаком, и плотником, одним словом, мастером на все руки – таким деревенским умельцем-самородком. Поэтому с дедом Иваном, находившим выход из самой, казалось бы, катастрофической ситуации, было «надёжно и спокойно». *«Коли домой вернёмся – надежда есть... А ежели убьют, так в своей хате и смерть – мать родна»*, – говорит герой Натальи Советной, принимая твёрдое решение – вернуться в родную деревню. Поражает ум и мужество этого человека, его воля и стремление к жизни. Чигринов в своей военной эпопее писал о той великой истине, которую не так просто постигнуть, даже если раньше ты слышал её от других: «запах родного дома человек

по-настоящему чувствует, возвращаясь из далёких краёв». Но у Развяковых их родного, обжитого дома не осталось. Почти всё уничтожили фашисты. Жили они в бане, овине, готовили на зиму земляное жильё.

Удивительно, что даже в напряжённых, мрачных условиях войны Иван Леонович сохранял высокие нравственные качества и учил милосердию, состраданию, человечности свою ещё несмышлёную внучку Инночку. Однажды забрав у дикой уточки-мамы её маленьких детёнышей, она с открытой детской наивностью принесла их деду. Какой же неожиданной, поразившей девочку была реакция деда, твёрдо настоявшего вернуть птенцов обратно: *«Внучка моя, Инночка, – Иван Леонович пристально посмотрел из-под густых, как мох, бровей, – что же ты наделала? Деток у мамы-утки... отняла! Немцы у матерей ребяток забирали. А ты... Отнеси утят к маме! <...> Я ж тебя от немцев спасал... Спасал! Сберёг! На руках тебя – всю войну...»* Действительно, так ли порой безобидны детские игры? Ведь они отражают взрослую жизнь. Мы все играли в детстве в военные игры, в которых всегда умирали фашисты и головастики. Вспоминается и злосчастная стеклянная банка, до отказа наполненная лягушками, – тоже похожий неоднозначный эпизод из детства автора повести. Хорошо, если кто-то из близких вовремя почувствует стремления и порывы хрупкой детской души и направит их в правильное русло. У каждого в жизни есть свои учителя! Были они и у Натальи Советной, и у Инны Ламбак.

Можно ли описать войну? Думаю, что окончательно этого сделать нельзя. О Великой Отечественной написано очень много книг, есть по-настоящему бесценные! Вместе с тем полной правды о войне мы не знаем. Наталья Советная ставит перед собой отнюдь не простую задачу – прежде всего передать чувства, внутреннюю боль людей, перенёсших испытания войной. Её острый и пронизательный взгляд подмечает всё, она переживает вместе со своими героями ту всенародную боль, ту душевную муку, которые трудно вместить в рамки текста и которые невозможно высказать до конца. Между тем автор находит в себе смелость, душевные силы описать преступления нацизма – массовые сожжения людей, – тем самым вызывая у читателя колоссальные эмоциональные переживания, граничащие с болевым шоком. Ведь даже тех несчастных, кто пытался спастись, фашистские нелюди закалывали и поднимали на штыки, бросая в огонь. Надо отдать должное автору – сегодня подобных произведений, проникнутых такой глубиной психологизма, таким накалом человеческих переживаний, таким обнажённым восприятием трагической сущности войны, в современной литературе отыскать крайне сложно.

Пройдя свои дороги войны, пройдя через карательные экспедиции и рабочий лагерь «Цигель», располагавшийся на берегу Двины, пройдя через Шталаг 313, лагерь смерти в Витебске, перенеся смертельный тиф, Развяковы выжили! Вот ведь как получилось, оказывается, что и в кромешном аду Бог ведёт человека. Не чудо ли это? Во всём сокрыта тайна Божьего промысла – неисповедимая на чаше весов тайна. Писатель Виктор Козько своё военное детство назвал «короткой дорогой через минное поле». Воспоминания детства реальной героини Натальи Советной похожи на эту дорогу, что тоже шла через минное поле: *«Помню, хлеб несъедобный, суп из костной муки – серый, мутный, как помои. Женщины, мужчины – не поймёшь кто: худющие – косточки из-под кожи выпирают... Холодные бараки, деревянные и кирпичные. Длинные нары, нары... Колючая проволока, натянутая между деревянными столбами. Вышки... Всё время хотелось спрятаться...»* – рассказывает Инна Семёновна о мучительном существовании людей в Шталаге. Ужасы войны 41–45 годов – это фашистские концлагеря, чудовищный эксперимент нацизма. Только в декабре 1943 года их освободили. Когда читаешь повесть, хочется произнести за всех выживших и за всех погибших нашу общую молитву, какая бы приблизила тот день, когда они, обессиленные голодом, холодом, прошедшие по лагерям, смогут воскликнуть одно-единственное слово – Победа!

И всё же что помогло им выжить в оккупации и в концлагере? Прежде всего – Дух, стойкость – то историческое и нравственное превосходство, которого никогда не было у врага. Во многом этому способствовала и советская система образования, о чём в своём очерке-воспоминании «Всё перемелется» писал Игорь Григорьев. Он и его брат Лев Григорьев учились в обычной советской школе и хорошо знали немецкий язык, что, безусловно, сыграло немалую роль в их подпольной и разведывательной деятельности. Современный белорусский поэт и прозаик Михась Поздняков в повести «Выйсце заўсёды ёсць...» показывает реальный образ советского капитана, лётчика Василия Зыкова, своего родного дяди. «Нас, славян, перемагчы немагчыма», – скажет его герой, также прошедший

через коцлагерь, плен, через яростную партизанскую войну. Воистину, победить славян невозможно! Они не раз доказывали, что из любой ситуации есть выход.

Всё возвращается на круги своя. И дороги войны возвращают нас к своим историческим корням. Ведь история никогда не умолкает в нас. Наталья Советная переносит читателя в своё школьное прошлое, в родной Городок: экскурсия к месту стоянки первобытных людей, которую организовала учительница Инна Семёновна Ламбак. Маршрут пролегал по дороге в сторону Межи, по этой дороге в 1943 году возвращались в сожжённую деревню и Развяковы. *«Она сама была словно таинственный дух времени, потому что её память впитала дыхание неведомой нам войны, потому что её душа не раз переживала умирание. Наша Инна Семёновна, заботливая, ласковая, из неизвестного нам мира – того, в котором нас никогда не было и не будет... Дух прошлого – он словно река, вытекающая из озера веков, собирающая в себя ручейки лет, капли минут, которые перемешиваются течением жизни и омывают, очищают, напояют, исцеляют и укрепляют прильнувших к этому источнику человеческой памяти...»* – вот так в повести пересекаются в одной точке: время, история, человеческая судьба и народная память.

Действующие персонажи повести живут одною жизнью со своим автором. Бескомпромиссная правдивость сурового реалиста, которую утверждает Наталья Советная, достойна уважения. Это гражданское качество особенно необходимо тому, кто пишет о войне, справедливо подчёркивал Василий Быков. Можно выдумать сюжет, но нельзя выдумать чувства, что, собственно, и подтверждает Наталья Советная. У неё своё собственное осмысление героического в истории, ведь жизнь каждого человека сама по себе уже подвиг. Учительница, не считаясь с личным временем, добровольно продлевала свой учебный год и занималась со своей ученицей, – будущим автором этой книги, чтобы она вместо немецкого освоила двухгодичный курс английского! Честное и самоотданное служение людям, на мой взгляд, равноценно христианской любви к ближнему, которая всегда самоотверженна, бескорыстна, всегда ничего не ждёт взамен. Хотя нынче все ждут вознаграждений за любую услугу! Автор подводит нас к пониманию, что поистине совестлив, добр и милостив тот, кто испытывает страдания и боль, тот, чей путь был тернистым. Плохое будто не коснулось нашего народа. Его корни питали особые источники, бывшие вдали от бурных струй ненависти. *«Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе, а злой человек из злого сокровища сердца своего выносит злое, ибо от избытка сердца говорят уста»* (Лк., 6:45), – подкрепляет мысль святое Евангелие.

Что хранит человеческое сердце? Проблемы совести, вины, воздаяния выходят в повести на первый план. Любопытный момент – письмо из Люксембурга от бывшего солдата фашистской Германии, которое Инна Семёновна прочла в райкоме партии и впоследствии сожалела, что не запомнила, не записала адрес того люксембуржца. Противоречивую бурю негодования в сердце ученицы вызвали эти слова. Но право совести, жалости и милосердия никто не отменял! *«Не фашиста я пожалела. Человека. Люди разные... Не знаю, какой ответ райком дал тому люксембуржцу... Думаю, что отказал в его просьбах. А мне просящему – отказать – всегда было трудно. И слёз детских переносить не могла. За обиженных учеников перед педагогами заступалась...»* – признаётся Инна Семёновна. И поездка, тогда ещё в ГДР, посещение мемориала в Бухенвальде, во время войны одного из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, для бывшей узницы немецких лагерей смерти – тоже было непростым моральным испытанием. Пучок травы на горе Этерсберг, где находился лагерь, вырвала Инна Семёновна: *«на корнях крупинки человеческих костей...»*

Возникает отнюдь не случайная параллель и с историей, которая произошла в жизни писателя Даниила Гранина, однажды нашедшего на выставке, посвящённой блокаде Ленинграда, письма немецкого лейтенанта, командира пулемётной роты, которая располагалась примерно напротив участка того батальона, где воевал и он, ползая по ночам по заснеженным полям, пытаясь выковырять из замёрзшей земли мороженые листья капусты, кочерыжки. Наталья Советная в повести *«Под колёсами войны»* также коснётся темы блокады, того её начального периода, когда ещё люди каким-то чудом могли прорваться, уйти из прилегающих к Ленинграду небольших городков и посёлков. Победа духа – вот что было главным. Она тогда в Ленинграде была не менее важна, чем военная победа в Сталинграде, как и та же стойкость духа белорусов в невыносимых условиях оккупации была морально не менее важна многих других побед. Однако самым интересным в этой истории с военными письмами было то, что дочь немецкого лейтенанта фрау Франкен спустя десятилетия после войны признала вину отца, вину матери, отреклась от собственного отца, но

в конечном итоге отправилась в Россию, под Старую Русу, чтобы разыскать его могилу. Как всё это сосуществует в человеческой душе? Только сам человек может понудить себя на душевный труд. Яркий пример тому – жизнь учительницы Инны Семёновны Ламбак, судьба которой – это тоже заслуга её самой. Дилемма возмездия и прощения в повести Натальи Советной не разрешается лишь позволением простить, автор, как и её героиня, видят ситуацию гораздо глубже – каждый человек должен начинать с себя, со своей собственной души. Хотя порой путь от осуждения к состраданию, к духовной всечеловеческой любви занимает годы.

Современное общество, лишённое сострадания к людям, оказалось на грани жизни и смерти. Сейчас нет того сочувствия, той взаимовыручки, которые проявляли люди в те страшные годы. Нет той выдержки. Героиня повести «Пучок травы» доказывает, что жестокость уравнивается неиссякаемой милостью. И эта милость выше человечности. «Лишь бы не было войны!» – постоянно при встрече с автором повести повторяет она, в словах остро чувствуется боль и мудрость много пережившего человека. Гуманизм и большая милость дышат со страниц военных произведений Натальи Советной. Летопись памяти и боли, народной скорби получилась у неё действительно убедительной, живой и запоминающейся.

Нелегко показать всю полноту правды о войне, пути достижения победы были трудными и долгими. Война и Победа навсегда вошли в генную память нашего народа. Мы видим в повести обновлённый Городок к Дожинкам – белорусскому празднику урожая – ощущаем щедрость белорусского народа, любовь к своей земле, к свободному труду. Настоящая копилка большой человеческой победы – это её люди, подлинники герои, реальные свидетели войны, одухотворённые самой идеей победы, которые несли в себе само понимание её гармонии. Победа может быть разной: моральной, духовной, физической. Может быть всенародной, как в сорок пятом. Само понятие добра и есть победа! Излучает добро и Инна Семёновна, влюблённая в свой Городок, в его жителей, в своих учеников, всегда ожидая самого главного и святого праздника – Дня Победы!

Люди и Время – главные участники истории. Мы не должны ничего забывать. Создавая книгу о войне, Наталья Советная в каждом произведении увеличивает интерес к живой человеческой личности, к народному характеру. Мужество, честность, верность Родине и преданность делу всей своей жизни вобрал в себя и герой её повести «Как из нашей из деревни...» – Василий Егорович Хавров. Для 90-летнего ветерана войны, прожившего почти целый век и сумевшего сохранить жизнелюбие, оптимистический взгляд на мир, время в его воспоминаниях будто движется обратно. Память – категория особая, бесконечная. В судьбе этого человека во всём угадывается Божий промысл. Поэтому не случайно у автора и название главы «Как Господь горе и радость делит». Впечатляют легендарные вехи биографии Василия Хаврова: диплом киномеханика, распределение в Сибирь, в далёкий Иркутск, служба в армии на советско-китайской границе, война в сорок первом и учёба в Дальневосточном артиллерийском училище, война в сорок пятом с японцами, которая для него закончилась Парадом Красной Армии в Харбине. На войне как на войне – долгое возвращение домой, на свою малую родину, предстояло нашему герою. Не секрет, что для человека самая важная, душевная, точка опоры – родная земля. Лишь она может излечить причинённые войной раны.

Окончив пединститут, Василий Егорович преподавал в школе физику. Достаточно нелепый случай с диверсантом, произошедший с одним из его учеников, высвечивает в нём такое редкое качество, сегодня утраченное нами, – как пафос защиты человека. А ещё чувство справедливости, ответственности учителя и гражданина за судьбы тех, кого ему доверили. Отстоять человеческое достоинство и право на милосердие – главное для Василия Хаврова, прошедшего суровую школу войны, обладавшего интуицией бывалого разведчика и поэтому хорошо усвоившего уроки истории. Автор, как и герой повести, стремятся заметить самое лучшее в людях, увидеть, что нет непроницаемой стены, разделяющей поколения. Только так возможно сохранить память.

Сквозная тема книги – песни, письма, военные и лирические стихи, народные частушки – яркие художественные элементы эпохи, усиливающие эмоциональное восприятие текста. Ту героическую эпоху озвучивали песни, как набат, поднимавшие в бой, недаром у Натальи Советной есть в повести глава «И не раз, и не два били мы врага». Благодаря советской литературе, военным стихам, многие из которых становились песнями, наш народ и победил. У врага не было подобной душевной лирики, не было пронзительных песен и обжигающих сердце стихов. По словам А. Толстого, «литература в дни войны становилась истинно народным искусством, голосом героической души народа».

Народное поэтическое творчество, возникшее и бытовавшее на фронте и в прифронтовой полосе, в зоне оккупации и в плену, воодушевляло на подвиг и вселяло веру в Победу.

Писатель и литературовед М. Лобанов отмечал, чтобы передать весь драматизм обстоятельств жизни, всю правду, автору не нужно красноречий, а необходима действенность и убедительность каждой фразы. Талант Натальи Советной, её чуткий дар психолога как раз и нашли своё выражение в ясном, понятном и конкретном народном слове.

4

Война и женщина, смерть и любовь, мать и умирающее от голода дитя – эти противоречивые символы, противоборствующие между собой, никогда не обретут согласия и единства в военно-патриотической прозе. Повесть Натальи Советной «Под колёсами войны» – одно из самых сильных произведений в её творчестве, рассказывающих о детях войны, произведение, насквозь пронзающее душу безнадежностью военного детства, предчувствием надвигающейся беды, тягостным детским плачем, мольбой о помощи. Война ворвалась внезапно. Рухнул привычный мир и моментально погрузился в хаос. Беларусь прошла сиротский путь: детские дома, сироты войны, горькое детское одиночество. Три женщины, три сестры, три судьбы предстают в этой повести: Мария Михайловская с двумя детьми пытается выбраться из оккупированного немцами голодного Слуцка (пригород блокадного Ленинграда); Валентина, жена офицера, остаётся с детьми, с матерью в Витебске; Клава бескорыстно, по-матерински заботится о своих родных племянниках. Тяжёлая участь выпадет на долю Валентины, её и детей против их воли угонят на работу в Германию. Военная машина нацизма не щадила никого, перемалывая в своих жерновах и человеческие судьбы и целые страны.

Автор описывает начальный период Великой Отечественной войны: ожесточённые, яростные бои за Витебск, кровопролитное танковое сражение, основной задачей которого было – «вырвать у противника инициативу». Обращает на себя внимание одна, уже ранее упоминаемая, существенная деталь – это органическое соединение публицистичности и художественности в текстах писателя. Военные данные, факты, даты естественно сочетаются с лирическим текстом. Подчас теряешься в потоке информации: армии, различные соединения, дивизии, наступательные операции, освобождение городов и посёлков, новые партизанские формирования и бригады... Документальность, фактичность материала здесь достоверны, композиционно неотъемлемы от общего контекста содержания и сюжета повествования. Примеров предостаточно: директивы, постановления, приказы военного времени, которые дополняют и усиливают правду переживаемого момента. Хотелось бы отметить, что автор тяготеет к эпическому размаху, как правило, характерному большим произведениям. Не помешает вспомнить известные крупные произведения о войне Шолохова, Симонова, представляющих полную панораму военных операций. Но в любом случае Наталья Советная не забывает о художественной задаче публицистического повествования об истории в пространстве человеческой судьбы. Ей удаётся всему происходящему придать философско-исторический взгляд, оживить и реально представить те далёкие события, будто оказаться на месте своих персонажей, почувствовать их изнутри, стать настоящим автором-героем: «... Утреннее небо заволочло плотным дымом, солнечный свет никак не мог пробиться к горящему обезлюдевшему городу, в который въезжал победителем полковник Георг фон Бисмарк. Витебск казался ему зловещим. Никто не приветствовал его, освободителя, командовавшего передовым отрядом двадцатой танковой дивизии. Полковник поёжился: “Что возомнили о себе русские? Это же не столица и не тысяча восемьсот двенадцатый год! Сами взорвали свои мосты, сожгли заводы и дома...” – Его передёрнуло: “Если не ванну принять, то хотя бы выпить чашечку кофе в приличном заведении, как было в Польше. Но где в этом городе? Одни руины! Представляю, что чувствовал Наполеон в пылающей Москве. Но ничего, уже не далеко и до неё! Завтра же двинемся на Смоленск”». История движется по спирали, имея закономерное свойство повторяться на каждом новом рубеже. Представляя образ Наполеона, немецкий полковник ещё не догадывается о своём поражении.

Тем временем начинались мрачные дни оккупации. За окном гремела война, и дети не были в стороне. Сжавшись от страха, считает вражеские танки Вовка Михайловский, пока не понимая всей трагедии своего украденного детства. В едином ключе, раскрывающем тему военного детства, написаны автором два очерка «Жить, пока пуля летит...» и «Одна судьба». В первом очерке рассматривается одноимённая повесть Геннадия Пациенко, главными героями которой являются простые

дети, деревенские мальчишки и девчонки, вынужденные приспосабливаться к чудовищным условиям оккупации. *«Думается, в данной повести, возможно, впервые в литературе, автором показано, что война – это не только кровь, смерть, грохот орудий, душегубки концлагерей, героические подвиги. Чем, кстати, не удивишь современных молодых людей, привыкших к голливудским боевикам и убивающих своих противников в компьютерных играх. Война – это ещё и ежедневный хронический страх, тревога, ожидание, трагическая неизвестность и совсем незаметный, но не менее поразительный подвиг – жить и выжить рядом с врагом»,* – выскажет Н. Советная важную мысль о жизни в оккупации, поражаясь тому, как «через бесхитростные глаза беззащитных детей» Г. Пациенке удалось показать все ужасы войны, искалечившей тысячи детских судеб. Ощущения «военного, каждодневного, напряжённого бытия», переданные в очерке, очень похожи на те ощущения, какие переживают и герои книги Натальи Советной. Она откровенно делится и собственными семейными воспоминаниями, что выпали на долю её родных и близких: *«Помню, как мне самой никак не верилось в то, что мои мама и отец, бабушка видели “тех” немцев. Немцев, которых называют фашистами. Казалось невероятным, что враги топтали пол в нашей хате, сидели за нашим столом, спали на наших кроватях, а бабушку вместе с малыми детьми выгнали жить в холодный дощатый сарай. Невозможно было представить, что моя мама пятилетним ребёнком бежала по улице, которая с двух сторон была увешана вовсе не киношными трупами. Что недалеко от изумительно красивого берега озера за нынешней больницей, куда все наши горожане любили ходить купаться и отдыхать в годы моего детства и юности, было место мучительной казни евреев, которых фашисты закапывали живьём, а потом проезжали по ним танками и кровь выступала на жёлтом мягком песке. Что там, где сейчас стоит наша церковь, была виселица, а полицаи заставляли людей смотреть на казнь. И надо было смотреть и молчать, иначе в петлю можно было попасть самому, так рассказывала моя бабушка. А дома её ждали две маленькие дочки...»*

Преодоление трудностей – основное свойство характера, которым обладало то военное поколение. Оно умело сохранять невозмутимость духа. Может быть, в том, что современное общество напрочь лишено терпения, и кроются причины наших многих неразрешимых проблем? В своём очерке «Одна судьба» Наталья Советная говорит о книге писателя, военного лётчика Анатолия Сульянова «Посеешь ветер...». Её ключевая тема – дети войны. Во время войны А. Сульянов был четырнадцатилетним подростком, и осенью сорок первого года копал противотанковые рвы, окопы, траншеи, ремонтировал дороги, автор знакомит читателя с его личными воспоминаниями: «Я со своими одноклассниками работал вместе со взрослыми по четырнадцать часов подряд, без отдыха... Сколько помню войну – столько хотелось есть. Бывало так, что в доме не оставалось ни крошки хлеба». Военный голод, как заметит Наталья Советная, – отдельная тема для равнодушного историка и писателя Анатолия Сульянова. «Тема, обязательно мучительно-скорбно звучащая в воспоминаниях уцелевших в Великой Отечественной», – убедительно подчеркнёт она.

Сделав некоторое отступление, вернёмся к повести «Под колёсами войны». Мучительные чувства, тягостные кадры, будто вспышки памяти испытавших горе войны, чередой проходят перед глазами: блокадный Слуцк, маленький сын Марии Михайловской – Васечка, который умирает, съев от голода сырую ворону. Есть абсолютно нечего, если только бросить лошадиное копыто в пустую похлёбку, или испечь «лепешки из соломы с древесной корой и очистками». Нельзя объяснить ту боль, уже прорастающую в тебе, когда читаешь эти строки. Пронзительной жалости не достаточно. Возможно ли представить материнскую боль, будто железным стержнем, вонзающуюся в её израненный мозг, в её измученное сердце? Люди, обречённые на голодную смерть, – пожалуй, до сих пор нераскрытая тема войны, тесно сопряжённая с темой оккупации, с темой жизни в тылу. Удивила Вовку молитва матери, мальчишка раньше никогда не замечал, чтобы она молилась. Спасительное слово молитвы придавало сил, и происходило чудо: исстрадавшиеся люди были полны горячей готовности помочь друг другу, были совестливы и милосердны. «... Мужество, любовь, самопожертвование – это духовные качества, которые питают совесть и нравственность», – писал о советских людях, познавших тяготы войны, Ю. Бондарев.

Но были и те, чьи сердца, как и у врага, не ведали жалости, сострадания, не знали стыда. Это в повести Н. Советной тот же староста, понуждающий народ сдавать коров для «великой Германии», или та же профессорская жена, когда-то учившая Марию Михайловскую готовить жёлуди, а потом пресмыкавшаяся перед немцами, угощавшая их конфетами и сахаром, в то время, когда сынишка

Марии голодал. Картины подобной мучительной полноты, представляющие в повести Натальи Советной подлинную человеческую трагедию, поверьте, не забываются. «Детство наше под колёсами войны...» – скажет годы спустя строитель Владимир Михайловский, с благодарностью вспоминая тех людей, которые во время оккупации приютили их семью в своём доме, дали им кров, обогрели, делились с ними последним куском.

В природе нет войн, где бы воевавшие стороны не мечтали о победе. Сила ненависти и желанной победы, как будто превыше человеческой, была в этих людях. Ценой беспощадно украденного человеческого счастья, выстраданной ценой собственной жизни они пришли к своей победе. Городок праздновал 70-летие Победы в Великой Отечественной войне – главный праздник страны и грандиозное событие мировой истории. С чувством гордости за то, что их отцы и они, дети войны, были причастны к этому великому делу, герои повести встречали День Победы. Слышалась, летела над мирным городом, поднималась ввысь наполненная дыханием весны, слезами радости песня, и их голоса вливались в общее свободное звучание: «День Победы! День Победы! День Победы!»

Самую, может быть, любопытную страницу в книге открывает повествование, посвящённое партизанской эпопее, – «Мошканкая медсестра». Наталья Советная не «романтизирует» реальность, из которой выросла наша победа. Фанфарная риторика ей ни к чему. Слишком велика была цена победы, по-прежнему отзвучивающая непреходящей болью в сердце каждого белоруса. В небольшом произведении автор пытается воссоздать военную хронику освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков, хочет показать историческую роль партизанского движения. Местные партизаны – как основа его зарождения, само его организационное начало – отдельные партизанские группы, действующие на оккупированной территории, также развитие освободительного движения в тылу нашей армии, которое объединялось в единую мощную силу, представляя собой крупные партизанские формирования и бригады, нещадно громившие врага. Кровь, смерть, но и бесконечное мужество, человеколюбие, противоборствуя между собой, здесь идут рядом.

Трагический опыт войны продолжает жить в русской и белорусской литературе. Можно ли будет дожидаться литературного расцвета, некоего ренессанса литературы о Великой Отечественной войне? Всё очевидней, что этого исторического времени у нас уже нет. Необходимо успеть написать самое ценное, ветераны, участники и очевидцы тех событий уходят. Наталья Советная жертвенно осваивает это живое пространство человеческой судьбы и памяти, спешит встретиться, спешит записать воспоминания: «С миру по нитке – клубочек истории покатился...» Ефросинья Павловна Чиркова из деревни Мошканы Витебской области – главная героиня её повести. «Такая судьба у женщины, столько во время войны перенесла!» – скажут о ней местные деревенские жители. И всплывают из глубины человеческой памяти горестные и вместе с тем великие вехи воспоминаний, в которых само время срослось, как живой нерв, чтобы прошлое стало предостережением нашему общему будущему.

«*Душа моя трепетала в волнении, а собеседница торопливо говорила и говорила, опасаясь, что телефонная связь прервётся, и она снова останется одна в маленькой квартире, где жила на пенсии по возвращении из Ленинграда. Тянуло в родные места, ближе к сёстрам, Лукерье и Татьяне. Да они уже на Небесах*», – передаёт нам автор впечатления разговора со своей героиней, безмерная доброта и жизнелюбие которой просто восхищают, а выдержанность эмоций и тихая задумчивость трогают до глубины души. 18 детей было в семье Фроси Карпович, мать арестовали за связь с партизанами, после облавы девушка уходит в лес, в партизанский отряд. В повести не скрывается трагизм белорусской истории, автор касается её самых горьких сторон и моментов: рабство у пана, неизживаемая чёрная тоска белорусов, раскулачивание, по-своему крутой час коллективизации. Только терпение и труд, национальное достоинство всегда спасали народ. Не было у него обиды на власть, заметит Ефросинья Павловна, да и любовь, привязанность белорусов к своей земле помогали, как говорится, выстоять всем миром.

Судьба Ефросиньи Павловны действительно была легендарной. В рассказе партизанки озвучивались известные со школьной скамьи имена Героев Советского Союза: «*Константина Сергеевича Заслонова, в чью партизанскую бригаду входил Фросин отряд Кириллова (командир группы партизанских отрядов в Богусhevском и Сенненском районе. Командир отряда, включённого в Богусhevскую партизанскую бригаду Бойко (1-го состава). Командир этой бригады, затем партизанской Лиозненской бригады в Витебской области; Александра Константиновича Горовца – гвардии старшего лейтенанта, заместителя командира 1-й эскадрильи 88-го гвардейского истребительного авиаци-*

онного полка, сбившего в ходе своего последнего боя девять вражеских боевых самолётов, один из которых протаранил, но и сам был сбит четвёркой немецких истребителей при возвращении на базу; Первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии Петра Мироновича Машерова». Родной брат Фроси учился вместе с Петром Машеровым, во время немецкой оккупации сражался в партизанском отряде Кириллова.

Можно ли привыкнуть к войне и смерти? «Нет, можно научиться воевать, но привыкнуть к войне невозможно», – писал Константин Симонов. Ведь жить с постоянным чувством страха, наблюдать смерти близких и знакомых людей, знать о всех ужасах, которые творит враг, – это не жизнь. Испытываешь откровенный ужас, от которого всё холодеет в душе, когда читаешь в повести Натальи Советной о предательстве своих же, о пытках матери Фроси Карпович, о смертной казни. *«Мы отомстим! За всех отомстим и фашистам, и полицаям! <...> Мамочка моя! Как представлю – пытали её! Страшно! Я, если что, руки на себя наложу. Боюсь, только бы не выдать никого. А маму повесили. Гады! Ненавижу предателей! Если бы не свои же, деревенские, жила бы мама»,* – изливает девочка своё горе. О, эта ненависть к врагу была настоящей! Сильной, как вера, сдвигающая горы. Сердце партизанки наполнилось решимостью, потому что это была временная победа смерти. Вера в свои убеждения обретала прочную и необоримую силу. Основные нравственные смыслы концентрирует заключительная глава повести. Ефросинья Павловна произносит выстраданные слова, ставшие её заглавием: *«Нельзя быть предателем»*. Нет, антигерой-предатель не побеждает: *«Много предателей было. Они и после войны бандами в лесах прятались»*, – раскрывает героиня истинное лицо любого предателя. Война калечит души, лишает человека добра, подталкивает его на путь зла. Война – аномальное явление, которое приводит к нивелировке моральных норм, патологическая ситуация, где происходит не только разрушение мира, в котором живёт человек, но и распад личности, ведущий к исключительной духовной слепоте. В этом ключе стоит упомянуть и роман Николая Чергинца «Операция «Кровь», в котором остро и злободневно поднимаются темы партизанского и подпольного движения на белорусской территории во время оккупации, говорится о фактах ужасных преступлений нацизма – массовых уничтожениях евреев, детских лагерях смерти, где брали у детей кровь для немецких солдат и офицеров, обличается добровольное пособничество предателей-полицаяв.

Рассказ партизанки Ефросиньи Павловны заставляет задуматься о многих философских моментах нашего бытия. А есть ли у нас сегодня то единое Отечество, в котором живые никогда не предадут мёртвых? *«...И много спящих в прахе земли пробудится, одни для жизни вечной, другие на вечное поругание и посрамление...»* – сказано в Книге пророка (Даниил, 12:2). Проклятые вопросы, скрытая полемика, как тогда было «много предателей», так и сейчас много тех, кто пытается это предательство обелить. В нас уже давно живёт сила возникшей инерции. Способны ли мы на самопожертвование? Насколько далеко зашла болезнь нашей внутренней неподвижности? Сможем ли мы встать, как один, в наиболее критические и наиболее роковые моменты? Юрий Кузнецов в своём стихотворении «Тайна славян» говорит о том «великом покое», который после длительной духовной спячки он «разгоняет, как тучу, рукой». Но совершенно иное состояние – непокой. Именно оно составляет часть нашей победы. Ибо спящий никогда не победит. Поэтому не было у мальчишек и девчонок того военного поколения ни малейшей тени сомнения в правоте своего дела, тем более не могло быть у них и никакого нравственного изъятия предательства. Они ясно и чётко знали: жизненное пространство их родной земли должно быть свободным.

Не щадила себя и героиня повести, вскипал в её душе праведный гнев против фашистской нечисти. Вот, что она вспоминает: *«На железной дороге “Витебск-Орша” мины устанавливали. Это ж руками надо было раскопать – земля мёрзлая. А сердце брыкает, огнём полыхает! Вдруг немцы? Нет, резать, рубить станут, ничего им не скажу! Пулемёт в походах носила. Руки в синяках, замерзают. Пальцы побиты, расцарапаны в кровь. Тяжко»*. И тифом болела, но выжила. Профессор И. Казанцева, автор вступительной статьи, неоднократно отмечает ведущую роль христианской традиции в книге Н. Советной, ведь вера способна одухотворить человека, воскресить его из мёртвых. «Партизанка-девочка, горе-горькое», как называли Фросю в отряде, нащупывала рукой крестик с привязанной к нему молитвой: *«Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, Бог мой, и уповаю на Него...»* Славянский народ непобедим, потому что с нами Бог – Господь Вседержитель, Бог – заступник, всесильный и милосердный. «Бог был на нашей стороне – этим всё сказано», – стоит привести здесь один из самых пронизательных

читательских отзывов о книге «Затаённое слово». И земля наша была Богоспасаемой страной. Не перестаёшь поражаться тому, как смогли эти простые люди подняться над душной и страшной реальностью войны так же непобедимо и просто, как взлетает над бессилием самых страшных обстоятельств человеческая душа! Теперь мы понимаем, что они свято претворяли в жизнь христианскую заповедь: бороться против зла, защищая добро.

Уникальным явлением партизанского движения на Беларуси было создание в тылу врага широкой и действенной информационной пропаганды. Находясь в зоне оккупации, народ не знал настоящей картины событий, зато умножались всяческие слухи, в которых порой нельзя было отличить ложь от правды. Одним из методов партизанской войны в борьбе с врагом являлось массовое партизанское творчество. История партизанской борьбы против фашистских людоедов обнаруживала в народе доселе скрытые таланты, пропагандистско-плакатное творчество также приравнивалось к штыку и представляло собой грозную силу: подпольные газеты-листовки, антифашистские письма, сводки Совинформбюро. В своей повести, в главе «Иваново письмо», Наталья Советная представляет нам оригинальнейший способ такого народного творчества, напоминающий художественный жанр не только плакатного, но и жанр традиционного русского искусства, – ответное письмо партизан на немецкую листовку «Слушай, партизан Иван». Оно было «хлётским, жёстким, с перцем, солью...». Автору удалось передать самобытный магический характер этого письма, по всей вероятности, написанного партизанами вручную и наповал сражающего своим сочным народным словом, своей неповторимой художественно-впечатляющей силой. В белорусской литературе своеобразной национальной особенностью стал опыт творческого осмысления документальных свидетельств тех, кто были рядовыми участниками судьбоносных исторических событий. Пронзительно в пространстве повести звучит и партизанская клятва, в очередной раз доказывая нам мощь того военного поколения, в котором присутствовала любовь к героическому началу и подвигам.

Символически финал повести «Мошканская медсестра»: прорыв блокадного партизанского кольца, кровопролитные сражения при освобождении белорусской земли, военная операция форсирования Березины. *«Когда за Березину бои начались, река красная была от крови. Вода кипела, мутная, как в болоте. Раненные кони в конвульсиях бились. Танки шли, людей давили»*, – свидетельствует наша героиня. 3 июля 1944 года была освобождена столица Белоруссии – Минск. Народ стал победителем истории. Но возможно ли быть победителем своей судьбы? Победители никогда не сдаются. Ефросинья Павловна Чиркова решительно подтверждает это песней – подлинной, о героях и временах минувшей войны: «Мы не кланялись пулям и жизни своей не щадили!..»

Великую партизанскую эпопею автор продолжает и в своём очерке «Сжигай слова, чтоб сохранить мотив...», в котором параллельно идут две линии: комсомольские подпольщики-молодогвардейцы в Краснодаре, одна из которых родом из Городокщины, и подпольщики-партизаны на Псковщине. Трагедия и подвиг героев Краснодона увековечены в романе Александра Фадеева «Молодая гвардия». Причём, описывая пытки комсомольцев, его автор щадил читателя, настолько это было страшно. Сегодня некоторые позволяют себе подвергать сомнению истинность тех или иных фактов романа, что вопиюще несправедливо. Когда речь идёт об исторической правде, критика должна знать допустимые границы. Судьбы молодогвардейцев перекликаются с судьбами подпольщиков посёлка Плюссы, где жил поэт-воин Игорь Григорьев, – юное поколение войны – подпольщики, партизаны... Жизнь и судьба Игоря Григорьева, всё его творчество занимают особое место в жизни и судьбе самой Натальи Советной. Она является председателем оргкомитета международного конкурса лирико-патриотической поэзии имени И. Григорьева и литературных чтений поэта. Пересечение судеб – перекрестие строк. Можно сказать, что вся человеческая жизнь состоит из сравнений, сопоставлений, параллелей и пересечений.

Великая Отечественная война преподала нам всечеловеческий урок, найдя своё отражение и в классических уроках славянской военной литературы. Свой нравственный, «Русский урок», хорошо усвоил и Игорь Григорьев. Его поколение узнавало мир вместе с человеческим подвигом и страданиями. В свои 18 лет он стал партизаном и подпольщиком. Невосполнимая утрата, что всю последующую жизнь жгла его огнём незатухающей боли, – брат Лев, Лёка, как называл его Игорь Григорьев, тоже подпольщик, который погиб, выполняя очередное боевое задание. Непростые партизанские тропы прошёл Игорь Григорьев. В одном из боёв осколком разорвавшегося снаряда он был тяжело ранен. С того дня прошёл десятки лазаретов, перенёс восемь операций. «Береги себя... Но

и воевать за тебя никто не должен. Никто не должен умирать за тебя. Неси свой крест...» – таков был отцовский наказ сыну-партизану. С достоинством и гражданским мужеством нёс Игорь Григорьев свой русский крест судьбы. Поэзия партизана – это огонь! Его военные стихи входят в душу, как огненные молнии! Невероятное напряжение исходит от каждой строки, обожжённой войной. Слово поэта было дерзким, решительным, а голос, обращённый к мёртвым и живым, был полон фронтового достоинства! В нём пылало победительное отмщение за погибших друзей-подпольщиков, им руководило одно-единственное желание: подняться и встать вопреки всему, вопреки страху и смерти.

Игорь Григорьев так и жил, так и творил на грани мира и войны, на грани жизни и смерти. Судьба оставила ему шанс: договорить, дописать, преподать миру свой главный жизненный урок:

*Стокровьем закат пересиял, / Победу над ночью зажгла.
Россия, Россия, Россия, / А если бы кровь изошла?*

.....
*Ужели надеялась выжить? / Воскреснуть в назначенный срок?
– Бери неотложней и выше: / Дать нелюди Русский Урок!*

Автор высвечивает в творчестве поэта-воина славянское ратоборство, возрождающее лучшие традиции в нашей литературе. Следует подчеркнуть, Наталья Советная, как и Игорь Григорьев, во всех своих произведениях придерживаются глубокой связи, кровного родства, исторического единения в судьбе двух наших народов: России и Беларуси. В таком литературном, публицистическом и гражданском подвиге Натальи Советной, самоотверженно исследующей войну, исполняется причинно-следственная связь поколений. Трагедия войны не должна повториться и память обо всех безвременно погибших, но отстоявших мир, должна жить вечно, ибо она благословлённая Самим Богом и многократно запечатлённая в Библейских книгах: «Чтобы... память о них не исчезла у детей их» (Есф., 9: 28).

5

Сегодня пришло время осмыслить индивидуальный путь человека на войне, показать отдельную человеческую судьбу, взаимосвязанную с трагическими закономерностями мировой истории. Воля истории диктует неизбывное право собственной человеческой памяти. В начале XXI века, как и в начале XX века, мы вновь оказались на разломе эпох. Наталья Советная пытается отвоевать у смерти новые и новые пространства памяти. Она успешно работает и в жанре военного рассказа, который у неё тоже имеет реальную документальную основу. Это особенно важно, ведь военная проза, как и проза «деревенская», постепенно исчезает. Что характерно: автор видит не только абсурдность войны, она выявляет её смысл. Герои её произведений похожи в одном: судьбы их роднит война. Почувствовать и передать человеческое измерение войны с её повседневностью и психологическим напряжением, – пожалуй, самое сложное в данной теме.

Так, в рассказе «Подкоп» автор знакомит нас с учительницей Светланой Тимофеевной. Во время войны ей удалось спастись из горящего дома, прокопав лаз. Дети войны – это особое поколение, поколение, в одночасье лишённое счастливого и беззаботного детства. Местный полицай выдал немцам её мать, партизанскую связную, помогавшую нашим бойцам на грани какой-то безоглядной и почти трагической решимости, рискуя жизнями своих детей. Но могла ли она поступить иначе? В книге «Руины стреляют в упор», хорошо известной многим со школьной скамьи и посвящённой минским подпольщикам, говорится и о подвиге матери Светланы Тимофеевны. Пройдёт время. «А ровный, тихий голос» Светланы Тимофеевны и ныне отзывается в моей памяти теплом и покоем», – напишет автор. Мир, добытый ценой собственных жизней, тепло и покой – как самый большой дар на земле – вернули нам герои той грозной войны.

Судьба обычного человека предстаёт в рассказе «Краса и орден»: Степан Сираж, бывший военнопленный, прошедший все круги ада, к тому же не в одном лагере смерти, в начале в «Дулаге-125», лагере под открытым небом, который называли «Полоцкой голгофой». Горы трупов устилали лагерь. Не стал для него спасением и побег, казалось, вот она, желанная свобода, но дед-поляк выдал его немцам. Степана ждали не менее страшные испытания – Дахау и каменоломни. Но как бы там ни было, враждебная среда не сломила его. Он выжил, ему хватило необходимой и достаточной

стойкости непоколебимо всё вынести и не сломаться. «Как выжил?» – спустя годы не раз задавался этим мучительным вопросом Степан. Что помогало ему в горькие минуты, часы, дни и месяцы беспросветного отчаяния? Может быть, любовь к своей земле, к своему дому, о котором он вспоминал в ненавистном плену? Сквозь тяжёлый сон как спасение являлась родная деревня...

«Лучки, что в глусских краях на Могилёвщине раскинулась длинной улицей в тридцать два дома... в лучкинском дворе всё справно! Стопка, где до лета без порчи пребывают овощи-фрукты, бочонки с квашеной кочанами капусты да солёными огурцами, грибочками, мочёными яблоками с клюковкой. Зимой, чтобы не подмерзали, мать в ведре жар из печки в стопку выносит. Глеет долго, дымом плесень изгоняет, а теплом – трескучий мороз. Вот и добротный хлев с коровой-кормилицей, поросятами – непременно четыре хвоста, не меньше, чтобы раз в три месяца мясо свежее, и колбасы, и сало. Сенник да куры, как же без них? «А хата, хата! – мечтательно вспоминала Анна. – В сенцах кубелы с салом, с шинкованной капусткой. Мама на вячеру сала настрогает, на сковородку да в печь, а потом горячую бульбачку из чугуна в миску, шкварками с луком сверху, рядом кислую капусту на стол. Ой, любит же отец картошку со шкварками!» – именно такой была деревня Степана, его родная хата, которая заключала в себе целый неповторимый мир. О родной хате – как о самом дорогом, кровном, что есть в её жизни, – вспоминает и его дочь. Отметим, насколько достоверно представлены в повести реалии деревенского бытия: белорусская хата, крепкое крестьянское хозяйство, закрома, полные съестных домашних припасов...

Основной нерв военно-исторической темы – человек и его земля. Есть ценности, которые не вызывают ни у кого сомнений. Это вода, земля, солнце, воздух и, конечно же, хлеб. Автор учитывает национальное мировидение простого белоруса, принимает близко к сердцу его любовь к отчей земле, к природе, к хлебному полю. В этой любви раскрывается вся человеческая сущность Степана Сиража, познавшего истинную цену крестьянскому труду и хлебу: *«Землю люблю. Когда хлеб в поле поднимется да заколосится, радость такая, словно чудо свершается на моих глазах! <...> В маленькой ржаной крошке, не раз спасавшей от голодной смерти, вмещались для него и несказанная сладость отчизны, и духмяный аромат родительской хаты, и материнское тепло, и крепость отцовских рук, и вкус родниковой воды, и всё то, что выразить у него не получалось, потому что и слов таких не знал, только сердцем чувствовал. Хлеб таял во рту, душа успокаивалась»*. Кусочек хлеба, который помог ему выжить во время войны, тогда он считался мериллом жизни и был на вес золота. Видимо, к пониманию хлеба мира нельзя прийти, не зная о хлебе войны: горек был его вкус, потому и дорог. Хлеб насущный на каждый день и хлеб духовный на века – земная жизнь и небесная святость навеки соединились в этом ржаном кусочке.

К 40-летию празднования Победы Степан Тимофеевич Сираж был награждён орденом Отечественной войны. Победа – апофеоз повести – победа страны и победа человека. И, естественно, одержавший Победу – это герой, ветеран тех суровых лет, непреклонный, на лице которого сияло непорухенное достоинство: *«Ветеран стоял с орденом на груди, выживший, не словившийся, не предавший, и не было на свете награды важнее и дороже, чем эта. Гром рукоплесканий заглушал слова поздравлений. Цветы не вмещались в охапку и сыпались на пол, к ногам. А он повторял и повторял только одно слово: «Победа!»* Вот она, глыба человеческой и военной правды. Терпение – это тоже мужество, в терпении есть победа и преодоление. Не стыдно смотреть в глаза людям, когда ты не предал, когда выстоял.

Иконописно перекликаются в творчестве Натальи Советной извечные темы: Родина, дом, мать, подвиг, память, вера. Её рассказ «Всех скорбящих Радость» вызывает доверчивое чувство радостного покоя и жизненной уверенности. В нём показана простая и вместе с тем высокая судьба белорусской женщины Евдокии Федотовны, вынесшей суровый груз военной оккупации, сохранившей свою семью, самое дорогое – детей. Здесь особенно ярко высвечивается духовная, христианская сторона православного человека. Пафос героизации у автора сопряжён с нравственными качествами – с верой в Бога. Предчувствуя свою скорую смерть, Евдокия Федотовна, просит родных дать ей икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость», на которой изображён чудотворный образ Богородицы. Жизнь этой сильной и мудрой женщины становится похожа на воспоминание, в котором есть и хорошее и плохое, поскольку жизнь человека неоднородна, но всё прожитое ею от начала и до конца честно и достойно. Эта икона сопровождала Евдокию Федотовну всю жизнь, с того памятного момента, когда мать, отдавая дочь замуж, благословила Дуняшу, обращаясь к чистому и светлому лику Богородицы.

Женщина покидает мир, твёрдо зная, что в её семье всё будет хорошо. Родовое чувство полнит нашу кровь и память. Ясность мысли, убедительное вдохновение и вера в лучшее исходит от этого рассказа. В жизни каждого человека бывают моменты, когда духовная поддержка становится насущной необходимостью. Она позволяет обрести новые силы, преодолеть испытания, с честью выйти из сложных ситуаций, справиться с душевным либо физическим недугом. И неисчерпаемым источником такой помощи для всех христиан является Богородица: «...*Старенькую тёмную иконку Зоя снова поставила на божницу. Покрыла белым вышитым рушником – так всегда делала Евдокия. Не сразу, на сороковой день, с удивлением заметила: образок словно кто начистил до блеска, и лик Пресвятой Богородицы засиял*». Есть смерть, есть и жизнь. «Всех скорбящих Радость» – трепетное волнение и вечная надежда на исцеление и возрождение человеческой души.

Рассказывая о судьбах людей, передавая чувства, которые испытывали они в условиях оккупации, Наталья Советная переводит восприятие военной трагедии из сферы персонального опыта и своего индивидуального переживания в область глобальных и трагических закономерностей мировой истории. Проблема войны и мира, гражданской ответственности человека, его нравственности представляются в её произведениях в общей исторической взаимосвязи происходящих событий. Исходя из опыта прошлого и опыта современности, писатель никогда не теряет опоры на национальные духовные традиции. Скрытые смыслы человеческого бытия открывает рассказ, давший название всей книге, – «Затаённое слово». «Теперь, когда свидетелей войны осталось совсем мало, каждое воспоминание, каждое слово, словно драгоценность», – неизбежно осознаёшь сказанное автором, когда знакомишься с его героиней Зинаидой Савельевной Романовой, чьё детство выпало на годы войны. У их поколения не было времени на детство, оно рано взрослело. Выстрадано, веско звучит каждое её слово. Штрихи эпохи, эпизоды сурового времени навсегда запечатлелись в памяти героини: страх оккупации, за связь с партизанами жгли хаты, полицаи-предатели, бежавшие вслед за немцами, фронт, освобождение, нелёгкая послевоенная жизнь в деревне. Вот она, маленькая девчушка, вместе с женщинами-солдатками тащит «тяжеленный конный плуг» – несмышлёное дитя, не способное ощутить вселенскую тоску бабьего одиночества.

Какое же оно, это затаённое слово, о котором с таким трепетом и волнением в душе говорит Зинаида Савельевна? Она навсегда запомнила слёзы и радостную улыбку на лице учительницы: «*“Дети, идите домой... Война закончилась!” Четыре километра из Кравцово ребятня неслась наперегонки и без передышки. Каждый хотел первым принести счастливое известие. – Победа! Война закончилась! – кричали они работавшим в поле женищинам. Побросав плуги, бабы тоже бежали домой, размазывая по щекам слёзы грязными от земли руками и повторяя, как молитву, то самое заветное слово, которое затаённо сохраняли в душе долгих четыре года: “Победа!”*» Да, слово это содержит в себе самый тайный и сокровенный источник. Затаённое слово Победы – Божие Слово. И победоносное слово рождается сердцем преображённым, в котором нет ненависти, а есть любовь и вера. «Теперь-то другая жизнь», – простые и обыденные слова произнесёт Зинаида Савельевна, и луч света озарит её сокрушённое сердце.

Неожиданным, но вместе с тем не случайным, стал для автора звонок сына героини рассказа «Затаённое слово»: он отметил главный, психологический, момент книги – не бесстрашные, храбрые подвиги и знаменательные сражения, а прежде всего эмоциональный фон переживаний чувств тысяч людей, испытавших трагедию войны. И мы видим, что книга Натальи Советной открывает понимание Победы как высшей правды и силы, как Божьего святого Слова.

Гуманистические мотивы обретают у автора острую, злободневную силу: не отдать Победу, которую отстояли своими жизнями наши деды и отцы! Белорусы, познавшие цену военных бедствий, никогда не изменят славянскому братству. Их души умеют свято хранить это единство живых и мёртвых. Что подтверждает пронзительная цитата из очерка Натальи Советной «Невосставшие из пепла»: «*И в этот момент вдруг явственно ощутилось, что невидимо встали рядом с нами души всех убиенных здесь: сожжённых и расстрелянных жителей, солдат и офицеров, павших в боях при освобождении, и моих предков по материнской линии, что покоятся неподалёку на деревенском погосте*».

Книга «Затаённое слово» – история человеческая и военная, – начатая давно, она не заканчивается и в наши дни, ибо остаётся боль, которая не проходит, остаётся память, которая продолжается... И пока горести будут властвовать над миром, не будет конца у этой книги...

Берега прочтения

Елена Крюкова

Елена Крюкова – родилась в Самаре. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. Горького. Член Союза писателей России. Член Творческого Союза художников России. Поэт, прозаик. Дипломант премии им. И. А. Бунина («Беллона», 2015) и Всероссийской премии им. генералиссимуса А. В. Суворова («Солдат и Царь», 2016). Автор арт-проекта «Театр Елены Крюковой» (моноспектакли: «Земля», «Солдат и Царь», «Русское Евангелие», «Ксения», «Империя Ч», «Беллона», «Старые фотографии», «Коммуналка», «Русский Париж», «Евразия», «Серафим»; арт-концерты: «Два ангела», «Паломница», «Исповедь», «Звёздный ход» и др.). Искусствовед, арт-критик, куратор арт-проектов в России и за рубежом («Архетип», Нижний Новгород, 2006; «Анестезия», Нижний Новгород, 2007; «Символы Земли», Кассель, 2008; «Долина царей», Москва – Брюссель, 2010, «Петроглиф», Нижний Новгород, 2014 и др.).

Духовное странствие

Журнал «Берега», № 3-2021

Вышел в свет третий номер (№ 3-2021) журнала «Берега». В нём – предельно важные для жизни современной русской культуры произведения: стихи и проза, воспоминания и публицистика обнаруживают несомненное духовное родство – при всём разнообразии уникальных авторских высказываний.

БЕРЕГА ЮБИЛЕЕВ

Открывается номер статьёй Лидии Довыденко «Страдания избранных Твоих...» – о книге Николая Фёдоровича Иванова «Реки помнят свои берега». Знаковая эта переключка в названии романа и в имени журнала. Роман затрагивает, изображает трагичнейшие годы истории нашего государства. И Лидия Довыденко прекрасно, сильно и умно показывает, как писатель вкладывает в эти непростые изображения душу, сердце, переживания героев:

«...начался курс на индивидуализм, на выживание в одиночку, чему никто на пространстве СССР никогда не учился, не умел, ведь свой берег у нас – это соборность, общинность, родная идея и идея общественная...»

И стыд за пустозвонство и “бесполётную скудость” оказавшихся у власти в “межеумочный период”. “Войны иногда выглядят более честным занятием, чем игры политиков”, – замечает писатель».

Журнал сердечно поздравляет с юбилеем Валентина Сорокина: 85 лет – это превосходно, это победа над временем! Давайте узнавать людей героического поколения в тревожащих и светлых строках; давайте понимать, что вся великая сложность бытия может уместиться в несколько простых, ёмких слов, от которых щемит сердце:

*Иди, коль ветер, так на ветер,
Иди, огонь, так на огонь,
Я славлю тех, кого не встретил,
Протягиваю им ладонь.*

А вот юбилей человека, что гордо и мужественно стоит на перекрестье русской культуры, соединяя на одном золотом поле киноискусство, литературу, живопись, театр, – 75 лет Николаю Бурляеву, и понятно, вся страна поздравляет Николая Петровича, а получить поздравление от журнала «Берега» радостно вдвойне! Воспоминания. Сценарии. Актёрские роли. Стихи – лирические стихотворения и большие поэмы. Пьесы – одна из них, «Детство Бэмби», с огромным успехом идёт в Москве. Академик. Почётный профессор киноакадемий. Живая душа России – одна из сонма её знаменитых душ живых. «Никогда я не был на Босфоре...» – документальная повесть кинематографиста – ждёт благодарных читателей в третьем номере! И публикация – лучший праздник и самое почётное поздравление!

А вот 75-летие Николая Олькова, и мы с наслаждением читаем сказ «Красная Поляна»:

«Та сторона, что к деревне, летом в зелени разнотравья, для молодняка разного подкашивают люди, а задняя лесом прикрылась, так вот, заведено ещё в старые времена, чтобы тут дерево не трогать. Каждый год обходил лесник и помечал, какие берёзки, осинки и сосенки убрать можно. Зато ягоды в первых лесочках – какую душа желает: и клубника, и костянка, и смородина с ежевикой. Там подале и мокрые места есть, любители забираются вглубь за клюквой и прочей вкусностью...» Какой прекрасный, сочный и яркий, напевно-сияющий русский язык!..

Юбилей и у Натальи Советной – она кандидат психологических наук, поэт, прозаик, публицист, литературный критик; журнал публикует её размышления о книге Виталия Синенко «Я не убит подо Ржевом. Завещание отца». Наталья Викторовна на примере этой незаурядной (и, как она сама отмечает, своевременной!) книги открывает нам правду о Ржевской битве. Удивительную цитату из книги Виталия Синенко приводит писательница:

«Не на жизнь, а на смерть сцепились не просто армии – лоб в лоб сошлись две нации, два мировоззрения, две социальные системы, две правды. Победить или умереть. Борьба за счастье своей родины у немцев заключалась в убийстве нашей Родины. Мы победили. Наша правда оказалась выше. Её поддержало Небо. Многие наши святые воины сложили головы на Ржевском поле. Смертию смерть поправ».

Но автор книги касается не только истории. Наше драматическое настоящее – поле его острых социальных раздумий. А вторая часть книги – завещание отца, соединяющее поколения и эпохи. Наталья Советная замечательно рассказывает нам обо всём этом. Невероятно важно, нужно прислушаться к этому вдумчивому, полному боли и надежды рассказу...

Юбилей и у питерского поэта Андрея Реброва. Прислушаемся! Приглядимся... Будем впивать, выпитывать музыку русского стиха... И вот они перед нами – наша песня, наша снежная зима, наша история, наш храм, наша вера – параллель жизни, сиюминутной и вечной:

*На церковных окнах – ризный снег Сочельника,
Дымом и хвоею тянет из-под рам, –
Будто бы на облаке возлетает с ельником.
С белою оградю православный храм.
Раздышу молитвою изморозь оконную, –
От простора белого – аж в глазах черно...
А вдали над речкою, над долиной звонною,
Как звезда Господняя, теплится окно...*

БЕРЕГА ПРОЗЫ

Сергей Пылев из Воронежа предлагает вниманию читателя рассказ «Оживший». Писателя волнуют простые судьбы простых людей. Но... простые они только с виду. Глубины и высоты взаимоотношений... неожиданности и закономерности судеб... Неистребимая жестокость жизни, неодолимый её рок, и рядом – человеческая нежность, потаённые слёзы души... «Филиппу вдруг стало стыдно за всё плохое, несправедливое на этом свете. Гробовой до боли ощутил несвойственное ему до сих пор чувство: он тоже виноват по-своему, что жизнь изначально устроена неправильно. Но ничего

никому не переделать никогда. Никаким прогрессом. Никакими лозунгами. И даже Великая каменная Баба, Мать матерей, в этом вопросе напрочь бессильна.

...Филиппа застрелили на Параскеву великомученицу. Как раз когда он с какой-то новой просьбой ходил к Бабе на курган. Хотя не исключено, что Гробовой словил затылком шальной охотничий жакан, он же турбинка, рикошетом завернувший свой кручёный полёт в его сторону...»

Александр Тихонов из Омска представляет рассказы «Дом на окраине», «По весне», «На кой», «Седой». И опять перед нами – в полный рост – размышление об извечных контрастах жизни. Рождение и смерть. Любовь и вражда. Честность и предательство. Основные архетипы времени, всё расставляющего по своим местам.

«Отец тяжело поднялся с мешков, захромал к куче. С ним такое бывало часто, – Санька не раз видел, как в пору непогоды отец, сжав зубы, терпел непреходящую боль. “Фронтовые раны дают о себе знать”, – говорил он и натянуто улыбался, чтобы не испугать ребёнка.

Начинало накрывать. Тяжёлые холодные капли срывались с кромки замусоленной тучи и удаляли в комковатую, сухую землю.

– А может, он и правда не убивал никого?

– Предателю не обязательно стрелять, – сказал отец и взглянул из-под руки на змеящуюся к селу дорогу. Там, в оседающей пыли, показалась соседская телега. Поравнялись с бывшим полицейем. Худой детина приветственно помахал, но соседи не ответили, и Седой поехал в село. А дождь шёл за ним. Затяжной, обложной, несущий недели непогоды.

Предателю не обязательно стрелять...»

Удивительный прозаик Александр Евсюков представляет два рассказа – «Лодка Саньча» и «Только мы двое». Автор хорошо и сильно заявил о себе, успешно показался на значимых литературных конкурсах России. Но подлинный художник всегда опережает и своё время, и награды. Александр Евсюков идёт в пространства неосвоенные, неизвестные:

«Вижу, Сеня плывёт к берегу. Он одет легче, ору ему: “Сеня, плыви, плыви!” Сам вцепился в лодку намертво, одежды на мне много, до берега точно не дотяну. А там – люди видят нас. У меня ноги светло, руки как клешни растопырил. Сеня всё тяжелее плывёт, но до мелкой воды близко. Вот он встал на ноги, приподнялся над водой и – всё...»

– Так, значит, утонул? – негромко спросил я.

Он резко мотнул головой, смерил меня взглядом. Для Саньча было важно, что его товарищ не утонул, не захлебнулся, не проиграл волнам или дистанции. Он как будто снова встал в эту свою нелепую защитную стойку. Не поднимая рук, внутри себя.

– Нет. Потом сказали, сердце остановилось. Перепада температуры не выдержало. Когда вытаскивали, лицо было совсем синее. Так не вправду, что не верилось. Думал, его обязательно откачают и сам он за жизнь ухватится. Он мне снился потом – синим лицом улыбается широко во весь рот. Жутко. Совсем скоро его пьесы прогремели. Писали, что он гений, молодой и ранний. А у меня – всё кувырком. Он плыл в нашей... в моей лодке, столько всего хотел успеть. И вот – сплыл куда-то, на небо наверно... А я, бездарь, остался. Уцепился за край и не отпустил, пока не дождался помощи. Многие пеняли мне за это, я их не виню...»

Писатель погружается внутрь судеб героев так глубоко, что чудится – уже и не выныривает, остаётся там, в толще иных человеческих миров. Высшая степень перевоплощения, проживания чужих жизней – столь же дорогих, неповторимых, драгоценных, как своя...

В рассказе «Нунути» Риммы Лютой из Воронежа – кусок детства, кусок жизни, улыбка и незабвенный, родной говор бабушки: воспоминание перерастает в чистое, прозрачное, пронзительное стихотворение в прозе. Да, проза тоже может быть высокопоэтической! И потрясать горячей, живым огнём трепещущей – днём и в ночи – человечностью:

«Похоронили Марию Васильевну на Коминтерновском кладбище. Шёл Великий Пост, день был пасмурный, а свежая могила, помню, была усытана всё такими же безразличными к человеческому горю белыми и жёлтыми кустистыми хризантемами (и не сезон на них был тогда, откуда взялись – кто знает?). И в их мертвенное тяжёлое благоухание вплеталась моя боль от внезапной

потери близкой души – они пахли смертью. Дрожащая от слабости и утраты, я молила тогда: “Прости меня, моя Нунути! знаю, ты сказала бы: и это пройдёт, рыженькая, Господь с тобою... И с тобою, родная моя, пусть будет Господь, пусть будет Он всегда с тобою...”

С тех пор друзья не дарят мне этих цветов».

Ольга Козловская в рассказе «Под крышей серого дома» путешествует по людским судьбам. Непростое путешествие. Но столько всего можно увидеть! И запомнить... И столько всего оплакать... и отпраздновать... Сюжет простой: женщина бальзаковского возраста захотела отдохнуть и полетела в Сочи, забронировав место в частном доме. И вот перед нею отдыхающие, насельники этого дома. Здесь дом выступает эквивалентом корабля или самолёта, а люди в нём – экипаж: случайно подобранный судьбой? А может, есть некая закономерность в этих неожиданных знакомствах и встречах? И все они посланы просто для того, чтобы никогда не забылись?

«Разошлись мы глубоко за полночь, после песен, танцев, бесед о счастье и прочих атрибутов душевного застолья. Единственно, чего не было – обещаний вечной дружбы и радостных встреч. Не к месту это было. Да и не нужно.

Всё доброе уходит не прощаясь, оставляя место уже спешащему навстречу новому добру».

БЕРЕГА ПОЭЗИИ

Поэт Константин Смородин из Саранска распахивает перед нами ворота сиюминутной радости и долгоиграющей боли. Это сердце, которому вняты кровавые беды нашего времени. И, обращаясь к современнику в стихотворении «Брату-украинцу», он находит для высказывания непреложной истины единственно верные слова:

*Как в этой жизни земной всё неоднозначно,
всё запутано, закручено, скрыто туманом.
По всем признакам, вроде ждала тебя, брат, удача,
а оказалась удача твоя призраком и обманом...*

Василий Киляков – уникальный поэт, сочетающий в стихотворной плоти тревогу и ветер, и плотность и насыщенность; живую сиюсекундную, молнией пронзающую боль и вектор мудрости, направленный на великую вечность; он мастер беглой, сравнимой с потоком духмяного лесного воздуха зарисовки – и трагической песни о жизни и смерти, где неизбежность каждого ухода с нашей земли оправдана и освящена Божиим началом, Небесным огнём.

И проницает, проникает до сердечных глубин эта изначальная, как сама Русь, песня:

*Я помню, мама, ночь разлива
с огнями станций в глубине...
Твои глаза, как ветки ивы,
росой проплакали по мне.
Я помню запахи, и речи,
и до разъезда тракт прямой,
твой плат, накинутый на плечи,
на плате – чернь с простой каймой.
Опять мы вместе – и без сна я...
Но как тревожно мне взростеть!
Позволь мне, милая, родная,
твою ладонь в моей согреть...*

Стихи в третьем номере и правда отменные, в авторском богатстве, в их радуге-разнообразии можно купаться, вольно плыть в светлом словесном море. Вот Николай Родионов с его неубиваемой надеждой на бессмертие любви:

*И влюблялся не в тех, и женился как будто бы наспех.
Видно, всё-таки сильный пожар разгорался во мне.
Извините за то, что я душу, раскрытую настежь,
Так пытаюсь очистить, свой мрак выметая вовне.
Прояснится, надеюсь, однажды душа прояснится,
И весь мир станет лучше, чем нынче, гораздо светлей,
Толкотня прекратится, проявится чуткость на лицах,
Жизнь в любовь превратится, и сердце потянется к ней...*

Вот Евгений Харитонов из Белгорода, – в его душе и память войны, полные гнева и боли солдатские мотивы, и слёзы о прошедшей, навек отгоревшей любви, и великолепная живопись русской зимы:

*...Все дороги в округе завьюжены,
Не пройти, не проехать теперь.
А метелица в снежное кружево
Наряжает пушистую ель.
Из-за сопки неспешно потянется
Поздней зорьки румяный обоз.
И, ударив невиданной палицей,
По земле зашагает мороз.*

Вот Виктор Петров, сибиряк: кроме того, что поэт, он ещё историк, а значит, свободно, философски работает с геологическими пластами всеокушающего времени...

*Сквозь разряжённый воздух слов
Прошёл я, задержав дыханье.
Всё помнит кровь: и отчий кров,
И холод вечного скитанья.
Волненьем тело налито,
В нём музыка, восторг Вселенной.
Ничто не гибнет, только то,
Что не имеет сердца, тленно.*

Вот Нина Стручкова, человек совершенно изумительный, истинный русский художник – её стихотворное коромысло протянуто от родной деревни Погореловки в безумную жизнь столиц, от древности лесных времён, мироощущения предков – в буйство огней, в мешанину оголтелой, с ног сбивающей, часто мучительной современности, где так непросто выбрать единственный, верный путь:

*Ты бродил по дорогам забытых времён,
Ты просеивал пальцами шёпот столетий,
В биваках и стоянках всех орд и племён,
О, какими ты солнцами был опалён,
О, к каким родникам приникал на рассвете!..*

Орловский поэт Антонина Сытникова – опять об этой кровной связи времён, о крепкой суровой нити, сшивающей эпохи, и её не перерезать, не распороть:

*Стихи читала о войне
Девчушка в платице сатиновом.
Метались в клубе по стене
Отсветы лампы керосиновой.
Летел и рвался голосок
Сквозь зал немислимыми волнами,
В проём окна наискосок
Луна заглядывала полная.*

*Рыдали бабы не таясь,
А мужики волненье прятали.
Откуда в пигалице связь
С войной прошедшею треклятою?..*

А вот и Нижегородские берега. Лариса Бухвалова и Анастасия Ростова! Стихи Ларисы Бухваловой – плоть от плоти и корень от корня Руси, почти забытой, но тем не менее отчаянно, горько и сильно живой, упорно и навсегда (необоримо!) живущей. Бабушка и мать передали Ларисе жителное мироощущение предков, чувство всех трёх Миров славянского уклада – Мира Верхнего (небеса), Мира Среднего (земля и земное), Мира Нижнего, навьего (царство мёртвых, души предков). Русская зима под её поэтической кистью становится архетипом захлёстывающего с головы до ног, цветного и многошумного праздника бытия, когда сердце-огонь из всех радостных сил сопротивляется вечному Холоду. Христос улыбается языческим богам. Кошки-сфинксы становятся проводниками в ледяное сияние, свечение звёздных миров.

*Помню с детства – мамина любимая –
крепкая, в коробочке хранимая
нитка на бобине очень прочная.
Мама умерла, а нить не кончена.
Ушивали многое и разное
этой нитью выгоревшей, ситцевой:
Бабушка с иголкой умудряется,
мамино лицо, моё – традиция.
Ниточка посконная, небесная
не порвётся, потому что честная.
Ариадны нить во тьме космической...
...Для семи голодных кошек –
Сфинксов, спящих на окошке,
Продавец, продай на грошик
Горстку кильки в чёрной крошке.
В дивном марте, в этом веке,
Мир и килька да пребудет!
Кошки тоже человеки.
Кошки – мартовские люди!*

И у Насти Ростовской – этот мотив родовой связи, переключка внутри семьи, бабушка как архетипический маяк, светящий во тьме непознаваемых времён:

*«Ты оставайся собой, продолжай мечтать, –
Скорбная складка у бабушки под губами: –
В мире моём я – Фотинья, совсем не та...»
Кто не поймёт, те живут и умрут рабами.
Бабушка в мир свой отправилась через год,
Плакал отец, даже сахар горчил полыньёю...
Где-то внутри, под кудрями ещё живёт:
«Ты продолжаешь – и славно. А я – Фотинья!»*

И в стихотворении «Веснодельница» музыка вечной весны счастливо нисходит к смертным, заставляя нас именно весною, внутри её теплой власти и тотального пробуждения природы, чувствовать себя жителями не только земли, но и ослепительно-синих, высоких небес:

*Говорят, что она вызывает весну не глядя,
Не касаясь, не думая, даже не видя в снах...
Вышивает созвездия танцем на водной глади,
Пропуская сквозь пальцы любимые имена...*

БЕРЕГА АМУРА

От берегов Нижнего Новгорода волшебным перенесёмся на берега Амура. Закружат, увлекут за собой рассказы Александра Герасимова! «Волки летом людей не кушают», «Счастье», «Шутник», «Конфуз», «Кукушкины слёзки», «Малина», «Стрекоза», «Страна дождей», «Зазимок», «Письма в минувшее» – это и этюды-зарисовки, и затеси-зарубки на сердце, и подробные наблюдения повседневности, и выстраданные всею жизнью раздумья. Мгновения, запечатлённые вроде бы случайно... но ведь на самом деле ничего случайного нет:

«Первый снег – зазимок. Выпадает под утро, перед рассветом, когда морозен воздух. Белым-белёхоньким всё припорошит. Необыкновенно светло от него. И так радостно на душе. Казалось бы, просто снежок выпал, а улыбаешься как ребёнок. И никак надышаться не можешь этим прозрачным искристым снежным воздухом.

На Амуре первый снег случается в конце октября, часто в мой день рождения. Мама рассказывала: родила ранним утром, в окно посмотрела – падают большие белые снежинки – зазимок...»

Ольга Крутикова с амурских берегов выступает в журнале со стихами. И снова эта попытка связи времён, снова несбыточная мечта о соединении, сочетании мира дольного и Мира Горнего:

*...И не надо лечиться от чьих-то пустых разговоров,
И прикуривать солнце из чьих-то ладоней чужих,
Ты ведь сам себе проводник, ну вот тот, который
От Небесного Лекаря к душам людей земных...*

А вот поэт Валерий Черкесов своею судьбой связал Благовещенск-на-Амуре и Белгород. Его мучит неизбывная фронтовая боль. Как всех нас, послевоенных детей, получивших из рук (из сердец!) оставшихся в живых на страшной войне отцов факел веры, гнева и правды:

*Он бы поехал,
поклонился печальному холмику,
под которым отец
уснул навсегда, –
желанье своё
наконец-то исполнил,
да не знает, куда.
Он бы показал это место
своим потомкам.
Может быть, когда-нибудь
помянули деда
горькою стопкой,
слезу уронили на грудь.*

БЕРЕГА НОВОРОССИИ

Юрий Хоба с Донбасса пронзил, как копьём, рассказом «Спаси и сохрани» – об ужасе новой, нынешней войны. Снаряд попал в хату, а бабка Серафима, что молила смертушки для себя, увидела на крыльце лишь обрывки дедова полушубка...

«– Господи, – взмолилась она, – как же так? Я ведь для себя смертушку просила...»

Однако никто не ответил бабке Серафиме. Жаворонки унесли свои колокольчики подальше от линии фронта, а стрелок затаившейся в силосной траншее боевой машины пехоты был слишком занят делом. Он всаживал гремящие очереди в оцетинившийся сорняками курган. И степь отвечала ему той же монетой».

БЕРЕГА ПАМЯТИ

Переписка Валентина Курбатова с Валентином Распутиным – о, это одна из самоцветных драгоценностей номера! *«Но, видно, в конце концов придётся единомыслие понимать пошире и Россию пожёстче, чтобы устоять в главном. А мы оказались жёстче, чем следовало, и вот на этом-то и можем быть пойманы расторопными дирижёрами, которые мелкие трещины сумеют довести до неперешагиваемых пропастей. Нам бы удержаться всё опережающей любовью, которая простит и срыв, потому что неловкое слово можно поправить и скверный поступок поправить другим поступком, а мы, к сожалению, слова выучились ставить впереди любви и считать их вырубленными в бронзе или начертанными на небесах. За это и будем платить тяжкой мерой всё более плотного одиночества и в конце концов оставлять сиротой свою Родину. Без любви мы подлинно “кимвалы бряцающие”»*. Это из письма Валентина Яковлевича Курбатова. И ведь тёзки были оба... Великие художники, мыслители, радетели о Земле Русской. Чтение столь же душеполезное, сколь и векторно направленное в неизвестное будущее, обращённое – о если бы!.. – не только к людям, прожившим большую жизнь, но и к молодым...

БЕРЕГА ПРОЧТЕНИЯ

В номере масса материалов, представляющих собою безусловную историческую ценность. Виктор Клыков пишет о Данииле Соложеве – русском художнике, поэте и музыканте двадцатого века. Валентина Ефимовская размышляет об отражении неограниченной реальности в творчестве поэта Андрея Реброва. Нина Черепенникова публикует раздумья о книге Геннадия Сазонова «Сияние слова Василия Белова». Лидия Довыденко в очерке «Мое большое бытие» рассказывает нам о совершенно неожиданном литературном сопоставлении – о параллелях в творчестве и судьбе Николая Гумилёва и Бориса Корнилова; а ещё Лидия Довыденко соединяет берега Лондона и берега Москвы в подробном, с любовью написанном историческом эссе «Русские аристократы – Отчизне». А вот перед нами фрагмент из книги «Право на прошлое»: её авторы – князь Алексей Щербатов и Лариса Криворучкина-Щербатова. Это бесценные воспоминания о дореволюционном времени... здесь надо ловить, обласкивать вниманием, мыслью, нежностью каждую строчку... Сами эти воспоминания – бесспорное (и упорное!) сопротивление року всесокрушающего Времени. Прошлое не умерло. Оно с нами, пока живы знающие и любящие его.

И они передают эту неугасимую любовь по цепочке, через десятилетия и века нам, живущим, и тем, кто придёт после нас.

С берегов Канады домчался рассказ Эвелины Азаевой «Как апостолы».

С берегов Франции – философская сказка Людмилы Менаже «Принцесса и Чудовище: Зеркало Истины». Воистину весь мир соединён, связан духовным странствием журнала «Берега», золотыми нитями его понимания, внимания, любви...

Низкий поклон Лидии Довыденко и всей редколлегии журнала за огромную и постоянную, радостно-бесконечную работу. Дорогие «Берега», соединяйте деянием духа и пламенем сердца Россию-Русь, близкие и далёкие страны и народы!

Валерий Старжинский

Валерий Старжинский – член редакционного совета журнала «Берега», доктор философских наук, профессор.

Духовное странствие как культуротворчество

Какую методологию можно использовать для анализа художественного произведения высочайшего уровня, и в особенности сонма этих произведений, собранных, как букет из разноцветья, в толстом журнале. Ответ на этот вопрос мы сможем найти в обзоре одного из ведущих художественно-публицистических журналов России «БЕРЕГА», который представила нам русский поэт, прозаик и искусствовед Елена Крюкова. В обзоре Елены Крюковой содержится ответ о методологии анализа – следует осуществить вместе с авторами и героями «духовное странствие».

Реконструкция произведений критиком, представленная в обзоре, может рассматриваться как форма культуротворчества. Формально к последнему относится любой вид деятельности, результатом которого становится нечто новое, доселе не существовавшее – новация. Это может быть изобретение как решение технической задачи и оформленное в виде патента. Или, например, реализация патентной идеи и изготовление технического артефакта.

В сфере духовной культуры культуротворчество выступает в нашем случае как процесс создания художественного произведения. Деятельность по анализу и оценке произведения в сфере изящной словесности, осуществлённая Еленой Крюковой, содержит помимо чисто литературоведческих ряд особенностей когнитивного, психолингвистического, методологического свойства.

Прежде чем анализировать способы расщепления цельного произведения (как атома на ядро и электроны, а впоследствии на другие элементарные частицы) на такие психолингвистические элементы, как дискурс, нарративы и прочие коннотации, для начала остановимся подробнее на методологии аналитического обзора.

Автору обзора необходимо было осуществить рефлекссию произведения, проникнуть во внутренний мир автора и его духовный путь. Для этого критик предлагает стать странником-путником на пути духовного творчества и адекватно (термин очень формальный, но другого не подобрать) оценить, угадать, прочувствовать живой нерв, пульс, ощущения и зачастую боль автора.

Странствие – путешествие во внутренний мир автора – Елена Крюкова осуществляет, разумеется, посредством анализа и экспликации языка (язык – дом бытия), релевантного герою произведения, который имплицитно выражает мировоззрение через картину бытия и сверхценности. Разумеется, не остаётся без внимания композиция, сверхзадача, а также другие различные литературные премудрости (по крайней мере для меня, не достигшего высот в этой сфере культуротворчества), которые делают произведение настоящим искусством, то есть обретающим художественную, общечеловеческую ценность как культурный феномен.

«А где оценка обзора?» – спросит читатель. Обзор журнала «Берега», выполненный Еленой Крюковой, – не просто анализ произведений, опубликованных в журнале. Данный анализ сам представляет собой художественное произведение, не уступающее по своему мастерству произведениям журнала, а где-то даже их превосходящее и открывающее авторам новые коннотации их словотворчества.

При всей музыкальности, благозвучии и метафоричности языка критик Елена Крюкова со всей сухостью и прямолинейностью (речь идёт о нарративах войны и выживания на этом белом свете) переходит на язык рационального общения, где понятие сущности задаёт главный дискурс как классической, так и неклассической рациональности.

Так, анализируя книгу Н. Ф. Иванова «Реки помнят свои берега», она выделяет главную мысль автора об онтологической детерминированности русского (в данном случае «рашен», как говорят о нас за рубежом, будь ты белорус, еврей или грузин) менталитета – человека общественного, чуждого

индивидуализму, порождённому борьбой за прибыль и стремление «подняться» (разумеется, в чисто экономическом меркантильном плане). Менталитет народа основан на архетипах сознания. После половодья река вспоминает прежнюю жизнь и возвращается в лоно берегов. Так и люди, взращённые в определённой ценностной среде, после прохождения точки бифуркации возвращаются к своим истокам – менталитету. Елена доносит читателю сверхзадачу автора, и в этом её мастерство как критика, выявить, преподнести «на блюде с голубой каёмочкой» основную идею автора и вселить в читателя социальный оптимизм. А этот нарратив социального оптимизма – лечебное средство от депрессии, уныния и прочих прокрастинаций.

А что с юбилейными поводами и литературными публикациями? Как на них реагирует критик? С точки зрения Елены Крюковой, известному поэту Валентину Сорокину удалось победить время... Разумеется – это метафора, однако, как говорится, «не в бровь, а в глаз». Время неумолимо, поскольку представляет собой объективный физический процесс (правда, природа времени до сих пор науке не известна полностью). Победа же означает, что творческий человек не подчиняется в определённом смысле неумолимому ходу времени и своим творчеством создаёт своё социально-культурное пространство-время. И в настоящее время (в этом случае физическое) становится ясно, что созданное творцом-поэтом пространство-время является непреходящим феноменом культуры.

В своём обзоре Елена Крюкова затрагивает также проблему синтеза искусств, который возможен в руках поистине талантливого творца в лице выдающегося Н. Бурляева, который реализует себя как подлинный художник культуротворчества в сфере киноискусства, литературы, живописи, театра. Понимание искусства как культуротворческой, созидательной деятельности, синтетичной по своей природе, как впрочем, всякая духовная новация, позволяет наиболее точно обозначить маркеры подлинного творца, благородство и масштаб личности Н. Бурляева. Различные конкурсные перипетии и ангажированность оценок и суждений лишь подчёркивают величие таланта героя. И опять же камертоном оценки у Елены Крюковой выступают красота, добро, справедливость и истина – абсолютные ценности культуры.

Наблюдаем мы в анализе Елены Крюковой и явление интерференции языка авторского и языка критика. При анализе колыбели человечества и матери её богатства – природы окружающей человека среды – автор обзора обращает внимание на поэтическую лексику поэта Н. Олькова и использует следующую характеристику-терминологию: «прекрасный, сочный и яркий, напевно-сияющий русский язык», которая наиболее мощно взывает к чувствам – главному инструменту духовного воздействия на человека.

Вернёмся, однако, к рефлексивному методу. Как известно, рефлексия может осуществляться на многих уровнях. Как вам такое: «Я оглянулся посмотреть, не оглянулась ли она, чтоб посмотреть, не оглянулся ли я»? И если по отношению к себе (к своему душевному самочувствию и самоощущениям) человек рефлексит многократно, то иногда незначительное её превышение может привести к нездоровью и расщеплению личности.

К счастью, предметом нашей рефлексии являются художественно-публицистические тексты, а также реконструкция деятельности творцов-авторов по их созданию, то оные опасения безосновательны. Критика критики, надеюсь, не повредит психическому здоровью ни читателя, ни главных героев – авторов, ни критиков. Как уже догадался внимательный читатель, речь идёт об оценке Еленой Крюковой критической статьи Натальи Советной относительно самых жёстких, экзистенциальных в мире проблем и нарративов, связанных с войной, – самоуничтожением людей.

Главный нарратив любой войны: «На чьей стороне правда? За что идём умирать?» Трагическая для русского человека битва под Ржевом привела к торжеству нашей правды – спасти Отечество от порабощения. Правда-кривда немецко-фашистских захватчиков – убить нашу Родину – была ниспровергнута сотнями-тысячами-миллионами человеческих жизней, которые обрели бессмертие в жизнях живущих, в жизни нашей страны. А что язык? Он соответствует экзистенциальному дискурсу автора Виталия Синенко – сакральность и святость подвига – и звучит как набат Хатыни. Смертию смерть поправ. Победу поддержало Небо.

Анализ стихов питерского поэта Андрея Реброва исполнен в музыкально-вербальной манере, в которой следует не только читать и эксплицировать смыслы, но и почувствовать эзотерику текста, «впивать, выпитывать музыку русского стиха...». И эта вербальная музыка посвящена «песне, снежной зиме, нашей истории, нашим храмам и вере». И зачем всё это поэту и пытающемуся его понять

читателю? Обрести и не потерять смысл жизни, который не сводится к ординарной жизненной суете, но и духовному росту, а зачастую возрождению духовности, которая значительно утрачена в век рыночной конкуренции и погони за материальными благами.

Вечные проблемы человечества, имеющие философский статус – рождение и смерть, любовь и вражда, честность и предательство, проблема случая, рока и судьбы, – затрагиваются в произведениях Сергея Пылева и Александра Тихонова. Критик и в этом случае находит соответствующий язык, связанный с реакцией человека, решающего, каким быть, чтобы быть человеком, – человеческая нежность, потаённые слёзы души, очищающие от зла и ненависти и поднимающие к высотам духовной мудрости и святости.

Анализируя рассказ Александра Евсюкова, который посвящён экзистенциальной пограничной проблеме «жизнь – смерть», критик эксплицирует основу писательского таланта – погружение в предельную ситуацию героя настолько, насколько это возможно без собственного самоуничтожения. Именно эта эмпатия позволяет описать ситуацию борьбы за жизнь с подлинной достоверностью.

Критик выделяет ряд ключевых проблем, которые попадают в центр внимания авторов. Война отцов с поработителями как реконструкция в произведениях их наследников, проживающих и ощущающих её зловещее дыхание. Ужасы, страхи, страдания и горе современной войны, к которой привыкает обыденное сознание и воспринимает её как «псевдонорму», неизбежность, с которой ничего нельзя поделать. Ненавязчиво проводится идея воспитания посредством связи поколений через единую культуру.

Во многих произведениях журнала критик выделяет преемственность поколений и традиций как основу существования нашей культуры, транснациональные и межкультурные связи, исторические реконструкции, объединяющие берега реки-жизни в единое общечеловеческое бытие золотыми нитями внимания и любви...

И всё-таки лейтмотивом обзора Елены Крюковой является жизнеутверждающая музыка вечной весны, которая делает смертного человека счастливым и в это мгновение бессмертным – как природа, Вселенная, единение с которой ищет Человек.

Елене Крюковой удалось органично и виртуозно, разумеется, посредством авторской неповторимо образной лексики приподнять занавес над тайной культуротворчества в сфере изящной словесности (влияние слова на наше мышление и чувства, что составляет основной предмет психолингвистики).

Следует иметь в виду, что Елена Крюкова по базовому образованию музыкант. А это означает, что чувство гармонии сформировано у неё на уровне спинного мозга (извините, подсознания). И это чувство прекрасного в замыслах, словах и конкретных поступках у неё органично вплетено в её вербальную культуру. Её анализ и оценка высокохудожественных произведений журнала основана на внутреннем камертоне – чувстве прекрасного, справедливого и истинного, что составляет абсолютные реперы духовной культуры человечества. Именно поэтому мы жадно ловим её «вербальную музыку».

Русский мир без границ

Берега Литвы

Эляна Суодене

Эляна Суодене – поэт, доктор гуманитарных наук (тема диссертации – «Анафора в поэзии Марины Цветаевой (стилистический аспект)»). Член Союза писателей Беларуси. Вице-президент РО МАПП (Международная ассоциация писателей и публицистов). Руководитель литературной студии «Поэтоград», председатель Каунасского клуба «Надежда» Русского собрания Литвы.

Автор идеи и организатор фестивалей духовной поэзии «Покрова». Председатель жюри литературного фестиваля «Балтийский Гамаюн». «Золотой лауреат» национальной литературной премии «Золотое перо Руси» «За вклад в развитие русской культуры в Литве» (2017). Правительством Литовской Республики награждена серебряным Знаком чести «За заслуги» (2018). Живёт в Каунасе.

Из книги «Поэма о Борисе Пастернаке»

«СПЕКТОРСКИЙ»

* * *

«Совместно с жизнью прижитые дети –
Дворы и бабы, галки и дрова».
Он близится к сорокалетию,
И явствен личности масштаб.
Его «влюблённому пространству»
Мог позавидовать любой.
Он видит бытия изнанку
И много были бытовой.
В «Спекторском» он даёт оценку
Семнадцатому году откровенно,
Как будто век поставил к стенке
Поэта – и простил на время.
Он чуждым чувствовал себя
Происходящим переменам,
Он чуждым был и временам,
Когда латыни грыз учебник.
Был от картавости восторг,
Но постепенно постигал он,
Что всё-таки произошло,
Какая разыгралась драма.
Судьбы отдельной драматизм
Совпал с коллизией истории,
И этот Бытия космизм
Поэтом воплотился в слово.

* * *

В преамбуле к «Спекторскому» – о чём он?
Об одиночестве, конечно,
Хоть приспособливаться пробовал:
«Наркоминдел» – забытое словечко.
Он стал как будто опредмечиваться
И должностями обрастать.
Всё меньше становилось вечности
В его свидетельствах-стихах.
По-прежнему метафизичен –
С космизмом всё же поскромней.
Становится к себе критичен, –
Мол, рифм слишком много съел.
Осознаваемая чуждость
Меняла ритмики настрой:
Он всё конкретнее, причудой
Экстаз казался молодой.
Уже семейством обзавёлся –
Жена при нём, и всё всерьёз.
О, книг пленяющая вёрстка,
Страницы почерк наискось...

* * *

Роман в стихах!
По-пушкински хотелось!
Эпохи крах
Запечатлел он.
В чём текста стержень?
И кто в героях?
Былое время?
Природа? Город?
Фортепиано,
Когда на клавиши
Эпоха падала,
Как было давеча?

* * *

«История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускали нагишом».
Подходит он к истории интимно,
Во всём блюдя своё родство.
«Совместно с жизнью прижитые дети –
Дворы и бабы, галки и дрова».
«И вот заря теряет стыд девичий» – это
Побочного потомства час настал!
Так лично к истории, наверно,
Никто ещё не подходил!
Нагими мы встречали время,
Когда нам врезали под дых.
Сказали нам, что оккупанты,
И в этом сызмальства вина.
На нас наехали нахрапом,
А мы – в чём мама родила!
Нам кожанки Страны Советов,
Костюмы чёрные чинуш
Чужие по менталитету,
От них нам кукиш, а не куш!
Мы заседали в кочегарках,
Мы в дворниках ходить могли
И вина пили мы без марки,
Не знавшие своей вины.
Кто новыми стихами грезил,
А кто копил на саксофон.
Нас всех хотели обезвредить:
Мы были лучшею из фронд!
Потом настало беловежье,
И трое, будто с бодуна,
Державы разрубили стержень,
Всю атрибутику поправ.
Тогда нам быстро объяснили,
Отправив всю страну на слом:
«История не в том, что мы носили,
А в том, как нас пускают нагишом».

* * *

О чём он говорит в «Спекторском»?
О времени и временах,
И чуется дыханье Рока
В его свидетельствах-стихах.
И весь разрушенный уклад
Остался нерушимым в строчках:
Здесь много учатся, шумят
И пробуют любовь на ощупь.
Пройдёт не так уж много лет,
И станет жить при новом строе,
Когда столь важен партбилет,
Только не каждый удостоен.
Чужую утварь разбирать
Направили писателей союза –
Писатель понял, что чужак,
А думал, что кому-то нужен.
Здесь экзистенциализм,
Хоть Жан-Поль Сартра нет в помине:
Так хочется произнести
Кому-то: «Ад – это другие».
Здесь очень искрен Пастернак,
Не льстив нисколько в интонациях,
И драматизмом Бытия
Насыщена труда развязка.
От чар он начал прозревать,
Но оттого ему не легче,
И, как бы ни был в жизни слаб,
Здесь честен оказался в тексте.

* * *

Не класс сегодня поглощает единицу,
Как некогда написано в «Спекторском»,
Но сила безымянная глумится,
Нас поглощая, не щадя нисколько.
Уродливые формы выставляя,
Порока обнажая изъязвления,
Святое в нас уничтожая
Без возвышающей идеи.
Да, утопичен был социализм,
Но то, что происходит ныне,
Заводит человечество в тупик,
Не предъявив альтернативы.
И личность нивелируют,
Только совсем иначе –
Нас в цифровые игры
Заводят, как незрячих.

Русский мир без границ

Берега Латвии

Николай Романенко

Николай Романенко – по профессии врач, травматолог-ортопед. Живёт и работает в Риге. Автор поэтических сборников: «Родная речь» и «Пиши, перо...». Стихи публиковались в международных альманахах: «Планета поэтов» и «Академия поэзии», в журналах: «Даугава», «Настоящее время», «Рог Борея» и других изданиях. Член Международной ассоциации писателей, Союза писателей России, Союза русских писателей Латвии, член правления Балтийской гильдии поэтов.

Из цикла «Остановиться, оглянуться...»

* * *

А.А.А.

– Если время моё не вышло
И мой голос усталый слышно,
Кто бы в чём ни винил облыжно
(Пусть прошедшего не спасти!),
Я рискну, повторяясь в меру
И по смыслу, и по размеру,
Сохраняя любовь и веру,
Оглянуться на полпути...
Ах, язык мой неосторожный
Выбрал этот размер трёхсложный,
Как единственно здесь возможный,
Как претензию на изыск, –
Но слова, составляясь в строки,
Шепчут: – Уровень-то высокий,
Как в Чарджоу месяц двурогий,
А приёмчик твой – однобокий!
Чем ответишь за этот риск? –
Отвечаю, что сожалею:
Зря ввязался в эту затею,
Но уже отступить не смею
Да и, собственно, не хочу, –
Из последних сил, на излёте
(Оттого на единой ноте!),
Оставаясь, как все, в пролёте,
Я от горечи в крик кричу!
Я кричу: – Как же так случилось?
Ничего ведь не получилось!
Муза, ты мне скажи на милость,
Что нам делать? Кто виноват?
Столько крови, и слёз, и пота
Поглотила одна забота,
Выбрав эту страну для взлёта

И, в конце концов, ввергнув в ад!
В ад крошечный, – реальный, здешний
(И напрасен весь опыт прежний!), –
Ад, в котором народ мой грешный
Пребывает, как пребывал, –
О тщета! О юдоль земная,
И безжалостная, и злая!
На пути своём всё сминая,
За обвалом грядёт обвал.
Новый век – он ещё железней,
Только видом своим прелестней, –
Он пятой придавил болезней,
Эпидемий и катастроф, –
И увы, кто б ни стал стараться,
До причин ему не добраться,
Не пробиться и не прорваться,
И для следствий не хватит слов!
Вот и мне, исхлестав Пегаса,
По теории ОПОЯЗа,
Не извлечь виноград из мяса,
Даже если лопнет струна, –
Уповать лишь могу на Бога,
И опять стою одиноко,
И кремнисто блестит дорога,
И, как дыня, над ней – луна...

* * *

О.Э.М.

Прошло чуть больше полувека
С той достопамятной поры,
Когда ваяли человека,
Посыпав солью топоры...
Играет музыка, и флаги
Полощет ветер перемен,

И стал заменой бумаги
 Повсюду полиэтилен.
 Разрушен старый мир навеки,
 До основания своего, –
 Пора забыть о человеке
 И назначении его!
 Вот день грядущий подступает
 Вплотную, пряча номера,
 И механизм перерубает
 То, что осталось от вчера...
«Back in USSR!»
 А ведь всё было когда-то! –
 И не случится теперь...
 Жаль, не запомнилась дата,
 Дата была бы, как дверь:
 Стукнул три раза привычно –
 Дверца открылась: – Входи!
 Вот тебе стопка «Столичной», –
 Нервы свои остуди!
 А на закуску – пельмени
 И разговор до утра, –
 Жили ведь боле, чем мене,
 Вместе кричали «ура!»...
 Ну а что фига в кармане, –
 Это ж во все времена! –
 Лучше обман на обмане,
 Чем мировая война...
 Что-то мы не разглядели,
 Что-то понять не смогли, –
 Лучшие годы летели,
 Словно твои журавли.
 И пролетели со свистом,
 И не вернуть – не зови!
 Просьба: считать коммунистом
 Партии «Братской любви»...

* * *

Время мчит всё быстрее... Где границы
 Между прошлым и нынешним днём?
 Что мы помним о прошлом столицы,
 Освещённой Победы огнём?
 Глядя из двадцать первого века
 В век двадцатый, в Советский Союз,
 Помним ли о правах человека
 Больше – «тройка, семёрка и туз...».
 Что ещё там осталось такого,
 Чтобы дорого было душе
 В ожиданье последнего слова,
 На последнем своём рубеже?
 И какая запомнилась дата,
 Или всё словно было вчера,
 Но ни горе, ни боль, ни утрата
 Ни на миг не коснулись пера?

Никуда не зову, не рыдаю, –
 Оглянулся – стою и молчу, –
 Я страны своей не покидаю
 И судьбой за ошибки плачу.

* * *

Встречая новый век реформ и катастроф,
 вновь русский человек не ждал и не готов,
 но так как смена вех, – не в шутку, а всерьёз,
 первоначальный смех сменяют реки слёз.
 И как ни заклинай век новый смехачи,
 он цедит: «Не лаяй!» – в том смысле, что молчи,
 народ, – ты так хотел, ведь ты голосовал, –
 ты сам страну раздел, сдал и четверговал!
 Так что теперь беречь, Кому «идти на вы»? –
 твоя родная речь – уже не речь, увы,
 а брань и новояз! И золотой кумир
 понятнее для масс, чем прежний «новый мир», –
 он прост, как дважды два: руби себе бабло,
 а с ним всё – трын-трава, дрова, – добро и зло!
 – Век, вот тебе народ для будущих побед, –
 веди его вперёд, пока сияет свет...

* * *

Видно, нам не познать благодати,
 Не отведав вожжей и кнута,
 И в шестой не проснувшись палате,
 И Христова не приняв суда!
 Осыпается время застоя,
 И ревет ураган перемен, –
 И срывает все планы надоя,
 И сдувает с ладони Камен;
 И стоим, в чём случилось родиться,
 Крест нательный сжимая в руке,
 Вспоминая, как нужно молиться
 На родном – на чужом! – языке...

* * *

В который раз нас подвело «чуть-чуть» –
 Кольчужка, блин, опять коротковата!
 А всё они, они – мордва и чудь, –
 Мордва и чудь, конечно, виновата!
 Эх, ёх-монах, едрит-мадрид-казань!
 Вновь на дворе – железная эпоха,
 Чем дальше в лес, тем больше дело дрянь,
 Тем слаще мёд в устах царя Гороха...!
 А как, казалось, славно заживём:
 Откроем двери, распахнём объятия,
 Все флаги в гости снова позовём,
 Мол, ком цю мир, их бин друзья и братья!
 Наивный мой, доверчивый народ!
 Умом страны такой мне не измерить, –
 Вновь городить придётся огород
 И снова ждать, надеяться и верить...

Русский мир без границ

Берега Австралии

Елена Лебедева

Елена Алексеевна Лебедева – журналист, историк русской эмиграции.

Вдали от России. Судьба Ксении Мейснер

Дом русского зарубежья в Москве на Таганке принимает гостей, приезжающих из разных стран, и устраивает интересные вечера, на которых они рассказывают о своих русских корнях, судьбах людей, оказавшихся за границей, показывают интересные документы и фотографии.

Большой интерес вызвал состоявшийся творческий вечер Ксении Мейснер, гости из далёкой Австралии, которая после небольшого рассказа о судьбе своих родителей, покинувших Россию после революции 1917 года, покорила зрителей своим выступлением. Русские народные песни и романсы, а также песни Булата Окуджавы, исполнявшиеся под её собственный аккомпанемент на гитаре, понравились и пленили манерой исполнения, не свойственной современным отечественным исполнителям. Её чарующий голос имеет широкий диапазон, а репертуар собирался ещё её матерью, пронёсшей любовь к русской культуре, несмотря на сложную послевоенную жизнь вдали от России.

Будучи деятелем Российского общественного центра города Аделаиды, где она сейчас живёт в Австралии, Ксения Алексеевна выступает во время праздников в Русском доме. Помимо этого, она готовит выступления в Литературном кружке и знакомит с русской литературой. Последние темы её всегда успешных выступлений: философские ноты в пушкинских стихах, знакомство с жизнью и творчеством Бунина и Волошина.

О жизни её родительской семьи в разных странах удалось узнать у Ксении Алексеевны на следующий день при встрече в гостинице.

Предки Ксении Алексеевны по отцу – фон Саблеры, появились в России ещё в 18-м веке и осели в Петербурге. Фамилия относится к старинному роду, представители которого жили в замке Дюрнштайна-Дунае недалеко от Вены, и восходит к 12-му веку. Среди фон Саблеров в Петербурге был врач-психиатр. Дед её отца Егор Егорович фон Саблер был астрономом, который вместе с экспедицией в 1843 году ездил в Америку. У Ксении Алексеевны сохранился документ – удостоверение личности, выданное астроному в России при выезде за границу. На вечере гостя из Австралии передала этот документ, написанный на двух языках – русском и старонемецком, в архив Дома русского зарубежья.

Отец Ксении, Алексей Георгиевич, получил юридическое образование в Тарту и работал в Петербурге юристом, когда в 1917 году произошла революция. Из Петербурга вскоре он уехал в Таллин вместе с первой семьёй. В Таллине он познакомился с девушкой намного моложе себя из семьи Тинкман. Отец девушки – Георгий Тинкман (дед Ксении), был эстонцем, и после революции в России он в 1920 году привёз свою семью в Таллин из Ташкента.

Вскоре Алексей Георгиевич ушёл из первой семьи, где была дочь Зина, и завёл вторую семью. В этой семье родилась дочь Ксения. Тогда его вторая жена Валентина Георгиевна (1910–1981) – мать Ксении, не ведала, что спустя десять лет он оставит и вторую семью, причём в тяжёлое послевоенное время. И единственным способом выжить одной уже с двумя маленькими детьми (Ксенией и её братом Игорем, родившимся через два года после Ксении) будет переезд в лагерь для перемещённых лиц в Германии. Алексей Георгиевич умел ухаживать за женщинами и пользовался у них успехом. Валентина Георгиевна чувствовала себя в то время счастливой, хотя из-за сложной международной обстановки в конце 30-х годов семье вместе с восьмимесячной Ксенией перед началом Второй мировой войны пришлось переезжать в Польшу в Познань, где жила обеспеченная семья родственников матери Ксении. Приехав из Таллина, осели там до 1944 года. Отец Ксении имел работу. Вся семья умела говорить по-немецки, и это помогло жить во время войны.

В конце войны переехали в Дрезден. Пережили страшные бомбёжки и решили двигаться дальше на запад, в Баварию. Остановились в Регенсбурге. Вскоре он был занят американцами. Отец Ксении смог устроиться работать переводчиком в международную организацию. Он знал немецкий, русский, французский. Паёк давали только ему. Было голодно, и начали продавать всё, что имели. И здесь в семье произошла трагедия. Алексей Георгиевич был очень влюбчив в молодых женщин. Он встретил свою бывшую приятельницу, которую знал раньше в Таллине, и решил оставить вторую семью. При этом не было речи о том, что кого-нибудь из детей он возьмёт к себе, в новую семью, где имелся относительный достаток. По совету друзей, после развода с мужем Валентина Георгиевна с детьми уехали в Фюссен, где был переселенческий лагерь в старых казармах. Там регулярно кормили, но вскоре их перевели в барачный лагерь под Мюнхеном в Шлейсхейме, где было пять тысяч русских. Там было очень холодно, плохие удобства, текла крыша и очень плохое питание. Отец иногда приезжал в лагерь на машине с шофёром и привозил еду. Мать начала работать в конторе машинисткой, а детей отправила в Мюнхен в интернат, где проводили школьные занятия. В выходные они приезжали к матери и, чтобы не забыть язык, говорили в семье только по-русски. Дети заболели и три месяца провели в туберкулёзной клинике. Из лагеря начали разъезжаться. Лагеря содержали американцы. Они предлагали уехать в Аргентину, Бразилию, Африку (Марокко), где нужна была рабочая сила.

Случайно мать познакомилась в городе с русским, бывшим военнопленным – Сергеем Козловым, у которого были готовы документы ехать в Австралию. Он решил помочь женщине с детьми и сделал ей предложение. Они плохо знали друг друга. Сразу договорились, что поженятся, а потом, если не сложится совместная жизнь, разойдутся. Когда поженились, записались на транспорт в Австралию и до отъезда из Германии прошли ещё три транзитных лагеря. В них приходилось жить и за колючей проволокой. Пароход в Австралию уходил из Бременхафена на Балтийском море, и пришлось плыть в трюме старого военного корабля 36 дней. Помимо русских, на далёкий материк из послевоенной Европы уезжали попытать счастья поляки, немцы, латыши, эстонцы, венгры. В Европе сложно было устроиться на работу. Возвращаться в СССР из Германии многие просто боялись. Предполагали, что их сошлют в трудовые лагеря в Сибирь или на север, или даже расстреляют.

Отец Ксении тем временем, имея связи, оформил документы на отъезд в США вместе с третьей семьёй – женой Анастасией (урождённой Ждановой) и сыном Виктором. Там он сразу устроился работать в Библиотеке Конгресса в Вашингтоне.

Вероятно, для отца Ксении прежде всего имела значение его личная жизнь – любовные чувства, так как он легко уходил из одной семьи в другую, не задумываясь ни о переживаниях брошенных женщин, ни о неустроенности детей в семье без отца. Это было жестоко и эгоистично с его стороны, а со стороны его третьей жены это было желание любым способом обрести семейный очаг и благоустройство, которое мог дать ей муж, имеющий хорошую работу и связи. Кроме того, отец Ксении легко менял места жительства. Видимо, это был очень талантливый человек, уверенный в дальнейшем профессиональном устройстве. Он сменил пять стран за десятилетие, переезжая с семьями целенаправленно вначале на запад в Европе, а затем за океан, и везде имел хорошую работу.

Что же касается матери Ксении, она искала мужскую поддержку не только для себя. Ей необходима была опора для её детей, но она понимала, что, если ей помогали, требовать многого она не могла.

В Австралию Валентина Георгиевна вместе с детьми и их отчимом прибыла в 1950 году. Там у неё родилась вторая дочь – Алёна, третий ребёнок. Отец Алёны – Сергей Козлов, оказался сектантом. Он стал затягивать в секту брата Ксении – Игоря. В это время у матери Ксении появился знакомый – очень добрый человек – венгр Лайос (Луис). Он был военнопленным у немцев и после войны завербовался в Австралию на лесоповал. Отработав положенный срок (два года), он устроился на сырную фабрику и часто приходил к ним в дом. Валентина Георгиевна разошлась с Сергеем и вскоре вышла замуж за Лайоса, который был моложе её на семь лет. Лайос не говорил по-русски. Он говорил в семье по-немецки. Это был последний муж матери Ксении, с которым она наконец-то обрела семейное спокойствие. Семья жила в провинции в каменном доме на ферме, которая стояла посреди полей и пастбищ, где паслись овцы и безрогие бычки. Русских семей в округе не было. До ближайшего поселения было несколько километров. В школу детям приходилось ездить на велосипеде. Был один преподаватель на семь классов. Окончив школу, Ксения поступила в гимназию в небольшом ближайшем городке Маунт-Гембиер на юге Австралии. Она устроилась после её окончания работать клерком в государственном банке. Владея немецким, польским и русским языками, она подрабатывала в качестве переводчицы. Ксения начала переписываться с 11 лет с отцом, живущим в Америке.

В 1956 году Ксению перевели в Главное отделение банка города Аделаиды в качестве служащей-переводчицы. В Аделаиде она и включилась в общественную жизнь русского общества.

В 1971 году Ксения ездила к отцу в Америку. Через год, в 1972 году, отец умер, а потом в течение нескольких лет там умерла вся его третья семья. Возможно, судьба этой семьи была расплатой за переманивание отца Ксении. Создание людям серьёзных неприятностей для того, чтобы быть самому счастливым человеком, через некоторое время имело негативные последствия – неизлечимые заболевания.

В целом в Австралии переехавшая семья матери Ксении из Европы устроила свою жизнь, как и тысячи других семей, выброшенных туда в силу жизненных обстоятельств.

Брат Ксении Алексеевны – Игорь, сейчас уже пенсионер. Он, так же как и она, хорошо знает русский язык. В течение десяти лет он работал в Мюнхене на радиостанции «Свободная Европа», а потом вернулся в Австралию. Сестра Алёна – художница, живёт тоже в Аделаиде.

У Ксении Алексеевны, помимо дочери Наташи и сына Миши, есть внук Максим, которому двадцать лет. Семья Наташи живёт недалеко от неё. Муж Наташи англичанин. Он художник. Наташа – преподаватель, а их сын Максим – студент психологического факультета. И если дети Ксении Алексеевны хорошо разговаривают по-русски, то внук русского языка пока не знает. Он живёт в доме у бабушки, так как она одна в доме и есть свободные комнаты. Максим помогает ей и интересуется жизнью русского общества.

Сын Миша сейчас живёт в Сиднее (2000 км от Аделаиды). Женат на итальянке. Он музыкант, который играет на гитаре. Но, помимо этого, он инженер по электронным устройствам на театральной сцене (микрофоны, громкоговорители, осветительная техника). Все нашли работу, получив образование.

Муж Ксении Алексеевны Пётр Мейснер умер в 1993 году. Он десять лет тяжело болел, и Ксения Алексеевна ухаживала за ним. Пётр Мейснер был русским, родительская семья которого до войны жила в Хельсинки. А до революции в России они имели земли в Карелии и были очень богаты. Во время войны отец Петра перевёз всю семью в Германию. После войны Пётр с матерью вернулись обратно в Финляндию, где он был лесником. Его сестра вышла замуж за русского в Германии и уехала вместе с мужем в Австралию. Позже они уговорили Петра, ещё одну их сестру, мать и бабушку переселиться к ним из Финляндии в Австралию. В Австралии Пётр Мейснер работал в крупной американской компании «Набиско», занимающейся изготовлением бисквитов. Судьба отца Петра была сложной. После войны он был арестован под Берлином и двенадцать лет провёл в лагерях. Вернулся больным и переехал к семье в Австралию, но вскоре умер.

В 1981 году Ксения вместе с мужем посетила Европу. Побывали в Финляндии, Швеции, Франции, Италии, Греции, Германии, Австрии. А теперь – спустя более тридцати лет – ей удалось побывать ещё и в России – в Москве и Санкт-Петербурге. Это так далеко от Австралии, что, если бы не сотрудники Дома русского зарубежья из Москвы, посетившие Аделаиду и пригласившие её в Москву, она не собралась бы в страну, язык и культура которой дороги ей всю жизнь.

И можно сказать, что культура ни одной страны, где бы наша героиня ни жила, не смогла затмить богатство русской культуры.

Русский мир без границ

Берега Черногории

Наталья Джурович

Наталья Александровна Джурович – родилась в Москве. Окончила филологический факультет Российского православного университета св. Иоанна Богослова. Работает преподавателем русского и сербского языков и литературы в Черногории. Поэт, переводчик. Автор поэтических сборников «Нескончаемое лето», «Двуречие», книги прозы и стихов «Крестonosная Румия». Участник Форума молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья (семинар С. Куняева и А. Казинцева). Лауреат Пятого Международного конкурса лирико-патриотической поэзии им. Григорьева «На всех одна земная ось», призёр конкурса «Степные всполохи». Публикации в журналах: «Наши современник», «Гостиный дворъ», «Подъём», «Волга – XXI век», «Эхо Бога», «Славянская лира». Стихи переведены на сербский язык.

ГУСИ

Детство пахнет картошкой варёной,
Кострецом на зазубринах вил,
Нашей тихою речкой Вороной
И плотвою, что брат наловил.
Детство пряное; блёклые маки
Отцветают на грядке в росе.
Мы бежали в траве без оглядки
И травы не жалели совсем.
На просторном лугу чуть подальше,
От суровых гусей убежав,
Мы лягушек ловили бесстрашно
И гоняли пупырчатых жаб.
Замолчали крикливые птицы,
Заросли осокой берега,
Лишь лягушка из сказки мне снится,
И свирепое чудится «Га!».
Гуси, гуси! Да пусть бы кричали,
Пусть колола бы пятки трава,
Лишь бы речка, как раньше, журчала
Там, где бабушка вечно жива.

Что тогда мы понимали?
Что сменилось с прошлых лет?
Братья дядьками уж стали,
Отдышаться – время нет.
Видно, так у нас в привычке.
И несёт тамбовский волк
Чернозёмное величье,
И земля нам знает срок.
Огороды, огороды,
В грядках наскоро обед.
Заточили тяпки бодро –
Не догонит нас сосед!
Уж обычаи, чего там,
Первым землю распахать,
Мальша гонять до пота,
А потом всю ночь вздыхать.
Огороды – вёсны, зимы...
Рвётся за конём душа.
И лишь только баба Сима
Бога славит не спеша.

* * *

ОГОРОДЫ

Огороды, огороды,
Конь горланит: «Иго-го». –
«Размалынился немного,
Потерпи же, дорогой».
С лошадьё тумачит дядька,
Конь к руке его приник,
И смеются мои братья,
Как дурачится старик.

Первый шаг мой и первый мой дом,
Было ль что-то до них – не скажу.
Полоса чернозёма с песком
Проложила по жизни между.
Эта память мне счастьем и есть,
Ей же – болью и мукой мне быть.
«Тяжело тебе, дитятка, несть?..»
Только с плеч тяжелее спустить.
Ты победная наша земля,

Сотня метров – подсолнух, как щит...
По реке не прошло корабля,
Про запас не собрали рубля,
Только зяблик-бедняга трещит.
Почему ты назад не звала?
Почему не сказала: «Приди!»?
Я ведь сына уже родила,
Приложив ненадолго к груди.
Здесь и пота следы, и тоски,
Здесь твои и хлеба, и трава.
Возле рек – золотые пески,
О тебе – золотые слова.

ДРУГ ЗА ДРУГОМ

Такую, как была, уже не встречу,
Лишь в памяти хранится старый дом,
Где прежним остаётся только ветер
Да сено с перекошенным горбом.
Соседские берёзы поредели,
А как шумели первую листвою!
Я больше не встречала, в самом деле,
Весёлости взъерошенной такой!
Порог скоблили, чистили ножами,
Топили печь... Так было много лет.
Хозяина недавно провожали,
Берёзы – есть, а кто сажал их – нет.
В развалинах весною птицы вьются,
Фундамента шершавый лоб суров.
Но семена настойчиво пробьются
Сквозь неподъёмность каменных основ.
Так жили здесь без лишних проволочек,
Влюбляясь, провожая насовсем,
Встречая вновь, сынов рожая, дочек
И не стесняясь, что живут как все,
Что друг за другом уходили просто,
Одной дорогой – ею жизнь и мерь –
От старого до нового погоста,
Он широко раскинулся теперь...

ПЕРВОЦВЕТ

День-дилинь – и закончился день.
Отзвенела синица на ветке.
Сокровенно ладошкой задень
Поскорее уютную клетку.
Как в норе засыпает метель,
Затихая с младенческим сапом,

Так неслышно стелю я постель,
Нежно так, как вчера не смогла бы.
Засыпай до утра, до цветов,
До птенечьего пробужденья.
Скоро мир этот будет готов
К первоцвета святому рождению!
В окнах холод, и только согрет
Первобытный и добрый конверт,
Запечатан надёжно тот край,
Но ладонью и сердцем – читай!

* * *

Какие странные круги
Творит душа в преддверье мая!
Какие за тобой круги
Идут, тебя не догоняя?..
И снова дождь, прошение «Даждь!»,
Но так ли я сама послушна?
Дождь щели, словно карандаш,
Закрашивает в наших душах.
Шаги, шаги, шаги, шаги...
Замри уже, пригни колени.
Сердца – землистые комки,
Что до посевов околели.
А может, и не боронить
Весной земли на зависть брату?
Меня здесь будут хоронить,
Его же путь потом когда-то.
Зачем круженье, если миг
И плодоноснее, и ярче,
Когда ко мне мой брат приник
И снова будто мальчик плачет?..

* * *

...Вот это всё, что ждать от января
Приходится, ещё надеясь в детство
Вернуться и набрать себе наследства
Из рваных книг и нитки янтаря.
Но этот почерневших бусин блеск
Пробьётся в мир сегодняшний навряд ли.
Зачем-то этим утром я нарядна,
А дождь, стекло царапая, залез
Ко мне в воображаемые стены,
Где, фото прилепив на пластилин,
Вообразила выставку картин,
Которые, как я сама, бесценны.

Светлана Савицкая

Светлана Савицкая – прозаик, доктор философии. Автор не только научных энциклопедий символов и серьезных исторических романов, изданных в разных странах и переведённых на 30 языков мира, но и книг для детей, юношества. Небольшие вещи для детей создавать исключительно сложно, несмотря на видимую простоту.

С некоторыми короткими рассказами для детей мы сегодня вас познакомим.

Красный рождественский сарафан

В пять лет Полю пришли сватать. В семь лет приходили сватать. В восемь. И в десять... Куда уж там? Мать не отдавала.

Таких, как Поля, ещё поискать. Приезжали издалека на её рукоделие любоваться. Глаз завистливый потешить. На подзоры да на салфетки. Мать-искусница ещё научила из картошки крахмал добывать. В крахмале том прокипятить, хитро вливая его при закипании, потом растянуть на лучинках, отгладить утюгом. Ой, и что это были за снежинки!!! Расхватывали на любом базаре в первую очередь! А Поля, лишь уснут родные, страстно любила читать. Книжки отец прятал. Да как от девчонки прыливой спрячешь?

Поля старшей была из детей. Сестёр девять! И ещё брат! За всеми смотрела. Пела колыбельные. Пела страдания. Частушек больше всех знала. По вечерам соберёт ребятню вокруг – сказки при лучине рассказывает. Детки слушают, точно Поля знала колдовские тайны их Угомона! А та заодно ещё обвязывает их всех. И носочки. И чулочки. И кружева.

Конечно, все мечтали о такой невестке. Но мать у подола держала. Споручница и самой нужна!

В церковь Поля не ходила. Не ходила уже давно. С тех самых пор, как батюшка обидел её, грубо вытащив за ухо из очереди взрослых прихожан за ложечкой кагора, да ещё «ускорение» придал коленом под зад. При воспоминании об этом ухо Поля опухало и горело, не от стыда – за досаду пережитого унижения, точно она – вор какой. И кажется, что вся деревня всякий раз ей тот случай пеняет. Позорище! Тогда многие «вечно голодные и холодные» ребяташки просачивались в очередь за причастием к телу и крови Христа, уж куда больше раз, а выволокли именно Полю.

И поэтому, после революции, когда большевики из церкви батюшку изгоняли, она даже не пожалела. Так ему и надо, толстопузу!

Поля лучше всех знала молитвы. Хорошо пела. И когда в Рождественский сочельник ребятня гоношилась ходить по домам да заводить колядки, всегда – первая с ними. «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы – пионеры, дети рабочих» тоже знала. Но колядки ей нравились больше.

И тем вечером уж обошли почитай всё соседнее село. А наколядовали мало. Ребята честно драли горло на морозе, выбиваясь из сил, но избёнки бедные, подавали мало. Пели то колядки, то молитвы, то «Ой, яблочко, да на тарелочке, надоела мне жена, пойду к девочке!», пускались вприсядку, водили хороводики, стучали в окна. Уже и силы на исходе, а похвастаться – абсолютно нечем. Если подавали продукты – тут же съедали. На дне мешка – лишь несколько монеток да какие-то детские вещички. Видимо, перед ребяташками уже прошли местные колядовщики и всё зачистили. Даже специальный наряд Полины – она изображала ангела, не очень помогал. Ангельские крылья поверх перелицованного сто раз пальто и накрахмаленных кружев порядком истрепались.

Хорошо было только Митьке – его одели теплее всех. Вторая шуба поверх фуфела завязана ушками медвежьими. Поэтому Митька не танцевал и не пел, а таскал за всеми пустые санки в ожидании богатой добычи. Остальные одеты намного проще.

Желудки детей бурчали. Есть просили. Мороз кусался за цыпки. Ноги в валенках просто задубели. С чем домой возвращаться?

– А пойдём-ка гуртом к богатому дому учёных! – предложил тогда Николай. Он был самым старшим в компании и самым смышлёным. Ташил шест, обвязанный красными старыми лентами и с прибитым гвоздями жёлтым солнцем.

– Не, – стали отказываться самые слабые. – У них забор! Собака! Выскочит. Покусает!

– Так ведь Сочельник! Всех собак на цепь сажают!

Незаметно ребяташки подобрались ближе к выделяющемуся среди остальных нарядному дому. Очень солидному и грозному на вид.

Дворника нет. Калитка не заперта. Собака сытая. Даже не залаяла. А окна – боже мой! Какие убранные высокие окна! Без ставень даже! На них снежинки, вырезанные из белой тонкой бумаги. Шарики ваты на ниточках. В самой большой комнате – ёлка. И свечи кругом! Люди под пианино вальсируют «танцы для богатых» и... смеются!

– Поля! Ты у нас певунья! Давай ты первая! А мы за тобой!

– Что им петь-то? – растерялась Поля.

– Молитву, конечно! – настаивал Митька.

– Ой ты, яблочко, куды ты котисся, упадёшь ко мне в рот, не воротисся! – предлагал Николай.

– Ах ты, милая картошка-тошка-тошка-тошка, пионеров идеал-ал-ал! Тот не знает наслажденья-денья-денья-денья, кто картошки не едал-дал-дал, – подсказывали остальные.

– Наши бедные желудки-лудки-лудки-лудки были вечно голодны-ны-ны! И считали мы минутки-нутки-нутки-нутки до обеденной поры-ры-ры! – подхватил Николай, потрясая фанерным солнцем, но больше для того, чтоб согреться.

– Зачем им про картошку-то? Они богатые. Голода не знают... – сомневалась девочка, но ребягня уже проталкивала её ближе к высокой парадной двери. Звон колокольчика прервал шум и вызвал интерес жителей этого таинственного дома.

– Кто там?

– Коляда-коляда! – завела колядку Поля, как всегда, первой. Яркий, почти солнечный свет вырвался наружу, детишки втолкнули Полю внутрь и захлопнули резную дубовую дверь. И тут же бросились врассыпную.

Поля моргала блестящими глазёнками, ужасом своим умиляя весёлую компанию. Люди оставили танцы с музыкой и окружили смущённую деревенскую девочку, обряженную белыми грязноватыми кружевами поверх шали. С поникшими ангельскими крыльями. Валенки в снегу.

– Ты колядовать пришла? – спокойно и ласково спросила хозяйка с высокой причёской, поправив седой завиток. Идеальные складки шерстяной юбки едва прикрывали лаковые туфельки. На талии – чёрная лента, завязанная сзади затейливым бантом. Блузка украшена по-городскому... – Ты нам споёшь?

Поля, разглядев на красивой женщине изысканное кружево, невольно запоминая рисунок, кивнула.

– Спой! – весело повелела хозяйка, уловив восхищение девочки. – Как уж споёшь, столько и наплядуешь. А не понравится нам, так и не получишь ничего. Согласна?

Поля снова кивнула и запела. Высоко и тоненько. Чисто и прекрасно. Звонче серебряного колокольчика, что висел в прихожей. Только никто сначала не сообразил, что такое исполняет перепуганная насмерть маленькая гостья. А Поля пела под мотив «Яблочка»:

– Рождество Твоё, Христе Боже наш, возсия мирови свет (ты) разума, в нём бо звёздам служащи звездоу учахуся Тебе (то да уж) кланяться, Солнцу правды, и Тебе веде (и е) ти с высоты Востока. Господи, слава Тебе!

Люди в доме дружно и громко засмеялись, чуть не попадали. Вытирая слёзы удовольствия, хозяйка спросила:

– А мешок у тебя для подарков есть?

Поля, не понимая, чем вызвала сей бурный смех, стала пятиться к двери, упёрлась в неё спиной, отрицательно помотала головой. И только тогда осознала, что пела не молитву, а «Яблочко». О! Ужас!

Но хозяин дома, чтобы вывести ребёнка из конфуза, ласково спросил:

– Какая боевая! А ещё что петь умеешь? «В лунном сиянье» умеешь?

– Умею! – обрадовалась певунья.

Послушно заиграло фортепиано. Под аккомпанемент стало петь куда приятней и легче. И уже увереннее и громче полилось на весь дом: «В лунном сиянье снег серебрится...» Поля пела очень высоко. Пианист выводил на октаву ниже. Гости захлопали. Девочка зарумянилась от счастья и поклонилась до пола, мокрой варежкой очертя пред собою полукруг на паркете.

Она спела ещё бойко «Ах ты, зимушка-зима, ты холодная была» и «Выводила я корову на росу, повстречала я медведя во лесу...», а после – «Кони мчались, пули свистели, но догнать они нас не могли...».

Публика веселилась, дружно аплодировала и охотно подпевала каждой музыкальной затее. И Поля перестала бояться.

В зале уютно. От фарфоровой печи – жар на всю поселенную! Хорошо-то как!

Хозяйка всё подкладывала и подкладывала гостинцы в мешок после каждой песни. А как подала-то – подала. Он почти заполнился – очень большой и совсем новый ситцевый мешок!

Вот это получился праздник!

В этом мешке уместились кусочки жареных кур, яблоки, запечённые с творогом, литые сахарные петушки, коробочки леденцов с «Монпансье» и настоящие городские печатные пряники в белой глазури. А поверх множества пирожков с печёнкой, капустой, зайчатиной три каравай белого хлеба!

Провожая, щедрая женщина поцеловала ангелочка с усталыми крыльями в лоб:

– Спасибо, голубушка, порадовала ты моё сердце! На, носи своим проказникам. А то носы любопытные об окна отморозят совсем!

Когда Поля осталась одна на крыльце, команда её быстро окружила:

– Что ты пела?

– Не помню! – выдохнула девочка. – Вы зачем меня одну втокнули?

– Ух ты, мешок-то какой красивый, немалый! Красный в белый горох! А что внутри? Пахнет!

– На всех хватит, – похвалилась Поля.

Поделили все не по числу колядующих, а по количеству едоков, что ждали гостинцев дома.

– Чур, мешок мой! – сообразил Николай. – Мать мне из него на лето рубаху пошьёт! Это я придумал колядовать у богатеев!

– Нет! – возмутились ребятишки. – Пусть мешок Поле достанется! Она заслужила!

Так Поля заработала к лету красный рождественский сарафан!

Как Венька Полосатый стал взрослым

Глубоко в грунт из-за небывалой жары ушла вода. Колхозные сады кое-как поливались общими усилиями, а вот огородики местных жителей постиг неурожай.

Вечно голодные мальчишки под предводительством Веньки Полосатого присмотрели общественные абрикосы. Только как к ним подобраться? Там сторож Иван Нетамович, по кличке Вам НеДам, сады и бахчу охраняет. А пёс его Барабулька – злой, как чёрт!

Летом ночи короткие. Как темноты дожидаться? Полезли ещё засветло.

Загнал Вам НеДам главаря голодной шайки в тупик и отстегал вожжами до красноречивых полос на спине.

Пацанва тут злобу затаила, а Венька и подавно. Придумали они план мести. Прокрались на бахчу совсем уж чёрной ночью, когда Барабулька со сторожем спали в сторожке. Повывдёргивали из земли все арбузные корни и обратно в землю закопали, как было. Почти целую делянку угробили!

Осерчал Вам НеДам. Зарядил ружьё солью. Знал – сливы дозрели, ползет пакостить шантрапа. Устроил засаду. И дождался. Только ребятня на стволы за сливами забралась, выпустил он пса. И давай палить солью по местам детским – спины чуть пониже.

Всю ночь в ручье вымачивали разбойники раны, задницы почёсывая. К утру боль насилу отпустила.

А обида не прошла. Разгорается. Мечь чёрная глаза застит! Поглядывает на ножовку Венька Полосатый. И мыслит лишь об одном – поспиливать все деревья в колхозном саду.

Поутру проснулся Венька от скрипа колодезного ворота. Глядит в окошко – сестра старшая с довольной улыбкой из-за прибывшей за ночь воды старается, её из колодца добывает, саженцы черешни поливает. Тяжело ей, а не бросает работы. Вспомнил он, как с утра до ночи поливает Ван НеДам, ослабленные ростки в колхозном саду, хотя не агроном он, а сторож. Сколько труда и сил вкладывает в общее дело. Подумал о деревьях – не один десяток лет надо за ними ухаживать, чтобы дали они здоровые побеги, крепкие стволы и сладкие плоды. Вздыхнул глубоко, отбросил ножовку в сторону и поднялся сестре помогать.

Ярмарка

Для улучшения досуга ребятишек администрацией детского оздоровительного лагеря было объявлено, что через неделю состоится ярмарка поделок. Заблаговременно напечатали лагерные деньги и выдали каждому ребёнку по пять ценных рубликов.

Как же усердно работали пионеры в разных художественных кружках! Кто-то разглаживал утюгом шелуху чеснока и лука, наклеивая её в виде цветов на чёрную бархатную бумагу. Кто-то шил мягкие игрушки. Кто-то вышивал крестиком. Кто-то вязал. Одни умудрялись плести из соломки бычков, другие – корзинки из прутьев. Каждый юный умелец мог похвастаться изделием, созданным маленькими умелыми собственными творческими ручками.

Видя всеобщий энтузиазм и ответственность детей, директор лагеря решил, что ребятишек надо обязательно чем-нибудь поощрить. И велел напечь блинов. Стоимость одного блина со сметаной определили ровно в пять нарисованных рубликов, впрочем, как и любое из изделий детишек.

И вот вожатые отрядов гордо выставили поделки на столы, на стулья, на стеллажи и даже на фанеру, расположенную вдоль дорожек пионерского лагеря.

Мальчики и девочки взволнованно нарезали круги по гомонящей возгласами ярмарке.

– Смотри! Какая белка из шишек! – раздавались восторженные голоса.

– Ай да плюшевые мыши!

– Надо же так модель самолёта склеить! Как настоящий лайнер! Только маленький!

Глаза детей разбегались. А что выбрать? Не знал никто! В руках-то всего пять рубликов. Если выберешь одно, то другое упустишь. А зачем им вышитые соседкой по палате платочки? Или вязаные грибочки?

Но уже через час все проголодались. Детишки унюхали запах горячих блинов и потянулись к столу поварахи.

К вечеру оказалось, что ребята не купили ни одной поделки. И все бумажные рублики сосредоточились на столе не на шутку озадаченной поварахи.

Зато при столовой родился музей детского искусства.

Котятка

Примадонной двора, без сомнения, была Ланочка со второго этажа. На всех детских утренниках она звонче всех читала стихи. Её белоснежные бантики и гольфы одинаково завораживающе действовали как на подружек по двору, так и на их мамочек, и даже папочек. Мальчишки не могли даже дёрнуть её за косички, потому что они были заплетены в тугие аккуратные каралечки. И на Новый год Снегуркой неизменно выбирали именно Лану.

Так случилось, что из подвала Ланочкиного дома белая дворовая кошка вывела на свет красивых и пушистых котятков. Чёрненького, серенького, беленького и рыженького в полоску.

– Ланочка! Выходи играть! – закричали ей дети. – Тут котятки!

– Сейчас-сейчас! – ответила им из окошка девочка. – Только оденусь!

И она принялась подыскивать к новой розовой юбочке подходящую кофточку.

Самым старшим среди местной мелюзги был шестилетний Борька.

– Этого чёрненького я заберу себе! – решительно заявил он.

С ним никто не смел спорить. Но вдруг соседка Ланочки Светка твёрдо заявила:

– Это наш подвал. Значит, чёрненький должен быть либо моим, либо Ланочки.

– Зачем тебе чёрненький? – удивилась Машка с третьего подъезда. – Я бы взяла белого.

– Хорошо, – сказал Борька. – Тебе белый. Мне чёрный. А рыжего мы отдадим Светке.

– Это почему это мне рыжего?

– Он самый красивый, – мечтательно протянул белобрысый Мишка.

– Вот себе его и забирай, – обиделась Светка. – Сам рыжий. И кот у тебя будет рыжий!

– Ну и заберу! – взял на руки котёночка мальчик и, пока детки не передумали, унёс его домой.

Тем временем Ланочка перевернула всю квартиру в поисках белой в розовый горох кофточки.

– Мама! Где моя новая кофточка?

– В стирке, – ответила ей мама.
Ланочка сильно огорчилась.
А детки со двора снова закричали:
– Ла-нааа! Выходи! Тут котятки!
– Сейчас-сейчас! – ответила им Ланочка и с новыми силами забралась в шкаф, подбирать к новой юбочке достойный «верх».
– Иди ко мне! – нежно взяла на руки чёрного котёночка Светка, понимая, что уже никому его не уступит. Котёнок заурчал, чувствуя тепло и любовь маленькой уверенной руки.
– Борь, а Борь, посмотри, а ведь серенький котик ещё пушистее, чем этот!
– Нет. Серый мне не нужен. Или чёрный, или вообще никакой, – спорил Борька.
– Какая разница, какой котёнок! Вы их сейчас домой принесёте, а мамы не разрешат их оставить! – усмехнулся Маркуша из соседнего дома. – Вот моя бы мамка белого взяла. У нас дома всё белое.
– Да! Белый котёнок – это супер! – подтвердила Машка. – У папы машина белая!
– У нас тоже! – неожиданно для всех сгрёб в охапку белого котёнка Борька и побежал домой. Машка даже ахнуть не успела.
– Ну и ладно! – повернулась Светка к Маркуше. – Тогда ты можешь взять себе кошку. Она ведь тоже белая!
– Зачем мне твоя кошка?
Тут из Борькиной квартиры послышались громкие крики рассерженной мамы, а потом и он сам появился с котёнком.
– Что? Не пустила? – понимающе спросили ребятки.
– У-у! – понурил голову Борька.
– Ла-ан! Выходи! Тут котятки! – снова закричали детки...
– Выхожу! – услышали они ответ.
– Значит, беленький достанется Ланочке, – сказала Светка.
– Вот ещё! – не растерялся Маркуша. – Мне на день рождения обещали велосипед. А котёнок-то бесплатный! Вместо велосипеда – разрешат.
– Спорим, не разрешат! – отговаривала мальчика Машка. Ей нравился белый котёнок.
– Разрешат!
Маркуша аккуратно завернул белого котёнка в свою жилетку и скрылся в подъезде.
Детки некоторое время ждали скандала. Но не дождались.
– Разрешили, – с огорчением вздохнула Машка и забрала серого котёнка.
Тут из первой квартиры вышла баба Нюра. Видя, что котят разобрали и кошка одна: – Кис-кис-кис! – позвала она и поманила её в свою квартиру. – Иди поживи у нас, от мышей спасу нет!
Детки разошлись по домам.
Тут Ланочка вспомнила, что кроме новой розовой юбочки у неё есть ещё плиссированная жёлтая. А к ней – жёлтая в белую полосочку водолазка. Как всегда нарядная, она выбежала во двор. Но ни деток, ни котят, ни кошки там уже не оказалось.

Сладко

Вышла Олька во двор, держит в руках горячий маковый калач. Видит – Жучка на Мурку лает. Шипит испуганная Мурка.
Отломил Олька половину калача для Жучки. Та проглотила, завиляла хвостом. Перестала нападать на кошку.
Тут воробей подлетел, головку наклонил, на Ольку снизу вверх посматривает, тоже калача просит, за ним – другой, третий...
Разделила им Олька оставшийся калач. Зачирикали благодарные воробьи.
На аппетитный запах муравьи сбежались. Отряхнула ладошки Олька. Растащили насекомые остатки в свой муравейник.
Ничего не понимает Олька – её лакомый завтрак живность поела, ни крошки самой не досталось, но почему так сладко внутри?

Три конфетки

Соседка тётя Нина принесла для Лёньки и для его младшей сестрёнки Танюшки по три конфетки. Когда он закрыл за гостьей дверь, тут же побежал на кухню к конфеткам. Ведь сладости Лёнька мог уничтожать в любом количестве и без особого вреда для здоровья. Хоть бы мама оставила килограмм конфет – всё бы смолотил.

Те конфеты, что принесла соседка, были дорогими и редкими в его Лёнькиной жизни. До чего же красивыми были у них обёртки! Все разные! Манящие сказочными картинками! Лёнька решил, что ничего плохого не случится, если он развернёт одну. И развернул. Конфетка оказалась шоколадной. С павлином из белой глазури на поверхности. Она мгновенно растаяла во рту. И руки уже разворачивали другую – с белочкой на рисунке. Вся обсыпанная орешками, и ещё вкуснее первой! А третья и подавно – состояла из суфле и называлась «Птичье молоко». И рисунок был потрясающе хорош. На фантике с жар-птицей!

Лёнькины конфетки кончились. Но оставались ещё три – Танюшкины. Лёнька их разложил рисунками перед собою. Вот любопытный Буратино. Вот Красная Шапочка. А вот Огни Москвы. Лёнька глубоко вздохнул. Ведь он в Москве родился. А потом после командировки родителей оказался вместе с ними в совершенно другом городе, где у него ещё не появилось настоящих друзей...

Грустно вздохнув, Лёнька ушёл с кухни, чтобы не видеть конфет. Они же для Танюшки!

Но подходило время обеда. И Лёнька проголодался. Ему так хотелось скушать ну хоть ещё одну конфетку!

– Нет, – сказал себе Лёнька, – Танюшка тоже любит сладкое! А потом тётя Нина сказала, что нам принесла по три конфетки, значит три мне, а три Танюшке!

По телевизору шла реклама за рекламой. Ни одной интересной детской передачи! Ни одной сказки! Ни одной песенки! Ни одного детского стихотворения...

В желудке бурчало от голода. И Лёнька поневоле снова оказался на кухне, поглядеть на конфеты ещё раз.

На всякий случай он развернул фантик Огней Москвы и угадал за шоколадным покрытием грильяж. Это были самые любимые его конфеты. Лёнька осторожно лизнул шоколад. Но потом всё-таки завернул обратно в фантик.

– Нельзя! – сказал он себе строго.

И вдруг одна кисленькая мысль отравила его совесть:

– Но ведь ни мама, ни Танюшка не знают, сколько конфет принесла тётя Нина! Подумаешь, разница! По три или по две! Другие конфеты тоже красивые! Тоже сладкие и тоже вкусные! И Танюшка двум обрадуется, как и трём! И никто на свете не узнает о его маленьком обмане...

И Лёнька, успокоившись от такой мысли, решительно развернул грильяж и, засунув его целиком в рот, быстро схрумкал.

Тут в дверь позвонили. Это вернулась мама с Танюшкой.

– Мама! Мама! Была у нас тётя Нина и принесла нам с сестрой по две конфетки, – не моргнув глазом, солгал Лёнька. – Я свои съел, а это Танюшке! – протянул он девочке лакомство.

Но мама не разрешила дочке портить сладким аппетит перед обедом и быстро принялась его разогревать.

Танюшка с Лёнькой уже мыли руки, когда снова пришла тётя Нина.

– Танечка, – радостно нагнулась тётя Нина к Танюшке, чтобы поцеловать её румяную щечку, – а я уже к вам заходила и передала тебе три конфетки!...

Лёнька был готов провалиться сквозь землю, потому что на столе предательски лежали не три, а ДВЕ! ДВЕ конфеты! Мама так выразительно посмотрела на него, что и уши Лёньки покраснели, как свёкла. В горле перехватило. А на глазах выступили слёзы отчаяния и стыда за свою ложь.

Радовалась одна Танюшка. Она ещё не умела считать.

– Это, наверное, третью конфетку съела кошка! – выпалил, не подумав, Лёнька и выбежал из кухни в детскую.

Когда мама зашла к нему, осторожно отворив дверь, он бросился к ней в объятия, рыдая и всхлипывая:

– Мамочка! Прости меня! Прости! Это я! Это не кошка! Я съел конфетку! Я клянусь тебе, мама! Я больше никогда, никогда не обману тебя! И не трону чужого!

Мама ничего не ответила, только погладила его по голове, чтобы успокоить.

Ведь она ясно видела, что только что на Земле состоялся как личность человек по имени Лёнька.

Долгое Лёдово

Что может быть краше зимы подмосковной? Творили издревле мастерицы кружева, повторяя морозные узоры на окнах. Белили льняные полотна щёлоком на траве, чтобы хрустящей скатертью ложились на столы обеденные. Пудрили щёки красавицы белолицые, зиме подражая. Мяли в прорубях бельё да на ветре зимнем сушили, чтобы запахом свежим ткани напитывались.

Что нужнее крестьянину и долгожданной? После осенней непогоды сковывало намертво дороги, и уже готовились сани. Запрягали кобылок крепкою уздой. Меж сёлами и деревнями налаживалась бойкая торговля. По дороге-то вновь ездить можно!

А самое холодное место в нашем районе – Долгое Лёдово. Там в лесу-то Дед Мороз и живёт. Там просыпается. Там и засыпает. Оттуда выходит гулять по лесам. Реки и озёра сковывает льдом.

Там раньше всего вода замерзает. Раньше всего дорога крепнет. Девки веселее. Парни крепче. Щёки их розовее.

Осень в Долгом Лёдове раньше приходит – весна позже. Не веришь?

Да приезжай в Балашиху, сам посмотри! Водители современных авто – тоже не дураки. Машину в зимнюю резину именно в Долгом Лёдове раньше всех переобувают!

Кучино

Сороки не водятся ни над Москвою, ни над посёлком Кучино, где теперь свалка, со времён проклятия Кучки. Ведь Москва раньше, до Андрея Боголюбского, была городом Кучков. Величественным и красивым. Мощным и богатым. Юрий Долгорукий искал с языческим князем Кучкой дружбы, поэтому и заключили они договор о любви и дружбе, поженили детей. Юрий отдал Андрея, а Кучка – красавицу Улиту... Лет через двадцать, после того как Андрей Боголюбский начал строить Золотое Кольцо Руси и пошёл крестовым походом на Волжскую Булгарию, любовь его к Улите угасла. Порубал он всех болгарских правителей и завоевал трофей – болгарскую княжну. Сердце его половецкое воспыало новою любовью.

А Улита с тремя сыновьями пошла от Владимира до Кучкова – слёзы лить в жилетку отцу.

Вскипела душа Кучки. Объявил он войну зятю и тестю. Встал обороною Кучков против зятя. Но неравные оказались силы. Как всегда, нашёлся и предатель. Бежал Кучка через Боровицкие ворота в сосновый дикий бор. А тут сорока окаянная. Трешит и трещит. Выдала князя. Напали на него люди Долгорукого. Схватили. Потасили топить его и дочь Улиту и бросили в Поганный пруд. (Теперь это Чистые пруды.) И проклял тогда Кучка сорок. С тех пор не было их в Москве.

Нет их и в Кучино.

Озеро Козье

Меж болот Балашихинских есть странное место. Нет-нет да и покажутся в озере кучерявые голвки пуховых козочек. И слышно, как кричат они, блеют.

Слышать-то их слышно. Да на берегу не видно.

Преданье одно ходит в этих местах.

Давным-давно, когда ещё Москва не раскинула во все стороны свои дорожные артерии, водилось в местных лесах полно всякой живности. Лоси и кабаны обитали здесь. Медведи, лисы, зайцы... И диких козочек паслось превеликое множество.

Одним летом расплодилось тут волков видимо-невидимо. Окружили они стадо диких коз, хватают за ноги, прижимают к озеру. Вот-вот нападут и задерут.

Закричали от страха козочки. Взмолились у берега:

– Прими ты наши души, Дядька Водяной! Не хотим быть растерзанными и съеденными этими страшными животными!

И как только стали козочки в воду прыгать, обращал их тут же Дядька Водяной в лягушек.

Да лягушки те необыкновенные. Такие только здесь и водятся.

Думаешь, это козы блеют у озера Козьего?

Да ты приглядиись! То лягушки за озёрной травой так странно квакают!

Стоянка на Бисерово

Первые сведения о Балашихе встречаются в летописях XVI века, где упоминается о двух мельницах на Пехре (или просто Пехорке), но отсчёт истории Балашихи начинается гораздо раньше. Древнейшие поселения в Подмосковье существовали ещё пять тысяч лет назад. В ряде мест, в том числе и в Балашихинском районе, были обнаружены стоянки человека IV–III веков до н.э. На территории городского округа в настоящее время находится более 350 курганных захоронений. Наиболее крупные из курганных групп – Акатовские, Дятловские и Милетские.

А близ озера Бисерово давным-давно жили себе поживали наши Боги.

Спустились они с далёкой планеты, похожей на рай. Насыщенная медью планета та выглядела прекрасной и синей, пока не случилась там беда и она не стала совершенно непригодной для жизни.

Голубая кровь наших Богов, поселившихся здесь, требовала меди. Поэтому привезли они со своей планеты пшеницу, овёс и другие культуры, насыщенные не железом, красным цветом которого отличается кровь жителей Земли, а медью. Научили жителей Земли делать крепкие спиртные напитки, потому что этого требовала наша гравитация.

Постепенно Боги отучили дикие народы от собирательства и охоты и научили жителей Земли грамоте, возделыванию пахотных земель и поклонению им как более сильным и опытным. Самое важное, чему научили Боги людей, – это поклоняться своей энергии и возводить храмы.

Они смешивались с местным населением. И жизненный срок Богов укорачивался с каждым разом вдвое, пока не стал равен сроку жителей Земли.

Так постепенно растворились они среди землян. Лишь в глазах синева осталась, как память о далёкой планете, с которой они пришли когда-то в эти места.

Бисерово

Спи, дитятко, спи, Ладушка. Глазюньки ясные спрячь в ресничушки. А я расскажу тебе сказочку. Как на старом селе было полюшко. Пролетала над ним Богородица. И накрыла покровом от гнева Божия души грешные – безутешные. Бел платок тот не саван, то белый снег. От него земля очищается. От него, дитя, легче дышится. И стоит на ней, на святой земле, бела церковка Пехра-Покровская. А пойдём мы на праздник Покров в эту церковку. Там ворота будут отворены. Смирной, ладаном всё надушено. Мы поклонимся на её кресты. И у образа Богородицы мы запалим с тобою свечушки, да за упокой и здравие всех родных нам с тобой и всех сродников.

Пролетала во второй раз Богородица. Загляделась в озёра чистые. Стали наши озёра синей синего, как глаза у её, у голубушки.

Пролетала в третий раз Богородица. Порвалось на ней ожерельице. Жемчуга разлетелись, рассыпались мелким бисером. Стало озеро то зваться Бисерово. Кажна жемчужинка – это сказочка, дивно светится. Теплом греется. Кто найдёт её – тому и откроется.

Спи – усни, дитя. Ангелов тебе ко сну! Пускай сказки над тобой светят звёздами, что ни сказочка, то жемчужинка, бисериночка – животворный сон...

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великороссе»: <http://www.velykoross.ru/>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: vojn-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне: www.raga.org
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина» (Австралия), гл. ред. Тамара Малеевская: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛиТерра», гл. ред. Владимир Фёдоров
«Литературная Канада», гл. ред. Ваагн Карапетян
Журнал «Сура», гл. ред. Б. В. Шигин: <http://www.magsura.ru/>
Международный славянский форум искусств, президент Николай Бурляев
Национальная литературная премия «Золотое перо Руси», учредители – С. Савицкая, А. Бухаров
Поэтический альманах «Образ» – гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счёт: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала – 500 руб. Подписка на год – 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru

